

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

КАФЕДРА ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

*Сборник материалов
IV Международной научно-практической конференции,
посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА
(г. Саратов, 3 октября 2020 г.)*

Под редакцией доктора юридических наук,
профессора *О.В. Исаенковой*

Саратов
2020

УДК 347.9
ББК 67.410я43
П26

Рецензенты:

И. о. заведующего кафедрой гражданского права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
кандидат юридических наук, профессор *С.Ж. Соловух;*
кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского» *М. Н. Зарубина*

П29 **Перспективы развития гражданского процессуального права** : сборник по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА (г. Саратов, 3 октября 2020 г.) / под ред. О. В. Исаенковой ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. – 500 с.

ISBN 978-5-7924-1627-7

В сборнике опубликованы материалы IV Международной научно-практической конференции «Перспективы развития гражданского процессуального права», прошедшей в Саратовской государственной юридической академии в октябре 2020 года. Представлены доклады, тезисы и сообщения, подготовленные по результатам научных исследований известных и молодых ученых Российской Федерации, Республики Армения и Республики Беларусь.

Предназначен преподавателям, аспирантам, магистрантам юридических вузов и факультетов, а также всем, интересующимся проблематикой гражданского судопроизводства.

УДК 347.9
ББК 67.410я43

ISBN 978-5-7924-1627-7

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020

Абушенко Дмитрий Борисович

*д.ю.н., профессор кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»*

ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СООТВЕТЧИКА ПО ВИНДИКАЦИОННОМУ ИСКУ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ СПОРНОГО ОБЪЕКТА ВО ВРЕМЕННОЕ ВЛАДЕНИЕ

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются вопросы обоснованности привлечения соответчика по виндикационному иску при передаче спорного объекта во временное владение после возбуждения производства по делу.

Ключевые слова: соответчик, виндикационный иск.

В процессуальной науке уже достаточно давно обсуждаются процессуальные аспекты перехода владения виндицируемой вещи к иному лицу [1, с. 141–150]. Между тем действующее российское законодательство не содержит норм, которые бы четко определяли процессуальный статус лица, которому виндицируемое имущество передано во временное владение, и разрешали вопрос о сохранении либо изменении статуса у первоначального ответчика. Возможно, такой детализации на уровне закона и не требуется – действительно, ведь есть общие конструкции ответчика, соответчика, ненадлежащего ответчика, третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора. Впрочем, на уровне судебной практики этот вопрос решен однозначно. Так, в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее – постановление Пленума № 10/22) указывается следующее: «Применяя статью 301 ГК РФ, судам следует иметь в виду, что собственник вправе истребовать свое имущество от лица, у которого оно фактически находится в незаконном владении. Иск об истребовании имущества, предъявленный к лицу, в незаконном владении которого это имущество находилось, но у которого оно к моменту рассмотрения дела в суде отсутствует, не может быть удовлетворен.

Если во время судебного разбирательства по иску об истребовании имущества из чужого незаконного владения спорное имущество было передано ответчиком другому лицу во временное владение, суд по правилам абзаца второй части 3 статьи 40 ГПК РФ или части 2 статьи 46 АПК РФ привлекает такое лицо в качестве соответчика».

В чем смысл данной рекомендации? Почему фактический временный владелец привлекается именно в качестве соответчика? Для чего сохраняет свой процессуальный статус субъект, изначально привлеченный ответчиком?

Начнем с того, что процессуальные нормы, на которые имеется ссылка в постановлении Пленума № 10/22, содержат совершенно разные правила:

- применительно к гражданскому процессу ссылка на абз. 2 ч. 3 ст. 40 ГПК РФ предполагает случай т.н. обязательного соучастия;
- напротив, для арбитражного процесса указание на ч. 2 ст. 46 АПК РФ подразумевает общие основания процессуального соучастия.

Разумно объяснить, почему для гражданского процесса высшие судебные инстанции выделили в качестве обоснования итогового вывода нормы об обязательном соучастии, а для арбитражного – нормы об общих основаниях процессуального соучастия, вряд ли возможно. Однако этот процессуальный раскардаш, конечно, не снимает общего вопроса о процессуальном статусе того лица, которое по какому-то легальному основанию стало временным обладателем спорной вещи, и того, которое изначально было привлечено ответчиком.

На наш взгляд, природа виндикационного иска такова, что ответчиком может быть только тот, в чьем фактическом обладании находится спорная вещь. И здесь совершенно неважно, как себя позиционирует фактический обладатель, – он может считать себя собственником, хранителем, арендатором и т.п. Важно, что его владение противостоит законному притязанию истца. Именно он должен будет вернуть вещь истцу-собственнику. Даже если он временно по договору с каким-то иным субъектом владеет вещью (например, выступая арендатором или хранителем), это не означает, что виндикационная защита для невладельца собственника должна усложняться за счет дополнительных звеньев (возвращения вещи сначала контрагенту по сделке, а потом уже истребованию вещи у него).

Так что же двигало высшими судебными инстанциями, когда они ничтоже сумняшея рекомендовали временного владельца облечь в процессуальные одежды соответчика, при этом оставив соответствующий статус и у того, кто изначально был привлечен к ответу по иску об истребовании? Видимо, подспудно здесь заложена идея о том, что сам спор о праве собственности на вещь остается между истцом и ответчиком (тем, к кому первоначально был предъявлен иск). Действительно, ведь временный владелец, скорее всего, не будет утверждать о наличии у него права собственности, ссылаясь лишь на соответствующее договорное основание для обладания вещью. И по этой логике сохранение «основного спора», полагаем, породило некий дуализм: с одной стороны, первоначальный ответчик настаивает на своей правовой позиции о наличии права собственности (или иного законного основания для господства над вещью), а с другой – сама вещь-то уже находится у другого лица, и передавать ее истцу-собственнику при удовлетворении иска будет именно он.

На наш взгляд, подобный дуализм не может деформировать сущностное основание иска о присуждении – таковой направлен в данном случае исключительно лишь против лица, у которого находится вещь. То, что между истцом-собственником и ответчиком – владеющим несобственником могут находиться некие «промежуточные звенья» не означает трансформацию самого способа защиты в какой-то иной. Да, конечно, истец может последовательно сначала предъявить иск о признании права собственности к одному субъекту, а затем виндицировать вещь у другого. Но это находится в сфере его усмотрения – сам собственник выстраивает тактику судебной защиты. И если он решил обратиться с материально-правовым притязанием сразу против того, кто вещь фактически владеет, то это означает, что суд именно это притязание и должен рассмотреть. То, что предмет доказывания может существенно расширяться за счет доводов, которые будет выдвигать ответчик (например, ссылаясь на основание временного владения, он будет утверждать о наличии соответствующего договора с иным лицом), не означает, что возникает какое-то новое притязание: суд в мотивировочной части решения должен будет обосновать наличие оснований для виндикации, а в резолютивной обязать того, у кого вещь находится, передать ее истцу.

Как при таком подходе должны защищаться материальные права первоначального ответчика? Здесь ответ для нас очевиден – он

должен участвовать в деле как побочный вступщик. Именно статус третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, на стороне ответчика позволяет ему в полноценной судебной процедуре отстаивать свою позицию (например, утверждая, что в действительности собственником вещи является именно он). Более того, нет никаких препятствий к тому, чтобы это лицо предъявило самостоятельный иск о признании права собственности на вещь и затем ходатайствовало об объединении судебных дел в одно производство.

Тот же подход, который предложен в постановлении Пленума № 10/22, не только является неверным концептуально – его реализация в итоге неминуемо приведет к содержательным конфликтам с конкретными процессуальными институтами. Например, в резолютивной части решения должен быть дан ответ на притязания к обоим соответчикам. Означает ли это, что обязанность по возврату вещи будет возложена и на первоначального ответчика? От кого фактически судебный пристав-исполнитель будет требовать исполнения судебного решения? Могут возникнуть отдельные вопросы и применительно к астренту – какое лицо должен стимулировать суд к исполнению судебного акта (первоначального ответчика, того, у кого вещь находится фактически, или их обоих)? И это только вопросы, которые находятся на поверхности. Если же разбираться более основательно, то можно увидеть целый комплекс связанных проблем (в плоскости реализации распорядительных полномочий, процессуальных соглашений, судебных признаний, судебных расходов и пр.).

По этим соображениям, полагаем, требуется корректировка положений п. 32 постановления Пленума № 10/22. Впрочем, видимо, уже давно созрела почва для того, чтобы провести всеобъемлющий анализ всех разъяснений высших судебных инстанций, которые регламентируют деятельность суда в случаях той или иной динамики материального правоотношения.

Список источников:

1. Юдин А.В. Процессуальные последствия перехода прав на спорное имущество во время рассмотрения гражданского дела арбитражным судом или судом общей юрисдикции // Закон. 2014. № 3. С. 141–150.

Агаларова Мария Андреевна

*к.ю.н., старший преподаватель кафедры
гражданского процессуального и предпринимательского права
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королёва»*

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ ПО ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ВВЕДЕНЫ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ

Аннотация: в данной статье рассматривается вопрос исключительной компетенции арбитражных судов по делам с участием иностранных лиц, в отношении которых введены ограничительные меры. Отражена сущность ограничительных мер. Автором раскрыты нововведения относительно изменений, которые были внесены в АПК РФ в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера.

Ключевые слова: судопроизводство по гражданским делам, исключительная компетенция суда, ограничительные меры, реторсия, международный договор, иностранное лицо.

Правительством Российской Федерации могут устанавливаться ограничения в отношении иностранных лиц тех государств, в судах которых допускаются такие же ограничения процессуальных прав российских граждан и организаций. Ограничения такого рода именуются как «реторсия», которая предполагает ответные, ограничивающие права и свободы иностранных граждан меры, принимаемые государством в ответ на дискриминационные меры другого государства [1, с. 133]. Сущность таких ограничительных мер в цивилистическом процессе состоит в том, чтобы предотвратить нарушение норм международного и национального законодательства. Реторсия выступает как исключительная мера, которая применяется редко и касается конкретных государств, дискриминирующих российских граждан [2, с. 10–12].

Тем не менее, Федеральным законом от 08 июня 2020 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических

и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» были внесены изменения в АПК РФ в рамках гл. 32 по вопросам компетенции арбитражных судов в Российской Федерации по рассмотрению дел с участием иностранных лиц – если иное не установлено международным договором Российской Федерации или соглашением сторон, в соответствии с которыми рассмотрение споров с их участием отнесено к компетенции иностранных судов, международных коммерческих арбитражей, находящихся за пределами территории Российской Федерации, к исключительной компетенции арбитражных судов в Российской Федерации относятся дела: 1) по спорам с участием лиц, в отношении которых применяются меры ограничительного характера иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза; 2) по спорам одного российского или иностранного лица с другим российским или иностранным лицом, если основанием для таких споров являются ограничительные меры, введенные иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза в отношении граждан Российской Федерации и российских юридических лиц (ст. 248.1), кроме того, теперь возможен запрет инициировать или продолжать разбирательство по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера (ст. 248.2) [3]. Данные изменения имеют огромное значение для обеспечения доступа к правосудию, так как при наличии согласия сторон на передачу спора в иностранный суд или в международный коммерческий арбитраж рассмотрение дела невозможно в связи с применением ограничений в отношении одной из сторон конфликта, однако такая сторона теперь вправе обратиться в российский арбитражный суд для разрешения спора или для выдачи запрета на возбуждение или продолжение производства в иностранном суде. В этой связи, с помощью указанных норм меняется юрисдикция суда, но только если лицо, в отношении которого имеются ограничительные меры, воспользуется таким правом. Безусловно, контрагенты будут нести

определенные финансовые риски, если иностранный суд или международный коммерческий арбитраж не выполнит требования относительно прекращения производства, так как подобное решение не будет признано и исполнено в Российской Федерации. Отметим, что аналогичных норм нет в праве зарубежных стран, это означает, что пока неясно как именно будут функционировать новые правила, и все же, они необходимы для защиты прав и интересов российских граждан и организаций.

Список источников:

1. *Побережная И.А., Нечипас Ю.В.* Режимы иностранных граждан // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. Т. 10. № 3 (24). С. 129–136.
2. *Марышева Н.И., Хлестова И.О.* Конституционный принцип национального режима иностранных граждан // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 5–12.
3. Федеральный закон от 08.06.2020 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 24. Ст. 3745.

Айбатулина Алина Каримовна

*преподаватель кафедры гражданского и административного
судопроизводства Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия*

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДА СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ

Аннотация: исследуется вопрос определения (разграничения) вида судопроизводства с помощью установления критериев по спорам о признании решений государственных органов незаконными по жилищным спорам государственных служащих. Анализируется специальная научная литература, судебная практика с точки зрения определения вида судопроизводства судами общей юрисдикции и Верховным Судом Российской Федерации по жилищным спорам государственных служащих о признании решений государственных органов незаконными.

Ключевые слова: государственный служащий, единовременная социальная выплата, административное судопроизводство, гражданское судопроизводство, юридические факты

Госслужащим и членам их семей российским законодательством предоставлены дополнительные гарантии в качестве предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения. Принятие госслужащего на учет для получения единовременной социальной выплаты осуществляется на основании его заявления, представляемого на имя руководителя федерального государственного органа в комиссию федерального государственного органа по месту прохождения гражданской службы.

Решение о постановке гражданского служащего на учет для получения единовременной социальной выплаты или об отказе в постановке на учет для получения принимается комиссией и утверждается правовым актом федерального государственного органа либо территориального органа федерального государственного органа. В случаях, когда комиссия принимает решение об отка-

зе в постановке на учет для получения единовременной социальной выплаты, у госслужащего возникает право на оспаривание принятого решения в судебном порядке.

В ч. 2 ст. 46 Конституции Российской Федерации указано, что решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. Однако при исследовании вопроса об определении вида судопроизводства по спорам государственных служащих, оспаривающих решение государственного органа автор столкнулся с разными позициями, как в научной литературе, так и в судебной практике.

Следует отметить, что единообразного подхода к порядку рассмотрения указанных дел до сих пор нет. В связи с этим возникает вопрос: Какими критериями следует руководствоваться лицам (государственным служащим), чьи права нарушены принятыми актами государственных органов, и судам, чтобы определить в рамках какого судопроизводства необходимо разрешать жилищные споры, являющиеся социальными гарантиями? С.В. Курчевская считает, что критерием отнесения спора к делам, возникающим из публично-правовых отношений, является участие в нем лица, обладающего властными полномочиями по отношению к контрагенту, их изначальное неравенство в спорном материальном правоотношении и необходимость при таких условиях обеспечить максимальную правовую защиту лица, публичными полномочиями не обладающего» [2].

О.В. Панкова отмечает, что в порядке административного судопроизводства подлежат рассмотрению дела об оспаривании правовых актов управления, принятых органами публичной власти и их должностными лицами в связи с осуществлением ими управленческих функций, в том числе по контролю и надзору в определенной сфере деятельности, при реализации которых ни в договорные, ни в какие-либо иные правоотношения, регулируемые нормами гражданского права, лицо по своему волеизъявлению на правах равной стороны с органом публичной власти не вступает [3].

Таким образом, первым критерием определения можно считать неравное положение субъектного состава (отношения по вертикали), в котором главную роль играет оспаривание актов органов публичной власти, содержащие властное волеизъявление, порождающее правовые последствия для конкретных граждан и организаций. Однако одного критерия – субъектного состава, для определения вида судопроизводства является недостаточным. Необходимо

определить характер спорного правоотношения.

Обратимся к нормам Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ). В п. 2 ч. 2 ст. 1 КАС РФ указано, что суды в порядке, предусмотренным настоящим Кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, в том числе административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных органов, органов военного управления, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих.

Итак, Верховный суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) в своем Постановлении Пленума от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» в п. 1 ссылается на ч. 4 ст. 1 КАС РФ и указывает, что гражданские права и обязанности возникают из актов государственных органов, споры о признании таких актов недействительными (незаконными) если их исполнение привело к возникновению, изменению или прекращению гражданских прав и обязанностей не подлежат рассмотрению в порядке административного судопроизводства. В этом же пункте ВС РФ указывает, что в административном судопроизводстве рассматриваются дела, где один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику [4].

Однако, существует совершенно противоположная точка, так О.В. Панкова указала, что главным аргументом, определяющим порядок административного судопроизводства по спорам об отказе в постановке на учет или о снятии с учета в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий является отсутствие спора о праве [3].

При анализе ч. 4 ст. 1 КАС РФ можно сделать вывод о том, что в ней не содержится положение о возникновении гражданско-правовых отношений в результате принятия решения государственным органом. И сам факт оспаривания решения государственного органа не порождает гражданско-правовой спор. Оспаривание решения государственного органа участником – это несогласие этого участника с принятым решением на основании норм закона, в соответствии с которым оно было принято.

Судебная практика также указывает на нестабильный характер относительно выбора вида судопроизводства при разрешении дел об оспаривании отказа в постановке на учет для получения единовременной социальной выплаты.

Видится необходимым ориентироваться на факты, лежащие в основе возникновения спорного материального правоотношения. Они определяют источник возникновения субъективных прав и обязанностей стороны и свидетельствуют о наличии у лица субъективного публичного права, для защиты которого оно инициирует административный спор. Правопроизводящие факты раскрывают специфику, индивидуальность спорного публичного правоотношения, из которого возникает требование [1].

Таким образом, в качестве критерия определения можно указать предмет и основания административного иска, на основании которого вытекает требование о защите нарушенного права, однако, не всегда лица, чьи права нарушены, грамотно и четко формулируют требования, поэтому суду следует исходить из общей формулы определения (разграничения) вида судопроизводства: 1. неравное положение субъектного состава (отношения по вертикали); 2. оспаривание актов органов публичной власти, содержащие властное волеизъявление, порождающее правовые последствия для конкретных граждан и организаций (административного истца), за исключением, если оспариваемый акт прямо либо косвенно затрагивает (нарушает) права и законные интересы других лиц; 3. предмет и основание иска (административного иска), из содержания которого не вытекает признания гражданского права на предмет спора (например, признания права собственности за административным истцом и др.).

Следует отметить, что акт принятый органом публичной власти на основании закона о предоставлении социальных гарантий, следует считать промежуточным этапом для возникновения гражданских прав у лица, которому это право предоставлено, то есть данный акт порождает основания, а право возникнет после государственной регистрации права собственности на объект недвижимости.

Таким образом, споры о признании незаконным решения об отказе в постановке на учет или о снятии с учета в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий должны рассматриваться по правилам административного судопроизводства.

Список источников:

1. *Зеленцов А.Б., Ястребов О.А.* Судебное административное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: Статут, 2017. 768 с [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. *Курчевская С.В.* Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: проверка временем // Административное право и процесс. 2018. № 3. С. 54–57. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. *Панкова О.В.* Критерии определения границ административного судопроизводства в свете положений Кодекса об административном судопроизводстве Российской Федерации // Административное право и процесс. 2017. № 6. С. 59–73. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Российская газета. № 222. 03.10.2016.

Айрапетян Юрий Витальевич

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского
и гражданского процессуального права
ГБОУ ВПО «Российско-Армянский университет»*

КВАЛИФИЦИРОВАННОЕ МОЛЧАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЯ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПРИЗНАННЫХ СУДОМ ОБЩЕИЗВЕСТНЫМИ

Аннотация: в тезисах проведено исследование института обстоятельств, признанных судом общеизвестными, определены проблемы процессуального молчания закона, осуществлен сравнительный анализ подходов к определению понятия квалифицированное молчание законодателя.

Ключевые слова: квалифицированное молчание законодателя, пробел в праве, обстоятельства, признанные судом общеизвестными.

ГПК РФ в ч. 1 ст. 61 гласит, что обстоятельства, признанные судом общеизвестными, не нуждаются в доказывании. К общеизвестным могут быть отнесены различные события и явления окружающего мира, в том числе свойства и характеристики предметов и материалов и т.д. Признание обстоятельства общеизвестным зависит от усмотрения суда. Теория гражданского процессуального права и судебная практика отталкиваются от того положения, что обстоятельство признается судом общеизвестным в двух случаях, если: 1) обстоятельство известно широкому кругу лиц на конкретной территории; 2) обстоятельство известно непосредственно суду (судье). Следовательно, если обстоятельство известно широкому кругу лиц, но не известно суду и наоборот, оно не является общеизвестным.

Однако, само понятие общеизвестности обнаруживается достаточно неопределенным или даже относительным. Обстоятельство может быть общеизвестным в прямом смысле этого слова т.е. известным всему населению, проживающему на определенной территории. Например: 1) факт применения репрессий со стороны государства. «Удовлетворяя заявление и признавая установленным факт применения к Б.И.Т. политических репрессий, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что исторический факт применения ко всему ингушско-

му народу репрессий со стороны государства, как и факт последующей реабилитации, является общеизвестным и в соответствии с частью 1 статьи 61 ГПК РФ не подлежит доказыванию»; 2) сохранение памяти об умершем. «Установление мемориального надмогильного сооружения и обустройство места захоронения (т.е. установка памятника, ограды, скамьи, посадка цветов и др.) является одной из форм сохранения памяти об умершем, отвечает обычаям и традициям, что в порядке ч. 1 ст. 61 ГПК РФ является общеизвестным обстоятельством и не нуждается в доказывании» (Определение Верховного Суда РФ от 22 марта 2016 г. N 26-КГ15-73; Апелляционное определение Московского городского суда от 12 января 2016 г. по делу N 33-250/2016).

Прежде всего возникает вопрос, а что делать в том случае, если судья, несмотря на всю общественную известность того или иного события или факта настаивает на том, что ему оно не известно? Процессуальный закон в данном конкретном случае умалчивает о том, каким образом должен быть урегулирован вопрос и самое главное в чью пользу, а также не устанавливает определенных процессуальных правил оформления выводов суда о признании обстоятельства таковым. Следует полагать, что такие выводы суда обязательно должны быть отражены в соответствующем судебном постановлении.

Так, истец (участник ООО) предъявил к ответчику (ООО) иск о признании недействительной сделки с заинтересованностью. Ответчик сослался на то, что истец пропустил срок исковой давности на оспаривание такой сделки. При этом ответчик указал, что истец является заместителем директора ООО, а потому мог узнать о сделке в момент ее заключения. По мнению ответчика, должностное положение истца является общеизвестным фактом, поскольку такие сведения размещены в Интернете. Суд кассационной инстанции отклонил указанный довод ответчика, указав на то, что для признания факта общеизвестным требуется, чтобы он был известен широкому кругу лиц, в том числе составу судей, рассматривающему дело. Между тем, само по себе размещение в сети Интернет сведений о должностном положении истца не означает, что это обстоятельство является общеизвестным (постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 30 ноября 2009 г. по делу № А32-9105/2009).

Рассматриваемая проблема, полностью оставленная на усмотрение судьи, вызывает ряд опасений. В свое время, П. И. Люблинский обращал внимание на правомерность судебского усмотрения

и ограничивал его областью «свободно-целесообразной оценки в применении по указанным в законе основаниям представленных данному органу полномочий» [3, с. 3]. Самая главная задача заключается в том, как правильно назвать и определить сложившуюся ситуацию квалифицированным молчанием или пробелом права.

В современной юридической литературе представлены разные подходы к дефиниции квалифицированного молчания. Наиболее удачным следует считать определение Л.А. Морозовой, по которому под квалифицированным молчанием следует понимать преднамеренное молчание законодателя, то есть когда он сознательно оставляет вопрос открытым, предлагая передать его решение на усмотрение правоприменителя, или законодатель сознательно выводит данные общественные отношения за сферу правового регулирования [4, с. 288].

Однако, по мнению А.В. Германова, основной вопрос в том, наложен ли молчанием законодателя запрет на то, что им не урегулировано, или же такое молчание предполагает усмотрение правоприменителя, и в чем должен заключаться критерий разграничения, разработан не полностью. Положение осложняется тем, что различные по сути понятия также зачастую находят свои выражения и в других, объединяющих эти понятия терминах. Так, термины «мнимый пробел» или «преднамеренный пробел» зачастую используют как синонимы квалифицированного молчания законодателя [2, с. 91–94].

В научной доктрине пробелы в праве рассматриваются также в контексте их отличия от смежных правовых явлений. Так, от состояния пробелов в праве отличают «квалифицированное молчание» права, при котором устанавливается нежелание законодателя регулировать определенные отношения посредством правовой нормы [5, с. 4].

Сравнительно немного авторов стремились дать определение пробелов в гражданском процессуальном праве, и связано это было скорее всего с тем фактом, что большинством процессуалистов проблема пробелов в праве не воспринималось в качестве должной. В качестве эталона принято принимать определение А.Т. Боннера, который на основании проведенных исследований дает следующее видение пробелов в гражданском процессуальном праве – это неурегулированность или недостаточная урегулированность конкретной нормой ГПК либо иного источника гражданского процессуального права процессуальных отношений, которые закреплены в его общей норме [1, с. 28].

Указанное определение было кардинально доработано Д.А. Тумановым, который дал собственное определение пробела в данной отрасли права. Пробел в гражданском процессуальном праве можно определить как отсутствие в гражданском процессуальном законодательстве правовой нормы либо неудачное законодательное ее изложение, которое приводит к неурегулированности случаев, объективно находящихся в сфере осуществления правосудия по гражданским делам, имеющих для его осуществления важное значение и процессуальную природу [6, с. 30]. Думается, что позиция Д.А. Туманова наиболее предпочтительна в рамках квалификации исследуемого вопроса.

Список источников:

1. *Боннер А.Т.* Источники советского гражданского процессуального права. М., 1977. С. 28.
2. *Германов А.В.* Молчание законодателя и пробел в гражданском процессуальном праве // Право: современные тенденции: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2014 г.). Уфа: Лето, 2014. С. 91–94.
3. *Люблинский П.И.* Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. Пг., 1917. С. 3.
4. *Морозова Л.А.* Теория государства и права. М., 2002. С. 288.
5. Проблемы законодательных пробелов в конституционной юриспруденции. Национальный доклад XIV Конгрессу Конференции европейских конституционных судов. Вильнюс, 2008, июнь. С. 4.
6. *Туманов Д.А.* Пробелы в гражданском процессуальном праве. М., 2008. С. 30.

Алешукина Светлана Александровна

к.ю.н., доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

ПОЛУЧЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИЙ СОДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ

Аннотация: автором анализируются особенности исполнения запросов о содействии в получении доказательств, относимость данного процессуального действия государственных судов к функциям содействия и контроля в отношении арбитража, делается вывод о необходимости сокращения сроков исполнения соответствующих запросов, а также соблюдения пределов невмешательства в деятельность третейского суда.

Ключевые слова: запрос о содействии в получении доказательств, арбитраж, компетентный орган, функции содействия и контроля, реформа

Реформа законодательства о третейских судах 2016 года стала новым этапом совершенствования института арбитража в России. Породив как позитивные, так и негативные последствия, реформа была неоднозначно воспринята представителями научного сообщества и практикующими юристами. Изменения законодательства, нацеленные на упорядочение отношений в вопросах создания арбитражных учреждений и формирования состава третейского суда, защиту участников процесса от возможных злоупотреблений в третейском процессе, повышения качества и авторитета института арбитража, привели во многом к огосударствлению и формализации третейского разбирательства, чрезмерному ужесточению требований к арбитру и процедуре создания постоянно действующих арбитражных учреждений (далее – ПДАУ), а также расширению функций содействия и контроля судов в отношении арбитража.

Принятие Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [1] повлекло соответствующие изменения в процессуальных кодексах (§ 3 гл. 30 АПК РФ и гл. 47.1 разд. VI ГПК РФ). Вместе с тем институт содействия и контроля третейскому суду в несколько ином виде и ранее присутствовал в законодательстве РФ. Это возможность оспаривания

и принудительного исполнения решения третейского суда, а также применение обеспечительных мер по искам, разрешаемым в третейском суде. Поскольку вышеперечисленные действия требовали публично-властных полномочий, их реализация осуществлялась посредством обращения к государственному суду, являющемуся компетентным органом в данных вопросах. Однако, с учетом проведенной реформы сфера взаимодействия третейских и государственных судов существенно расширилась за счет закрепления компетенции государственного суда по вопросам формирования состава арбитража, а также содействия в получении доказательств по спорам, разрешаемым в третейских судах. Особый интерес в этом контексте представляет собой такая форма содействия, как получение доказательств, вследствие неоднозначной институциональной принадлежности соответствующих норм.

Необходимо отметить, что выполнение государственными судами функций содействия и контроля в отношении арбитража закреплено в законодательстве многих зарубежных государств, а также соответствует нормам международных актов о международном коммерческом арбитраже. В частности, Нью-Йоркская конвенция 1958 г. о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений [2] предусматривает обращение к государственному суду для целей, обозначенных в ее названии. Типовой закон ЮНСИТРАЛ 1985 г. о международном торговом арбитраже (далее – Типовой закон 1985 г.) [3] также закрепляет в ст. 6 определенные функции содействия и контроля в отношении арбитража. Примечательно, что в числе этих функций обозначены назначение и отвод арбитра, прекращение полномочий арбитра, решение вопроса о компетенции арбитража, а также обжалование арбитражного решения, но не получение доказательств. Вопрос о содействии суда в получении доказательств удостоился самостоятельного нормативного закрепления в ст. 27 вышеназванного акта. Представляется, что такое различие обусловлено рядом факторов:

- во-первых, функции содействия и контроля в отношении арбитража может осуществлять суд или иной орган, компетенция которого определяется на уровне национального законодательства, в то время как оказание содействия в получении доказательств осуществляется исключительно судом;

- во-вторых, осуществляя формирование состава арбитража (назначение, отвод или прекращение полномочий) или контроль третейского решения (оспаривание и принудительное исполнение

решения третейского суда) компетентный суд оказывает содействие арбитражу как частноправовому институту в целом и контролирует арбитраж как конкретный состав коллегии арбитров [6, с. 81]. Содействие же в получении доказательств в большей степени нацелено на формирование достаточной доказательственной базы участников спора, способствует всестороннему исследованию обстоятельств дела и как следствие, вынесению справедливого и исполнимого решения;

-в-третьих, участники спора своим прямым соглашением могут исключить возможность обращения в компетентный суд за выполнением функций содействия, но не право третейского суда обратиться в суд с запросом о содействии в получении доказательств.

Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже» [5], основанный на Типовом законе 1985 г., и до реформирования института третейского разбирательства закреплял возможность обращения к компетентному суду со стороны третейского суда с просьбой о содействии в получении доказательств. Причем суд оказывал такое содействие по правилам, касающимся обеспечения доказательств, в том числе судебных поручений. Предусмотрев в ст. 30 закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» аналогичное взаимодействие между государственными судами и внутренними третейскими судами, законодатель устранил существовавший пробел и привел в соответствие национальное законодательство с нормами международного права. Вместе с тем, содействие суда в получении доказательств регламентируется самостоятельными статьями вышеназванных актов, вне системы функций содействия арбитражу (третейскому суду). Данная концепция была воспринята и процессуальным законодательством. В частности, дополнив АПК РФ и ГПК РФ новым видом производства по делам, связанным с выполнением функций содействия в отношении третейского суда, законодатель урегулировал содействие суда в получении доказательств нормами, институционально относящимися к доказательствам и доказыванию.

Представители науки в основном сходятся во мнении, что к делам, связанным с выполнением функций содействия третейскому суду, наряду с формированием состава арбитров относится и выполнение запросов третейского суда о получении доказательств [6, с. 57]. Кроме того, в п. 9 постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10 декабря 2019 г. [7] функции содействия третейскому суду называются функциями содействия третейскому раз-

бирательству и охватывают всевозможные вопросы, связанные с формированием состава третейского суда, а также получение доказательств и принятие обеспечительных мер. Таким образом, несмотря на определенную специфику рассмотрения запросов третейского суда в получении доказательств, данные действия государственный суд осуществляет в качестве функций содействия третейскому суду.

Нормы АПК РФ и ГПК РФ в части исполнения запросов третейского суда в получении доказательств максимально унифицированы, с той лишь разницей, что предусматривают различные суды, которым подсудны соответствующие дела. В частности, ГПК РФ говорит о районных судах, а АПК РФ – о судах субъектов РФ, на территории которых находятся испрашиваемые доказательства. В числе особенностей, прямо предусмотренных процессуальным законодательством в части оказания содействия в получении доказательств, можно назвать следующие:

- обращение с соответствующим запросом может инициировать либо сам третейский суд, либо участник спора, но только с согласия третейского суда;

- компетентный суд оказывает соответствующее содействие не всем третейским судам, а только третейским судам с местом арбитража на территории России, а также администрируемым постоянно действующим арбитражным учреждением. Соответственно ни иностранные арбитражи, ни суды *ad hoc* аналогичного содействия не получают;

- запрос о содействии в получении доказательств может касаться не всех видов доказательств, а только письменных доказательств, вещественных доказательств и иных документов и материалов (в системе арбитражных судов) и аудио- и видеозаписей (в системе судов общей юрисдикции);

- в запросе указывается две категории сведений, а именно: обстоятельства, подлежащие выяснению и доказательства, которые должен получить суд. Наличие в запросе информации об обстоятельствах, подлежащих выяснению, свидетельствует, по мнению И.В. Решетниковой, об относимости доказательств [8]. Вместе с тем, с учетом пределов вмешательства государственных судов в третейское разбирательство, представляется, что вопрос оценки доказательств по делу, разрешаемому в третейском суде, в том числе об их относимости, ставиться не должен. Кроме того, закон закрепляет исчерпывающий перечень оснований отказа в исполнении

запроса третейского суда о содействии в получении доказательств, в числе которых отсутствует основание их не относимости;

– срок исполнения запроса составляет не более 30-дней со дня получения его судом, в который он адресован. Установление такого срока обусловлено стремлением законодателя предусмотреть единый срок для всех функций содействия. Вместе с тем, представляется, что такая унификация не целесообразна, во-первых, в связи с тем, что данное процессуальное действие по сложности не соразмерно с рассмотрением вопроса о формировании состава арбитража или оспариванием и принудительным исполнением решения третейского суда, а во-вторых, такой разрыв во времени может неблагоприятно сказаться на сохранности доказательств и возможности их истребования у участников процесса и третьих лиц. Кроме того, исполнение запроса в столь длительный срок способствует затягиванию процесса разрешения спора;

– запрос исполняется в судебном заседании, о времени и месте проведения которого извещаются стороны третейского разбирательства. Однако, их неявка не является препятствием к проведению судебного заседания, если это не противоречит существу запроса;

– результатом обращения в суд с соответствующим запросом может выступать определение об отказе в исполнении запроса либо определение об исполнении запроса. Определение об отказе в исполнении запроса окончательно и обжалованию не подлежит. Оно направляется непосредственно в третейский суд, направивший запрос. Определение об исполнении запроса со всеми собранными доказательствами передается либо третейскому суду, либо стороне третейского разбирательства, представившей запрос, с согласия третейского суда;

– компетентный суд отказывает в исполнении запроса в случае, если:

- а) запрос, вынесен по спору, неподсудному третейскому суду,
- б) запрос касается содействия в получении доказательств иных, нежели чем вещественные и письменные доказательства, а также иные документы и материалы (аудио- и видеозапись),
- в) запрос касается информации, составляющей государственную тайну, а также служебную, коммерческую, банковскую или иную охраняемую законом тайну в отношении лиц, не участвующих в третейском разбирательстве;
- г) затрагиваются права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в третейском разбирательстве.

Кроме того, запрос может быть не исполнен и по независящим от суда обстоятельствам, о чем отдельно оговаривается в определении суда.

В контексте вопроса об исполнении запроса о содействии в получении доказательств интересным представляется п. 10 Постановления Пленума ВС РФ № 53, закрепляющий полномочие суда при осуществлении функций содействия и контроля проверять не только относимость спора к компетенции третейского суда, но и действительность и исполнимость арбитражного соглашения. И если рассматривать получение доказательств как функцию содействия, то государственный суд обязан запросить для целей проверки, а стороны третейского разбирательства (или третейский суд) обязаны представить соответствующее арбитражное соглашение. Безусловно, данные действия выходят за рамки содействия и могут быть рассмотрены как вмешательство в третейское разбирательство спора.

Таким образом, запрос о содействии в получении доказательств, являясь новеллой для внутреннего арбитража в России, тяготеет по своей природе и назначению к функциям содействия третейскому суду, но имеет свою специфику исполнения, выражающуюся в существенном законодательном ограничении, а также превентивном контроле со стороны суда. В частности, эти ограничения касаются видов судов, которые могут обращаться с соответствующим запросом, видов доказательств, которые могут быть запрошены, объему информации, запрашиваемой у суда. Оценивая в целом позитивно закрепление данного механизма содействия третейскому суду, необходимо его усовершенствовать, сократив сроки исполнения запроса и обеспечив в полном объеме соблюдение пределов вмешательства государственного суда в деятельность арбитража, что повысит эффективность рассмотрения споров третейским судом.

Список источников:

1. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (ред. от 27.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2020).
2. Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2020).
3. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2020).

4. *Носырева Е.И.* Правовая природа и особенности производства по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 79–100.

5. Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (в ред. от 25.12.2018) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 01.09.2020).

6. *Терехова Л.А.* Выполнение судами функций содействия в отношении третейских судов // Вестник гражданского процесса. 2016. № 6. С. 54–62.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами РФ функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2020).

8. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 4-е изд., испр. и перераб. / под ред. В.В. Яркова. Статут, 2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2020).

Андрианова Мария Владимировна
аспирант кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЛИЦ, НЕ ПРИВЛЕЧЕННЫХ К УЧАСТИЮ В ДЕЛЕ, КАК СУБЪЕКТОВ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация: в статье рассматриваются права и обязанности лиц, не привлеченных к участию в деле, при обжаловании решения суда, которым разрешен вопрос об их правах и обязанностях. В связи с этим предложено включение таких лиц в круг субъектов судебного доказывания.

Ключевые слова: доказывание; субъекты судебного доказывания; лица, не привлеченные к участию в деле; лица, участвующие в деле; обжалование.

При определении круга субъектов судебного доказывания в гражданском процессе в литературе, как правило, выделяют три группы субъектов [1, с. 33–34; 2, с. 36]: лица, участвующие в деле (стороны, третьи лица, прокурор, заявители и др.); лица, разрешающие дела (суд); лица, содействующие отправлению правосудия (эксперты, специалисты и др.). Все эти лица имеют определенные процессуальным законодательством права и обязанности по доказыванию, именно поэтому они относятся к субъектам судебного доказывания.

Представляется, что, с учетом современного правового регулирования, круг таких субъектов не может быть ограничен этими лицами, так как правами и обязанностями по доказыванию могут обладать и иные субъекты.

В соответствии с п. 3 ст. 320 ГПК РФ апелляционную жалобу вправе подать также лица, которые не были привлечены к участию в деле и вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешен судом. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 19 июня 2012 № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» определяет, что в силу ч. 3 ст. 320 ГПК РФ лица, не привлеченные к участию в деле, вправе обжаловать в апелляционном порядке решение суда первой инстанции в случае, если

данным решением разрешен вопрос об их правах и обязанностях, т.е. они лишаются прав, ограничиваются в правах, наделяются правами и (или) на них возлагаются обязанности. При этом такие лица не обязательно должны быть указаны в мотивировочной и (или) резолютивной частях судебного постановления. Указанные лица не являются лицами, участвующими в деле, разрешающими дела, или лицами, оказывающими содействие правосудию. Тем не менее, именно эти лица, в случае если их права и обязанности были затронуты решением суда по конкретному делу, наделяются правами и обязанностями по доказыванию.

При обжаловании решения суда, которым был разрешен вопрос о правах и обязанностях такого лица, субъект, не привлеченный ранее к участию в деле обязан указать, какие права, обязанности и законные интересы были затронуты при разрешении дела. Более того, при подаче жалобы субъект должен доказать наличие или отсутствие фактов, на которые он ссылается. Таким образом, субъект, не являясь лицом, участвующим в деле, уже наделяется правами и обязанностями по доказыванию. При этом субъект становится лицом, участвующим в деле, тогда, когда жалоба принята к производству. То есть, момент, когда лицо становится субъектом судебного доказывания, наступает раньше, чем момент, когда оно становится лицом, участвующим в деле.

Необходимо отметить, что, в отличие от трех вышеуказанных категорий лиц, относящихся к субъектам судебного доказывания, рассматриваемая категория не может быть заранее четко определена. Суд, лица, участвующие в деле, а также лица, содействующие правосудию – это определенный круг субъектов в каждом конкретном случае. В то же время лица, не привлеченные к участию в деле, чьи права и интересы затронуты решением суда, не могут быть определены однозначно, не представляется возможным составить персональный закрытый перечень таких лиц применительно к конкретному делу. Это значит, что такими субъектами являются лица, которые: не привлечены к участию в деле; вопрос о правах и обязанностях которых разрешен решением суда. Представляется, что при соответствии этим критериям лицо может быть отнесено к субъектам судебного доказывания, так как наделяется правами и обязанностями по доказыванию при подаче апелляционной жалобы на соответствующее решение суда.

Таким образом, представляется, что в круг субъектов судебного доказывания целесообразно включать четыре категории лиц: лица,

участвующие в деле; суд; лица, содействующие отправлению правосудия; лица, не привлеченные к участию в деле, вопрос о правах и обязанностях которых разрешен решением суда. Отнесение того или иного лица к субъектам судебного доказывания определяется наличием прав и обязанностей по доказыванию у такого лица.

Список источников:

1. *Юдельсон К.С.* Проблемы доказывания в советском гражданском процессе. М: Горюриздат, 1951.
2. *Треушников М.К.* Судебные доказательства. М: Городец, 2004.

Артебякина Наталья Александровна

*к.ю.н., доцент кафедры права, психологии и педагогики
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный аграрный университет
им. П.А. Столыпина»*

О НЕКОТОРЫХ СРЕДСТВАХ ОПТИМИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: КОГДА УПРОЩЕНИЕ ПРИВОДИТ К УСЛОЖНЕНИЮ

Аннотация: автором поднимаются отдельные вопросы, связанные с рассмотрением гражданских дел в порядке упрощенного производства и приказного производства в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Приводятся примеры из судебной практики, которые свидетельствуют о недостаточной эффективности «упрощенных» видов производств за счет увеличения сроков рассмотрения и разрешения гражданских дел.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, упрощенный порядок рассмотрения дел, приказное производство, сроки рассмотрения гражданских дел.

Ещё Е.В. Васьковский отмечал: «Чем короче и легче путь от предъявления иска до судебного решения, тем процесс совершеннее» [1, с. 89]. Следует констатировать, что гражданское и арбитражное судопроизводства в настоящее время стремятся к достижению оптимизации процесса. Об этом свидетельствуют определенные механизмы, предусмотренные Арбитражным процессуальным кодексом и Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – АПК РФ и ГПК РФ).

Одним из инструментов, способствующих ускорению процедуры осуществления правосудия по гражданским делам, является введение упрощенного порядка рассмотрения дел, как в арбитражном (гл. 29 АПК РФ), так и в гражданском судопроизводстве (гл. 21.1 ГПК РФ). Безусловно, такой порядок способствует минимизации расходов, затрачиваемых при рассмотрении спорной ситуации в суде, снижению нагрузки на суд и лиц, участвующих в деле. Кроме того, принято утверждать о том, что сокращаются сроки разрешения дел.

Однако в действительности имеет место парадоксальная ситуация: с одной стороны, упрощенный порядок рассмотрения граждан-

ских дел призван реализовать принцип процессуальной экономии, в том числе за счет сокращения сроков рассмотрения дела; с другой стороны, в литературе указывается на такой негативный аспект, как злоупотребление правом с целью увеличения срока рассмотрения дела. Приняв исковое заявление к своему производству в упрощенном порядке, суд, не рассматривая дело в пределах отведенного для этого срока, выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства под предлогом выяснения «дополнительных обстоятельств» [2, с. 146]. Подобным инструментом могут пользоваться и недобросовестные ответчики, которые пытаются затянуть процесс рассмотрения дела и отодвинуть во времени момент вынесения судебного решения по делу.

Поскольку у истца отсутствует право выбора вида производства, с помощью которого его искивые требования должны быть разрешены, в определенных законом случаях суд обязан принять исковое заявление к рассмотрению в порядке упрощенного производства, а затем, например, по ходатайству истца «выводит» дело к рассмотрению в соответствии с общими правилам искового производства. В качестве примера можно привести дело № А72-8705/2019, рассматриваемое Арбитражным судом Ульяновской области. По формальным признакам исковое заявление соответствовало критериям, обозначенным в ч. 1 и 2 ст. 227 АПК РФ, ограничения, установленные ч. 4 ст. 227 АПК РФ, отсутствовали. Следовательно, суд обязан был принять исковое заявление к своему рассмотрению в упрощенном порядке. Однако в порядке упрощенного производства спор не мог быть разрешен; было заведомо очевидно, что потребуется выяснение дополнительных обстоятельств дела в рамках судебных заседаний. За счет того, что АПК РФ не предусматривает возможности выбора вида производства, значительно увеличился срок рассмотрения дела.

Вопрос о сроках рассмотрения и разрешения гражданских дел встает и при использовании еще одного механизма, который должен способствовать цели оптимизации при осуществлении правосудия – института судебного приказа. Безусловно, что в отдельных случаях вынесение судебного приказа является оперативной и действенной мерой. Необходимо согласиться с мнением Н.А. Громошиной, которая утверждает, что судебный приказ, являясь обязательным к исполнению, не обладает такими характеристиками, как преюдициальность, непровержимость, исключительность, поскольку судебный акт вынесен без соблюдения процессуальной формы, ко-

торая не предполагается [3, с. 37]. Судебный приказ при определенных условиях подлежит отмене.

Мировой судья судебного участка № 6 Заволжского судебного района г. Ульяновска 18 января 2019 г. вынес судебный приказ по делу № 2-77/2019 о взыскании с Л. задолженности по оплате за жилое помещение и коммунальные услуги. Больше, чем через год судебный приказ был отменен определением мирового судьи судебного участка № 6 Заволжского судебного района г. Ульяновска от 19 марта 2020 г., в котором установлено, что Л. судебный приказ не получала, узнала о нем от судебного пристава-исполнителя после наложения ареста на ее счет 03 марта 2020 г. Впоследствии бывший взыскатель обратился в исковом порядке с требованием о взыскании с Л. задолженности по оплате за жилое помещение и коммунальные услуги, однако ему было отказано в удовлетворении исковых требований по причине пропуска срока исковой давности, о котором в процессе рассмотрения дела было заявлено Л. Таким образом, в течение полутора лет процессуальные механизмы работали впустую. Если бы дело изначально рассматривалось в исковом порядке, время на получение окончательного результата по нему было бы затрачено гораздо меньше.

Справедливо подчеркивается, что у сторон (в широком смысле слова) отсутствует право выбора на рассмотрение дела либо по общим правилам искового производства, либо в упрощенном порядке или приказном, что существенно нарушает принцип диспозитивности [4, с. 138].

Лицам, участвующим в деле (не только истцу, но и ответчику, а также должнику по делам о выдаче судебного приказа), должна быть предоставлена возможность выбора вида судопроизводства. Закон такого выбора не предоставляет, устанавливая четкую последовательность выбора процедуры (например, следуя логике п. 1 ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ, прежде чем подавать исковое заявление, рассчитывая на его рассмотрение по общим правилам искового производства, необходимо исключить возможность подачи заявления о выдаче судебного приказа, затем – подачу искового заявления, рассматриваемого в порядке упрощенного производства).

Таким образом, несмотря на имеющиеся в законе механизмы, призванные оптимизировать рассмотрение дел в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства, говорить об облегчении «пути от предъявления иска до судебного решения» преждевременно.

Список источников:

1. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М., 1917.
URL: <http://allpravo.ru/library/doc2472p0/instrum4301/print4321.html>; [https://ru.wikisource.org/wiki/Страница:Васьковский_Учебник_гражданского_процесса_\(1917\).pdf/110](https://ru.wikisource.org/wiki/Страница:Васьковский_Учебник_гражданского_процесса_(1917).pdf/110) (дата обращения: 06.08.2020).

2. *Галковская Н.Г.* Результаты реформы упрощенного производства в арбитражном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 144–151.

3. *Громошина Н.А.* О приказном производстве в арбитражном процессе // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 3. С. 34–40.

4. *Румянцева О.М., Ельшова К.Н.* Упрощенное производство в арбитражном процессе: результаты реформирования // Вестник института мировых цивилизаций. 2019. № 3 (24). С. 137–140.

Артизанов Алексей Игоревич

помощник судьи Верховного Суда Республики Марий Эл

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация: в статье рассматривается влияние установленных ограничительных мер в связи с распространением новой коронавирусной инфекции на дальнейшую цифровизацию гражданского процесса. Анализируются возможности внедрения новых технологий судами в связи с распространением коронавирусной инфекции и обеспечение при этом реализации принципа процессуальной экономии. Выявлены достоинства и недостатки дистанционной работы и использования цифровых технологий при рассмотрении гражданских дел в период ограничительных мер.

Ключевые слова: процессуальная экономия, принципы гражданского судопроизводства, цифровизация, онлайн-правосудие, пандемия COVID-2019, самоизоляция.

Объявленная в начале 2020 года пандемия коронавируса внесла свои ограничительные коррективы в жизни многих людей. Эти изменения не могли не затронуть и судебную систему. Казалось бы, в данной ситуации, как никогда важно соблюдать идеи принципа процессуальной экономии в попытке сохранения баланса доступа к правосудию, своевременной судебной защиты граждан и в то же время обеспечения безопасности жизни и здоровья как лиц, участвующих при рассмотрении дел, так и работников суда.

Введение ограничительных мер послужило причиной к существенному увеличению сроков рассмотрения дел в судах. Подобная ситуация отодвигала на неопределенный срок судебную защиту нарушенных прав добросовестных участников гражданского оборота и одновременно наделяла недобросовестных лиц дополнительными возможностями по затягиванию судебного разбирательства. Так, нередки случаи заявления ходатайств об отложении слушания дела на более поздний срок по мотиву невозможности явки на судебное заседание. В силу указанного суды были лишены возможности рассмотрения дел по существу, производство

по ним приостанавливалось и как следствие, обратившиеся в суд лица утрачивали право на своевременную судебную защиту. Стоит также отметить, что в течение длительного срока судопроизводства должники имели возможность реализовать имущество, на которое впоследствии могло быть обращено взыскание, что в свою очередь, вероятно, послужит основанием к инициированию новых судебных споров.

Постановлением Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 «О приостановлении личного приема граждан в судах», вынесенным через неделю после объявления Всемирной организацией здравоохранения пандемии, судам предписывалось до 10 апреля 2020 года приостановить личный прием граждан и рассматривать дела только безотлагательного характера, а также в порядке приказного и упрощенного производства, которые не требуют личного присутствия участников процесса. Впоследствии в указанное постановление были внесены изменения, и такой режим работы судов продлили до конца апреля 2020 года, наделяя суды правом при наличии технической возможности проведения судебных заседаний с использованием системы видеоконференц-связи и системы веб-конференции.

Таким образом, в условиях сложной эпидемиологической ситуации суды не приостановили свою работу, а сконцентрировали ее на наиболее важных категориях дел и делах, которые можно рассмотреть дистанционно при помощи системы онлайн-рассмотрения дел. Помимо этого, участникам судебных процессов рекомендовалось все процессуальные и иные документы подавать в суд посредством почтовой связи, а также через электронные сервисы для подачи документов: для арбитражных судов – «Мой Арбитр», для судов общей юрисдикции – ГАС «Правосудие». Использование электронных сервисов в таких условиях позволяет удешевить и ускорить проведение соответствующих процедур, что целиком и полностью соответствует принципу процессуальной экономии.

Действительно, сложившаяся ситуация существенно ускорила развитие новых технологий и цифровизацию правосудия, тем самым позволяя ему становиться более доступным. В то же время нельзя обойти вниманием, что принятые меры несут в себе и ряд проблем.

Во-первых, в условиях объявления такого длительного периода нерабочих дней, установления ограничений для граждан в их пе-

ремещении, снижения общего уровня доступа к правосудию возникла проблема соблюдения процессуальных сроков участвующими в деле лицами и их восстановления судом. При разрешении этих вопросов судам рекомендовано руководствоваться принципом пропорциональности (баланса интересов сторон), где на одной чаше весов будет право на судебную защиту, а на другой – разумные сроки судопроизводства, соблюдение которых, как известно, обеспечивает реализацию принципа процессуальной экономии.

Во-вторых, это проблема цифрового неравенства, что нарушает важнейший принцип гражданского судопроизводства – принцип равенства граждан и организаций перед законом и судом. Ведь для участия в судебном заседании заявители должны подать в суд заявление в электронном виде с приложением электронных образов документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия. Принимая во внимание, что не все граждане на сегодняшний день могут правильно пользоваться электронными сервисами, получение и обработка представляемых ими документов может напротив слишком затянуться. Тут же возникает еще одна проблема – идентификация этих участников. Опирается ли при этом лишь на принцип презумпции добросовестности или необходимо руководствоваться определенными критериями и стандартами – пока не решено. Высказывались идеи об обязательной биометрической идентификации участников судебного процесса [4]. Однако данная идея не получила должного одобрения, что обусловлено недоверием граждан к надежности хранения и использования этих данных. Ранее биометрическая система использовалась исключительно для идентификации граждан и только в случаях, предусмотренных федеральным законом. Согласно законопроекту о биометрической идентификации [1] участников судебных процессов способы и цели использования биометрических данных будут устанавливаться правительством Российской Федерации. Это приводит к чрезмерной свободе подзаконного нормотворчества на уровне российского правительства и, следовательно, к еще большей неопределенности и недоверию.

В настоящее время, если у заявителя нет электронной цифровой подписи, он имеет возможность подачи документов в суд через организацию почтовой связи, что требует не только дополнительных расходов, но и времени для доставки документов. В связи с этим развитие электронного онлайн-правосудия повышает его доступность для одних, но снижает для других [6].

В-третьих, достаточно сложно адаптировать суды к работе в режиме онлайн-слушаний так, чтобы при этом не нарушались права сторон. Онлайн доступ к судебным заседаниям может нарушать принцип состязательности, принцип равенства граждан и организаций перед законом и судом, а также принцип гласности. Так, не решен вопрос безопасного доступа к каналам связи, если процесс закрытый.

В-четвертых, несомненное преимущество онлайн-судов заключается в минимизации судебных издержек, связанных с расходами участвующих в деле лиц и их представителей на проезд в другой город или регион. Вместе с тем, при детальном рассмотрении такой способ участия в судебном заседании имеет и обратную сторону. В данном случае необходимость несения судебных расходов является сдерживающим фактором от предъявления и подачи необоснованных исков и жалоб на судебные акты. Указанное в конечном итоге приводит к сокращению количества дел в судах и как следствие, уменьшает нагрузку на судебную систему. В то же время онлайн-правосудие при условии внесения соответствующих изменений в регулирование подсудности споров может обеспечить равномерность нагрузки между судами.

В период действия ограничительных мер цифровизация многих сфер общественной жизни по объективным причинам осуществляется в ускоренном режиме. Такое положение, несомненно, потребует дальнейшего развития и совершенствования новых для общества онлайн-сервисов. Как уже отмечалось, что несмотря на ряд недостатков, очевидными преимуществами онлайн-правосудия являются удобство и экономия времени. Отправка и приём документов в электронном виде происходит без задержек. Это особенно важно, когда истекают процессуальные сроки, так как их пропуск влечет неблагоприятные для участников процесса последствия, а разрешение судом заявлений о восстановлении пропущенных процессуальных сроков требует дополнительного времени, что, в свою очередь, не отвечает принципу процессуальной экономии.

Применение электронных технологий на всех стадиях судебного разбирательства поможет сделать его более эффективным, недорогим и доступным для граждан и бизнеса. При отправке документов онлайн стороны фактически освобождаются от несения почтовых расходов, а также не несут риски утраты корреспонденции организацией почтовой связи. Помимо этого, в отличие от канцелярии суда

онлайн-сервисы работают круглосуточно, что дает возможность отправлять документы в удобное время.

Отправленные сторонами спора документы должны храниться в централизованной системе. При использовании всего функционала современных информационных технологий участникам процесса станет доступным отслеживание хода судебного разбирательства и получение иных сведений в режиме реального времени, что позволит оперативно реагировать на ситуацию и представлять необходимые доказательства.

Так, информационная система «Мой Арбитр» изначально проектировалась для удобства и простоты удаленной работы с ней. Она предоставляет доступ ко всем поступившим в нее документам и принятым на всех стадиях разбирательства судебным актам, отсканированным ответственными работниками канцелярии суда, а также к аудиозаписям судебных заседаний, что дает возможность сторонам знакомиться с материалами дел дистанционно. Система электронного документооборота, введенная в арбитражных судах России, на данный момент является одной из лучших в мире. Используемая в судах общей юрисдикции система ГАС «Правосудие» не наделяет участников процесса приведенными возможностями. Организация судопроизводства в арбитражных судах на сегодняшний день наиболее соответствует тотальной цифровизации, и такой положительный опыт, несомненно, должны перенять суды общей юрисдикции [5].

Решение вышерассмотренных проблем невозможно без четкой и слажено выстроенной технической составляющей. Помимо этого, отсутствие нормативного регулирования диктует необходимость дополнения процессуального законодательства положениями, устанавливающими правила применения этой системы.

Список источников:

1. Законопроект № 946734-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в части применения информационных технологий в целях идентификации граждан Российской Федерации) // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/946734-7>

2. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 «О приостановлении личного приема граждан в судах» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 29.04.2020 № 822 «О внесении изменений в по-

становление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821» // СПС «КонсультантПлюс»

4. *Авакян Е., Лиджанова А.* Материалы онлайн-конференцию «Правосудие online: потрясение – отрицание – ...прорыв?» // https://pravo.ru/company_news/221399

5. *Брянцева О.В., Солдаткина О.Л.* Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64).

6. *Грицай О.В.* Цифровизация как способ оптимизации механизма защиты гражданских прав в сфере гражданской юрисдикции // Юридический вестник Самарского университета. 2019. № 2.

Афанасьев Сергей Федорович
*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ» И «ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА» ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ¹

Аннотация: статья посвящена раскрытию сущности электронного правосудия по гражданским делам. Аргументируется, что цифровые новшества активно интегрируются в юридическую действительность, в том числе в области судебного доказывания по гражданским делам.

Ключевые слова: трансформация правового регулирования, гражданский процесс, электронное правосудие, электронное судопроизводство, электронные доказательства.

В последнее время на страницах специализированной печати немало пишут о появлении электронного правосудия, которое порождает необходимость трансформации правового регулирования, в частности за счет появления множества смежных процессуальных понятий и категорий, в том числе в области судебного доказывания и доказательств [1]. Проанализируем этот аспект несколько подробнее, поскольку эта важная тематика имеет как доктринальное, так и прикладное юридическое значение.

Итак, известно, что Комитет министров Совета Европы СМ/Рес (2009)¹ в своих Рекомендациях государствам-участникам относительно электронной демократии, принятых 18 февраля 2009 г., отметил, что электронное правосудие – это использование при его осуществлении в процессуальной форме информационно-коммуникационных технологий https://pandia.ru/text/category/informatcionnie_tehnologii/ всеми заинтересованными субъектами для повышения его качества (оно включает в себя электронное об-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

щение и обмен данными, а также доступ к информации судебного характера). Подобная дефиниция весьма схожа с широким пониманием «электронного правосудия», распространенным в отечественной специализированной литературе [2, с. 108–111], которая затем приспособляется к различным типам и видам судопроизводства, перечисленным в новой редакции ст. 118 Конституции РФ.

Вместе с тем, имеются и противники приведенного мнения, высказывающие весьма интересные и веские доводы о том, что *a priori* никакого электронного правосудия быть не может, коль скоро сами по себе правосудие и судопроизводство соотносятся как содержание и форма.

Это означает, что любое правосудие (конституционное или по уголовным, административным или гражданским делам), будучи исключительно человеческой интеллектуальной профессиональной деятельностью, связанной с урегулированием *ad rem* публичного или частного правового конфликта, не является электронным по своей природе [3, с. 35]; инновационными технологическими элементами может отличаться лишь правовая форма, т.е. электронное судопроизводство.

Приведенные аргументы действительно обстоятельны и с формально логических позиций выглядят достаточно убедительными. Однако, как нам представляется, они несколько игнорируют тот факт, что в последнее время при раскрытии имманентной сути электронного правосудия в рамках юриметрики фокус внимания аналитиков постепенно сдвигается с технологической стороны вопроса в пользу того, что биологический интеллект при осуществлении правосудия может вполне успешно сочетаться с искусственным. Быть может, именно поэтому в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., сказано, что последний – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении определенных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с итогами интеллектуальной человеческой деятельности (т.е. искусственный интеллект должен быть антропологическим, способным оперировать усвоенной информацией и делать выводы).

Но как бы то ни было, всем участникам дискуссии понятно, что разнообразные цифровые новшества все более активно будут интегрироваться в нашу окружающую повседневность и юридическую действительность (**non progredi est regredi**), среди прочего и в ткань действующего судопроизводственного закона, а, следо-

вательно, проникать в правоприменительную судебную практику, в том числе в области отправления правосудия, облеченного в ту или иную нормативно закрепленную процессуальную форму.

Означенное достаточно хорошо прослеживается в отношении одной из центральных категорий – «электронные доказательства» по гражданским делам, – касательно которой в науке цивилистического процессуального права имеет место обширный спор [4, с. 130–136], суть которого нет необходимости пересказывать (*non bis in idem*). Важно лишь подчеркнуть, что по-прежнему всякое доказательство есть совокупность трех базовых компонентов: информационного (сведения о фактах), материального (овеществленный носитель) и процессуального (соблюдение, установленной законом правовой формы предоставления суду тех или иных сведений) [5, с. 15–16].

Такой подход позволяет понять, что мало определять «электронное доказательство» только в качестве сведений о фактах, закрепленных на электронном носителе [6, с. 120–122], поскольку сам по себе материальный компонент не является самодостаточным, его характер всегда вторичен по отношению к информационному и процессуальному [7, с. 156]. Именно поэтому Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» не говорит собственно об электронных доказательствах, но раскрывает близкое понятие – «документ в электронном виде» (электронный образ документа).

Это отвечает стержневому законодательному тренду, который выражается в том, что доказательство допустимо предъявлять органу правосудия в любой допустимой процессуальной форме (ч. 1 ст. 71 ГПК РФ), причем от этого не меняется его внутренняя суть. Это информация, которую зафиксировали с применением программных средств и технологий (п. 2 ст. 434 ГК РФ).

Стало быть, пока излишне смело утверждать, что всеобщая глобальная цифровизация, начавшаяся на рубеже веков, превращает человеческую профессиональную интеллектуальную деятельность, в том числе связанную с рассмотрением и разрешением гражданских дел по существу, в «электронное правосудие», провоцирующего появление целого ряда новых сопряженных процессуальных явлений и категорий, в том числе так называемых «электронных доказательств».

Список источников:

1. *Лядова Ю.* Электронные доказательства в арбитражном процессе // URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/23/elektronnye_dokazatelstva_v_arbitrazhnom_processe (дата обращения: 15.08.2020).
2. *Сидоров Ю.В.* Отличия в понимании сущности электронного правосудия в России и за рубежом // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 5 (150). С. 108–111.
3. *Сакара Н.Ю.* Проблема доступности правосудия по гражданским делам: монография. Харьков: Право, 2010. 256 с.
4. *Лукьянова И.Н.* Доказательства в гражданских делах в эпоху электронного правосудия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 4. С. 130–136.
5. *Борискина Н.И.* Процессуальная форма доказательств в современном гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 178 с.
6. *Балашова А.А.* К вопросу о понятии «электронное доказательство» // Закон и право. 2018. № 6. С. 120–122.
7. *Треушников М.К.* Судебные доказательства. М.: Городец, 2016. 304 с.

Ахмедов Арсен Ярахмедович

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ЗАЧЕТ ПО ТРЕБОВАНИЮ, ПРЕДЪЯВЛЕННОМУ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ

Аннотация: на протяжении длительного времени судебно-арбитражная практика ограничивала право ответчика на прекращение обязательства зачетом встречных однородных требований иначе, чем посредством предъявления встречного иска. Данная дискуссия демонстрировала проблемы, возникающие при применении институтов материального права в рамках гражданского или арбитражного процесса. На сегодняшний день Пленум Верховного Суда РФ закрепил иной подход к разрешению данного вопроса в постановлении от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств».

Ключевые слова: зачет встречных однородных требований, заявление о зачете, возражение на иск, встречное исковое заявление.

В пункте 1 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 декабря 2001 года № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» была закреплена правовая позиция, согласно которой обязательство не может быть прекращено гражданско-правовым зачетом встречного однородного требования после предъявления иска к лицу, имеющему право заявить о зачете. Президиум ВАС РФ указал, что в таком случае зачет может быть произведен только при рассмотрении встречного иска. Следует отметить, что действующее на тот момент материальное и процессуальное законодательство не предусматривали правила, блокирующего право заявить о зачете после предъявления к управомоченному лицу иска. Условия для совершения зачета предусмотрены гражданским законодательством. Общепризнанной является позиция о допустимости зачета при наличии следующих условий: встречность требований или наличие у должника в одном обязательстве права требования к своему кредитору по первому обязательству; однородность требований; 3) осуществимость тре-

бования заявителя зачета и исполнимость требования адресата заявления о зачете.

Предъявление иска также законодательно не закреплено в качестве одного из случаев, когда зачет является недопустимым. В соответствии со ст. 411 ГК РФ запрещен, например, зачет требований о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью; о пожизненном содержании; о взыскании алиментов; требований, по которым истек срок исковой давности (в силу совершения зачета не должно ухудшаться положение адресата заявления о зачете. По указанной причине судебная практика выработала подход, согласно которому зачет допустим по заявлению лица, требование которого не обеспечено возможностью принудительного исполнения. Такое заявление о зачете свидетельствует об отказе от возражений о пропуске срока исковой давности контрагентом. Зачет не допускается лишь в тех случаях, когда заявитель зачета лишает адресата возможности заявить о пропуске им срока исковой давности).

Процессуальное законодательство в целом не регулирует вопросов, связанных с прекращением гражданско-правовых обязательств. Однако именно особенности цивилистического процесса стали причиной отраженного подхода ВАС РФ. Так, согласно ст. 138 ГПК РФ и п. 3 ч. 1 ст. 132 АПК РФ условием принятия встречного иска судом является направленность встречного требования к зачету первоначального требования. Представляется, что указание в качестве случая, когда суд может принять встречный иск, ситуации, допускающей зачет встречного и первоначального требований не должно свидетельствовать о том, что осуществление зачета в ином порядке становится недопустимым. А.А. Павлов справедливо отмечает, что процессуальные нормы определяют основания и порядок использования института встречного иска и не могут иметь приоритета перед нормами ГК РФ. Кроме того, ученый обращает внимание на то, что предъявление иска не препятствует добровольному исполнению обязательства, и задается вопросом о причинах отличий в правовом регулировании между исполнением и таким его суррогатом как зачет требований [1, с. 778].

Единственный аргумент, приведенный Президиумом ВАС РФ, являясь неоспорным и не подкрепленным ни законодательно, ни догматически. При этом наука процессуального права могла предложить и иные аргументы в поддержку исследуемой правовой позиции. Так, Н.Б. Щербаков отмечает, что среди таких аргументов могли бы звучать следующие: 1) наличие судебных издержек

у истца (однако сам истец, имея возможность осуществить зачет встречных требований, подает исковое заявление); 2) спорный характер встречного к требованию истца требования (при этом актуальная судебная практика не предъявляет такого требования к зачету встречных требований); 3) сложности с возражением по давности на возражения о зачете (которое все-таки может быть преодолено судом) [2]. Сторонники судебного зачета убеждены, что переход к процессуальной форме принципиально меняет гражданско-правовое правоотношение, а просуженное требование отличается от требования непросуженного. Подтверждения данная позиция в законодательстве не находит.

При этом важно заметить, что зачет требований может в исключительных случаях осуществляться лицом, не обладающим встречным требованием к требованию истца (ст. 313, 412 ГК РФ). Соответственно, такие третьи лица вообще лишались возможности осуществить зачет, так как не могли подать встречный иск.

Представляется, что процессуальная форма принципиально не меняет гражданско-правового обязательства, и не должна лишать субъектов гражданских правоотношений возможности реализовать доступные им права. Подход, предложенный в 2001 году Президиумом ВАС РФ, без серьезных правовых оснований ограничивал участников оборота в возможности осуществить зачет встречных требований. Предусмотренная подача встречного иска была связана со значительной неопределенностью, в том числе обусловленной распространенной практикой отказов в их принятии.

Право суда принять встречный иск при наличии условий для зачета не должно блокировать гражданско-правового зачета, осуществляемого в уведомительном порядке с последующим заявлением возражений в процессе. Д.Б. Абушенко в развитие данной позиции обосновывает наличие серьезных отличий между встречным иском и возражением о зачете на исковое заявление. Ученый отмечает, что возражение о зачете в отличие от встречного иска свидетельствует о признании ответчиком наличия долга. При этом встречный иск может быть отозван, но не может быть запрещен соглашением сторон. Кроме того, процессуалист указывает, что условия для зачета должны иметь место на момент заявления о зачете, тогда как в случае с встречным иском требование может не созреть на момент его подачи, но сформироваться к моменту вынесения решения по делу [2]. Соответственно, основания не допускать одновременное существование двух приведенных вариантов реагирования на исковое

заявление на момент принятия Президиумом ВАС РФ информационного письма отсутствовали.

В отношении зачета по требованию, предъявленному в судебном порядке, в настоящий момент сформировалась иная позиция. Согласно абз. 2 п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» обязательства могут быть прекращены зачетом после предъявления иска по одному из требований. В этом случае сторона по своему усмотрению вправе заявить о зачете как во встречном иске, так и в возражении на иск, юридические и фактические основания которых исследуются судом равным образом. В частности, также после предъявления иска ответчик вправе направить истцу заявление о зачете и указать в возражении на иск на прекращение требования, по которому предъявлен иск, зачетом. Верховный Суд РФ отказался от предложенного ВАС РФ подхода, допустив дискрецию ответчика в вопросе реагирования на исковое заявление. Следует отметить, что суд при этом не указал, какой стадией процесса ограничивается возможность заявить возражение о зачете. С учетом ретроспективного эффекта зачета, прекращающего обязательства с момента, когда сформировались условия для зачета, представляется допустимым заявление о зачете на любой стадии процесса, которое, соответственно, должно приводить к тому, что на момент вынесения решения судом первой инстанции долг как таковой либо в целом не существовал, либо существовал в ином размере. Вопрос заключается в том, насколько такое понимание зачета по требованию, предъявленному в судебном порядке, соответствует положениям процессуального права и обеспечивает определенность правового регулирования. Ответы на эти вопросы неочевидны.

Невозможно в этой связи обойти стороной более широкий вопрос о сложностях в реализации отдельных институтов гражданского права в процессуальной форме. Так, проблемой с позиции догматики процессуального права является применений последствий недействительности сделок. Главным последствием их недействительности является двусторонняя реституция, которая должна применяться судом в случае удовлетворения иска даже при отсутствии заявленного ответчиком требования о возврате переданного им по недействительной сделке. Аналогичная проблема применительно к последствиям расторжения договора была не так давно иссле-

дована СКЭС ВС РФ в Определении от 18 августа 2020 года № 309-ЭС20-9064, что вызвало широкую дискуссию в юридическом сообществе. В подобных случаях суд выходит за пределы заявленных требований, но иначе с обеспечением справедливого разрешения спора могут возникнуть проблемы. Убеждены, что как цивилисты, так и процессуалисты должны больше внимания уделять межотраслевым исследованиям на грани права и процесса.

Список источников:

1. Договорное и обязательственное право (общая часть): поста-тейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. 1120 с.
2. Видеозапись научно-практического круглого стола «За-чет в судебном процессе и исполнительном производстве» // URL https://m-logos.ru/mlogos_publication/nauchno-prakticheskyy_kruglyi_stol_zachet_v_sudebnom_processe_i_ispolnitelnom_proizvodstve/

Ахмеров Рафаиль Аронович

*соискатель кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

О ПОРЯДКЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДЕЛ МЕЖДУ СУДЬЯМИ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

Аннотация: данная статья посвящена изучению порядка распределения дел между судьями в судах общей юрисдикции. Определено, что законодательное регулирование порядка распределения дел является не полным. Автор предлагает дополнительные критерии, которые должны учитываться при распределении дел.

Ключевые слова: суд, автоматизированная информационная система, нагрузка, специализация, субъекты гражданских процессуальных правоотношений.

Равномерное распределение судебных дел по количественному и качественному признакам выступает гарантией в целом эффективного гражданского судопроизводства, и в частности вынесения законных и обоснованных решений. В настоящее время вопрос о порядке распределения дел между судьями в ГПК РФ детально не урегулирован. В ч. 3 ст. 14 ГПК РФ лишь указано, что формирование состава суда осуществляется с использованием автоматизированной информационной системы. Подобные формулировки содержатся также в ст.18 АПК РФ и ст. 28 КАС РФ.

В 2013 году Конституционный Суд РФ указал, что автоматизированное распределение судебных дел выступает одной из гарантий исключения влияния на формирование состава суда, но такая процедура должна иметь строгий порядок [1].

На необходимость законодательного закрепления принципов формирования состава суда было указано еще в 2015 году в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса. В качестве таких принципов были названы: «учет нагрузки на судей; недопустимость влияния лиц, заинтересованных в исходе судебного разбирательства; учет специализации судей» [2, с. 22].

Безусловно, что преимущественным способом справедливо-го распределения судебной нагрузки выступает формирование судебных составов путем использования автоматизированной

информационной системы. В настоящее время в судах используется база данных ПИ «судебное делопроизводство», а также подсистема ГАС «Правосудия» – «Модуль распределения дел» [3, с. 85]. Однако в отдельных судах, не имеющих соответствующего технического оснащения, распределение дел происходит посредством использования человеческого ресурса. Кроме того, стоит согласиться с мнением А.В. Панченко о том, что «в отдельных судах, где такая система функционирует, руководство предпочитает собственноручно распределять между судьями дела без использования возможностей техники, полагая, что таким образом обеспечивается большая справедливость при распределении судебной нагрузки» [4, с. 86]. С учетом интенсивного внедрения информационных технологий во все сферы жизни общества и государства, думается, что автоматизированное распределение дел является необходимым средством для достижения цели гражданского судопроизводства.

По мнению О.А. Капустина, автоматизированное распределение дел в судах как средство организации судебной деятельности с использованием информационных технологий должно строиться на принципах случайности и равномерности, которые должны быть сбалансированы [5, с. 130].

Несмотря на то, что автоматизированное распределение дел является нововведением в процессуальном законодательстве, на практике уже имеются нарушения данного порядка. Так, председатель Ленинского района суда г. Севастополя по своей инициативе распределила дело между судьями, указав, что дело было не распределено, а заявитель подал заявление об ускорении рассмотрения. Однако ККС г. Севастополя доводы главы суда не приняла, а действия оценила как недобросовестные и нарушающие ФЗ «О статусе судей». Данное решение было обжаловано в апелляционном порядке, однако Судебная коллегия по административным делам ВС РФ оставила решение без изменения, а апелляционную жалобу без удовлетворения [6].

Таким образом, автоматизированная система распределения дел между судьями имеет преимущественное значение в вопросе обеспечения беспристрастности судей в гражданском судопроизводстве. Автоматическое распределение дел с использованием информационных технологий позволит исключить влияние заинтересованных лиц, а также обеспечить прозрачность правосудия с учетом специализации и нагрузки конкретного судьи.

В настоящее время формирование состава суда, рассматривающего и разрешающего гражданское дело, осуществляется с учетом только нагрузки и специализации судей (ч. 3 ст. 14 ГПК РФ), т.е. законодатель учел только положение суда как субъекта гражданских процессуальных правоотношений. Однако в гражданские процессуальные правоотношения суд вступает с участниками гражданского судопроизводства и их состав также влияет на порядок и сроки рассмотрения и разрешения заявленных требований. Кроме того, автоматизированная система должна учитывать и само требование, предъявляемое заинтересованными лицами. Полагаем, что такая система должна строиться с соблюдением следующих критериев: нагрузка и специализация судей, а также сложность дела, в том числе характер и содержание заявленных требований, количественный и качественный состав участников конкретного гражданского дела.

Список источников:

1. Определение Конституционного Суда РФ от 24 октября 2013 г. № 1599-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Урахина Михаила Викторовича, Урахчиной Виктории Александровны и других на нарушение их конституционных прав статьей 14, частью второй статьи 157 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 26 Закона РСФСР «О судостроительстве РСФСР», пунктами 1 и 7 части 3 статьи 35 Федерального конституционного закона «О судостроительстве РСФСР», пунктами 1 и 7 части 3 статьи 35 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» и подпунктом 3 пункта 1 статьи 6.2 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» // URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 19.12.2019).

2. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / Вступ. слово П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2015.

3. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный, научно-практический) // под ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2016.

4. *Панченко А.И.* О формировании состава суда для рассмотрения конкретного гражданского дела и полномочиях председателя суда (заместителя председателя) по передаче дела в производство другого судьи // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2016. № 3. С. 82–94.

5. *Капустин О.А.* Организация автоматизированного распределения дел в федеральном суде общей юрисдикции // Закон и право. 2019. № 1. С. 129–134.

6. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 19 марта 2019 г. № 117-АПГ 18-11 // URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1754618 (дата обращения: 09.07.2019).

Балашова Ирина Николаевна

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

О НЕДОПУСТИМОСТИ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩЕГО АРБИТРАЖНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Аннотация: автором анализируется вопрос арбитража (третейского разбирательства) в аспекте конфликта интересов. Отмечается, что отсутствие конфликта в деятельности постоянно действующего арбитражного учреждения является важной гарантией независимости и беспристрастности третейского судьи, рассматривающего конкретный спор. Анализируется круг субъектов, которые способны оказывать влияние на деятельность состава третейского суда. Предлагается внести изменения в действующее процессуальное законодательство, предусматривающее конфликт интересов в деятельности постоянно действующего арбитражного учреждения, как основания для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда или отмены решения третейского суда.

Ключевые слова: конфликт интересов, арбитраж, третейский суд, третейское разбирательство, постоянно действующее арбитражное учреждение, компетенция.

В современном российском законодательстве отсутствует единое определение института конфликта интересов. Конфликт интересов находит свое закрепление в специальных законах, определяющих статус юридических лиц различных организационно-правовых форм. Степень разработанности этих законодательных положений значительно различается.

Распространение института «конфликт интересов» на третейское разбирательство вызвано необходимостью предотвращения влияния на состав третейского суда, рассматривающего конкретное дело каких-либо частных интересов, обеспечения гарантии независимости и беспристрастности третейского судьи (судей).

Арбитраж, администрируемый постоянно действующим арбитражным учреждением (далее – ПДАУ) является видом арбитража,

который характеризуется соединением деятельности арбитров по разрешению спора и функционированием профессиональной структуры по администрированию третейского разбирательства посредством назначения (отвода) арбитров, предоставления помещений и технических средств, ведения делопроизводства, получения и распределения арбитражных сборов и т.п. [1, с. 299].

Так, в соответствии со статьей 46 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об арбитраже») не допускается конфликт интересов при осуществлении деятельности постоянно действующего арбитражного учреждения.

Как отмечает Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 18.11.2014 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Сбербанк России», независимость третейского судьи от сторон рассматриваемого спора подразумевает, как правило, отсутствие трудовых, гражданско-правовых и иных правоотношений, а беспристрастность обеспечивается законодательным закреплением ряда специальных требований, которые предъявляются к третейским судьям. Отсутствие предубеждения и пристрастности со стороны судьи является необходимым условием справедливого судебного разбирательства.

ФЗ «Об арбитраже» определяет круг субъектов, которые способны оказывать влияние на деятельность состава третейского суда, рассматривающего спор. В целях предотвращения конфликта интересов, закон не допускает администрирование ПДАУ арбитража в ряде случаев:

во-первых, не может выступать в качестве стороны третейского разбирательства некоммерческая организация, при которой создано постоянно действующее арбитражное учреждение.

Так, например, в соответствии с уставом Торгово-промышленная палата РФ является негосударственной некоммерческой организацией, созданная в организационно-правовой форме союза представления и защиты законных интересов своих членов и в целях развития предпринимательства, экономической и внешнеторговой деятельности, реализации иных целей и задач, предусмотренных

Законом РФ «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» и Уставом. В соответствии со статьей 52 Устава ТПП РФ указывается, что при ТПП России действуют: МКАС, МАК, Спортивный арбитраж, деятельность которых осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации, положениями и регламентами, утверждаемыми ТПП России. Таким образом, не допускается участие в качестве стороны третейского разбирательства ТПП РФ, администрируемых ПДАУ созданных при ней;

во-вторых, не может выступать в качестве стороны третейского разбирательства учредитель (участник) некоммерческой организации, при которой создано ПДАУ. Статус учредителя (участника) НКО определяется в соответствии с ФЗ от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». В соответствии с п. 2 ст. 13 указанного ФЗ создание некоммерческой организации в результате ее учреждения осуществляется по решению учредителей (учредителя). Учредителями некоммерческой организации в зависимости от ее организационно-правовых форм могут выступать полностью дееспособные граждане и (или) юридические лица.

Высшими органами управления некоммерческими организациями в соответствии с их учредительными документами являются: коллегиальный высший орган управления для автономной некоммерческой организации; общее собрание членов для некоммерческого партнерства, ассоциации (союза). Исполнительный орган некоммерческой организации может быть коллегиальным и (или) единоличным. Он осуществляет текущее руководство деятельностью некоммерческой организации и подотчетен высшему органу управления некоммерческой организацией.

в-третьих, не может выступать в качестве стороны третейского разбирательства лицо, к компетенции которого относится решение вопросов, связанных с назначением, отводом или прекращением полномочий арбитров, или его близкие родственники.

Так, например, в соответствии с Положением об организационных основах деятельности МКАС при ТПП РФ решение вопросов, связанных с назначениями, отводами и прекращением полномочий арбитров, производится комитетами по назначениям. Комитеты по назначениям формируются сроком на шесть лет и действуют вплоть до утверждения их состава Общим собранием арбитров, включенных в новый список. В МКАС формируются следующие комитеты по назначениям: Комитет по назначениям арбитража международных коммерческих споров, состоящий из шести лиц, изби-

раемых общим собранием, и трех лиц, назначаемых Президентом ТПП РФ; Комитет по назначениям арбитража внутренних споров, состоящий из шести лиц, избираемых общим собранием, и трех лиц, назначаемых Президентом ТПП РФ; Комитет по назначениям арбитража корпоративных споров, состоящий из четырех лиц, избираемых общим собранием, и двух лиц, назначаемых Президентом ТПП РФ; Комитет по назначениям арбитража спортивных споров, состоящий из четырех лиц, избираемых общим собранием, и двух лиц, назначаемых Президентом ТПП РФ.

В соответствии с Положением об Арбитражном центре при РСПП¹ к полномочиям Комитета по назначениям Арбитражного центра относятся предусмотренные законодательством и правилами Арбитражного центра функции, связанные с назначением, отводом и прекращением полномочий арбитров. Член Комитета по назначениям обязан не допускать конфликта интересов при осуществлении своих функций, уведомлять других членов Комитета по назначениям о наличии или возможности наличия у него личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов при рассмотрении какого-либо вопроса. При наличии конфликта интересов член Комитета по назначениям не участвует в обсуждении и голосовании по соответствующему вопросу. Участие такого члена Комитета по назначениям в заседании не учитывается для целей определения кворума

У законодателя нет четкого понимания относительно конфликта интересов в третейском разбирательстве. По этой причине допускается, помимо случаев указанных в законе, закрепление правилами постоянно действующего арбитражного учреждения дополнительных ситуаций.

Так, например, в соответствии с Внутренним регламентом Арбитражного центра при автономной некоммерческой организации «Институт современного арбитража» не могут быть стороной арбитража, администрируемого Арбитражным центром: Институт; учредители Института; лица, входящие в органы управления Института; лица, фактически определяющие действия Института; члены Президиума; близкие родственники членов Президиума; организации, если член Президиума имеет право прямо или косвенно распоряжаться более чем 50 % голосов в высшем органе такой организации либо право назначать (избирать) единоличный исполни-

¹ См.: <https://arbitration-rspp.ru/documents/rules-archive/rules-from-01-08-2018-till-01-03-2020/statute/>

тельный орган и (или) более 50 % состава коллегиального органа такой организации.

Анализ процессуального законодательства позволяет сделать определённые выводы, что конфликт интересов, при всем его негативном характере влияния на результат рассмотрения спора третейским судом, не рассматривается в качестве безусловного основания для отмены арбитражного решения или отказа в исполнении арбитражного решения. Видится целесообразным внести в АПК РФ и ГПК РФ положения, содержащего указанные основания для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда или отмены решения третейского суда.

Список источников:

1. Гражданское процессуальное право: учебник / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2020. С. 299 (автор главы – А.А. Костин).

Бардин Лев Николаевич

*к.ю.н., доцент департамента систем судопроизводства
и уголовного права факультета права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»*

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ ГАРАНТИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 46 И 48 КОНСТИТУЦИИ РОССИИ

Аннотация: реализация права на судебную защиту невозможна без реализации права на квалифицированную юридическую помощь. Для представителей во всех судах общей юрисдикции необходимо как минимум наличие высшего юридического образования. Юристы без статуса адвоката должны быть наделены правом включения в государственную систему бесплатной юридической помощи.

Ключевые слова: судебная защита; квалифицированная юридическая помощь; адвокат; юрист; представитель; бесплатная юридическая помощь.

Конституцией Российской Федерации каждому гарантируется как судебная защита его прав и свобод (ст. 46), так и право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48). Но возможна ли реализация права на судебную защиту без привлечения гражданином иного лица как представителя для оказания квалифицированной юридической помощи?

В соответствии со ст. 2 ГПК РФ задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов прежде всего граждан, а уже потом организаций и иных субъектов правоотношений. При этом гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду, мирному урегулированию споров.

Под воздействием целого ряда факторов гражданин может решить, что ему по силам самостоятельно разобраться в том, как об-

ратиться к мировому судье или в районный суд, как оформить свои требования, как вести себя при рассмотрении дела в суде. К тому же, в книжных магазинах достаточно широк выбор брошюр из серии «Сам себе адвокат/юрист», в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» круглосуточно проконсультируют и за несколько минут составят исковое заявление на основании заполненной анкеты. Опять же, исковое заявление можно написать по образцу на стенде в здании или на сайте суда. И размер государственной пошлины в судах общей юрисдикции оказывается весьма необременительным. Затем гражданин прочитает ч. 2 ст. 12 ГПК, в соответствии с которой суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

В порядке содействия в реализации прав судья порой вынужден указывать, как нужно исправить исковое заявление, какие документы приложить, какие доказательства представить. Содействие истцу может восприниматься ответчиком как подсказка и заинтересованность судьи в исходе дела. Возникает сомнение в независимости и беспристрастности суда. Определенные гарантии в реализации права гражданину на судебную защиту дает обращение к прокурору, который на основании ст. 45 ГПК РФ вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов в частности и граждан. Правда, заявление в защиту прав гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. И практика свидетельствует, что количество заявлений прокуроров в суд в защиту прав граждан весьма незначительно.

Вносимые в последние годы изменения в ГПК дают достаточные основания полагать, что самостоятельно защитить свои права не имеющему юридического образования гражданину без квалифицированной юридической помощи становится сложнее. Например, не просто даже для профессионального юриста подать в суд исковое заявление, жалобу и иные документы в электронном виде в фор-

ме электронного документа, подписанного электронной подписью. Требуется определенный уровень знаний соблюдение ст. 56 ГПК об обязанности доказывания, включая раскрытие доказательств. Потребуется знание не только законов, но и постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, постановлений Президиума Верховного Суда Российской Федерации, а также обзоров судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. Несомненна важность ст. 203.1. ГПК РФ, в соответствии с которой вопросы исправления описок и явных арифметических ошибок, разъяснения решения суда, отсрочки или рассрочки исполнения решения суда, изменения способа и порядка его исполнения, индексации присужденных денежных сумм рассматриваются судом в десятидневный срок со дня поступления заявления в суд без проведения судебного заседания и без извещения лиц, участвующих в деле. Нельзя не учитывать факт введения обязательного досудебного порядка по самым разным категориям дел.

Поскольку самостоятельное обращение за судебной защитой к реальной защите может не привести, гражданин может воспользоваться своим конституционным правом на квалифицированную юридическую помощь. И здесь он сталкивается с целым рядом проблем. Во-первых, до сих пор не принят закон о квалифицированной юридической помощи. Только в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» прямо указано, что адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката. Иные лица, предлагающие гражданам юридические услуги, являются предпринимателями и помогают гражданам на основании договоров возмездного оказания услуг или поручения, а в случае некачественных услуг могут, в отличие от адвокатов, отвечать только в судебном порядке. В отличие от адвокатов, юристы-предприниматели не создали корпорацию с четкими условиями членства, сводом этических правил и процедурой привлечения к дисциплинарной ответственности. Вместо сопротивления разрабатываемому проекту концепции о судебном представительстве только адвокатами эти юристы вполне могут извлечь опыт Республики Казахстан, законодательно закрепившей альтернативу адвокатуре в виде ассоциации судебных консультантов.

В соответствии со ст. 49 ГПК РФ (в ред. Федерального закона от 28.11.2018 № 451-ФЗ) представителями в суде, за исключением

дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Названная компромиссом по сравнению с редакцией законопроекта, требующей для всех представителей во всех судах общей юрисдикции как минимум высшего юридического образования, на наш взгляд, оказалась не самым лучшим решением. Когда гражданин при помощи представителя без юридического образования допустил непоправимые ошибки в суде первой инстанции, не всякий адвокат или юрист-предприниматель возьмется за представительство в апелляции или кассации. Представляется необходимым вернуться к вопросу о введении для представителей во всех судах общей юрисдикции как минимум высшего юридического образования. Одновременно необходимо внести изменения в законодательство о бесплатной юридической помощи, в частности, предусматривающие право на участие в государственной системе бесплатной юридической помощи не только адвокатов, но и иных лиц с высшим юридическим образованием. Тем самым будет снято опасение об удорожании юридической помощи представителей, а юристы с бесплатными консультациями войдут в правовое поле.

Барсукова Вероника Николаевна

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ЗНАЧЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ КОНВЕНЦИОННЫХ ОРГАНОВ В ВОПРОСАХ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: автором рассмотрены отдельные вопросы международной защиты чести и достоинства человека в отдельных конвенционных органах. Раскрывается неоднозначность позиции Европейского суда по правам человека в указанном вопросе. Внимание уделяется органам защиты прав человека, созданным в рамках СНГ.

Ключевые слова: честь и достоинство, защиты, права человека, конвенционный орган.

Особая роль в деле защиты прав человека и обеспечения его достоинства принадлежит конвенционным органам, уполномоченным в сфере контроля за выполнением международных соглашений по правам человека (как региональным, так и универсальным). К числу универсальных конвенционных органов относится ряд комитетов, созданных в рамках ООН: Комитет по правам человека; Комитет по правам ребенка; Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин; Комитет против пыток и др. Большое значение принадлежит региональным системам защиты прав человека и его достоинства (Европейской, Межамериканской, Азиатской, Африканской, СНГ). Применительно к России особый интерес представляют Европейской системе защиты и СНГ.

Поскольку Россия с февраля 1996 г. является членом Совета Европы, то она подпадает под юрисдикцию ЕСПЧ. В литературе выделяют три группы прав, которые могут быть защищены ЕСПЧ: права человека на свободу, безопасность и справедливое судебное разбирательство; личные права; политические и гражданские права. В перечне прав, которые могут быть защищены посредством ЕСПЧ нет прямого указания на возможность защиты права на честь и достоинство. Однако нарушение перечисленных прав неизбежно влечет за собой ущемление достоинства человека, а следовательно, защищая любое из них, ЕСПЧ защищает и достоинство человека. Традиционно самыми частыми нарушениями прав человека рос-

сийскими властями является жестокое и бесчеловечное отношение с гражданами, в т.ч., применение пыток, что является крайне тревожным сигналом. Очевидно, достоинство человека пока не слишком признается в нашем государстве. Особенная роль в числе международных средств защиты принадлежит пилотным постановлениям ЕСПЧ. Они предусматривают меры ответственности комплексного характера, которые включают в себя меры индивидуального и общего характера. Меры индивидуального характера обязывают государство выплатить выигравшему заявителю справедливую компенсацию; освобождение от заключения арестованного и снятие с него судимости; пересмотр судебного дела; помилование заявителя и т.п. Меры общего характера представляют собой предписания государству предпринять меры по исправлению нарушений, имеющих массовый характер из-за системной проблемы. Последние могут быть выражены как в виде предписания внести изменения в действующее законодательство, так в сфере повышения эффективности правоприменения по рассматриваемому вопросу. Так, во исполнение постановления ЕСПЧ был принят Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и внесены соответствующие изменения в ГПК РФ и АПК РФ, а впоследствии процессуальные нормы из ГПК РФ были перемещены в КАС РФ посредством создания специальной главы 26.

Анализ содержания законодательства о компенсации в связи с нарушением права на судопроизводство в разумный срок показывает, что оно направлено в первую очередь на защиту права на справедливую судебное разбирательство в разумный срок, тем самым обеспечивая защиту достоинства личности. Таким образом, значимость пилотных постановлений ЕСПЧ сложно переоценить. Однако и индивидуальные решения также имеют большое значение в деле защиты достоинства личности. К сожалению, в последние годы правозащитная деятельность ЕСПЧ нередко отягощена политическим фактором, который подрывает доверие российских властей к его юрисдикции. ЕСПЧ принял ряд постановлений, которые вступают в прямое противоречие с Конституцией РФ. В частности, 22 марта 2012 г. было принято решение по делу «Константин Маркин против России», которое вступило с противоречие с ранее данным толкованием Конституционного Суда РФ. По сути, ЕСПЧ признал решение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. нарушением Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Позднее были

приняты и другие решения подобного характера, например, постановление по делу «Анчугов и Гладков против России» от 4 июля 2013 г., постановление по делу «Мозер против России» от 23 февраля 2016 г., постановление по делу «ЮКОС против России».

Сегодня широкое распространение получило мнение, что такого рода постановления в основном направлены ни на разрешение правового вопроса, а на оказание политического и экономического давления на Россию [1]. Возникли даже предложения о выходе из-под юрисдикции ЕСПЧ, создании собственного суда по правам человека в рамках СНГ, а также об исключении из Конституции РФ нормы о приоритете международного права [2, 3, 4], о чем в Государственную Думу РФ был внесен проект закона № 564346-5. По этому поводу В.Д. Зорькин отметил, что «Россия должна, с одной стороны, бороться за сохранение собственного суверенитета, а с другой стороны, за бережное отношение к Европейской Конвенции, являющейся составной частью российской правовой системы. Однако Конвенция не должна признаваться, как имеющая большую юридическую силу по сравнению с национальной Конституцией» [5]. Согласно ФКЗ от 14 декабря 2015 г. «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон № 7-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», КС РФ получил право принимать постановления «о невозможности исполнения в целом или в части в соответствии с Конституцией Российской Федерации решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, принятого на основании положений международного договора Российской Федерации в их истолковании межгосударственным органом по защите прав и свобод человека». В принятом законе по существу была выражена позиция Е.А. Лукашовой, согласно которой «если все мы сходимся в одном – что отменить глобализацию либо остановить ее невозможно, то следует сосредоточить внимание на том, как минимизировать негативные последствия этого процесса...» [6, С. 6].

Помимо европейских организаций для российских граждан огромное значение имеют правозащитные организации, созданные в рамках СНГ. Согласно ст. 2, 3 Устава СНГ «целями Содружества являются обеспечение прав и основных свобод человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного договора и документами БСЕС – ОБСЕ для всех, вне зависимости от расы, этнической принадлежности, языка, религии, политических или иных убеждений, содействие гражданам государств – членов СНГ в свободном общении, контактах и передвижении в Со-

дружестве, взаимная правовая помощь и сотрудничество в других правовых отношениях» Помимо европейских организаций для российских граждан огромное значение имеют правозащитные организации, созданные в рамках СНГ. Устав СНГ был принят 22 января 1993 г. Согласно ст. 2, 3 Устава «целями Содружества являются обеспечение прав и основных свобод человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного договора и документами СБСЕ – ОБСЕ для всех, вне зависимости от расы, этнической принадлежности, языка, религии, политических или иных убеждений, содействие гражданам государств – членов СНГ в свободном общении, контактах и передвижении в Содружестве, взаимная правовая помощь и сотрудничество в других правовых отношениях». В рамках СНГ заключен ряд двусторонних и многосторонних договоров о сотрудничестве в области защиты прав и свобод человека. В числе важнейших многосторонних договоров следует назвать Конвенцию СНГ о правах и основных свободах человека. В данной Конвенции нашли отражение все права, закрепленные во Всеобщей Декларации прав человека и международных пактах о правах человека. Однако имеется и некоторая специфика, которая касается в первую очередь прав женщин (например, запрет смертной казни в отношении беременной женщины), детей и т.п. Статья 33 Устава предусматривает создание такого правозащитного органа, как Комиссия по правам человека со штаб-квартирой в Минске в качестве консульского органа Содружества, наблюдающего за выполнением обязательств по правам человека, взятых на себя государствами-членами в рамках Содружества. Положение о Комиссии по правам человека от 24 сентября 1993 г. является неотъемлемой частью Конвенции. Данная организация вправе в пределах своей компетенции рассматривать, в том числе, индивидуальные жалобы по вопросам, связанным с нарушениями прав человека при условии, что заявителем были исчерпаны все иные внутригосударственные средства защиты и с этого момента прошло более шести месяцев, поставленный в обращении вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования; обращение не является анонимным.

Таким образом, сегодня можно констатировать наличие целого комплекса международных организаций, деятельность которых нацелена на обеспечение достоинства человека, посредством защиты его прав.

Список источников:

1. *Гаганов А.* Чем грозит России Европейский суд в 2015 году? URL: <http://rusrand.ru/analytics/konstitucionnyu-sud-protiv-evropeyskogo-suda> (дата обращения: 13.04.2015).
2. *Сидибе П.* Право, только право // Российская газета. 2010. 13 дек.
3. *Торшин А.П.* Создать собственный суд по правам человека // Парламентская газета. 2011. 14 окт.
4. *Безрукова Л.* «Болезнь роста». Что высветило дело капитана Маркина // Российская газета. 2011. 2 февр. и др.
5. *Зорькин В.Д.* Предел уступчивости // Российская газета. 2010. 29 окт.
6. Права человека и процессы глобализации современного мира / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2007.

Батурина Наталья Александровна

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ ФГБОУ ВО «СГЮА»)

Аннотация: в тезисах освещается деятельность юридической клиники ФГБОУ ВО «СГЮА» в период пандемии. Автор акцентирует внимание на некоторые проблемы организации оказания бесплатной юридической помощи в условиях действия ограничительных мер.

Ключевые слова: бесплатная юридическая помощь, юридическая клиника, доступность юридической помощи, дистанционная юридическая помощь.

Согласно Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью. При этом стоит заметить, что права и свободы человека не являются абсолютными и могут быть ограничены. Часть 3 ст. 55 Конституции РФ гласит, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В ситуации пандемии COVID-19 введение ряда ограничений конституционных прав и свобод граждан является вынужденной и необходимой мерой. Минюст России, которому было поручено проанализировать практику применения принятых в целях борьбы с распространением инфекции нормативно-правовых актов, пришел к выводу, что введенные ограничительные меры не выходят за пределы компетенции соответствующих органов власти и отвечают конституционным целям охраны жизни и здоровья граждан [1].

В то же время некоторые конституционные права не могут быть ограничены ни при каких условиях. К их числу относится право на квалифицированную юридическую помощь (ст. 55 Конституции

РФ). В условиях пандемии актуальность такой помощи существенно возросла, поскольку в режиме введенных ограничений многие граждане России столкнулись с рядом серьезных проблем, требующих правовой поддержки.

Как известно, в Российской Федерации и ее субъектах юридическая помощь определенным категориям граждан оказывается бесплатно. Оказание бесплатной юридической помощи в негосударственной системе бесплатной юридической помощи наряду с негосударственными центрами бесплатной юридической помощи осуществляется юридическими клиниками, созданными образовательными организациями высшего образования.

В ФГБОУ ВО «СГЮА» более двадцати лет функционирует юридическая клиника. Студенты-стажеры юридической клиники под руководством преподавателей СГЮА и сотрудников юридической клиники оказывают населению бесплатные правовые услуги, в том числе консультируют граждан, составляют правовые документы. Жители Саратовской области знают юридическую клинику СГЮА как организацию, оказывающую бесплатную и действенную юридическую помощь.

Эффективность бесплатной юридической помощи зависит не только от того, кто ее оказывает, но и от того, какими способами это делается. Приказом Министерства образования и науки РФ от 28 ноября 2012 г. № 994 был утвержден «Порядок создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядок их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи», п. 7 которого предусматривает, что юридические клиники могут оказывать бесплатную юридическую помощь в ходе личного приема граждан, дистанционно с использованием средств телефонной, почтовой связи, сети Интернет и (или) электронной почты, а также путем проведения выездных мероприятий. В период пандемии, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции, студенты СГЮА перешли на дистанционное обучение, а юридическая клиника СГЮА полностью перешла на работу в дистанционном формате.

Стоит отметить, что организация дистанционного оказания юридической помощи не вызвала затруднений, поскольку такой формат активно применялся для консультирования граждан, проживающих в отдаленных районах Саратовской области. В условиях пандемии проводятся онлайн-консультации, помощь посредством

телефонной связи, электронной почты, социальных сетей. В период действия противоэпидемического режима граждане дополнительно получили возможность воспользоваться сервисом «Бесплатная юридическая помощь онлайн» на официальном сайте СГЮА, позволяющим задать вопрос студентам юридической клиники СГЮА: для этого достаточно заполнить необходимую форму. После поступления вопроса сотрудник клиники информирует гражданина о регламенте работы и знакомит с правилами оказания юридической помощи студентами-стажерами. Затем вопрос передается студенту-стажеру для подготовки письменного ответа. Если же ситуация требует составления процессуального документа, то в соответствии с правилами работы юридической клиники СГЮА в недельный срок студент составляет процессуальный документ, который после проверки его преподавателем-куратором отправляется по электронной почте гражданину. При этом в сопроводительном письме гражданину разъясняется процедура его подачи в суд или иной государственный орган.

В рамках дистанционной работы юридическая клиника СГЮА не ограничивает свою деятельность только помощью тем категориям граждан, которые указаны в Федеральном законе № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», и консультирует бесплатно всех обращающихся за помощью физических лиц. Наиболее часто за правовой помощью обращаются пенсионеры, неработающее население города и области, инвалиды, матери-одиночки, дети-сироты. Примечательно, что в условиях пандемии (по сравнению с обычным режимом работы) стали преимущественно обращаться лица молодого и среднего возраста. Отчасти это можно объяснить отсутствием у большого процента пожилого населения знаний и навыков пользования современными средствами коммуникации.

Как и в период до эпидемии, больше всего клиентов юридической клиники интересуют вопросы по гражданскому, семейному, жилищному и трудовому праву, в частности, вопросы наследования, расторжения брака, алиментных обязательств, ЖКХ, оформления земельных отношений. Значительное число вопросов задаётся по гражданскому процессу в связи с подачей искового заявления или же необходимостью ответа на исковые требования. Однако в период эпидемии стали поступать и новые вопросы. Например, большое количество обращений в юридическую клинику связано с проблемами получения денежных выплат лицам, имеющим детей

до 16 лет. Кроме того, много вопросов поступает относительно порядка и условий предоставления «ипотечных каникул».

В период пандемии юридическая клиника СГЮА продолжила работу и по правовому просвещению населения. На страницах в социальных сетях ВКонтакте и Инстаграм еженедельно публикуется актуальная информация, разъясняющая меры государственной поддержки граждан, порядок предоставления льгот отдельным категориям граждан и т. д.

Несмотря на очевидные преимущества дистанционной юридической помощи, такой формат не позволяет получить юридическую помощь гражданам, которые не умеют пользоваться Интернетом и компьютером или не имеют для этого технической возможности. Более того, по разным причинам в правосознании значительной части граждан закрепилось недоверие к дистанционному получению информации. Как показывают исследования социологов и психологов, для многих граждан (особенно пожилого возраста) важна сама по себе возможность изложить жалобу при личной беседе [2, с. 21]. Случается, что жалуясь студенту, человек сам находит решение своей проблемы или понимает ее преувеличенность. Поэтому дистанционная юридическая помощь не должна полностью вытеснить юридическую помощь, оказываемую посредством традиционного (личного) общения студента-стажера с клиентом.

При работе в дистанционном формате сотрудники юридической клиники и студенты-стажеры также сталкиваются с рядом трудностей. Дистанционная юридическая консультация всегда требует больших затрат времени на ее организацию (предварительные переговоры по телефону или переписка по электронной почте, получение и распечатка документов и т. п.). Нередко гражданами в силу юридической неграмотности предоставляется недостаточно информации для подготовки ответа или процессуального документа. В этой связи сотрудники юридической клиники вынуждены неоднократно связываться с гражданином для получения уточняющей информации посредством телефонной связи или электронной почты. Не всегда граждане понимают, фото какого именно документа необходимо прислать. Бывает, что присланный документ не читается или не открывается. Иногда, наоборот, гражданами предоставляется излишняя информация, которая может усложнить работу студента, запутать его.

В заключение отметим, что юридическая клиника СГЮА успешно перешла на новый формат работы по оказанию бесплатной юри-

дической помощи, который будет продолжаться и в новом учебном году на постоянной основе. Между тем векторы современного развития института бесплатной юридической помощи должны быть обусловлены не только спросом на оптимизированную, информационно-ориентированную и эффективную помощь, но и обеспечением доступности такой помощи. Дистанционный формат иногда препятствует ее получению отдельными категориями граждан, подчас в наибольшей степени нуждающихся в ней. В этой связи необходимо подумать над созданием такой модели оказания бесплатной юридической помощи, которая бы не только соответствовала новым дистанционным условиям жизни, но и могла бы обеспечить доступ к ней всем нуждающимся гражданам.

Список источников:

1. Минюст России завершил работу по анализу практики применения нормативных правовых актов, принятых в целях борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции [Электронный ресурс]: URL: <http://minjust.gov.ru/ru/novosti/minyust-rossii-zavershil-rabotu-po-analizu-praktiki-primeneniya-normativnyh-pravovyh-aktov> (дата обращения: 22.08.2020).

2. *Краснова О. В., Галасюк И. Н., Шинина Т. В.* Психология личности пожилых людей и лиц с ограничениями здоровья: учебное пособие для слушателей профессиональной переподготовки по специальности «Психологическая работа в учреждениях социальной сферы» / под ред. О.В. Красновой. М.: ДСЗН, 2010.

Бахарева Ольга Александровна

*к. ю. н., доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОСЛЕДСТВИЙ, ВЫЗВАННЫХ НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ПОДСУДНОСТИ

Аннотация: в данной статье на основе примеров судебной практики анализируются положения процессуального законодательства устанавливающие последствия нарушения правил подсудности.

Ключевые слова: гражданский процесс, подсудность, последствия нарушения правил подсудности, отмена судебного решения.

Предоставленное в ч. 1 ст. 47 Конституцией РФ каждому гражданину право на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, который согласно правилам подсудности правомочен рассматривать и разрешать гражданское дело, является одной из многих гарантий права на судебную защиту и доступность правосудия. Соблюдение правил подсудности выступает одним из условий реализации права на иск, которое М.А. Гурвич назвал «обстоятельством процессуального характера, с которым связано надлежащее осуществление возникшего субъективного права на предъявление иска» [1, с. 53].

Неверное определение правил подсудности влияет на доступность и эффективность правосудия. Можно выделить правовые последствия несоблюдения правил подсудности. Так, на стадии возбуждения гражданского судопроизводства, в случае, если гражданское дело не подсудно данному суду, исковое заявление подлежит возвращению (п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ); на стадии подготовки гражданского дела к судебному разбирательству и на стадии судебного разбирательства, оно подлежит передаче в другой суд по подсудности (п. 3 ч. 3 ст. 33 ГПК РФ); в случае, если решение вынесено судом, которому данное дело было или стало неподсудно, оно подлежит отмене на основании ч. 3 ст. 330 ГПК РФ и передачи дела по подсудности в суд первой инстанции [2, п. 37]. Таким образом, нарушение правил подсудности не всегда должно автоматически приводить к отмене судебного решения. Необходимо исследовать и проанализировать, из-за чего произошло нарушение и повлияла ли оно на исход судебного разбирательства.

Обратим внимание на пример из судебной практики, по которому между работником и работодателем был заключен договор, о том, что споры рассматриваются в определенном суде. Однако условие такого трудового договора о подсудности споров определенному районному суду ухудшает положение работника и ограничивает его право, гарантированное ст. 47 Конституции РФ – право истца на доступ к правосудию и судебную защиту, ухудшает его положение, предусмотренное ст. 29 ГПК РФ, согласно которой работник, с которым случился несчастный случай на производстве, может выбрать суд по месту его жительства или по месту причинения вреда. Таким образом, условия заключаемого трудового договора относительно правил территориальной подсудности не должны ограничивать право гражданина на защиту его нарушенных прав и интересов по сравнению с положениями ГПК РФ и поэтому они не подлежат применению, что находит своё закрепление и в ст. 9 ТК РФ, ст. 47 Конституции РФ. Право выбора суда, в котором будет рассматриваться дело, принадлежит работнику, а не его работодателю. В избранном работником суде, скорее всего, будет больше возможностей для доказательства своей позиции – например, привлечения свидетелей, получения письменных доказательств. Следовательно, иски работников о возмещении вреда, причинённого здоровью в связи с исполнением трудовых обязанностей, могут быть поданы в суд по выбору работника – по месту его жительства либо по месту причинения вреда (ст. 23–24, 28–29 ГПК РФ) и не должны ограничиваться условиями трудового договора. Такое правовое регулирование создаёт работникам дополнительную гарантию судебной защиты прав и законных интересов работника [3].

Несоблюдение правил родовой или исключительной территориальной подсудности все же должно рассматриваться на законодательном уровне обязательным и безусловным основанием для отмены решения суда первой инстанции. Так, нормы регулирующие правила территориальной подсудности существуют не только для равномерного распределения судебной нагрузки, но и чтобы гарантировать гражданину и организации возможность защитить свои права в судебном порядке. Суд первой инстанции, рассматривая спор о возврате долгов за арендованный участок, не обратил внимание на то, что заявленные требования касаются не только взыскания, но и затрагивают права на участок, из-за чего проигнорировал необходимость применения правил исключительной территориальной подсудности – рассматривать этот спор в суде по месту нахождения

участка. В результате Саратовский областной суд отменил акт суда нижестоящей инстанции, сославшись на то, что иск о расторжении договора аренды можно предъявить только с соблюдением требований об исключительной территориальной подсудности, по месту нахождения спорного участка – в Саратовский районный суд Саратовской области (дело № 33-4578/2018) [4].

Поэтому следует поддержать мнение Г.Л. Осокиной, которая считает, что нарушение правил родовой и исключительной территориальной подсудности может повлечь отмену судебного решения в апелляционном, кассационном и надзорном порядке по мотиву разрешения дела незаконным составом суда и является следствием нарушения или неправильного применения норм процессуального права и безусловным основанием для отмены решения суда [5, с. 440–441.].

Таким образом, решение, принятое с нарушением правил подсудности, не может быть признано правильным, поскольку оно вопреки ч. 1 ст. 47 Конституции РФ и ч. 3 ст. 56 Конституции РФ принимается судом, не уполномоченным в силу закона на рассмотрение данного дела.

Список источников:

1. *Гурвич М.А.* Право на иск. М., 1949.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2012 № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.
3. ВС объяснил, как выбрать подсудность трудового спора // https://pravo.ru/news/207982/?mob_autoload=
4. Подсудность с ошибкой: когда ее можно допустить // <https://pravo.ru/story/211632/>
5. *Осокина Г.Л.* Гражданский процесс. Общая часть. М.: Юристъ, 2003.

Блажнова Лариса Ахмедовна

*соискатель кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ЭЛЕКТРОННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО КАК ИННОВАЦИЯ И ТРАДИЦИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ЮРИСДИКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы преемственности правил о доказательствах и доказывании в условиях внедрения в гражданских процесс новых технологий. Поднимаются проблемы законодательного регулирования такого признака электронного доказательства как достоверность.

Ключевые слова: традиции в гражданской юрисдикции; электронные доказательства; признаки доказательств; преемственность правил о доказательствах и доказывании; цифровые технологии в гражданском процессе.

Исследование основных тенденций развития российского гражданского судопроизводства неразрывно связано с насущной необходимостью понимания не только новых идей, концепций и явлений, привносимых в правовое поле, но и осознания фундаментальных основ права, к которым можно отнести правовые традиции.

Трактовка традиции, содержащаяся в основных европейских языках, позволяет установить, что сущность рассматриваемого понятия определяется свойствами преемственности и транслирования социальных ценностей [1, с. 652; 2, с. 305; 3, с. 717]. Таким образом, традиция чаще всего осознается как позитивный феномен, позволяющий выстраивать эффективные социальные институты современности на основе прошлого опыта. Особенно это касается таких основополагающих столпов устройства общества, как, например, правосудие, которое, по меткому замечанию М.Н. Зарубиной, несмотря на то, что в последние десятилетия иные явления правовой действительности «сменяют друг друга с космической скоростью» по-прежнему сохраняет в себе черты консервативности [4, с. 134]. Вместе с тем традиция не должна быть застывшей формой, воспринимаемой как устоявшаяся, непреложная и неизменяемая данность.

Ярким примером тому может служить внедрение в российский гражданский процесс новелл, регулирующих применение элек-

тронных доказательств. В связи с преобразованием социально-экономического устройства, последовательным внедрением во все сферы общественной и государственной жизни новых технологий, процессуальный порядок рассмотрения гражданских дел в судах был подвергнут значительному переустройству. Федеральной целевой программой «Развитие судебной системы на 2013–2020 годы» предусмотрены мероприятия, направленные на повышение эффективности правосудия. В частности, в гражданские процессуальные нормы были внесены изменения, касающиеся применения электронных доказательств [5].

Электронные доказательства представляют собой документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Электронные доказательства по сути своей являются письменными доказательствами, которые, согласно установившейся традиции и в соответствии со ст. 71 ГПК РФ, во-первых, должны содержать сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, и, во-вторых, должны быть выполнены способом, позволяющим установить достоверность доказательства. С одной стороны, отнесение признака достоверности к электронным доказательствам, как и к другим видам доказательств, существовавшим ранее, говорит о преемственности основных правил доказывания в гражданском процессе. Вместе с тем, законодательное регулирование такого признака электронного доказательства, как достоверность, вызывает множество вопросов. К таковым следует отнести, прежде всего, необходимость расширения способов обеспечения электронных доказательств, закрепление правил установления подлинности электронных доказательств в суде, решение проблемы доступности использования электронной подписи гражданами и др.

В настоящее время установлены два способа обеспечения электронных доказательств – судебный и нотариальный. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» указывается,

что после принятия к производству обращения, к которому в качестве доказательств обоснованности заявленных требований приложены распечатанные копии страниц сайтов в сети «Интернет», суд вправе в ходе подготовки дела к судебному разбирательству или в ходе судебного разбирательства по делу в целях собирания (обеспечения) доказательств незамедлительно провести осмотр данных страниц. Доказательства, подтверждающие распространение определенной информации, до обращения заинтересованного лица в суд могут обеспечиваться нотариусом.

На наш взгляд, в последнем случае не учитывается динамический, модифицируемый характер электронных доказательств. В том случае, если страница в сети «Интернет» подвергается частым изменениям, нотариальное ее заверение может порождать ряд сложностей для гражданина, в том числе финансового характера.

Проблемы могут возникнуть и в процессе установления подлинности подписи гражданина. Наиболее приемлемым способом, на наш взгляд, является заверение документа электронной подписью. Однако государством должна быть разработана система мер по общедоступному обеспечению граждан электронной подписью. Особенно значение это обстоятельство приобретает для лиц, проживающих вне пределов крупных населенных пунктов с развитой инфраструктурой.

Полагаем, что со временем эти и другие проблемы внедрения новых технологий в правосудие по гражданским делам будут урегулированы и начнут восприниматься российским обществом как устоявшееся, удобное и эффективное средство защиты права, «... ибо любая инновация, если она принимается множеством входящих в ту или иную группу людей, в результате этого стереотипизируется и сама превращается в традицию» [6, с. 80–81].

Важно только, чтобы способ развития правовой действительности был скорее эволюционным, чем революционным, в процессе которого правовые институты приобретают новые формы, не меняя, однако, своей изначальной сущности.

Список источников:

1. *Петрученко О.* Латинско-русский словарь. М., 1994. С. 652.
2. *Foulquie P. et Saint-Jean R.* Dictionnaire de la langue philosophique. Paris, 1969. P. 305.
3. *The New Encyclopedia Britannica: The index L-Z.* Chicago, 1997. P. 717.

4. *Зарубина М.Н.* О критерии стабильности правовых понятий в цивилистическом процессуальном праве // Перспективы развития гражданского процессуального права: сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции (Саратов, 14 сентября 2019 г.) / под ред. О.В.Исаенковой. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. С. 134.

5. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 годы»» (с изм. и доп. от 24.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 13; 2018. № 53 (часть II). Ст. 8687.

6. *Маркарян Э.С.* Узловые проблемы культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 80–81.

Богданова Татьяна Васильевна

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина»*

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ

Аннотация: материал посвящен исследованию проблем, связанных с избранием и реализацией способов защиты гражданских прав и законных интересов граждан. Автор приходит к выводу, что несмотря на то, что гражданским законодательством установлен закрытый перечень способов защиты прав и интересов гражданина, это не разрешает проблем, связанных с процессуальной стороной реализации права на защиту. Решение указанных проблем представляется крайне важным в силу их непосредственного влияния на интересы граждан, в связи с чем в статье рассмотрены предложения относительно их разрешения.

Ключевые слова: защита, способы защиты, формы защиты, гражданские права, законные интересы.

Российское право предусматривает две основные формы защиты гражданских прав. Первая – юрисдикционная, которая подразумевает под собой обращение за защитой гражданских прав к судебному или административному органу. Главная роль в ней отводится судам, осуществляющим гражданское судопроизводство. Вместе с тем, в рамках защиты своих прав, гражданин вправе обратиться за защитой и в иные уполномоченные органы. Так, в случае возникновения нарушения права в сфере защиты прав потребителя человек может обратиться за соответствующей защитой в Федеральную службу по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека; в случае нарушения трудовых прав, работник может обратиться в государственную инспекцию труда; в случае нарушения права физического или юридического лица в сфере антимонопольного права, такие субъекты могут обратиться с жалобой в Федеральную антимонопольную службу субъекта Российской Федерации и т.д.

Вторая форма защиты гражданских прав – неюрисдикционная, которая предусматривает самостоятельную защиту нарушенных

прав и интересов гражданами или организациями. В качестве примера можно привести самозащиту. Вместе с тем, необходимо отметить, что актуальные проблемы реализации защиты гражданских прав касаются обеих форм.

Одной из проблем в осуществлении правосудия является практическая реализация принципа равноправия сторон в гражданском судопроизводстве, который закреплен в ч. 1 ст. 12 ГПК РФ и является сопутствующим элементом способа защиты, который выбрал для себя гражданин [1]. Указанный принцип подразумевает под собой, что каждый имеет равную возможность осуществлять свои права в судебном процессе. Однако в современных условиях такая возможность все больше стала измеряться материальной составляющей. Так, в актуальной для российских судов ситуации, когда их нагрузка крайне высока, и они не могут справиться с потоком поступающих гражданских дел, роль адвокатов и иных представителей значительно повышается. В этой связи результат судебного заседания во многом зависит от умений и профессиональных навыков представителя одной из сторон. Как показывает практика, чем больше опыт и выше квалификация у юриста, тем дороже стоят его профессиональные услуги. В конкретной ситуации, можно говорить о том, что принцип равноправия сторон не работает в силу того, что современные экономические условия подразделяют общество на бедных и богатых, что, в свою очередь, делает судебную защиту для людей, имеющих низкий достаток, практически недостижимой [2]. Следует отметить, что государством и общественными и профессиональными организациями неоднократно предпринимались попытки разрешить указанную проблему. В качестве примера можно привести Методические рекомендации по размерам оплаты юридической помощи, оказываемой адвокатами гражданам, предприятиям, учреждениям и организациям [4]. Указанные рекомендации содержат в себе рекомендованные размеры оплаты за правовые консультации и составление процессуальных документов, рекомендации по оплате различных категорий дел, разграничение дел по сложности и т.д. Следует отметить, что на практике суды при оценке заявленных требований о взыскании расходов на представителей также зачастую руководствуются данными рекомендациями. Вместе с тем, это не решает проблему в полной мере, в связи с чем, на наш взгляд, необходимо прорабатывать вопрос развития квалифицированной юридической помощи для особо нуждающихся граждан на безвозмездной основе или за минимальную плату.

Несмотря на то, что такая социальная структура потребует от себя значительных расходов на оплату труда специалистов, это поможет возобновить работу принципа равноправия сторон и обеспечить нуждающимся гражданам надлежащую защиту их прав и законных интересов.

Еще одной, крайне важной проблемой является длительный процесс судебной защиты. Так, обратившись в суд за защитой своих гражданских прав и интересов, человек может ожидать конечного решения суда, с учетом прохождения всех инстанций, несколько лет. Длительность процесса во многом обусловлена несоблюдением судами процессуального закона. Однако обращение с жалобами, составленными на имя Председателя суда, как правило, не помогают ускорить процесс.

Однако если судебный процесс, в конечном счете, рано или поздно завершится, то стадия исполнения решения суда может продлиться бесконечно. Институт исполнительного производства в Российской Федерации работает крайне неэффективно, что подтверждается многочисленными судебными актами – жалобами лиц, на действия или бездействия работников службы судебных приставов. Так, в большинстве своем заявления граждан на судебных приставов связаны с их бездействием или незаконным прекращением исполнительного производства, что подтверждается Обзором судебной практики по оспариванию постановлений, действий (бездействий) должностных лиц ФССП России [3]. Кроме того, значительную часть заявлений суды оставляют без удовлетворения.

Еще одна проблема, которая, несомненно, заслуживает внимания, является проблема неисполнения или длительного исполнения решений Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Так, когда всевозможные способы и средства защиты на территории Российской Федерации исчерпаны, граждане обращаются за защитой в ЕСПЧ, который рассматривает соответствующие жалобы и в случае ее удовлетворения направляют ее на исполнение обратно на территорию страны. Как отмечается в докладе Комиссара по правам человека, по состоянию на сегодняшний день процент неисполненных решений ЕСПЧ в странах СНГ крайне высок [5].

Таким образом, необходимо отметить, что государство должно разрабатывать и принимать весь комплекс мер, направленных на защиту гражданских прав, а именно на восстановление или признание гражданских прав и защиту интересов при их нарушении или оспаривании. Вместе с тем, все еще остаются проблемы невоз-

возможности в ряде случаев реализации и защиты гражданских прав и надлежащего исполнения обязанностей, законодательные пробелы. В настоящее время, несмотря на официальное закрепление способов защиты прав и интересов гражданина, проблемы, связанные с фактической реализацией таких способов, остаются, к сожалению, в большом количестве.

Список источников:

1. Доклад Комиссара по правам человека. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coe.int/ru/web/commissioner/-/non-implementation-of-the-court-s-judgments-our-shared-responsibility> (дата обращения 03.09.2020).

2. Методические рекомендации по размерам оплаты юридической помощи, оказываемой адвокатами гражданам, предприятиям, учреждениям и организациям (утверждены решением Совета Адвокатской палаты Московской области от 22.10.2014 № 11/23-1) // СПС «Консультант Плюс».

3. Обзор судебной практики по оспариванию постановлений, действий (бездействий) должностных лиц ФССП России в 2016 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-po-osparivaniiu-postanovlenii-deistvii/> (дата обращения 03.09.2020).

4. Обобщение судебной практики на тему «Правовые проблемы избрания способов защиты и самозащиты гражданских прав». [Электронный ресурс]. URL: <http://faspo.arbitr.ru/node/15833> (дата обращения: 03.09.2020).

5. Постановление ФАС Центрального округа от 17.12.2009 по делу № А35-8986/2008-С25 // СПС «Консультант Плюс».

Борисова Виктория Федоровна

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

СМС-СООБЩЕНИЕ КАК СПОСОБ СУДЕБНОГО ИЗВЕЩЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ¹

Аннотация: статья посвящена проблемам судебного СМС-извещения, а именно содержательному наполнению СМС-сообщений, условиям использования данного способа извещения, выбору приоритетного способа извещения о времени и месте судебного заседания или проведения процессуального действия. В результате проведенного исследования разработаны требования к сведениям, подлежащим включению в судебное СМС-сообщение, а также предложения по предоставлению права выбора способа извещения.

Ключевые слова: судебные извещения и вызовы, СМС-сообщение, ГАС «Правосудие», надлежащее извещение.

Развитие информационных технологий в сфере правосудия затронуло практически все процессуальные институты. Не стал исключением институт судебных вызовов и извещений. Согласно ст. 113 ГПК РФ вызов в суд участников гражданского судопроизводства осуществляется посредством заказного письма с уведомлением о вручении, судебной повестки, телефонограммы, телеграммы, факса, либо при помощи иных средств связи, обеспечивающих возможность фиксации извещения и подтверждения получения информации адресатом. Помимо традиционных способов извещения, судами активно используются электронные платформы для уведомления и самостоятельного получения информации субъектами гражданских процессуальных правоотношений. Одним из прогрессивных способов извещения является направление участникам судопроизводства СМС-сообщений о месте и времени проведения судебного заседания или отдельного процессуального действия. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. № 257 был утвержден Регламент организации извещения участни-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

ков судопроизводства посредством СМС-сообщений [8]. К достоинствам СМС-извещения ученые относят оперативность, эргономичное расходование финансовых и трудовых ресурсов суда, соблюдение сроков судебного разбирательства гражданских дел [1, с. 4–5]. Некоторое недоверие к данному способу судебного извещения объясняется допустимостью ошибки в номере телефона адресата, отсутствием у суда достоверных сведений о принадлежности сим-карты участнику судопроизводства, возможностью прочтения СМС-сообщения иным лицом, недостаточным правовым регулированием достоверности вручения извещения [2, с. 130–132]. Вопрос о легитимности процедуры извещения посредством СМС-сообщений в литературе решается по-разному. Одни ученые утверждают, что применение механизма СМС-извещения не противоречит норме ст. 113 ГПК РФ и вытекает из ее смысла [1, с. 4–5], другие авторы высказывают несогласие с легитимной оценкой процедуры СМС-извещения в силу недостаточности ее правового регулирования [3, с. 12–14]. На наш взгляд, нельзя считать процедуру СМС-извещения незаконной, так как в настоящее время обеспечены требования, предъявляемые Верховным Судом РФ к надлежащему способу извещения, а именно достоверность фиксации передаваемого сообщения и факт его доставки адресату [4].

Вышеназванный регламент устанавливает условия извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений, к которым относится: согласие извещаемого лица, оформленное распиской с указанием действующего номера сотового телефона, пригодного для получения СМС-сообщений от суда; соблюдение законных сроков уведомления, достаточных для явки в суд и подготовки к судебному заседанию; фиксация судом отправки и доставки сообщения адресату. Указанные факты фиксируются автоматически в государственной автоматизированной системе «Правосудие», а отчет о доставке СМС-сообщения распечатывается и приобщается к материалам гражданского дела.

Содержание переданного СМС-сообщения может влиять на возможность признания такого извещения надлежащим. Текст сообщения должен включать в себя сведения об адресате, наименование и адрес суда, дату, время и место проведения судебного заседания или совершения процессуального действия. Однако требования к тексту СМС-сообщения нуждаются в конкретизации. Помимо названных данных, необходимо указывать процессуальное положение участника гражданского дела, то есть в качестве кого лицо

вызывают в суд. Нередко в СМС-сообщениях отсутствуют сведения о том, на какое процессуальное действие и в рамках какой стадии гражданского судопроизводства, приглашается извещаемый субъект. Объясняется подобное «упущение» сформировавшейся практикой проведения подготовки дела к судебному разбирательству без назначения предварительного судебного заседания. Получая первое электронное извещение по мобильному телефону, участнику процесса остается догадываться, для какой цели он приглашен в суд: для беседы как традиционно сложившейся в судах формы подготовки дела к судебному разбирательству либо для участия в предварительном судебном заседании. Усугубляет ситуацию «пагубная привычка» проводить подготовку дела к судебному разбирательству без вызова сторон. В этом случае после получения неинформативного СМС-сообщения, лицо, участвующее в деле является сразу в судебное заседание, оказавшись к нему не подготовленным. В результате в судебном заседании решаются задачи по собиранию дополнительных доказательств, определению круга лиц, которых необходимо привлечь к участию в деле, вызову свидетелей, что, к сожалению, приводит к затягиванию сроков рассмотрения и разрешения гражданского дела.

В тексте СМС-сообщения следует указывать номер гражданского дела, в рамках которого проводится извещение и по возможности сведения, персонализирующие иск. Номер дела позволяет представителям, сопровождающим значительное количество дел, ориентироваться в графике назначаемых судебных заседаний. Не лишней является информация о судье, рассматривающем дело по ряду причин. Нередко при длительном слушании дела судьи меняются, и суд в извещении ставит лицо в известность о том, кому передано дело на рассмотрение. Знание фамилии судьи облегчает поиск информации о движении дела в электронной картотеке дел. Помимо сведений о суде, в котором будет проводиться судебное заседание, необходимо обозначать номер нужного кабинета.

Свои особенности имеет процесс СМС-извещения при проведении судебного разбирательства в формате видеоконференцсвязи. Вопрос возложения на суд обязанности по СМС-извещению о судебном заседании в Регламенте организации применения видеоконференцсвязи в федеральных судах общей юрисдикции [5] не разрешен. Согласно общим правилам, извещением занимается суд, рассматривающий дело. При назначении судебных заседаний в режиме видеоконференции учитывается разница во времени между регио-

нами, в которых находятся суды. В связи с этим, при СМС-извещении участника судопроизводства о судебном заседании, проведение которого планируется в режиме видеоконференции, нужно указывать московское время во избежание путаницы с часовыми поясами.

В практической деятельности судов существует дилемма между классическими способами извещения и извещением посредством СМС-сообщений. Как правило, суды используют комбинированные способы извещения, для того чтобы обеспечить гарантированное доведение информации до получателя. При таком подходе обычный способ извещения теряет свою значимость и становится не эргономичным. После получения СМС-сообщения, извещаемое лицо не считает нужным посещать отделение почтовой связи для получения повестки на бумажном носителе. Регламент организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений содержит некоторую альтернативу способов извещения, а также случаи ограничения применения СМС-извещения. Если в течение суток информация о получении СМС-извещения адресатом не поступила в суд, оно отправляется повторно. После двух неудачных попыток повторного направления СМС-извещений, участнику судопроизводства отправляется судебная повестка с уведомлением о вручении. СМС-извещение не предусмотрено в случае необходимости отправки участнику судопроизводства каких-либо документов или материалов. Представляется, что лицам, участвующим в деле, целесообразно предоставить право выбора способа извещения. Е.В. Зайченко предлагает наделить участников гражданского судопроизводства правом заявлять немотивированные ходатайства о направлении судебных извещений традиционным образом [6, с. 135–137]. Учитывая, что СМС-извещение – не единственный способ доставки судебной корреспонденции, осуществляемый в электронном виде, идея Е.В. Зайченко заслуживает одобрения. Наделение лиц, участвующих в деле, а также их представителей правом выбора приоритетного способа извещения позволит оптимизировать почтовые и канцелярские расходы судебной системы. По сути, такое право в настоящее время зафиксировано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [7] для органов местного самоуправления и юридических лиц. Однако ходатайство об извещении традиционным способом должно мотивироваться отсутствием компьютер-

ной техники, сотовых телефонов, доступа к сети «Интернет». Такие ограничения для физических лиц не целесообразны.

Список источников:

1. *Афанасьев С.Ф., Жирнова Н.А., Филимонова М.В.* Информационно-правовая составляющая СМС-извещения участников гражданского судопроизводства // Администратор суда. 2018. № 3.

2. *Решетняк В.И.* Электронные судебные оповещения в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт) // Российский юридический журнал. 2014. № 1.

3. *Алексеев А.А.* Электронное судопроизводство в российском гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 2.

4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. 2015. № 4, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 9.

5. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ № 401 от 28 декабря 2015 г. «Об утверждении Регламента организации применения видеоконференцсвязи в федеральных судах общей юрисдикции» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. *Зайченко Е.В.* Информационные технологии и обеспечение прав участников гражданского судопроизводства // Современные информационные технологии и право: монография / Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет / Отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

8. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. № 257 (ред. от 27 августа 2019 г.) «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений» // Бюллетень актов по судебной системе. 2014. № 2.

Боярова Татьяна Валерьевна

*преподаватель Юридического колледжа
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Аннотация: статья посвящена анализу взаимосвязи некоторых исторических процессов со становлением, развитием и изменением принципов гражданского процесса, выявлению и описанию основных терминов, а также ориентиров для законодательных изменений в гражданском процессе.

Ключевые слова: исторические, социально-экономические и политические процессы, реформы, принципы гражданского процесса, принцип состязательности и равноправия сторон в гражданском процессе.

Принципы гражданского процесса представляют собой основные исходные положения гражданского процессуального процесса и их изменения часто вызваны глобальными историческими событиями, такими как революции, смена общественно-исторических формаций, развитие производства, экономики, научных технологий.

По мнению Н. И. Матузова, «принципы права – это основные, исходные начала, положения, идеи, выражающие сущность права как специфического социального регулятора. Они воплощают закономерности права, его природу и социальное назначение, представляют собой наиболее общие правила поведения, которые либо прямо сформулированы в законе, либо выводятся из его смысла» [1, с. 82].

Главным образом, принципы гражданского процесса сводятся к основополагающим положениям судопроизводства. Они представляют собой основные фундаментальные его идеи, которые отражают смысл и цель существования судебной государственной машины по рассмотрению и разрешению гражданских дел и закрепляются в нормах права.

По мнению Л. И. Носенко, гражданское процессуальное право, являясь самостоятельной отраслью, базируется на принципах процессуального права и на важности соблюдения прав человека [2, с. 299].

Большинство ученых-процессуалистов при анализе действующего процессуального законодательства и правоприменительной

практики относят к системе принципов гражданского процессуального права следующие принципы: осуществления правосудия только судом; независимости судей; гласности (транспарентности) судебного разбирательства; государственного языка судопроизводства; равенства перед законом и судом; разумности; справедливости; правовой определенности; законности; диспозитивности; состязательности; процессуального равноправия; непосредственности судебного разбирательства; доступности судебной защиты и др. [3, с. 34–35].

Такая система принципов гражданского процессуального права существовала не всегда, она формировалась постепенно вместе с развитием государства и права и сейчас ее вид нельзя считать окончательным.

Не вызывает сомнений тот факт, что имеется прямая взаимосвязь между изменением различных политических, экономических и социальных условий и изменениями законодательства в государстве, в том числе процессуальном. Эволюция государства и права предопределяет развитие и эволюцию принципов гражданского процесса. Исторический ракурс эволюции государства и права прямо подтверждает указанную взаимосвязь.

Еще в древнем мире, до возникновения государства, для разрешения некоторых споров возникла необходимость обращения к кому-то третьему, независимому, не являющемуся стороной в споре, к тому, кто рассудит, кто решит, как правильно поступить, что демонстрирует действие неписанного принципа справедливости и независимости на ранних стадиях истории человечества. Спорящие стороны рассчитывали на разрешение спора по справедливости, иначе выхолащивался бы смысл обращения к иному лицу с просьбой разрешить спор. Именно поэтому можно считать принцип справедливости гражданского судопроизводства представляющим наибольший интерес для исследования. Необходимо отметить, что развитие принципа справедливости неразрывно связано с развитием принципа объективной истины.

Важность принципа справедливости гражданского процесса прослеживается из такого исторического труда, как Кодекс Юстициана, где указывалось на то, что «Право есть наука о добром и справедливом. По заслугам нас назвали жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, возвещаем понятия доброго и справедливого, отделяя справедливое от несправедливого, отличая дозволенное от недозволенного, желая, чтобы добрые совершенствовались не только

путем страха наказания, но и путем поощрения наградами, стремясь к истинной, если я не заблуждаюсь, философии, а не к мнимой» [4, с. 25]. Кодекс Юстиниана датируется 529–534 г. г. и в цитируемой части очевидно фиксирует принцип справедливости гражданского процесса.

Достаточно рано исследуемый принцип был закреплен и в нормах права на Руси. Например, Псковская судная грамота была принята на Руси примерно в XIV–XV вв., она предусматривала, что судьи должны были судить «взирая правду» [5, с. 151]. Правило «Судити вправду» можно толковать аналогично современному принципу справедливости при отправлении правосудия, при этом предполагается установление объективной истины.

Значительные реформы были проведены в России Петром I, который преобразовывал административно-территориальное устройство страны и менял в этой связи судебную систему. С 1711 года по указу Петра I высшая судебная власть в России стала принадлежать Сенату, который обязан был обеспечить выполнение следующего требования: «Суд иметь нелицемерный и неправедных судей наказывать отнятием чести и всего имения, то же и ябедникам да наследует». Одним из Указов Петра I устанавливалось «...Чтобы судьи дела скоро и справедливо решили ...» [6, с. 15].

Во время реформы 1864 г. были сформулированы нормы, которые послужили прообразом принципа объективной истины, а именно ст. 462 тома десятого ч. II Свода законов Российской империи издания 1857 года гласила о том, что судебный доклад должен быть «учинен с точностью, чистосердечно, и сходно с истиной» [7, с. 48].

В ясной и четкой форме был сформулирован в ГПК РСФСР 1923 г. принцип объективной истины. Ст. 5 ГПК РСФСР устанавливала, что «суд обязан всемерно стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся» [8, с. 5]. В 1961 году был принят Закон СССР от 08.12.1961 «Об утверждении Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» в котором предусматривалось, что суд обязан, не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон [9, с. 16]. Точно такое же положение было включено в ГПК РСФСР 1964 года в ст. 14, которая называлась: «Выяснение судом действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон».

Социально-экономические и политические процессы, связанные с развалом СССР повлекли за собой принятие Конституции РФ в 1993 году и кардинальное реформирование всего законодательства, в том числе изменение некоторых принципов гражданского процесса. Революционным для российского права явилась ратификация Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод, признанием юрисдикции Европейского Суда по правам человека. Поэтому в 1995 году в ГПК РСФСР 1964 года были внесены изменения, был акцентирован принцип состязательности сторон в процессе, где каждая сторона доказывает свою правоту суду. Реализация законодательного изменения принципов гражданского процесса привела к тому, что суд не должен был устанавливать объективную истину.

Впервые на конституционном уровне норма о состязательности судопроизводства появилась в Конституции РСФСР в декабре 1992 г. в результате внесения в нее поправок. Ранее – в мае 1991 г. – в ст. 168 Конституции РСФСР было включено положение о том, что правосудие в РСФСР осуществляется на началах равенства сторон перед законом и судом.

В Конституции РФ 1993 г. положение о состязательности и равноправии сторон судопроизводства закреплено в ч. 3 ст. 123. Данный принцип стал условием осуществления судебной власти в практике конституционного регулирования и получил свое законодательное развитие в нормах уголовного и гражданского процессуального права, арбитражного процесса, конституционного судопроизводства [10, с. 34].

Окончательно принцип состязательности сторон в гражданском процессе был закреплен в ст. 12 ГПК РФ 2002 года сообразно задачам гражданского судопроизводства.

Принципы права не могут оставаться неизменными. Например, в ходе эволюционного развития гражданского процессуального права происходит отказ от некоторых принципов. Так Федеральным законом от 29.07.2017 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» из гражданского процессуального законодательства исключен принцип непрерывности судебного разбирательства, что означает, что во время перерыва, объявленного в судебном заседании по начатому делу, суд вправе рассматривать другие гражданские, уголовные, административные дела, а также дела об административных правонарушениях [11, с. 8].

При исследовании гражданского процессуального законодательства в его историческом развитии выявляются изменения принципов гражданского процесса, и встает вопрос об основных критериях и закономерностях этих изменений. О. В. Исаенкова говорит о том, что основная канва современных исследований складывается вокруг Проекта Концепции Кодекса гражданского судопроизводства и выделяется, как минимум, два пути развития событий, касающихся современного реформирования гражданского процесса: формирование новой, измененной системы рассмотрения и разрешения споров, внесение многочисленных поправок в нормативноправовые акты; принятие нового, общего Гражданского процессуального кодекса в процессе унификации законодательства в области гражданского и арбитражного процессов [13, с. 14].

Подводя итоги, можно сказать, что изучение принципов гражданского процессуального права в свете их эволюционного процесса дает возможность выявить, в силу каких причин возникли и получили законодательное закрепление принципы гражданского процессуального права, появляется возможность установить то, под влиянием каких факторов происходило их формирование и развитие, какую волю желал проявить законодатель, выдвигая на передний план те или иные принципы.

Список источников:

1. *Матузов Н. И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. – 512 с.
2. *Носенко Л.И.* Принципы гражданского процесса: от теории к законодательному закреплению и реализации // Известия ОГАУ. 2010. №28 [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 16.08.2020).
3. *Лебедев М.Ю.* Гражданский процесс: учебник и практикум для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019 [Электронный ресурс] file:///C:/Users/acer/Downloads/3828715.pdf (дата обращения: 16.08.2020).
4. Дигесты Юстиниана. Том 1. Книги I-IV. 2002 [Электронный ресурс] https://www.academia.edu/16291670/Дигесты_Юстиниана_Том_1_Книги_I_IV_2002(дата обращения: 16.08.2020).
5. *Алексеев Ю.Г.* Псковская судная грамота. Л., 1980. [Электронный ресурс] https://vk.com/doc35528094_448439804?hash (дата обращения: 06.09.2020).

6. *Клеандрова В. М.* Законодательство Петра I. М., 1997 Издательство Юрид. лит. // [Электронный ресурс] <https://rusneb.ru/catalog/000199> (дата обращения: 06.09.2020).

7. *Куницын А.* Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843. [Электронный ресурс] // <file:///C:/Users/acer/Downloads/sud-i-sudebnyu-protsess-po-pskovskoy-sudnoy> (дата обращения: 10.09.2020).

8. Гражданский Процессуальный Кодекса Р.С.Ф.С.Р 1923 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2020).

9. Закон СССР от 08.12.1961 «Об утверждении Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2020).

10. *Жуйков В. М.* Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2015. № 6.

11. Федеральный закон от 29.07.2017 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

12. *Исаенкова О. В.* Научная школа доктора юридических наук, профессора Оксаны Владимировны Исаенковой «Современные тенденции развития гражданского процессуального права» // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 4 (111). С. 69–72.

Брянцева Ольга Владимировна

*к.ф.-м.н., профессор кафедры
информационного права и цифровых технологий
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА¹

Аннотация: автором рассмотрено внедрение автоматизированной информационной системы в исполнительное производство. Описаны основные ее функции и компоненты. Показано, что информатизация исполнительного производства развивается в направлении предоставления большей доступности и открытости.

Ключевые слова: исполнительное производство, автоматизированная система, электронный документооборот.

Развитие информационных технологий затрагивает все сферы жизни, в том числе и исполнительное производство. Цифровизация всех отраслей судопроизводства, обмен информации в электронном виде – это требование времени [1]. С целью информатизации и автоматизации исполнительного производства, внедрения электронного документооборота, организации обмена информации между различными ведомствами, что очень важно для исполнительного производства, в 2011 году была введена в эксплуатацию АИС ФССП России (АИС ФССП). Как и любая автоматизированная система АИС ФССП должна способствовать повышению открытости, гласности доступности исполнительного производства.

Происходящие ведомственные процессы ФССП контролируются через центральные базы данных, внедренные на федеральном и территориальном уровнях. Основные функции АИС ФССП – создание и ведение банков данных об исполнительном производстве, обеспечение согласованного функционирования информационных систем. Таким образом, главная задача – это хранение и систематизация документов по исполнительному производству, обработка их в режиме реального времени. Всем документам по исполнительному производству автоматически присваивается уникальный идентификатор.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111.

С помощью АИС ФССП можно направить электронные запросы и постановления в органы регистрации данных о должниках, формировать процессуальные документы в электронном виде. Она функционирует более чем в 2800 отделах судебных приставов [2]. В АИС ФССП по системе внутреннего документооборота регистрируются обращения, заявления, жалобы, ходатайства, запросы и т.п. поступающие от граждан, они будут находиться в разделе входящих документов. Исходящие документы регистрируются также как и входящие. На основе данных из АИС ФССП формируется статистическая отчетность в территориальных органах и структурных подразделениях ФССП. Но сведений о полном автоматическом формировании статотчетности нет.

С самого начала АИС ФССП проектировалась как технологически независимая система на основе свободного программного обеспечения. Большое внимание уделялось обеспечению безопасности.

На настоящий момент АИС ФССП включает в себя порядка 20 компонент: Мультисервисная система телекоммуникаций (Ведомственная сеть передачи данных), Ведомственная телефонная сеть, Ведомственная система видеоконференцсвязи, Федеральный центр обработки данных, Удостоверяющий центр, Подсистема централизованного ведения и распространения нормативно-справочной информации, Подсистема технологического мониторинга и администрирования, Подсистема гарантированной доставки, Программный комплекс отдела судебных приставов, Подсистема ведомственного статистического учета, Подсистема оперативного мониторинга и анализа информации, Подсистема межведомственного взаимодействия, Подсистема кадрового учета, Подсистема бухгалтерского учета, Подсистема расчета заработной платы, Ведомственная система электронной почты, Подсистема электронного документооборота, Ведомственный служебный портал АИС ФССП России, Официальный интернет-сайт ФССП России, Операционная система типового дистрибутива АИС ФССП России.

Рассмотрим несколько компонент, особенно важных с точки зрения доступности и открытости исполнительного производства.

Во-первых, это интернет-сайт, который находится по адресу www.fssprus.ru. На сайте можно получить справочную информацию, информацию из общедоступной части банка данных исполнительных производств ознакомиться с деятельностью ФССП, записаться на личный прием, найти телефоны работников ФССП России, заполнить форму для подачи электронного обращения подать заявление,

жалобу ходатайство через личный кабинет. Для входа в личный кабинет, который находится в стадии разработки и опытной эксплуатации, необходимо авторизоваться либо по электронной подписи, либо с помощью учетной записи Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) портала Gosuslugi.ru. Хочется отметить, что авторизация через ЕСИА становится уже устоявшейся практикой для судебных автоматизированных систем.

Далее, для деятельности ФССП необходимо взаимодействие с различными организациями на федеральном уровне, это осуществляется через подсистему межведомственного взаимодействия (МВВ). Именно на базе этой подсистемы работают электронные сервисы СМЭВ и обрабатываются заявления граждан, поданные через личный кабинет сайта ФССП, обеспечивается передача реестров и справочников с общедоступной информацией, необходимой для функционирования сайта ФССП. Через МВВ обеспечивается интеграция сайта ФССП с сайтом Президента РФ для информирования о ходе рассмотрения заявлений граждан, автоматическое обновления сведений о местах оказания услуг ФССП России, взаимодействие с ГИС о Государственных и Муниципальных Платежах (ГИС ГМП), взаимодействие с кредитными организациями, с операторами платежей, операторами сотовой связи, Пенсионным фондом РФ, МВД России, ФМС России, ФНС России, Росреестром и другими федеральными органами исполнительной власти.

Для межведомственного взаимодействия важен высокий уровень надежности и безотказности в работе, что обеспечивается специальными технологиями, записью данных одновременно в основную и резервную базу данных. Перечень сведений и клиентов, с которыми работает МВВ все время расширяется.

АИС ФССП постоянно развивается. В марте-апреле 2020 года состоялись открытые торги «Оказание услуг по реализации в составе Автоматизированной информационной системы Федеральной службы судебных приставов компонентов суперсервиса «Цифровое исполнительное производство» в 2020 году». Был заключен контракт с ООО «РЕД СОФТ» [3], которое будет дорабатывать подсистемы, участвующие в суперсервисе «Цифровое исполнительное производство». В результате доработки информация о ходе и о наличии исполнительного производства должна будет предоставляться автоматически, должны будут рассматриваться заявления и ходатайства, поступающие в электронном виде, будет организовано извещение сторон исполнительного производства в электронном

виде через портал «Госуслуги», улучшится документооборот с юридическими лицами и предпринимателями. В результате доработки подсистемы документооборота с Пограничной службой ФСБ России вынесение постановлений о снятии ограничения выезда из РФ должно происходить автоматически и направляться в ФСБ России в течение 15 минут после поступления из ГИС ГМП факта оплаты по исполнительному документу о взыскании денежных средств.

Планируется доработка подсистем АИС ФССП России для обеспечения технологической возможности реализации целевой модели суперсервиса Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Подача заявлений в правоохранительные органы онлайн» в АИС ФССП России.

Информатизация исполнительного судопроизводства, которая началась с внедрения внутреннего электронного документооборота, в последнее время развивается в направлении предоставления большей доступности и открытости. В качестве примеров можно привести разрабатываемый и тестируемый в настоящее время личный кабинет на сайте ФССП для подачи заявлений, извещения через портал «Госуслуги», организацию электронного взаимодействия с заинтересованными организациями, развитие суперсервиса «Цифровое исполнительное производство».

Список источников:

1. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в редакции от 08.06.2020). URL: <https://fssp.gov.ru/2032946/>.
2. АИС ФССП России – Автоматизированная информационная система Федеральной службы судебных приставов России. URL: <https://www.red-soft.ru/ru/content/fssp>.
3. Росэлторг. URL: <http://roseltorg.ru/procedure/01731000126200-00008>

Валеев Дамир Хамитович

*доктор юридических наук, профессор,
заместитель декана Юридического факультета
по научной деятельности, профессор кафедры
экологического, трудового права и гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
заслуженный юрист Республики Татарстан*

Федяев Денис Александрович

*к.ю.н, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского
и арбитражного процесса Пермского государственного
национального исследовательского университета*

**МАКСИМИЗАЦИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ¹**

Аннотация: цифровизация как фактор трансформации многих отраслей общественных отношений предполагает зависимость реализации ряда юридических фактов во взаимозависимости цифровыми технологиями с тем, чтобы совершаемое действие имело определенный правовой результат. Цифровая плоскость как новая площадка для реализации ряда публичных функций ставит перед системой государственной управления новые задачи и определяет появление новых функций, которые могут обеспечить «цифровое будущее» имеющее положительную динамику развития. К числу таких новых функций как ответ на вновь возникающие угрозы можно отнести функцию максимизации безопасности при реализации публичных функций. Особо чувствительной является сфера отправления правосудия, также активно внедряющая в процесс рассмотрения и разрешения дел много новых цифровых инструментов.

Ключевые слова: функции государственного управления; безопасность; цифровые данные; цифровая среда доверия; электронное правосудие; право на судебную защиту.

Отправления правосудия в новых цифровых реалиях порождает необходимость обеспечения конфиденциальности передаваем-

¹ Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16147 мк

мой информации и защиту каналов связи, которые превращаются в ключевое «цифровое» звено, обеспечивающее доступ к правосудию в условиях цифровой экономики.

В настоящее время доступ к правосудию может быть реализован, в том числе, в электронном виде посредством симбиоза платформ, обеспечивающих технологический алгоритм, имеющий юридические последствия, связанные с возможностью возбуждения дела и дальнейшим его развитием в суде. Реализация такой возможности связано с общим уровнем цифровизации и понимаем того, что цифровые данные становятся ключевым фактором развития во всех отраслях общественных отношений, как основа трансформации государственного управления.

Как определено в п. 11 «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [1] информационные и коммуникационные технологии стали частью современных управленческих систем во всех отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка. В качестве ключевых задач закреплено:

- применение в органах государственной власти новых технологий, обеспечивающих повышение качества государственного управления;

- создание основанных на информационных и коммуникационных технологиях систем управления во всех сферах общественной жизни;

- использование инфраструктуры электронного правительства для оказания государственных, а также востребованных гражданами коммерческих и некоммерческих услуг.

Закрепляя трансформацию модели государственного управления, сопряженную с применением новых информационных и коммуникационных технологий мы становимся зависимыми от технологического фактора и перед нами появляются новые задачи, которые в том числе трансформируют функции государственного управления. Отечественная правовая доктрина раскрывая функции государственного управления к их числу относит: 1) сбор и обработка социальной информации; 2) прогнозирование, т.е. научное предвидение изменений в развитии каких-либо явлений или процессов на основе объективных данных и достижений науки; 3) планирование, т.е. определение направлений, целей управленческой деятельности и способов, средств достижения этих целей; 4) организация,

т.е. формирование системы управления, упорядочение управленческих отношений между субъектом и объектом управления, определение прав и обязанностей, подбор и расстановка кадров и т.д.; 5) регулирование или распоряительство, т.е. установление режима деятельности по достижению целей и задач управления, регулирование поведения управляемых объектов, дача директив и др.; 6) координация и взаимодействие, осуществляемые для достижения общих целей управления; 7) контроль и учет, состоящие в том, чтобы установить, соответствует или не соответствует фактическое состояние объекта управления заданному состоянию [2, с. 164]. Такой же подход можно встретить в зарубежной доктрине [3].

Однако новые «срочные реалии» и цифровизация всех участков общественных отношений становится предпосылкой формирования новых задач государственного управления не только в масштабах нашего государства, но и превращается в новый мировой тренд. Как отмечает М. Kemal Öktem автоматизация взаимодействия правительства с населением, взаимодействие, основанное на наносекундных временных интервалах, само по себе предполагает инновацию. Внедрение инноваций с использованием электронного правительства предполагает и наличие такой функции как защита конфиденциальности, безопасности информации и электронных транзакций, доступа к онлайн-материалам, аппаратному и программному обеспечению, а также эффективная техническая поддержка [4, С. 47–48]. Все это свидетельствует о появлении на современном этапе развития государства новых «цифровых» функций государственного управления к числу которых можно отнести максимизацию уровня безопасности как работы с цифровыми данными, так и обеспечение доступа к цифровым данным.

Внедрение информационных и коммуникационных технологий в деятельность органов обеспечения правопорядка как одно из проявлений цифровой трансформации системы государственного управления предполагает особый контроль в вопросах обеспечения сохранности цифровых данных и бесперебойности работы систем, которые могут гарантировать безопасность данных при реализации конституционного права на судебную защиту. Внедрение цифровых технологий в сферу отправления правосудия в первую очередь призвано упростить доступ к правосудию. Как отмечает Urszula Nowicka в контексте рассмотрения вопросов использования электронных коммуникаций в функционировании органов государственного управления, электронные заявки и электронные по-

ставки служат для облегчения, упорядочения и ускорения процедур коммуникации между гражданином и органами государственного управления, а также для сокращения их количества. Тем не менее многие положения остаются недостаточно разработанными [5]. На наш взгляд к числу таких проблем следует отнести реализацию функции максимизации уровня безопасности при отправлении правосудия в условиях цифровой экономики.

Максимизация уровня безопасности при отправлении правосудия как функция всегда присутствовала, так как государственная монополия на разрешение конфликтных ситуаций предполагает особый подход к урегулированию спорных ситуаций в любой момент, требующих оперативного внешнего вмешательства. По мнению Н. Н. А. Соорег отправление правосудия должно происходить в безопасной обстановке так как судебная власть и ее личная безопасность, как представляется, находятся в центре проблемы защиты. Автор подчеркивает необходимость надлежащей специализированной подготовки по вопросам безопасности на всех уровнях [6]. С учетом уровня цифровизации данная функция теперь должна распространяться и на виртуальную плоскость, требующей пристального внимания в рамках электронного правосудия на всех этапах движения дела.

Действующее российское процессуальное законодательство устанавливает возможность возбуждения дела в суде и дальнейшее влияние на развитие процессуальных отношений в рамках судебного разбирательства на основе письменных обращений, составленных в электронном виде путем создания электронного документа либо электронного образа документа (ч. 1 ст. 3 ГПК РФ [7]; ч. 2 ст. 45 КАС РФ [8]; ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ [9]).

Данная процессуальная возможность, предполагающее максимизацию функции безопасности в цифровой плоскости, позволяет говорить о цифровой среде доверия в процессуальных отношениях [10, 11, 12]. Указанный алгоритм достигается благодаря симбиозу двух технологических платформ, призванных обеспечить безопасность при отправлении правосудия в цифровой плоскости и распространить гарантированную законом строгую процессуальную форму и к процессуальным отношениям, реализуем в цифровом виде и обеспечить тем самым реализацию конституционного права на судебную защиту независимости от способа передачи данных в отношениях, в которых одной из обязательных сторон является суд: ГАС «Правосудие»; ЕСИА.

В соответствии с п. 2.1 Приказа СД при ВС РФ[13] ГАС «Правосудие» это государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», представляющая собой территориально распределенную автоматизированную информационную систему, предназначенную для формирования единого информационного пространства федеральных судов общей юрисдикции, органов судейского сообщества, органов системы Судебного департамента. Интернет портал размещен по адресу: <https://sudrf.ru/>.

Объектами автоматизации системы ГАС «Правосудие» являются (п. 2.3.): ССРФ – верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов; ОВС – окружные (флотские) военные суды; РС – районные (городские) суды; ГВС – гарнизонные военные суды; СС – Совет судей Российской Федерации; ВККС – Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации; ВЭК – Высшая экзаменационная комиссия по приему квалификационного экзамена на должность судьи; Судебный департамент – Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации; РОСД – региональные органы Судебного департамента (управления (отделы) Судебного департамента в субъектах Российской Федерации); ФГБУ ИАЦ Судебного департамента, его филиалы.

Указанная автоматизированная система, охватывающая в дополнение к перечисленным и информационно-техническое обеспечение отправления правосудия в системе арбитражных судов и мировых судей, призвана обеспечить безопасность цифровых данных в процессуальной сфере. В составе системообразующего оборудования к комплексу средств автоматизации ГАС «Правосудие» относится: серверное и активное сетевое оборудование, оборудование подсистем «Обеспечение безопасности информации», «Видеоконференцсвязь», «Связь и передача данных», «Судебное делопроизводство и статистика», «Отображение информации коллективного пользования», в том числе: серверы, межсетевые экраны, комплексы аудиофиксации и аудиовидеофиксации хода судебных заседаний, комплексы скрытия свидетеля, информационные киоски, средства видеоконференцсвязи, коммутаторы и маршрутизаторы. При этом используемое общее программное обеспечение, представляет собой совокупность проприетарных программных средств, создающими программную среду, которая обеспечивает функционирование и информационную безопасность ГАС «Правосудие».

Соответственно участники спорного процессуального отношения и суд, рассматривающий дело благодаря платформе ГАС «Правосудие», призванной обеспечить максимизацию функции безопасности при отправлении правосудия создает цифровую среду доверия, которая позволяет развивать процессуальные отношения в цифровой плоскости. Как прямо установлено в Приказе СД при ВС РФ от 27.12.2016 № 251[14], личный кабинет, который стороны судебного разбирательства используют как инструмент, влияющий на развитие процессуальных отношений в цифровом пространстве это информационный ресурс, размещенный на официальном сайте суда интернет-портала Государственной автоматизированной системы «Правосудие» (www.sudrf.ru) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», предназначенный для реализации участниками судебного процесса права на подачу в суд документов в электронном виде.

Платформа ГАС «Правосудие» может быть доступна пользователям благодаря системе ЕСИА – единая система идентификации и аутентификации. В соответствии со ст. 2 ФЗ №149[15] ЕСИА это федеральная государственная информационная система, порядок использования которой устанавливается Правительством Российской Федерации и которая обеспечивает в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, санкционированный доступ к информации, содержащейся в информационных системах. В соответствии с Постановлением Правительства РФ[16] федеральная государственная информационная система «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (далее – единая система идентификации и аутентификации) должна обеспечивать санкционированный доступ участников информационного взаимодействия в единой системе идентификации и аутентификации (далее – участники информационного взаимодействия) к информации, содержащейся в государственных информационных системах, муниципальных информационных системах и иных информационных системах [17,18].

Внедрение информационных и коммуникационных технологий в деятельность органов обеспечения правопорядка как одно из проявлений цифровой трансформации системы государствен-

ного управления предполагает особый контроль в вопросах обеспечения сохранности цифровых данных и бесперебойности работы систем, которые могут гарантировать безопасность данных при реализации конституционного права на судебную защиту. Максимизация функции безопасности в цифровой плоскости, позволяет говорить о цифровой среде доверия в процессуальных отношениях. Указанный алгоритм достигается благодаря симбиозу двух технологических платформ (ГАС «Правосудие»; ЕСИА), призванных обеспечить безопасность при отправлении правосудия в цифровой плоскости и распространить гарантированную законом строгую процессуальную форму и к процессуальным отношениям, реализуем в цифровом виде и обеспечить тем самым реализацию конституционного права на судебную защиту независимости от способа передачи данных в отношениях, в которых одной из обязательных сторон является суд.

Применительно к отправлению правосудия санкционированный безопасный доступ, обеспечивающий информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых при отправлении правосудия осуществляется благодаря взаимодействию систем ГАС «Правосудие» и ЕСИА, так как ЕСИА предоставляет доступ к личному кабинету, необходимому для работы на платформе «ГАС Правосудие» с использованием подтвержденной учетной записи физического лица ЕСИА. Соответственно взаимодействие указанных технологических платформ дает возможность осуществить максимизацию функции безопасности при отправлении правосудия в условиях цифровой экономики.

Список источников:

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.
2. *Миронов А.Л.* Государственное управление: основные цели и функции // Вестник Московского университета МВД России. 2012. №3. С. 162–164
3. *Borodin I.L.* The functions of public administration // Scientific works of National Aviation University. Series: Law Journal «Air and Space Law». Vol 3. No 32 (2014).
4. *Kemal M. Öktem* Innovation with public administration in Turkey // Journal of US-China Public Administration. Jan. 2010, Volume 7. № 1 (Serial No.51). Pp. 42–50.

5. *Urszula Nowicka* Electroniccommunication in the functioning of public administration // Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach. 2019. Issue: RAIP 2019; specjalny (XIX). Pp/ 203–220.

6. *Cooper H. H.* A Securing the Administration of Justice // Journal of Security Education. 2006. Volume 1. Issue 4. Pp. 1–26.

7. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 1992 г. // СЗ РФ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

8. Кодекс Административного судопроизводства РФ от 8 марта 2015 г. // СЗ РФ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

9. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.

10. *Valeev D.Kh., Nuriev A.G.* Digital confidence environment in procedure relationships // Revista Genero & Direito. 2019. Vol. 8 №6. Pp. 42–49.

11. *Nuriev A.G., Khodzhiyev A.R.* Procedural guarantees of rights of citizens of the Russian federation in the foreign states//Research Journal of Applied Sciences. 2015. Vol.10. Is.12. P. 832–834.

12. *Anas G. Nuriev.* Características de la Responsabilidad Civil del Notario // Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores. Año: VI. -Número: Edición Especial. Artículo no.:31. Período: Diciembre 2018.

13. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17.03.2014 № 52 «Об утверждении Положения об организации эксплуатации Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

14. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2 (февраль).

15. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448

16. Постановление Правительства РФ от 28.11.2011 № 977 «О федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7284.

17. *Damir Kh. Valeev, Anas G. Nuriev, Rafael V. Shakirjanov* Implementación del derecho constitucional a la protección judicial en los idiomas estatales del sujeto de la Federación Rusa // *Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores*. – Año: VI. -Número: Edición Especial. Artículo no. 24. – Período: Diciembre 2018.

18. *Зуев Д.С., Марченко А.А., Хасьянов А.Ф.* Применение инструментов интеллектуального анализа текстов в юриспруденции // *Аналитика и управление данными в областях с интенсивным использованием данных: сборник научных трудов XIX Международной конференции DAMDID / RCDL'2017*. Под ред. Л.А. Калиниченко, Я. Манолопулос, Н.А. Скворцова, В.А. Сухомлина. 2017. С. 277–281.

Васильева Полина Вадимовна

*соискатель кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ОСНОВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ В ИСКОВОМ И ОСОБОМ ПРОИЗВОДСТВАХ

Аннотация: в статье рассматриваются доказывание по гражданскому делу как необходимая и обязательная деятельность суда и иных участников гражданского судопроизводства во всех его видах. Указывается, что порядок осуществления доказательственной деятельности напрямую зависит от вида судебного разбирательства, в рамках которого рассматривается конкретное гражданское дело. Автор проводит сравнительно-правовой анализ искового и особого производства. Выделяются основные особенности доказывания по делам особого производства, а также некоторые проблемы реализации действующего законодательства в данной сфере. Сформулированы предложения по разрешению выявленных проблем.

Ключевые слова: доказывание по гражданскому делу, доказательства, особое производство, исковое производство, гражданское судопроизводство

Как известно, доказывание – это процессуальная деятельность суда и лиц, участвующих в деле, направленная на представление или истребование доказательств по делу, а также их исследование и оценку. Иначе говоря, в процессе доказывания устанавливаются и обосновываются конкретные обстоятельства по делу.

Н.А. Чечина указывала, что «в пределах каждого вида судопроизводства рассматриваются споры, вытекающие из различных правовых отношений, для выполнения общей задачи правосудия суд обязан выполнить более узкую задачу регулирования определенных отношений. Для этого введены специальные процессуальные правила, которые в совокупности составляют процессуальные особенности различных категорий дел» [1, с. 31–32].

Установление особенностей доказывания в различных видах судопроизводства необходимо в целях повышения эффективности рассмотрения гражданских дел путем конкретизации положений действующего законодательства применительно к специфике отдельных их категорий.

Таким образом, особенности доказывания зависят как от категории дела, рассматриваемого судом общей юрисдикции, так и от вида судебного разбирательства, в рамках которого рассматривается то или иное дело [2, с. 340–341].

В соответствии с действующим законодательством доказывание в гражданском процессе осуществляется во всех видах судебных разбирательств по общим правилам искового производства. В этой связи автору представляется наиболее интересным рассмотрение особенностей доказывания по делам особого производства в сравнении с общими правилами искового производства.

Основным различием доказывания по делам искового и особого производства является предмет доказывания. Поскольку главным признаком искового производства служит спор о праве, именно его наличием обусловлен предмет доказывания по делам искового производства – каждая сторона доказывает те обстоятельства, на которые она ссылается в обоснование своих требований.

Специфика особого производства заключается в отсутствии материально-правового спора и, как следствие, спорящих сторон – истца и ответчика. В связи с этим основным обстоятельством, входящим в предмет доказывания по делам особого производства, является установление определенного факта, на основании которого возникают, изменяются или прекращаются определенные правоотношения. Однако, в отличие от искового производства, данный юридический факт не должен быть связан со спором о праве, и, кроме того, должна существовать возможность его установления исключительно в судебном порядке. Иначе говоря, действующим законодательством не должен быть предусмотрен иной порядок установления соответствующих обстоятельств.

Таким образом, по делам особого производства заявитель также обязан представить доказательства, подтверждающие отсутствие возможности установления какого-либо факта в ином, внесудебном, порядке или отсутствие возможности восстановления утраченных документов [3].

Доказывание по делам особого производства отличается от доказывания в исковом производстве также тем, что совокупность необходимых доказательств или круг фактов, которые необходимо установить, достаточно четко определен законом для каждой категории дел. Другими словами, по делам особого производства для доказательства большинства обстоятельств необходимо наличие прямых доказательств, отсутствие которых может привести

к невозможности рассмотрения и разрешения конкретного дела. В качестве примера можно привести положения статьи 291 ГПК РФ, согласно которой заявитель по делу о признании движимой вещи бесхозной обязан представить доказательства, которые свидетельствуют об отказе собственника от права собственности на такую вещь, а также доказательства, подтверждающие вступление заявителя во владение данной вещью.

В исковом производстве, напротив, существует проблема практически неограниченной возможности сторон в представлении доказательств по различным категориям дел, что обусловлено, прежде всего, принципом состязательности сторон.

По делам особого производства суд вправе побудить лицо, участвующее в деле, к совершению определенных действий, направленных на получение доказательств. Например, согласно статье 296 ГПК РФ заявитель на основании определения суда обязан опубликовать в местном периодическом печатном издании определенные сведения, в том числе, предложение держателю документа, об утрате которого заявлено, подать в суд заявление о своих правах на такой документ в трехмесячный срок со дня опубликования.

Другой особенностью, отличающей доказывание в особом производстве, выступает порядок распределения обязанностей по доказыванию.

Так, в соответствии со статьей 267 ГПК РФ, обязанность представить доказательства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение, рассматриваемых в порядке особого производства, лежит на заявителе.

Заинтересованные лица по общему правилу вправе доказывать те обстоятельства, на которые они ссылаются при рассмотрении дела. Лишь в определенных случаях законодательно устанавливается обязанность заинтересованных лиц привести доказательства своих доводов. В качестве примера приведем положения статьи 297 ГПК РФ, в соответствии с которой держатель документа, об утрате которого заявлено в суд, в трехмесячный срок со дня опубликования в установленном порядке соответствующих сведений обязан подать в этот суд заявление о своих правах.

По делам особого производства допускается истребование доказательств по инициативе суда, что по отдельным категориям дел имеет немаловажное значение и, по мнению некоторых ученых, предоставляет суду активную роль в сфере доказательственной деятельности [4, с. 193].

Так, например, в соответствии с пунктом 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2008 №11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» [5] по делам особого производства не исключается право суда истребовать необходимые доказательства по собственной инициативе. Однако данное положение содержит ссылку на часть 1 статьи 272 ГПК РФ, в связи с чем неясно, относится ли данная формулировка лишь к указанной норме, или становится общим правилом для всех дел особого производства.

На наш взгляд, необходимо предоставить полномочие по истребованию судом доказательств по собственной инициативе по всем категориям дел особого производства. При этом, данное полномочие должно распространяться не только на заявителя, но и на заинтересованных лиц.

Данный вывод обусловлен спецификой дел, рассматриваемых в рамках данного вида производства, отсутствием спора о праве. Иначе говоря, истребовав при конкретных обстоятельствах дела те или иные доказательства, суд проверяет отсутствие спора о праве и тем самым исключает возможность выявления новых обстоятельств и вероятность последующего рассмотрения дела в порядке искового производства в случае выявления такого спора. Кроме того, в данном случае суд на основании истребованных доказательств получает возможность подтвердить юридическое значение тех или иных обстоятельств, а также удостовериться в отсутствии иного порядка их установления.

На основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы.

В настоящее время порядок доказывания по делам особого производства достаточно подробно урегулирован на законодательном уровне, что, прежде всего, выражается в закреплении конкретных доказательств, необходимых для разрешения дела, или фактов, которые необходимо установить в процессе его рассмотрения. Однако в целях более полного и правильного рассмотрения гражданских дел следует предоставить суду полномочия по истребованию как от заявителя, так и от заинтересованных лиц по своей инициативе иных доказательств исходя из конкретных обстоятельств рассматриваемого дела. Данное положение необходимо закрепить в нормах ГПК РФ, посвященных общим положениям о порядке рассмотрения и разрешения дел, рассматриваемых судом в порядке особого производства.

Список источников:

1. *Чечина Н.А.* Особенности судопроизводства по отдельным категориям гражданских дел // Проблемы применения норм гражданского процессуального права: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1986.
2. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой.
3. *Арзунов А.В.* Особое производство в гражданском процессуальном праве России и Франции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
4. Курс советского гражданского процессуального права: Судопроизводство по гражданским делам: в 2 т. Т. 2 / Богуславский М.М., Гукасян Р.Е., Гуреев П.П., Добровольский А.А., и др.; редкол.: Гуреев П.П., Добровольский А.А., Мельников А.А. (отв. ред.), Тадевосян В.С., Трубников П.Я. М.: Наука, 1981.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 №11 (в ред. от 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78038/ (дата обращения: 30.08.2020).

Вершинина Галина Ильинична

к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

НУЖНЫ ЛИ ТАЙНА УСЫНОВЛЕНИЯ И ТАЙНА ОТМЕНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ?

Аннотация: недостаточное правовое регулирование института тайны усыновления является предметом дискуссии не только среди ученых, но и психологов, а также в средствах массовой информации и на страницах Интернет. Кроме того, нет законодательного регулирования сохранения тайны усыновления в случае его отмены.

Ключевые слова: тайна усыновления, отмена усыновления, усыновители, усыновленный ребенок.

Семья играет одну из важнейших ролей в жизни каждого человека. Вместе с тем в современном обществе, тысячи детей официально признаны детьми-сиротами [1]. Статистика только указывает на детей, которые находятся в детских домах. Не учтенными остаются дети, находящиеся фактически на улице, занимающиеся бродяжничеством. Следует также заметить, что органы опеки и попечительства зачастую оставляют без внимания семьи, есть «социальные сироты». К сожалению, этот термин уже устоявшийся в обществе. Несмотря на официальные данные, что число детей-сирот сокращается, проблемы усыновления (удочерения) детей по-прежнему являются актуальными.

Относительно различных аспектов тайны усыновления в теории давно ведутся дискуссии. Это касается и правового регулирования сохранения в тайне усыновления, и правовых последствиях ее несохранения, и необходимости ее охраны вообще.

Согласно п. 1 ст. 124 СК РФ данная процедура является приоритетной формой устройства детей, оставшихся без родительского попечения. Дела об усыновлении (удочерении) согласно ст. 273 ГК РФ рассматриваются районным судом или судом субъекта Федерации (в случае иностранного усыновления) с обязательным участием усыновителей (усыновителя), представителя органа опеки и попечительства, прокурора, ребенка, достигшего возраста четырнадцати лет, а в необходимых случаях родителей, других заинтересованных лиц и самого ребенка в возрасте от десяти до четырнадцати

лет. В соответствии с ч. 2 ст. 10 ГПК РФ дела, содержащие сведения о тайне усыновления (удочерения), рассматриваются в закрытом судебном заседании. Статья 273 ГПК РФ содержит аналогичное указание. Лица, принимающие участие в деле, предупреждаются судом об уголовной ответственности за разглашение сведений, составляющих тайну (ст. 155 Уголовного кодекса РФ). Перечень лиц, на которых возложена обязанность хранить тайну усыновления, перечислены в ст. 139 СК РФ.

Императивное указание на закрытое заседание получило отклики в литературе. Были высказаны мнения о том, что подобное положение закона является весьма неудачным и приводит лишь к тому, что от участия в процессе устраниются близкие родственники, а также биологические родители ребенка [2, с. 22]; при иностранном усыновлении статья 139 СК РФ не должна применяться императивно, если в стране усыновителя это не предусмотрено [3, с. 9]; в некоторых случаях тайна не имеет смысла, поскольку равноценна пожизненному страху родителей, усыновивших ребенка, перед возможностью ее разоблачения [4, с. 9–10].

По идее законодателя, тайна усыновления должна охранять интересы не только усыновленного ребенка, но и усыновителя. Именно поэтому фактически она имеет бессрочный характер. Однако, как указал Конституционный Суд РФ «не исключается право федерального законодателя в процессе совершенствования правового регулирования института тайны усыновления установить специальный правовой механизм, обеспечивающий возможность раскрытия потомкам усыновленного тайны его усыновления после смерти как усыновителей, так и самого усыновленного...» [5].

Следует заметить, что за полем зрения законодателя остается регулирование вопроса, непосредственно связанного с усыновлением. А именно, распространяются ли правовые последствия о раскрытии тайны усыновления, если усыновление впоследствии было отменено. Полагаем, законодательное разрешение в этом вопросе также необходимо. Во-первых, основания отмены усыновления могут быть различны и сохранение тайны может иметь значение, как для бывших усыновителей, так и для потенциальных усыновителей, которые могут неправильно оценить ситуацию при подборе ребенка и отказаться от его усыновления, не вдаваясь в причины. Во-вторых, это необходимо для ребенка, в отношении которого вынесено решение об отмене усыновления. Например, если он не помнил усыновителей в силу малолетнего возраста, но узнав об этом,

будучи в более взрослом возрасте, может получить психологическую травму вплоть до развития «комплекса неполноценности», если он впоследствии не был передан на усыновление в другую семью. Иногда детские психологические травмы, полученные ребенком в детстве, могут привести к трагедии: ребенок может ожесточиться и впоследствии отыскать бывших усыновителей. К сожалению, опубликованной судебной практики найти не удалось, но в телевизионных фильмах описываются ситуации, связанные с местью бывших усыновленных бывшим усыновителям и членам его семьи, в том числе усыновленным детям. Полагаем, что такое вполне возможно в реальной жизни.

С учетом вышесказанного, учитывая разъяснения Конституционного Суда РФ о возможности законодателя в совершенствовании регулирования института тайны усыновления предусмотреть и механизм регулирования тайны отмены усыновления.

Список источников:

1. Число детей-сирот в России сократилось на 46 % за четыре года // URL: <https://iz.ru/943158/2019-11-14/chislo-detei-sirot-v-rossii-sokratilos-na-46-za-chetyre-goda>
2. *Паршутин В., Львова Е.* Всегда ли оправданно сохранение тайны усыновления // Российская юстиция. 1999. № 3. С. 22.
3. *Ситкова О.Ю.* Правовое регулирование международного усыновления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 9.
4. *Афанасьева И.В., Белова Е.А.* Тайна усыновления: за и против // Семейное право. 2004. № 1. С. 9–10.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной». URL: <https://rg.ru/2015/06/30/ksrf-dok.html>

Волкова Светлана Сергеевна

*кандидат юридических наук,
руководитель сектора общеразвивающих программ
Института дополнительного образования
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

Раранский Иван Дмитриевич

*специалист по учебно-методической работе
Института дополнительного образования
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ УЧАСТИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ УЧАСТНИКОВ В ЭЛЕКТРОННЫХ АУКЦИОНАХ, ПРОВОДИМЫХ НА ОСНОВАНИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 05.04.2013 № 44-ФЗ

Аннотация: в тезисах сформулированы предложения по решению проблемы предотвращения участия недобросовестных участников в электронных аукционах.

Ключевые слова: недобросовестные участники, электронный аукцион, обжалование, заказчик, контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг, защита прав.

Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений [1]. Основным назначением реализации положений Закона № 44-ФЗ является создание механизма, обеспечивающего эффективное расходование бюджетных средств и предоставление равных возможностей участникам для участия в процедуре закупок. Соответствующий механизм регулирования направлен на реализацию потребности заказчиков по приобретению товаров, работ и услуг. Однако на практике нередко возникают проблемы в ходе реализации

положений закона, как у заказчиков, так и у участников закупки. Одним из проблемных вопросов при реализации положений закона на практике является предотвращение участия недобросовестных участников в электронных аукционах, проводимых на основании Закона №44-ФЗ.

Примером несовершенства Закона №44-ФЗ может стать аукцион в электронной форме, проходивший на сайте электронной площадки «РТС-тендер» [2]. Так, начальная (максимальная) цена контракта по данному аукциону составляла 157 396, 00 рублей. Предметом аукциона являлось оказание образовательных услуг по повышению квалификации. На аукцион было подано 11 заявок от участников. Комиссия рассмотрела заявки на участие в электронном аукционе, и все заявки допустила к участию [3]. По результатам торгов лучшее предложение о цене контракта составило 500 рублей, что явилось 99,68 % снижения от начальной цены контракта [4].

Аукционная комиссия 27.07.2020 разместила на официальном сайте www.zakupki.gov.ru протокол подведения итогов электронного аукциона, в котором указала, что один из заявленных участников аукциона «не соответствует требованиям, установленным Законом и документацией об аукционе в электронной форме, т.к. участником закупки не предоставлены документы, предусмотренные п. 2 ч. 5 ст. 66 Законом № 44-ФЗ и подп. 2 п. 2.7.5. разд. 2 документации об электронном аукционе, а именно – участник не предоставил копию действующей лицензии на осуществление образовательной деятельности с приложением, выданной Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки или органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в области образования. Согласно документации, об электронном аукционе в электронной форме заявка на участие признается не соответствующей установленным требованиям» [5].

Согласно п. 1 ч. 3 ст. 66 Закона №44-ФЗ первая часть заявки на участие в электронном аукционе должна содержать согласие участника электронного аукциона на поставку товара, выполнение работы или оказание услуги на условиях, предусмотренных документацией об электронном аукционе. Такое согласие дается с применением программно-аппаратных средств электронной площадки и формируется автоматически. По результатам рассмотрения первых частей заявок данный участник был допущен комиссией к участию к торгам, так как отсутствовало основание для его отклонения. Вместе с тем, при рассмотрении документов комиссии виден лишь файл

согласия участия на торгах, первые части заявок обезличены; при этом до демпингующих действий этого участника цена составляла 48 400 рублей и в результате действий такого участника, пострадали другие участники аукциона.

Данный случай подобного нарушения прав других участников не единичный.

Еще одним примером может служить аукцион в электронной форме, проходивший на сайте электронной площадки «Сбербанк-АСТ» (извещение от 07 августа 2020 года № 0362200019720000035)[6]. Здесь произошла аналогичная ситуация: в результате рассмотрения первых частей заявок комиссией было принято решение о допуске всех участников, однако в протоколе подведения итогов электронного аукциона комиссией было принято решение об отклонении трех участников как не соответствующих требованиям.

В соответствии с требованиями Закона № 44-ФЗ документы, которые подтверждают соответствие участников требованиям, предоставляются участниками только во второй части заявки, соответственно заказчик не вправе требовать документы, подтверждающие соответствие участника требованиям в первых частях заявок, так как данное требование является незаконным и может быть обжаловано в контролирующий орган.

Защита прав и законных интересов участников закупки, обжалование действий (бездействий) Заказчика и /или комиссии может осуществляться как в контрольный орган в сфере закупок, так и в судебном порядке, путем обращения в суд. Статья 105 Закона № 44-ФЗ предусматривает право обжаловать действия (бездействие) заказчика, уполномоченного органа, уполномоченного учреждения, специализированной организации, комиссии по осуществлению закупок, ее членов, должностных лиц контрактной службы, контрактного управляющего, оператора электронной площадки, оператора специализированной электронной площадки, если такие действия (бездействие) нарушают права и законные интересы участника закупки. Обращение с обжалованием действий (бездействий) в контрольный орган позволяет осуществить защиту и восстановление нарушенного права в более короткие сроки, нежели при обращении в суд.

При подаче жалобы в УФАС в случае выявления нарушений в процедуре проведения закупки и признании жалобы обоснованной, одним из возможных решений контролирующего органа может быть признание протокола подведения итогов электронного аукциона

недействительным и возвращение процедуры закупки на стадию повторного проведения торгов участников аукциона. В таком случае есть вероятность победы в торгах добросовестного участника. Однако, это влечет за собой затягивание процедуры закупки.

В настоящее время законодателем предпринята попытка воздействия на недобросовестных участников закупки путем наложения на них финансовых санкций. Так, законом предусмотрен следующий порядок привлечения к ответственности недобросовестных участников: согласно ч. 27 ст. 44 Закона №44-ФЗ в случае, если в течение одного квартала календарного года на одной электронной площадке в отношении трех и более заявок участника закупки комиссиями по осуществлению закупок приняты решения о несоответствии указанных заявок требованиям, предусмотренным документацией о закупке, то денежные средства, заблокированные на специальном счете участника закупки в размере обеспечения каждой третьей такой заявки, подлежат перечислению в соответствующий бюджет бюджетной системы Российской Федерации, за исключением случая, если судом, контрольным органом в сфере закупок принятое в отношении такой заявки решение признано не соответствующим требованиям настоящего Федерального закона.

Однако, как показывает практика, даже финансовые потери не являются сдерживающим фактором для недобросовестных участников аукционов. Необходимо проводить электронный аукцион только после рассмотрения вторых частей заявок, что позволит выявить недобросовестных участников и не допускать к процедуре торгов.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что, во-первых, не только участникам, но и заказчику необходим механизм защиты от недобросовестных действий участников закупки, так как у заказчика образуется финансовый профицит, что тоже является негативным фактором. Во-вторых, в случае расчета иными заказчиками начальной (максимальной) цены путем мониторинга заключенных по результатам торгов контрактов, сумма расчета будет занижена. Факт занижения начальной (максимальной) цены контракта является нарушением действующего законодательства. В-третьих, если вернуться к процедуре проведения аукциона, то необходимо отметить следующий факт. С одной стороны, государство заинтересовано в достижении цели процедуры аукциона в электронной форме – минимизации затрат и сохранении бюджета. С другой

стороны, в случае предложения участником необоснованно низкой цены, возникает резонный вопрос о возможности исполнения своих обязательств участником. Таким образом, участник закупки, признанный победителем по результатам торгов, оказывается вынужденным заключать контракт по сумме, предложенной им, либо окажется в реестре недобросовестных поставщиков. Значительное снижение цены контракта является заведомо убыточным для участника, что может повлечь за собой существенное снижение качества предоставляемых услуг или вовсе невозможность выполнения взятых на себя обязательств.

Основополагающим фактором является то, что все шаги должны быть направлены на постановку барьера на пути у недобросовестных поставщиков, а так же реализации достойной модели механизма осуществления закупок.

Список источников:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. 31.07.2020) // <http://www.pravo.gov.ru>
2. Извещение от 14 июля 2020 г. № 0160200001520000030 // www.zakupki.gov.ru
3. Протокол рассмотрения заявок на участие в электронном аукционе от 23.07.2020 № 0160200001520000030-0) // www.zakupki.gov.ru
4. Протокол проведения электронного аукциона от 24.07.2020 № 0160200001520000030-2 // www.zakupki.gov.ru
5. Протокол подведения итогов электронного аукциона от 27.07.2020 № 0160200001520000030-2-1 // www.zakupki.gov.ru
6. Извещение от 7 августа 2020 г. № 0362200019720000035 // www.zakupki.gov.ru

Волкова Татьяна Владимировна

*федеральный судья Двенадцатого арбитражного
апелляционного суда, кандидат юридических наук,
доцент кафедры земельного и экологического права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
член научно-методического совета ФАС России,
член научно-консультативного совета
при ТПП Саратовской области, почетный эксперт
в сфере социально-гуманитарных наук
Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына*

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ

Аннотация: в работе анализируется институт судебной защиты прав и законных интересов в сфере управления земельными ресурсами, приводятся примеры из судебной практики, исследуются вопросы, связанные со спецификой рассмотрения земельных споров в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: судебная защита, управление земельными ресурсами, земельные споры, судебная практика, законные интересы.

Для современного этапа судебной защиты прав и законных интересов участников земельных отношений в нашей стране характерна общая тенденция увеличения количества земельных споров, в том числе связанных с управлением в земельно-правовой сфере. С включением земли в рыночный оборот и существенной модернизацией в этой связи системы управления земельными ресурсами появились такие споры, как оспаривание кадастровой стоимости путем замены ее на рыночную, возросло число исков по признанию права на самовольную постройку одновременно с земельным участком, на котором она расположена. По наиболее распространенным видам земельных споров высшими судами делаются обзоры судебной практики.

В частности, Президиумом Верховного Суда РФ 10 декабря 2015 г. был утвержден Обзор судебной практики по делам, связанным с изъятием для государственных или муниципальных нужд земельных участков в целях размещения объектов транспорта [1], который основывается прежде всего и главным образом на принципе сочетания интересов общества и законных интересов граждан.

В нем анализируются изменения в Земельном кодексе РФ, Гражданском кодексе РФ, Жилищном кодексе РФ, Градостроительном кодексе РФ, Водном кодексе РФ, Федеральном законе от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», Федеральном законе от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости», Федеральном законе от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» и ряде других федеральных законов, произошедшие в связи с принятием Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 499-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2].

В частности, отмечено, что до 1 апреля 2015 г. при изъятии выкупная цена выплачивалась соответствующим публично-правовым образованием. После этой даты подобное возможно также и за счет организации, на основании ходатайства которой было принято решение об изъятии.

В Обзорах судебной практики Верховного Суда Российской Федерации последних лет неизменно отдельное место занимают споры, возникающие при применении земельного законодательства. Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 апреля 2019 г.) [3] была озвучена позиция высшего судебного органа относительно надлежащего способа устранения ранее допущенной при постановке на кадастровый учет объекта ошибки при отсутствии оснований для кадастрового учета – им, по мнению суда, выступает требование о снятии с кадастрового учета спорного объекта.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2020 г.) [4] в соответствующем разделе был затронут вопрос осуществления такой функции управления земельными ресурсами, как взимание платы за землю, а именно сроков исчисления арендной платы с учетом измененного вида разрешенного использования земельного участка (на примере Московской области). На основе анализа нормативных правовых актов и судебной практики Суд пришел к выводу, что арендная плата по договору аренды земельного участка, рассчитываемая в соответствии с Законом Московской области от 7 июня 1996 г. № 23/96-ОЗ «О регулировании земельных отношений в Московской области», должна исчисляться с учетом измененного вида разрешенного ис-

пользования земельного участка с даты такого изменения и его фактического использования в процессе производства как части единого имущественного комплекса предприятия по изготовлению изделий.

Таким образом, судебная защита прав и законных интересов в сфере управления земельными ресурсами характеризуется следующими тенденциями, во-первых, увеличением общего количества такого рода споров, во-вторых, выделением особо актуальных направлений (дела по оспариванию кадастровой стоимости земельного участка путем замены ее на рыночную; дела, связанные с изъятием для государственных или муниципальных нужд земельных участков в целях размещения объектов транспорта; дела, связанные с использованием земельных участков для размещения нестационарных торговых и иных объектов и др.), в-третьих, подготовкой высшими судами Российской Федерации и судами других инстанций справочно-аналитических материалов (обзоров, справок) по данным направлениям с целью формирования единообразной судебной практики и повышения эффективности российского правосудия по делам, где защищаются земельные и экологические права граждан, так и всех остальных субъектов указанных правоотношений.

С учетом наличия вышеперечисленных тенденций, а также уникальности объекта данного вида споров – земли в широком ее понимании, обладающей повышенной экономической, экологической и социальной значимостью, что детерминировано присутствием публичного и частного интереса, для обеспечения единообразия в судебной практике по земельным спорам своевременным и перспективным шагом представляется обособление судопроизводства по ним в процессуальном законодательстве, также повышения уровня специализации судей по делам, возникающим из земельных и экологических отношений, что должно способствовать повышению качества рассмотрения данной категории дел, максимально полной защите прав участников земельных отношений с учетом соблюдения баланса, как частных, так и публичных интересов.

Список источников:

1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 30, ст. 3594.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10.
4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Воронин Александр Викторович

*к.ю.н., доцент кафедры истории государства и права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ПРИМЕНЕНИЕ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Аннотация: материал посвящен обзору современных методов юриспруденции, математики, компьютерных и других научных отраслей по вопросам интеграции систем искусственного интеллекта в юридическую практику. На основе анализа теоретических разработок и опыта применения вычислительных методов для обработки юридических текстов делается вывод о возможности осуществления классификации текстов по признаку диффамационного контента с использованием объективных данных обработки текстов с помощью нейронной сети.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нейронная сеть; диффамация; автоматизация процесса выявления противоправного контента; бинарная классификация судебных решений.

Применение систем искусственного интеллекта для решения задач практической юриспруденции является сложной и многоаспектной задачей, решение которой базируется на интеграции результатов исследований многих отраслей социальных и естественных наук – правоведения, экономической теории, математики, кибернетики, информатики и др. Основой для объединения познавательных средств различных наук в целях решения задач юриспруденции является социально-правовой метод.

Вопрос о применении математических методов для количественного анализа текстов судебных решений выражается в обосновании принципиальной возможности применения математических методов для анализа фактического и юридического содержания судебных решений по различным категориям дел. Здесь необходимо отметить проблему определения объективных, поддающихся учету индикаторов судебного решения, например, калибровки – статистико-лингвистический анализа предыдущих и последующих судебных решений.

Заметим, что вопросы применения методов компьютерной лингвистики для анализа текстов судебных решений в настоящее время в науке не затрагиваются.

Вместе с тем в ряде публикаций, посвященных прикладным аспектам применения средств искусственного интеллекта в судопроизводстве Николаоса Алетраса, Димитриоса Царапацаниса, Даниеля Пречик-Петро, Василеоса Лампоса[1] описана основанная на средствах искусственного интеллекта вычислительная модель прогнозирования результатов рассмотрения дела в Европейском Суде по правам человека. Методологической основой модели стала высокая степень формализации процедуры судопроизводства в ЕСПЧ, позволяющая уже по изначальной совокупности материалов дела весьма достоверно прогнозировать результат судебного разбирательства. Точность прогноза обеспечивалась статистическими закономерностями так называемых «регулярных выражений», т.е. однородных n-грамм, встречающихся в решениях ЕСПЧ по конкретным категориям дел.

Наша научная группа, объединяющая специалистов в области юриспруденции, компьютерной лингвистики, психологии экономики из пяти российских вузов – Саратовской государственной юридической академии, Саратовского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Саратовского государственного технического университета, Поволжского института управления РАНХиГС занимается разработкой эффективных и рациональных форм повышения качества принятия юридически значимых решений в условиях современных информационных технологий.

В настоящее время на стадии разработки и апробирования находится программа автоматизированного выявления диффамации, направленная на противодействие процессам распространения порочащих сведений о предприятии в Интернет-пространстве. Научной группой предложен перспективный, ранее не применявшийся метод выявления маркеров ложности текста на основании бинарной классификации текстов судебных решений и контента средств массовой информации.

Мы исходим из того, что степень влияния того или иного фактора на принятие решения о квалификации информации как диффамации можно установить, опираясь на критерии объективного характера – соотношение судебных решений, удовлетворяющих иск о диффамации, и не удовлетворяющих данный иск.

Данный метод позволяет осуществлять классификацию текстов по признаку диффамационного контента, используя объективные данные обработки текстов с помощью нейронной сети.

Автоматизация процесса выявления противоправного контента позволит предпринимателям оперативно выявлять средства массовой информации, распространивших порочащие сведения, реализовывать право на опубликование своего ответа, обеспечивать доказательствами судебный процесс о защите деловой репутации, экономить время, минимизировать убытки, причиненные недобросовестной конкуренцией, что будет являться важным инструментом правовой защиты их охраняемых законом интересов.

Список источников:

1. *Aletras N., Tsarapatsanis D., Preoțiu-Pietro D. and Lampos V.* Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective // *PeerJ Computer Science*. 2016. № 10.

Воронцова Ирина Викторовна

*доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «СГЮА»*

ОБ ОПЫТЕ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Аннотация: в статье изучается опыт иностранных государств по использованию автоматизированных информационных систем. Особое внимание обращается на такие электронные опции как замена ЭЦП личным логином и паролем, присваиваемым после процедуры регистрации.

Ключевые слова: электронное правосудие, автоматизированные информационные системы, электронная цифровая подпись.

За последние несколько лет в процессе становления электронного правосудия мир ощутимо продвинулся вперед. Так, например, в Германии развиваются электронные элементы в осуществлении правосудия. Однако, следует отметить, что данный процесс движется достаточно сложно.

В июле 2001 года Федеральным департаментом юстиции разработан закон «Закон об адаптации формальных требований частного права и других нормативных актов к современным юридическим сделкам» [1]. Были внесены соответствующие изменения в гражданское и гражданское процессуальное законодательство. Закон признал электронные документы равноценными бумажным. Было разрешено загружать электронные документы. Одновременно возникла необходимость в замене реальной подписи электронной. Под последней согласно вновь принятых положений следует понимать данные в электронной форме, прикреплённые или логически ассоциирующиеся с другими электронными данными и служащие методом аутентификации. Основными характерными признаками для такой электронной подписи являются: уникальность прикрепления к подписавшему лицу; способность идентифицировать подписавшее лицо; является средством, позволяющим контролировать свою подпись; создание при использовании специального устройства, сохраняющего конфиденциальность подписи; сертификате квалификации, действительном в момент его создания.

Сертификат представляет собой электронную аттестацию, связывающую данные верификации подписи к лицу и подтверждающую личность лица провайдером из службы сертификации. Чтобы получить квалификационный сертификат необходимо подтвердить свою личность у провайдера службы сертификации. Для этого требуется предоставить идентификационную карту, фото паспорта, и прописку. В итоге выдаётся сертификат с присвоением государственного и частного ключа лицу.

Частный ключ вместе с дополнительными личными данными хранится на чипе карты. Он используется эксклюзивно владельцем карты с чипом и защищается присвоенным личным идентификационным номером (PIN). Чтобы использовать частный ключ с чипом лицо должно приобрести считывающее устройство, чтобы прикрепить частный ключ к электронным документам. Чтобы открыть частный документ, запечатанный ключом, лицо должно владеть государственным ключом подписи. Для того чтобы открыть частный ключ, необходимо использовать соответствующий государственный ключ.

Доставка электронного документа электронными средствами регулируется законом «Реформирование процедуры доставки документов во время юридического процесса», принятый Парламентом Германии 25.06.2001. В соответствии с указанным законом, а также изменениями в гражданское процессуальное законодательство разрешена электронная доставка юридических документов, имеющих «Электронную подпись». Чтобы признать получение, получателю или его программному обеспечению требуется отправить подтверждение. Также судам разрешено возвращать документы в электронной форме соответствующим сторонам.

Из указанных законов также следует возможность электронной подачи документов в высший немецкий суд общей юрисдикции – Федеральный верховный суд Германии (BGH), в котором есть гражданская и уголовная юрисдикция. Иногда он функционирует как апелляционный суд. Туда разрешено подавать документы в электронном виде 30-ти барристерам (адвокаты более высокого ранга), работающим по делам BGH. Их избирает специальный комитет и назначает Федеральный министр юстиции.

Все перечисленные сложности отразились на процессе электронного обращения документов и явились предпосылкой для дальнейшего совершенствования элементов электронного правосудия.

Федеральный административный суд Германии (BVerwG), Федеральный финансовый суд Германии (BFH) совместно с Федераль-

ным ведомством по информационной безопасности Германии (BSI), Высшим административным судом в Мюнстере и в координации с федеральными землями Бремена и Гессена разработали новую систему «Электронный суд и административный почтовый ящик EGVP» [2]. Благодаря компонентам инфраструктуры EGVP письменные документы и другие документы достаточно быстро и надежно передаются в электронной форме всем участвующим судам, органам власти.

Система EGVP предоставляет пользователям такие процессуальные опции как круглосуточный доступ к информационным судебным ресурсам, надежная передача данных, защищенная связь с использованием криптографических механизмов, возможность электронной обработки файлов, получение автоматических уведомлений по электронной почте, поддержка всех аккредитованных карточек подписи. Следует отметить, что такая электронная форма организации документооборота также выступает в качестве дополнительной к обычной письменной форме.

Прошло уже 20 лет со времени принятия первых законов, регулирующих электронное правосудие в Германии. За это время оно существенно продвинулось в своем развитии, но говорить о том, что процесс его создания завершился, пока преждевременно. К 1 января 2026 г. возможность коммуникации со всеми немецкими судами по электронным каналам связи дополнится ведением дел в электронном виде. Таким образом, тот запас времени, который отводится немецким законодателем на внедрение новых процессов с использованием ИКТ в деятельность судов должен способствовать обдуманному и взвешенному поиску подходящих технологических решений [3, С. 433–447].

В Италии электронный сервис, работающий при помощи системы PolisWeb, предоставляет возможность пользователям судебной информации получать консультации «Онлайн» по информации и документам, относящимся к гражданскому судопроизводству. Система управления данными ежедневно копирует данные (*сведения*) каждого обращения в канцелярию и пересылает их в центральное хранилище [4].

ЕСР («electronic civil proceeding») – электронное гражданское судопроизводство – дополнительная к традиционной возможность для лиц, участвующих в деле и суда создавать, отправлять и подавать в суд процессуальные документы, используя электронную передачу данных. В Италии каждый судебный район вправе запустить

электронную систему гражданского судопроизводства и оповещения участников процесса, но только в качестве дополнения к традиционному судопроизводству [5]. Это подразумевает право сторон выбирать между электронной или «бумажной» процедурой. Но, выбрав электронное гражданское судопроизводство, участники тем самым соглашаются на получение уведомлений и процессуальных документов исключительно в электронном виде.

Основные технические требования – цифровая подпись и сертифицированный электронный адрес, который должен иметь каждый пользователь ЕСП. Электронный документ, подписанный электронной подписью, приравнивается к простой письменной форме.

Список источников:

1. Gesetz zur Anpassung der Formvorschriften des Privatrechts und anderer Vorschriften an den modernen Rechtsgeschäftsverkehr // Bundesanzeiger Verlag. Juli 2001. № 35. С. 1542–1549.

2. Электронный судебный и административный почтовый ящик EGVP. URL: <https://egvp.justiz.de/> (дата обращения 11.05.2020).

3. *Проскуракова М.И.* «Электронное правосудие в Германии: актуальное состояние и перспективы развития» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. № 3. С. 433–447.

4. PolisWeb. URL: <https://www.accessogiustizia.it/public/quadra/polisweb/> (дата обращения: 11.05.2020).

5. *Rinaldi D.* Electronic civil proceeding in Italy // NEWSLETTER APRIL. 2009. URL: <https://pravo.ru/store/doc/doc/italy.pdf> (дата обращения: 11.05.2020).

Галас Елена Михайловна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
общеправовых дисциплин Институт экономики и права (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НОРМ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ НАЗНАЧЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье проводится анализ норм российского гражданского процессуального законодательства, связанных с назначением и производством судебной экспертизы. На основе анализа сформулированных в законодательстве, теории и практике положений, автор выявляет проблемы, связанные с определением экспертного учреждения, оплатой труда экспертов, назначением повторной и дополнительной экспертизы, обеспечением отвода эксперта. Предлагаются авторские решения выявленных проблем.

Ключевые слова: гражданский процесс; экспертиза; экспертная деятельность; ответственность эксперта; оплата труда эксперта; отвод.

Современный гражданский процесс невозможно представить без участия в нем судебных экспертов, выносящих мотивированные заключения, имеющие статус доказательств, способствующих законности и обоснованности судебных решений. В ныне действующем ГПК РФ разработана достаточно подробная система норм, определяющих комплекс прав, обязанностей и мер ответственности лиц, обладающих определенными специальными знаниями, привлекаемых к участию в гражданском деле судом для дачи заключения. Наличие таких знаний и определяет «специальную процессуальную правосубъектность» эксперта, формирующую его особый правовой статус в гражданском судопроизводстве.

Однако, анализ норм ГПК РФ, а также их сопоставление с материалами судебной практики, свидетельствует о том, что действующее российское законодательство, в котором регламентированы вопросы назначения и производства судебной экспертизы, не лишено некоторых проблем.

Первая проблема связана с недостаточно выстроенным механизмом определения экспертного учреждения при назначении экспертизы в рамках производства по гражданскому делу. Закон не ограничивает судью в выборе экспертного учреждения при назначении экспертизы. В настоящее время только в системе Минюста РФ действует 42 судебно-экспертных лаборатории, 9 региональных и 1 федеральный центр судебной экспертизы. Кроме того, существует и большое количество негосударственных учреждений. С точки зрения гражданского процесса, данные лица обладают равным правовым статусом и их экспертные заключения имеют равную юридическую силу. [1, с. 116]

Вторая проблема связана с регламентацией оплаты труда судебных экспертов. На эту проблему Верховный Суд РФ обращал внимание еще в Обзоре 2011 года, [2] и она не теряет своей актуальности на сегодняшний день. В настоящее время на практике весьма распространены ситуации, когда вопрос об оплате труда судебных экспертов не находит отражения в мотивировочной части судебных решений. Весьма редко, суды исправляют ситуацию путем вынесения дополнительного решения в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 201 ГПК РФ. В подавляющем большинстве экспертам приходится задействовать административный ресурс, выходя в суд от имени руководителей экспертных учреждений с самостоятельными требованиями об оплате проведенной экспертизы. Кроме того, несвоевременность оплаты труда эксперта, привлекаемого к участию в гражданском судопроизводстве связана с затягиванием сроков рассмотрения дела в суде. Так, при отсутствии информации об оплате, эксперты могут возратить определение о назначении судебной экспертизы в суд, ссылаясь на нехватку времени или иные причины, признаваемые уважительными, но по факту, являющиеся надуманными. С одной стороны, можно понять экспертов, не желающих работать бесплатно. С другой – такое положение дел приводит к необоснованному затягиванию сроков.

Представляется, что решение вышеуказанных проблем возможно путем дополнения ГПК РФ нормами об обязательном внесении на депозитный счет экспертного учреждения авансового платежа для оплаты труда экспертов при назначении экспертизы. Кроме того, возможно также предусмотреть норму об ответственности за уклонение от оплаты экспертизы.

Третья проблема связана с назначением дополнительных и повторных экспертиз. [3, с. 84] Так, в ст. 87 ГПК РФ предусмотрены

основания для проведения указанных видов экспертиз. Согласно ст. 87 ГПК РФ дополнительная (повторная) экспертиза назначается если заключение ранее проведенной экспертизы не вносит ясности, либо ответы на поставленные вопросы являются неполными. По нашему мнению, нет необходимости в проведении повторной или дополнительной экспертизы в случае, если неясность или неполнота информации в первоначальной экспертизе возможно устранить путем получения соответствующих разъяснений от эксперта. Свое мнение считаем возможным подкрепить положениями общей теории судебной экспертологии. [4, с. 12]

Сопоставление норм ч. 1 и 3 ст. 87 ГПК РФ позволило нам выявить еще одно противоречие, связанное с неточностью в формулировках. Так, ч. 3 ст. 87 ГПК РФ предписывает указание мотивов несогласия с экспертным заключением в определении суда о назначении повторной (дополнительной) экспертиз. По нашему мнению, термин «несогласие», используемый законодателем в указанной норме, вполне применим к повторной экспертизе, однако, не совсем применим к экспертизе дополнительной, поскольку это противоречит ч. 1 указанной статьи. Полагаем, что неясность или неполнота информации, указанной в экспертном заключении, не может вызвать несогласия, поскольку таковое может сформироваться только при наличии достаточной информации о сущности выводов эксперта.

Принцип независимости эксперта в гражданском процессе гарантируется его процессуальной самостоятельностью в выводах, отражаемых им в заключении. Другой гарантией независимости эксперта является возможность его отвода. Однако из норм ГПК РФ не следует, что отвод эксперта может быть произведен по причине его некомпетентности, отсутствия у него соответствующих специальных познаний. Тем не менее, в ст. 85 ГПК РФ предусмотрена норма о персональной ответственности за данное им заключение. [5, с. 61] По нашему мнению, данный пробел возможно восполнить путем дополнения ст. 18 ГПК РФ положением об основании для отвода (самоотвода) эксперта при невозможности дачи им заключения по причине его некомпетентности.

Подводя итог, отметим, что обозначенные в данном докладе вопросы могут найти развитие в дальнейших, более глубоких исследованиях, поскольку правотворческая деятельность представляет собой сложный процесс, требующий тщательной предварительной концептуальной разработки.

Список источников:

1. *Жижина М.В.* Проблема определения экспертного учреждения (эксперта) при назначении экспертизы в гражданском и арбитражном процессах. // *Арбитражные споры.* 2016. № 2. С. 113–121.
2. Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2011) // *Бюллетень Верховного Суда РФ.* 2012. № 3. Март.
3. *Беланова Г.О., Станкевич Г.В.* Доказывания, доказательства и средства доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводствах. Монография. М.: Русайнс, 2015. 107 с.
4. *Россинская Е.Р.* Судебные экспертизы в гражданском и арбитражном процессе в контексте унификации законодательства о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2015. № 10. С. 9–16.
5. Судебная экспертиза в цивилистических процессах: научно-практическое пособие / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2018. С. 52–72.

Галузина Ксения Александровна

*преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»*

Шеменова Ольга Николаевна

*д.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»*

**К ВОПРОСУ ОБ УНИФИКАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ГПК РФ,
АПК РФ И КАС РФ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВО,
СВЯЗАННОЕ С ИСПОЛНЕНИЕМ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ
И ПОСТАНОВЛЕНИЙ ИНЫХ ОРГАНОВ**

Аннотация: в настоящей статье утверждается о необходимости унификации положений ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ, регулирующих производство, связанное с исполнением судебных постановлений и постановлений иных органов. Различия в регламентации одинаковых по существу процессуальных действий в различных видах судопроизводства способны привести к нарушению принципа равенства всех перед законом и судом.

Ключевые слова: принцип равенства, исполнительное производство, гражданский процесс, арбитражный процесс, административное судопроизводство.

В ходе исполнительного производства обращение в суд является одним из основных механизмов защиты прав и законных интересов сторон и других его участников, в связи с чем суд наделен рядом полномочий, связанных с осуществлением такой защиты. При реализации указанных полномочий суд вступает с участниками исполнительного производства в правоотношения, которые носят процессуальный характер и помимо Закона об исполнительном производстве регулируются разд. VII ГПК РФ, разд. VII АПК РФ, разд. VIII КАС РФ. В каждом из этих процессуальных кодексов в качестве одного из основных принципов, на основе которых осуществляется правосудие, называется равенство всех пред законом и судом (ст. 6 ГПК РФ, ст. 7 АПК РФ ст.6, ст. 8 КАС РФ).

Данный принцип, как и другие принципы процессуального права в полной мере распространяется на производство, связанное

с исполнением судебных постановлений и постановлений иных органов. В п. 60.2 концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ указывается: «в части, в которой суды наделены полномочиями по разрешению вопросов в сфере исполнительного производства (разд. VII ГПК РФ и АПК РФ), оно является стадией гражданского и арбитражного процесса и входит в сферу ведения органов судебной власти». Этот тезис с учетом современных реалий применим и к административному судопроизводству.

На стадии исполнительного производства действие принципа равенства проявляется в том, что любой гражданин и любая организация, будучи стороной исполнительного производства и вступив в процессуальные правоотношения с судом, обладают равным объемом прав, не зависящим от их индивидуальных характеристик – пола, расы, национальности и т.п. И, в том числе, тех характеристик, которые были положены в основу деления судопроизводства на гражданское, арбитражное и административное: наличие или отсутствие статуса индивидуального предпринимателя, характеристика организации в качестве коммерческой или некоммерческой, субъектами частных или публичных правоотношений являются стороны в конкретном деле и др.

Между тем, сравнительный анализ ГПК РФ и АПК РФ [2, с. 39–46], а также КАС РФ свидетельствует о том, что они имеют существенные различия в регламентации правового положения участников исполнительного производства в отношениях с судом.

В ряде случаев устранение этих различий и обеспечение равенства прав участников исполнительного производства может осуществляться благодаря применению аналогии процессуального закона. Например, Д.В. Павин предлагает применять нормы АПК РФ для регулирования вопросов, связанных с поворотом исполнения судебных актов, так как положения ст. 443 РФ ГПК РФ, по его мнению, устанавливают ограничения, не позволяющие разрешить все возникающие на практике вопросы (в частности, норма охватывает только поворот исполнения решения суда и не регулирует поворот других судебных актов) [1, с. 28–34].

Однако аналогия процессуального закона как способ устранения неравенства в положении участников исполнительного в различных видах судопроизводства невозможна там, где есть явные различия в правовом регулировании. Например, в отношении сроков исполнительного производства. В соответствии со ст.187 КАС РФ, суд вправе установить предельные сроки исполнения, что, безус-

ловно, способствует своевременной защите прав и интересов граждан и организаций. В то же время к немедленному исполнению решение по административному делу может быть обращено только в исключительных случаях, предусмотренных в законе, и по просьбе административного истца (ч. 2 ст.188 КАС РФ). А согласно ч. 7 ст. 201АПК РФ немедленному исполнению подлежат все решения по делам об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц в силу закона.

Указанные и иные различия в регламентации правового положения участников исполнительного производства в их правоотношениях с судом в гражданском процессе, в арбитражном процессе и в административном судопроизводстве наводят на мысль об унификации соответствующих положений ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ как об основном способе устранения этих различий.

Данная идея отражена в п. 60.5 Разд. VII концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ, где сказано, что «в проекте Кодекса должны быть приведены к «общему знаменателю» основные правила исполнительного производства, которые ранее содержались в ГПК и АПК».

Шаги, направленные на реализацию данной идеи и на устранение различий правового регулирования вопросов, связанных с исполнением судебных постановлений и постановлений других органов в условиях существования трёх самостоятельных процессуальных кодексов уже предпринимаются в рамках реформирования законодательства о гражданском судопроизводстве. Так, Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» принята новая редакция абз. 1 ч. 1 ст. 428 ГПК РФ и ч. 3 ст. 319 АПК РФ, воспроизводящая идею ранее принятой ч. 3 ст. 353 КАС РФ о том, что исполнительный лист выдается только по ходатайству взыскателя за исключением исполнительного листа на взыскание денежных средств в доход бюджета.

Представляется, что идею об унификации положений ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ, регулирующих производство, связанное с исполнением судебных постановлений и постановлений иных органов, необходимо довести до логического завершения. Граждане и организации, являясь участниками исполнительного производства, должны иметь равные возможности для защиты своих прав и законных интересов в процессуальных отношениях с судом. Ус-

ловия реализации их прав не должны зависеть от того, сторонами принудительного исполнения какого юрисдикционного акта они являются: постановления суда общей юрисдикции, постановления арбитражного суда, постановления суда, принятого в порядке административного судопроизводства, либо постановления другого юрисдикционного органа, если это напрямую не обусловлено спецификой исполняемого акта и характером материальных правоотношений должника и взыскателя.

В процессуальных отношениях с судом, которые возникают на стадии исполнительного производства, в полной мере действует конституционный принцип равенства всех перед законом и судом, которому в целях защиты прав и законных интересов всех граждан и организаций, должно соответствовать и процессуальное законодательство и законодательство об исполнительном производстве.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о целесообразности не только единообразного, но единого по содержанию законодательного закрепления порядка разрешения процессуальных вопросов, возникающих на стадии исполнительного производства и требующих участия суда как одной из гарантий достижения равенства всех перед законом и судом.

Список источников:

1. *Павин Д.В.* Функции и полномочия суда в отношении исполнительных документов // Арбитражный и гражданский процесс. М.: Юрист. 2014. № 4. С. 28–34.
2. *Улетова Г.Д.* Производство по делам, связанным с исполнением судебных актов и актов других органов: сравнительный анализ норм ГПК РФ и АПК РФ: Всероссийская научно-практическая конференция «АПК и ГПК 2002 года: сравнительный анализ и актуальные проблемы правоприменения» // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 9. С. 39–46.

Гинзбург Ирина Владимировна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
и процесса ФГБОУ ВО «НИ МГУ им. Н. П. Огарёва»*

Аграшева Ольга Евгеньевна

*документовед кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «НИ МГУ им. Н. П. Огарёва»*

ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация: статья посвящена рассмотрению процедуры признания и исполнения решений иностранного суда на территории России в соответствии с правилами ГПК РФ. Помимо основных правил, в статье уделено внимание отдельным основаниям отказа в реализации обозначенной процедуры, а также предложены дополнительные.

Ключевые слова: производство по делам с участием иностранных лиц, признание и исполнение решений иностранных судов, отказ в исполнении решения иностранного суда.

Производство по делам с участием иностранных лиц осуществляется не только в российских судах, но и в иностранных, в связи с чем особое место в таких случаях должно отводиться возможности признания и исполнения решений, принятых иностранными судами, на территории России. Иначе говорить о полноценном осуществлении правосудия довольно сложно, а проведённое разбирательство (если оно проведено легально, с соблюдением всех требований) фактически теряет смысл. Признание решения – это придание решению иностранного суда той же юридической силы, которой обладают решения судов национальных. Только после того, как решение было признано, возможно его исполнение. Однако, основная доктринальная позиция заключается в том, что признание и исполнение иностранных судебных решений – это, скорее, мера поддержания и развития международного сотрудничества [1, с. 493–504], то есть, она, главным образом, служит внешнеполитическим целям.

Регламентация условий и общей процедуры признания и исполнения иностранных судебных решений осуществляется как посредством внутреннего законодательства (национальные

процессуальные кодексы), так и посредством актов международного характера (двусторонних договоров и многосторонних конвенций, например, Кодекс международного частного права 1928 года, Конвенция о международном доступе к правосудию 1980 года и др.). В России постановления судов иностранных государств обязательны только в случае, когда это зафиксировано в международном договоре [2]. Данная позиция нашла своё отражение и в статье 409 ГПК РФ. Что же касается международных договоров с участием России, то здесь стоит обратить внимание на Минскую Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года, Гаагскую Конвенцию по вопросам гражданского процесса 1954 года. Так, например, в Минской Конвенции указаны такие условия признания и исполнения решений, как вступление решения в законную силу на основании законодательства соответствующего иностранного государства, отсутствие противоречия с ранее принятым и вступившим в силу решением российского суда, по делу с теми же сторонами, требованиями и основаниями (при наличии) и соблюдение в ходе рассмотрения дела процессуальных прав сторон. В отношении подачи ходатайства взыскателя о признании и исполнении решения, стоит обратить внимание на то, что определение суда, через который подаётся подобное ходатайство, указывается в международном договоре. Например, статья 53 Минской Конвенции предусматривает возможность подачи ходатайства как в суд страны, где было вынесено решение, так и в суд страны, где решение должно быть исполнено. Кроме того, и внутреннее законодательство, и международные договоры регламентируют правила отказа в принудительном исполнении судебных решений.

Что касается российского законодательства по вопросам признания и исполнения решений иностранных судов в рамках гражданского судопроизводства, то основные правила изложены в главе 45 ГПК РФ. Так, например, в соответствии со статьёй 409 ГПК РФ решение иностранного суда может быть предъявлено к принудительному исполнению в течение трех лет со дня вступления его в законную силу (пропущенный срок восстанавливается по российским правилам судопроизводства). Далее по правилам статьи 413 ГПК РФ в отношении самого признания могут быть приняты возражения от заинтересованных лиц в течение месяца после того, как таковым стало известно о решении иностранного суда.

Ходатайство о признании и исполнении решения иностранного суда, согласно статье 410 ГПК РФ, должно быть подано именно в российский суд, вопрос о том, делается это напрямую заинтересованным лицом или через иностранный суд, принявший решение, не конкретизируется.

Решения иностранных судов могут быть и не исполнены, что предусматривает статья 412 ГПК РФ (и дополнительно статья 417 ГПК для решений третейских судов). Отметим, что по российскому законодательству отказ может быть инициирован только судом, возможность предоставления возражений на заявление об исполнении решения сюда не относится. Во избежание злоупотреблений, перечень случаев отказа является закрытым.

Из перечисленных в законе случаев отказа отдельного внимания требует противоречие публичному порядку, поскольку необходимо чётко понимать, что скрывается под данным термином. В Информационном письме Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 года № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» приводится следующее пояснение относительно данного термина: «Под публичным порядком ... понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации (статья 1192 ГК РФ), если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц». То есть понятие публичного порядка шире, нежели факты нанесения ущерба суверенитету и безопасности государства. Отметим также, что, когда речь идёт о нарушениях, основанных на противоречии принципам и нормам государственной правовой системы, не имеет значения, в отношении какого из участников дела они совершены – российских участников или иностранных. Также согласно пояснениям части пятой Обзора несоответствие между иностранными и российскими нормами права, в т.ч. в правовом

регулировании сходных отношений и неверное истолкование норм российского права не может расцениваться как нарушение публичного порядка.

Однако, как показывает судебная практика, данное основание практически не находит применения, в отличие от нарушения процессуального права стороны участвовать в процессе, которое является наиболее часто применимым [3–6].

Кроме того, представляется целесообразным выделить дополнительные основания для отказа. Первое – это действие юрисдикционного иммунитета, когда речь идёт о делах с участием иностранных государств. В данном случае имеются в виду споры между иностранными гражданами/организациями и российскими консульствами (как одним из видов дипломатических представительств государства за рубежом). В связи со своим особым статусом, который закреплён как в Венской конвенции о консульских сношениях, так и в ФЗ от 05.07.2010 №154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» консульство должно выразить своё явное согласие на исполнение решения иностранного суда. Конечно, такое основание можно квалифицировать как вариант противоречия публичному порядку, однако, на наш взгляд вопрос действия иммунитета в международном частном праве представляется одним из фундаментальных, в связи с чем он заслуживает особого внимания и в рамках рассматриваемой процедуры.

Второе основание, которое на первый взгляд представляется не самым очевидным, – это несоответствие ходатайства о признании и исполнении такого решения требованиям ГПК РФ. Частично основания для отказа совпадают с некоторыми из требований к заявлениям, например, пункт 1 части 1 статьи 412 ГПК РФ (т.е. решение не вступило в силу) и требования пунктов 1 и 2 части 2 статьи 411 ГПК РФ (о том, что к ходатайству должны быть приложены заверенная иностранным судом копия решения и официальный документ о том, что решение вступило в силу).

Таким образом, рассмотрение общего порядка признания и исполнения решений иностранных судов на территории Российской Федерации, анализ судебной практики, международных соглашений и судебных актов разъяснительного характера позволяет сфокусироваться на основных особенностях отказа в реализации рассматриваемой процедуры.

Список источников:

1. *Борисов В. Н.* Международное частное право: учебник / *Борисов Н. В., Власова Н. В., Доронина Н. Г.* М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. 848 с.
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 08.06.2016 №33-3608/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.12.2018 по делу №33-55399/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.10.2019 №33-41668/2019 // «КонсультантПлюс»
6. Определение Московского городского суда от 08.07.2019 по делу №3м-343/2019 // КонсультантПлюс

Григорьева Тамара Александровна
*доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры арбитражного процесса ФГБОУ ВО «СГЮА»*

УЧАСТИЕ АДВОКАТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ В АСПЕКТЕ ИСКОВОЙ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ

Аннотация: статья посвящена понятию иска как способа защиты нарушенных субъективных прав и охраняемых законом интересов. Рассматриваются особенности деятельности адвоката по делам искового производства.

Ключевые слова: гражданский процесс, судебная защита, иск, исковое производство, адвокат.

В последнее время законодатель усилил роль адвоката в современном гражданском процессе, прежде всего вследствие введения обязательного ведения некоторых гражданских дел посредством адвокатской деятельности. В этой связи особенно важно обратиться к вопросу о специфике участия адвоката в гражданском процессе в аспекте исковой формы защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов.

Итак, общеизвестно, что нормативное закрепление права на обращение в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод или охраняемых законом интересов отражено в ст. 46 Конституции РФ и ст. 3 ГПК РФ. Бесспорно, в рамках гражданского судопроизводства наиболее распространена реализация права на обращение за судебной защитой путем предъявления иска в суд общей юрисдикции.

Следует отметить, что в науке гражданского процессуально-го права понятие судебного иска отличается противоречивостью и множеством подходов к определению его сущности. Так, можно выделить четыре точки зрения относительно правовой природы иска – процедурную, материальную, смешанную и раздельную.

С позиции процессуалистов судебный процесс есть средство защиты. Иными словами, заинтересованное лицо обращается в суд с целью разрешения судебного спора и с целью защиты субъективного права или своих законных интересов. Учеными, поддерживающими материальную концепцию, под иском понимается субъективный закон или юридический иск гражданина. Иначе рассматривают

иск сторонники смешанной теории, а именно как довольно сложную категорию, которая имеет две стороны – материальную и процессуальную. Раздельная теория дает понимание того, что нет единого понятия иска, и данный термин «иск» – имеет два совершенно самостоятельных значения [1, с. 142].

При изучении современной процессуальной литературы понятие иска трактуется другим образом. Иск – это юридическое требование заинтересованного лица (истца), обращенное к суду о защите нарушенного или оспариваемого субъективного права или законного интереса установленным законом способом на основании указанных фактов, с которыми связывают неправомерные действия ответчика.

Классификация исков в гражданской и гражданско-процессуальной литературе производится по материально-правовому признаку и по процессуальной цели иска [2, с. 113]. Учитывая последний критерий для разделения исков на виды, можно констатировать, что иски делятся на три категории: о признании, о присуждении и о преобразовании.

Категория исков о присуждении, как правило, направлена на принудительное исполнение гражданских прав, требований, которые вытекают из субъективных гражданских прав и гражданских правоотношений, которые подлежат принудительному осуществлению. Приводя пример применения иска о присуждении как способа защиты субъективного права или охраняемого законом интереса, можно обозначить стандартные ситуации гражданских правоотношений – истец в своем иске просит суд о требованиях принудить ответчика к определенным действиям или бездействиям, как то: возмещение убытков, лишение родительских прав, взыскание алиментов, возвращению долга и прочие ситуации.

Необходимо заметить, что название исков о присуждении истекает из того, что истец добивается, что бы ответчик был присужден к исполнению своих обязанностей. На основании решения суда по этим искам выдается исполнительный лист, они также называются исполнительными или исками с исполнительной силой [3, с. 99]. Можно утверждать, что самыми распространенными видами исков в настоящее время считаются именно иски о присуждении.

Следующий вид исков – преобразовательные иски – имеют направленность на создание, изменение, прекращение юридических отношений материально-правового характера. Как правило, участники гражданско-правовых отношений вступают, изменяют или

прекращают свои правоотношения без участия суда, но по своей воле. Но данные действия могут совершаться только под контролем суда при определенных, предусмотренных законодателем случаях.

Естественно, решение судов по указанным искам является важным элементом односторонних волеизъявлений и защиты законных интересов сторон в том случае, если закон может предоставить сторонам возможность прекращения отношений путем одностороннего волеизъявления. Например, это могут быть иски по делам о расторжении брака при наличии детей, о расторжении договора аренды в одностороннем порядке и др. Также в случае, когда суд выносит решение по преобразовательным искам, им не создается новых прав, а защищается право истца на прекращение или изменение уже действующего правоотношения, которое согласно законодательству не может быть осуществлено без решения суда.

Ученые-процессуалисты предложили унифицировать терминологию, которая связана с исками и именовать во всех случаях указанное явление требованием в процессуальном смысле или правом на обращение в суд. Аргументация в данном контексте отличается единством – указанные наименования, якобы, полнее и точнее отражают сущность исследуемого явления [4, с. 158]. Однако, как подчеркивает О.В. Исаенкова, в таком случае будет рушиться терминологический ряд цивилистического процесса, не будет возможности называть производство исковым, истца истцом и т.д. [5, с. 82] Исходя из этого более предпочтительнее будет определение иска, а не отказ от соответствующего термина.

Сама по себе форма содержания искового заявления должна соответствовать ст. 131 и 132 ГПК РФ. При этом, если суд установит, что требования данных статей не были соблюдены, он вправе отказать в принятии искового заявления (ст. 134 ГПК РФ), возвратить его (ст. 135 ГПК РФ) и оставить без рассмотрения (ст. 135 ГПК РФ). Чаще всего, как правило, судами применяются последствия в виде возвращения иска и оставления его без рассмотрения. При такой ситуации спор не разрешается, а заявитель должен устранить все недостатки.

При составлении искового заявления адвокат должен уделить особое внимание обстоятельствам, которыми истец обосновывает требования, и доказательствам, подтверждающим эти обстоятельства. В данном случае здесь соединены обстоятельства, которые являются основанием иска и доказательства. Так, каждое обстоятельство должно подтверждаться перечнем доказательств. Поэ-

тому адвокату важно собрать, проанализировать доказательства и разъяснить в иске, каким образом они подтверждают требования заявителя. Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении № 23 от 12 декабря 2003 г. (абз. 3 п. 5) разъяснил, что заявленные требования рассматриваются и разрешаются по основаниям, приведенным истцом. Исключение составляют лишь дела, возникшие из публичных правоотношений, при рассмотрении и разрешении которых суд не связан с основаниями и доводами заявленных требований (абз. 4 п. 5 этого же Постановления).

В ст. 131 и 132 ГПК РФ не указано, что заявитель должен подкреплять свою позицию ссылками на текст закона, который должен применяться для разрешения спора. Однако, зачастую в иске заявители указывают конкретные нормы права, на которые ссылаются. Но такая позиция не совсем верна. Законодатель исходит из того, что закон применяет суд. Обычный заявитель, не обладая высоким уровнем знаний в области права, может не указывать, какой закон должен применяться. В данном случае именно адвокат как профессиональный юрист, может сослаться в своем обращении на текст закона, так как он понимает, каким образом, нормы права применяются в данном правоотношении. Таким образом, вопросы применения права должны разрешаться именно профессиональными юристами, обладающими достаточной квалификацией. Задача же обычного заявителя, заключается в формулировании своих требований и предоставлении необходимых доказательств, подтверждающих его позицию.

Для заявителя цена иска является еще одним достаточно сложным для понимания разделом искового заявления. Именно квалифицированный юрист, и, в частности, адвокат, могут определить правильную сумму цены иска, приложив к нему еще и расчет. Речь идет не о том, что гражданин не может указать в иске отдельные ссылки на нормы права или рассчитать самостоятельно цену иска. Если дело довольно простое, то гражданин сам может защитить свои права. Однако, когда спор является довольно сложным, который включает правоотношения различных отраслей права или цена иска которого является достаточно значительной, гражданин должен получить квалифицированную юридическую помощь. Это связано не только с тем, что сама по себе адвокатская деятельность по качеству значительно выше, чем обычного гражданина, но также и с тем, что задача суда – рассмотреть дело по существу и вынести законное решение. Качество судебной защиты зависит не только

от суда, но и от сторон, которые необоснованно пренебрегают возможностью привлечь для поддержания своих требований профессионального юриста.

При подготовке обращения адвокат должен заранее выяснить вопрос о том, был ли соблюден досудебный порядок обращения к ответчику, который предусмотрен законом либо договором. Если досудебный порядок разрешения спора не был соблюден, то это является основанием для возвращения искового заявления (п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ) в стадии досудебной подготовки. Самое неприятное, если выяснится, что такой порядок не был соблюден в последующих судебных инстанциях. В данном случае суд вправе прекратить производство по делу с отменой решения первой инстанции [6, с. 145].

Учитывая требования, которые предъявляются к исковому заявлению, а также процессуальный порядок подачи иска, необходимо отметить, что данная процедура включает множество нюансов и «подводных камней». Задача адвоката на данном этапе заключается в том, чтобы оперативно и качественно подготовить необходимое обращение и подать его в порядке, предусмотренном законом.

Список источников:

1. *Лебедев М.Ю.* Гражданский процесс: учебник для бакалавров / М.Ю. Лебедев. 3-е изд. М.: Юрайт, 2012. 410 с.
2. *Осокина Г.Л.* Иск (теория и практика). М.: Городец, 2000. 192 с.
3. Гражданский процесс России: учебник / под ред. М.А. Видука. М.: Юристъ, 2014. 480 с.
4. *Забродин Д.М.* Групповые иски в арбитражном процессе России: проблема одного правоотношения // Закон. 2013. № 12. С. 156–162.
5. Иск и исковая форма защиты в гражданском процессе: монография / О.В. Исаенкова, О.В. Николайченко, Т.В. Соловьева, Н.Н. Ткачева; под ред. О.В. Исаенковой. М.: Юрайт, 2019. 183 с.
6. *Трофимов Я.В.* К вопросу о форме и содержании искового заявления по ГПК Российской Федерации // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 5–14. С. 143–146.

Евтухович Егор Алексеевич

*преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «ВГУ»*

РЕГЛАМЕНТ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА

Аннотация: настоящие тезисы посвящены рассмотрению проблем, связанных с принятием Регламента проведения судебного примирения. Исследуется правовая природа указанного Регламента. Анализируются целесообразность его принятия в целях регулирования проведения процедуры судебного примирения, а также возможные альтернативные подходы.

Ключевые слова: судебное примирение, регламент проведения судебного примирения.

С момента вступления в силу Федерального закона от 26.07.2019 года № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1], которым, в том числе, в российскую правовую систему была официально введена новая примирительная процедура – судебное примирение, прошел почти год. Несмотря на то, что реальная практика обращения к судебному примирителю в целях урегулирования споров за указанный срок лишь начала медленно складываться, проблематика правового регулирования указанной процедуры, равно как оценка перспектив ее дальнейшего развития в России вполне ожидаемо успели занять одно из центральных мест в отечественной процессуальной науке. Не будет выглядеть серьезным преувеличением тезис о том, что число посвященных судебному примирению публикаций в научных изданиях не сильно уступает успешно завершённым процедурам, если не превосходит их.

Основное внимание специалистов закономерно уделяется содержательным аспектам проведения судебного примирения, процессуальному закреплению его итогов, соотношению с судебным процессом в целом. В то же время практически не анализируется то, каким образом процедура урегулирована, какой путь для этого избрали ее разработчики и воплотил в жизнь законодатель. Как представляется, этот вопрос является не менее интересным и актуальным. В этой связи необходимо провести анализ природы и ме-

ста в системе источников российского позитивного права такого специфического акта, как Регламент проведения судебного примирения (далее по тексту – Регламент) [2]. Именно он, дополняя и развивая рамочные положения о судебном примирении ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ, является основным нормативным источником проведения процедуры.

Регламент проведения судебного примирения был принят Постановлением Пленума Верховного суда РФ 31 октября 2019 года согласно прямому предписанию процессуального законодательства. Интересно, что идея принятия специального судебного регламента для данной примирительной процедуры была предложена еще в проекте Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием примирительных процедур», разработанного специалистами Высшего Арбитражного суда РФ в 2012 году, которым, собственно, впервые и обособлялось само судебное примирение [6, с. 109–118]. Именно тот факт, что Регламент принят Верховным судом РФ, предопределяет один из основных вопросов: какое место он занимает в системе источников российского позитивного права?

Представляется, что с точки зрения своего содержания, Регламент проведения судебного примирения должен быть отнесен к нормативно-правовым актам. Очевидно, что он содержит абстрактные, рассчитанные на неоднократное применение, правила поведения, которые распространяются на всех подпадающих под его действие лиц – участников процедуры судебного примирения. Его нормы не выводятся из сложившейся линии судебной практики в целом или конкретных актов или постановлений каких-либо судов. Они были изначально разработаны для применения в будущем, после введения самой процедуры в отечественную правовую систему. Кроме того, следует отметить, что включенные в Регламент нормы носят самостоятельный и уникальный характер с точки зрения регулируемых ими отношений. Их никоим образом нельзя рассматривать в качестве результата толкования законодательства, на что традиционно, по крайней мере, официально, направлено издание постановлений Пленумов высших российских судов. Здесь речь прямо идет о делегированном законодателем Верховному суду правотворчестве в строго определенной области. С учетом того, что Верховный суд РФ точно не относится к законодательной власти, издаваемый им нормативный акт может носить исключительно подзаконный характер.

Подобная практика может не понравиться сторонникам проведения жесткой линии разграничения властей, в которой суды классически призваны не создавать, а применять правовые нормы. Тем не менее, следует признать, что абсолютное проведение данного принципа в жизнь не только невозможно, но и вряд ли целесообразно [5, с. 123]. С одной стороны, суды исторически находятся в фарватере формирования правовых норм, сталкиваясь с многочисленными пробелами действующего законодательства при разрешении споров и не имея возможности в разрешении последних отказать по причине отсутствия применимой специальной нормы. С другой стороны, вполне целесообразно наделять суды возможностью самостоятельно в нормативном порядке решать как минимум текущие вопросы, касающиеся организации их деятельности. Такая практика присуща, пожалуй, всем развитым государствам. Вопрос скорее заключается в степени такой свободы, которая варьируется от возможности моделирования и внедрения самостоятельных процедур, не предусмотренных законом, что вполне характерно для англо-американской системы, до принятия специальных организационных регламентов строго в рамках полномочий, законами установленных, что характеризует континентальную судебную систему.

Российские высшие суды исторически функционируют в рамках тех «правотворческих» полномочий, которые установлены для них законами. Так, Верховным судом РФ были приняты такие нормативные по своему характеру акты как Регламент ВС РФ [2], Положение о дисциплинарной коллегии ВС РФ [3], Положение о Научно-консультативном совете при ВС РФ [4]. Что касается Регламента проведения судебного примирения, то полномочие на его принятие судом прямо предусмотрено пп. 13.1 п. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона «О Верховном суде РФ». Поэтому никаких вопросов с правомочностью выработки в целях регулирования судебного примирения данного акта возникнуть не может. Однако, насколько такой подход оправдан и целесообразен?

Стоит отметить, что ни одна из пояснительных записок к соответствующим проектам сначала ВАС РФ, а позже ВС РФ, не содержит развернутого обоснования избранного подхода. Представляется, что в 2012 году решение разработчиков о целесообразности регулирования проведения новой примирительной процедуры специальным судебным регламентом, которое без каких-либо изменений спустя семь лет стало действующей частью российских процессуальных кодексов, было продиктовано достаточно простой логикой.

Судебное примирение изначально позиционировалось ими как процедура, проводимая под эгидой судебной системы по спорам, которые стали предметом судебного разбирательства. Будучи своеобразной разновидностью судебной деятельности, в каждом случае организовываясь при содействии суда, примирительная процедура наиболее гибко и эффективно могла быть урегулирована выработанным на уровне высших судебных органов актами.

Как видится, у избранного подхода имелись две очевидные альтернативы. Первая из них, это включение норм о проведении судебного примирения в главы ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ, посвященные регулированию примирительных процедур. А с учетом количества этих норм, возможно даже представить их обособление в рамках указанных глав. Второй альтернативой могло стать принятие отдельного федерального закона. В таком случае общий подход к регулированию судебного примирения был бы аналогичен тому, как регламентируется медиация. Процессуальный закон устанавливает общую возможность использования примирительной процедуры по судебным спорам, а также фиксирует внимание на процессуальных аспектах ее проведения, в то время как «внутренние» вопросы составляют предмет исключительно специального закона.

Какой подход следует признать наиболее целесообразным? Как представляется, на этот вопрос невозможно дать однозначно правильный ответ. С точки зрения правовой догматики позиционирование судебного примирения в качестве самостоятельной примирительной процедуры заслуживает регулирования его проведения полностью на уровне федерального законодательства. В конце концов, даже беглый анализ содержания Регламента показывает, что его разработчики явно ориентировались на общие стандарты проведения медиации, в некоторых аспектах даже зайдя дальше на пути детализации формы процедуры, объема правового массива. Насколько это разумно – большой вопрос. Однако факт в том, что две как минимум крайне схожие примирительные процедуры регулируются практически одинаково с содержательной точки зрения, но принципиально по-разному с точки зрения избранных для этой цели источников.

В то же время с политико-правовых позиций не столь важно, на каком уровне осуществляется регулирование конкретной примирительной процедуры. Самое главное, чтобы посвященные ей нормы были непротиворечивы и в то же время не слишком ее формализовывали. В любом случае специфика проведения любой при-

мирительной процедуры с участием посредника заключается в том, что регулятивное влияние права с его четким нормативным инструментарием является крайне ограниченным. Зарубежный опыт знает принципиально разные подходы к регламентации примирительных процедур, общим мерилom эффективности которых, в конечном итоге, вступает лишь востребованность последних в практике урегулирования споров. В этой связи принятие специального Регламента позволяет спокойно оценить возможности использования судебного примирения на практике, достаточно гибко, при необходимости, внося изменения и дополнения без задействования для этого всего механизма законодательного процесса.

Список источников:

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Об утверждении Регламента проведения судебного примирения: постановление Пленума Верховного суда РФ от 31.10.2019 № 41 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении Положения о Дисциплинарной коллегии Верховного суда Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 7 августа 2014 № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении Положения о Научно-консультативном совете при Верховном суде Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 7 августа 2014 № 8 // СПС «КонсультантПлюс».

5. *Каранетов А.Г.* Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М: Статут, 2011. 308 с.

6. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» // Третейский суд. 2012. № 1. С. 109–118.

Ермаков Александр Николаевич

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
арбитражного процесса ФГБОУ ВО «СГЮА»*

МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ: НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: автором анализируются особенности правового регулирования медиации как процедуры урегулирования правовых споров, возникающих из публичных правоотношений. Делается вывод о практической невозможности применения процедуры медиации в ее существующем виде к урегулированию споров в публично-правовой сфере. С учетом потенциала медиативных процедур и специфики исследуемой сферы общественных отношений обосновывается необходимость более гибкого правового регулирования процедуры медиации.

Ключевые слова: медиация, примирительные процедуры, публично-правовые споры, арбитражный процесс, административное судопроизводство.

Возможность применения примирительных процедур в целях урегулирования правовых споров, переданных на рассмотрение суда, в настоящее время предусмотрена нормами Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК), Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК) и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС). Техничко-юридическое воплощение идеи ликвидации конфликтов мирным путем в указанных кодексах при этом, за некоторым исключением, идентично. Однако, если для сферы гражданского оборота вариативность форм и процедур урегулирования правовых конфликтов выступает как важное условие его беспрепятственного и эффективного функционирования, то вероятность правового регулирования отношений публичного управления вне рамок императивных законодательных установлений видится в целом иллюзорной. Данный тезис позволяет усомниться в эффективности ряда правовых конструкций, имеющих в том числе непосредственное отношение к судебному производству, с точки зрения возможности их претворения

в жизнь. Не исключением в данном контексте выступает и регламентация процедуры медиации.

КАС определяет медиацию в качестве самостоятельной примирительной процедуры, применение которой может касаться только прав и обязанностей сторон как субъектов спорных публичных правоотношений и быть возможным в случае допустимости взаимных уступок сторон. Для отдельных категорий дел, перечень которых дан в ч. 2 ст. 137.5 КАС, обоснованно установлен запрет на использование процедуры медиации. Это дела об оспаривании нормативных правовых актов, о защите избирательных прав граждан, о приостановлении деятельности или ликвидации политической партии, об оспаривании отказа органа публичной власти в согласовании проведения публичного мероприятия и некоторые другие. АПК также наделяет стороны правом урегулировать спор путем применения процедуры медиации. В рамках дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, медиация допустима, если только иное не установлено законами и не вытекает из существа соответствующих правоотношений (ст. 190 АПК). Прямого запрета применять указанную примирительную процедуру в рамках отдельных категорий дел АПК не содержит.

Некоторые нормы АПК и КАС о медиации являются отсылочными к ФЗ от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации), что означает необходимость соблюдения сторонами спора определённого алгоритма действий. Так, стороны должны согласовать кандидатуру медиатора, сроки и порядок проведения процедуры, вопрос о расходах, связанных с проведением указанной процедуры, и прочие необходимые условия.

Закон о медиации содержит много диспозитивных норм, однако, в нем не усматривается каких-либо специальных положений, позволяющих говорить о дифференциации процедуры медиации для различных категорий споров. Несмотря на то, что указанный закон стал важной вехой в развитии и популяризации примирительных процедур, следует признать, что на сегодняшний день он не справляется в полной мере с регламентацией медиации как способа урегулирования публично-правовых споров. Законодательная правка о дополнении сферы применения процедуры медиации спорами, возникающими из административных и иных публичных правоотношений, ситуацию кардинально не изменила.

Даже с учетом того, что в Законе о медиации сохраняется запрет на применение процедуры медиации к спорам, затрагивающим публичные интересы (ч. 5 ст. 1 Закона о медиации), который вступает в противоречие с формулировкой о сфере ее применения (ч. 2 ст. 1 Закона о медиации), очевидно, что многие его положения затрудняют достижение целей урегулирования споров в публично-правовой сфере. Рассмотрим некоторые из таких положений.

Характер процедуры медиации. Как известно, в российском законодательстве реализована концепция так называемой согласительной медиации, суть которой заключается в том, что медиатор не предлагает сторонам спора готовые варианты его разрешения, а лишь содействует сторонам в выработке ими решения по существу спора (ст. 2 Закона о медиации). При этом по общему правилу медиатор не вправе вносить предложения об урегулировании спора (ч. 5 ст. 11 Закона о медиации). Данная модель медиации органично вписывается в частно-правовую сферу, главным образом, в связи с наличием у сторон гражданских и иных, схожих с ними, правоотношений широкого выбора различных вариантов окончания спора. Так, например, в рамках спора о взыскании задолженности по гражданско-правовому договору стороны вправе согласовать размер долга, сроки и порядок его уплаты, применить положения гражданского законодательства о зачете, отступном, новации и т.д.

При урегулировании публично-правового спора, например, о взыскании задолженности по уплате налога, стороны ограничены преимущественно императивными нормативными предписаниями. В свое время Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС), разъясняя в Постановлении от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» особенности примирения по отдельным категориям дел, указал, что, исходя из публично-правовой природы налоговых споров предметом соглашения сторон спора не может являться изменение налоговых последствий спорных действий и операций в сравнении с тем, как такие последствия определены законом. И хотя приведенная позиция ВАС в определенной степени снижает потенциал соглашения как инструмента примирения в налоговых спорах, нельзя отрицать тот факт, что в рамках действующего законодательства применение процедуры медиации по спорам публично-правового характера должно быть ориентировано на достижение как взаимовыгодного для сторон, так и допустимого с точки зрения закона результата, особенно если выбор

итоговых вариантов окажется невелик. А потому медиатору целесообразно предложить (озвучить) сторонам возможные варианты разрешения спора, в чем усматриваются элементы разрешительной медиации.

Кандидатура медиатора. Проводить процедуру медиации по спорам, переданным на рассмотрение суда до начала проведения процедуры медиации, может только профессиональный медиатор, который помимо прочих требований должен соответствовать также определенным законом возрастному и образовательному цензам (достижение двадцатипятилетнего возраста; наличие высшего образования; получение дополнительного профессионального образования по вопросам применения процедуры медиации) или профессиональному цензу (для судей, пребывающих в отставке). Полагаем, что судебная форма защиты как сфера исключительной компетенции профессиональных медиаторов определена законодателем неслучайно. Устанавливая дополнительные требования для профессиональных медиаторов, законодатель, как представляется, исходил из того, что к двадцатипятилетнему возрасту большинство граждан получает высшее образование и имеет определенный опыт работы в той или иной профессиональной сфере. Кроме того, именно с этим возрастом специалисты связывают переход человека во взрослую жизнь, получение им необходимых знаний о мире и обществе, приобретение профессиональных навыков, формирование способности самостоятельно обеспечивать себя и свою семью. Дополнительное профессиональное образование, в свою очередь, содействует профессиональному развитию лица, обеспечивает соответствие его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды.

Вместе с тем, само по себе наличие у медиатора высшего образования и навыков применения примирительных техник не всегда может быть достаточным условием проведения процедуры медиации в конкретном публично-правовом споре с точки зрения ее целесообразности и эффективности. К примеру, будет ли оправданным участие в процедуре медиации по налоговому спору медиатора, не имеющего ни высшего образования в этой сфере, ни опыта работы? Аналогичный вопрос можно сформулировать для любой другой категории публично-правовых споров. Полагаем, что дополнительные требования к медиаторам с прицелом на возможность их участия в урегулировании отдельных категорий правовых споров, должны быть закреплены законодательно.

Оплата услуг медиатора. Как следует из ч. 1 ст. 10 Закона о медиации, деятельность по проведению процедуры медиации может осуществляться медиатором как на платной, так и на бесплатной основе, в то время как деятельность организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, – исключительно на платной основе. В любом случае мысль о том, что медиаторы выразят готовность безвозмездно содействовать сторонам публично-правовых споров в их урегулировании, видится малореалистичной.

По общему правилу ч. 2 ст. 10 Закона о медиации оплата деятельности по проведению процедуры медиации медиатора, медиаторов и организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, осуществляется сторонами в равных долях. Допускаемая законом возможность возложения финансового бремени на одну сторону вряд ли будет востребованной. Оплата процедуры медиации за счет гражданина или организации как слабого в публичном правоотношении субъекта видится несправедливой, а за счет казны – неоднозначной в свете положений бюджетного и антикоррупционного законодательства. Впрочем, с учетом сохранения курса государственной политики на развитие примирительных процедур в публично-правовой сфере оптимальным видится вариант, при котором расходы на проведение процедуры медиации возьмет на себя государство.

Таким образом, краткий анализ некоторых положений законодательства, регламентирующего применение процедуры медиации, подводит нас к выводу о необходимости его реформирования в целях обеспечения надлежащих правовых условий для эффективного применения процедуры медиации как способа урегулирования споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений.

Жуйкова Анна Александровна
юрисконсульт, Акционерное общество
«Газпром газораспределение Тамбов»

УСЛОВИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ (НА ПРИМЕРЕ СПОРОВ О ЗАЩИТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ)

Аннотация: через призму задач судопроизводства по гражданским делам, закрепленных национальным законодательством, и нормы международного права рассматривается эффективность правосудия при рассмотрении споров о защите интеллектуальных прав. Анализируются условия повышения эффективности правосудия по спорам о защите прав авторов и правообладателей.

Ключевые слова: эффективность правосудия, дела о защите интеллектуальных прав, специализация судей, обеспечительные меры, судебные издержки.

Провозглашением задач гражданского судопроизводства в Российской Федерации законодатель определил идеал правосудия в целом, предполагающий практическую заинтересованность в решении вопроса об измерении его эффективности как процессуальной форме государственной деятельности по рассмотрению, разрешению конкретных споров о праве, завершающихся вынесением законных и обоснованных судебных актов [9, с. 223]. В этой связи под достижением целей судопроизводства оправданно понимать показатель качества правосудия, что, в свою очередь, и представляет собой эффективность судопроизводства [3, с. 164].

Эффективность правосудия традиционно составляет предмет исследования профессиональным научным сообществом, в настоящее время наука располагает выводами в области теории эффективности правосудия, которые позволяют справедливо утверждать, что эффективность правосудия в гражданском судопроизводстве представляет собой способность правосудия при определенных условиях обеспечивать достижение социально значимых целей [9, с. 191, 223]. Следует отметить не безусловный характер приведенной дефиниции [3], который при этом не препятствует

утверждать о сонаправленности целей правосудия в целом и субъектов права, в частности, об объективной взаимосвязи целей правосудия с условиями его эффективности [9, с. 233].

Так, статья 2 ГПК РФ отражает главную составляющую деятельности суда – защиту прав и охраняемых законом интересов участников гражданского судопроизводства – при условии правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданского дела. Подчеркнем, что последующее рассмотрение условий эффективности правосудия применительно к отдельной категории правовых споров основано на утверждении адресного характера эффективности правосудия, связанности вынесенного по конкретному гражданскому делу законного и обоснованного решения с достижением цели правосудия, но применительно к участникам правового конфликта [2].

Защита прав и свобод граждан в области реализации ими интеллектуальных прав, защита творчества – одни из главных показателей демократического общества и правового государства. Судебная форма защиты, заслуженно признаваемая одной из самых совершенных, обладает объективной спецификой в области защиты интеллектуальных прав [5].

Следует признать, что более всего задачи российского гражданского судопроизводства, равно, как и принципы эффективности правосудия, закрепленные нормами международного права, – уважительное отношение к закону и суду, разумные сроки рассмотрения дел в суде, доступность правосудия, совершенные принципы организации работы судов, требования к профессиональному уровню судей, статус и роль представителей юридических профессий [1] – доступны для понимания при рассмотрении и разрешении отдельных категорий гражданских дел, в частности, споров о защите интеллектуальных прав. При этом условиями (средством) повышения эффективности правосудия по рассматриваемой категории дел, полагаем, целесообразно понимать соблюдение таких условий.

Так, в контексте доступности правосудия рассматривают ее критерии, к числу которых, например, профессор М. С. Шакарян относила близость суда к лицам, нуждающимся в защите прав, разумные судебные расходы, разумные сроки рассмотрения и разрешения гражданских дел [10]. Так, в отношении рассматриваемой категории дел специалистами обоснованно отмечается взаимосвязь присущей данной категории дел особой специфики, сложности, с одной стороны, и, как следствие, длительные сроки рассмотрения,

и возрастающих судебных расходов за счет увеличения судебных издержек на каждой последующей стадии рассмотрения дела [5].

В отношении условий повышения эффективности правосудия, полагаем, интересен пример, приводимый в научном исследовании организации и развития деятельности Европейской комиссии по эффективности правосудия, созданной при Совете Европы, в отношении стран Восточной Европы (Эстония, Азербайджан, Литва) и заключающийся в предоставлении лицам, обратившимся за судебной защитой, возможности освобождения от уплаты судебных издержек по отдельным категориям дел (в трудовом, семейном праве). Данную меру необходимо оценить как ту, применение которой способствует доступности правосудия, повышению его эффективности [6, с. 68].

Создание Специализированного суда по интеллектуальным правам в Российской Федерации (СИП) заслуженно снискало положительные оценки профессионального и научного сообщества, судейского корпуса [8, с. 19; 7]. Следует особенно подчеркнуть, что повышению эффективности способствует сам факт отправления правосудия судьями, к которым законодателем предъявлены определенные требования к уровню специальных, профессиональных знаний и которые в полной мере таковым соответствуют. Именно целью повысить качество рассмотрения и разрешения споров в данной категории дел продиктовано введение в качестве эксперимента специализации судей в ряде судов общей юрисдикции г. Москвы сразу по созданию СИП [5].

В силу вновь изменившихся правил подсудности споров, связанных с защитой авторских и смежных прав, в том числе прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, в том числе в сети «Интернет» (часть 3 статьи 26 ГПК РФ), однако при условии сохраняющейся возможности принятия Московским городским судом предварительных обеспечительных мер и решения вопроса о постоянном ограничении доступа к сайту в сети «Интернет», на котором неоднократно и неправомерно размещалась информация, содержащая объекты авторских, смежных прав, способствуют рассмотрению, оценке соотношения повышения эффективности правосудия по данной категории дел и существующих правил подсудности, с одной стороны, и повышению эффективности ввиду оперативно-го принятия мер судом, направленных на защиту прав правообладателей, с другой стороны [4, с. 10].

Таким образом, анализ даже самой идеально функционирующей системы судопроизводства по гражданским делам представляется неинформативным без попыток рассмотреть указанную систему на предмет адресной защиты прав и свобод участников процесса.

Список источников:

1. Учреждение Европейской комиссии по эффективности правосудия: Резолюция Комитета министров Совета Европы от 18 сентября 2002 г. № (2002)12. Документ опубликован: Совет Европы и Россия. Сборник документов. М.: Юридическая литература, 2004. Доступ из профессиональной справочной системы «Кодекс».

2. *Викут М.А.* Обеспечение судами прав лиц, участвующих в гражданском деле, как одно из условий эффективности правосудия // Legist.ru: интернет-сайт Юридической фирмы «Лиджист», 1990–2018. URL: http://www.legist.ru/conf/_Vikut.htm (дата обращения: 30.08.2020).

3. *Гагиев А.К.* Критерии эффективности деятельности судов в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 221 с.

4. *Горшков В.В.* Опыт судов Российской Федерации (доклад на одиннадцатой сессии Консультативного комитета по защите прав Всемирной организации интеллектуальной собственности, Женева, 5–7 сентября 2016 г.;) // Одиннадцатая сессия Консультативного комитета по защите прав Всемирной организации интеллектуальной собственности «Механизмы сбалансированного, комплексного и эффективного решения споров по вопросам интеллектуальной собственности». Женева, 2016. 41 с.

5. *Добрынин О.В.* Суд по интеллектуальным правам как действенный механизм, направленный на повышение эффективности системы защиты интеллектуальной собственности в России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2013. № 2. С. 57–63.

6. *Жан Ж.-П., Гурбанов Р. А.* Европейская комиссия по эффективности правосудия. Организация. Деятельность. Развитие: науч. издание. М.: Юнити-Дана, 2015. 331 с.

7. *Мельникова В.Ю.* Повышение качества правосудия: Суд по интеллектуальным правам РФ // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6–2. С. 26–27.

8. *Новоселова Л.А.* Создание специализированных судов по интеллектуальным правам – общемировая тенденция // Закон. 2015. № 11. С. 6–19.

9. *Цихоцкий А. В.* Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам: дис. ... д-ра юрид. наук. Новосибирск, 1998. 612 с.

10. *Шакарян М. С.* Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Legist.ru: интернет-сайт Юридической фирмы «Лиджист», 1990–2018. URL: <http://www.legist.ru/conf/Shakaryan.htm> (дата обращения: 30.08.2020).

Жукова Олеся Витальевна

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «ТГУ»*

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ ПРИ ПЕРЕСМОТРЕ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: автором проанализированы особенности пересмотра судебных постановлений по гражданским делам с точки зрения реализации права на судебную защиту. В статье проведен сравнительный анализ норм процессуального законодательства, регламентирующих пересмотр судебных постановлений в апелляционном и кассационном порядке.

Ключевые слова: пересмотр судебных постановлений, апелляция, кассация.

Одновременное внесение законодателем изменений в три процессуальных кодекса Российской Федерации – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ), Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) – в части пересмотра судебных постановлений, а также обсуждение в юридической литературе Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации подтверждает необходимость рассмотрения особенностей реализации права на судебную защиту при обжаловании судебных постановлений.

Институт обжалования судебных постановлений рассматривается как гарантия законности и обоснованности решений и определений суда первой инстанции, а также гарантия прав и законных интересов участников гражданского процесса. Исходя из конституционных положений, порядок проверки законности и обоснованности постановлений суда должен быть таким, чтобы вышестоящий суд не вторгался в прерогативы суда первой инстанции, не нарушал принципа независимости судей и подчинения их только закону и в то же время обеспечивал права и интересы всех участников процесса. Кроме того, заинтересованные лица не должны лишаться права на рассмотрение дела именно тем судом и тем судьей, к под-

судности которого оно отнесено законом, и, как следствие, на рассмотрение их спора последовательно в нескольких судебных инстанциях.

Гражданское процессуальное законодательство и законодательство об административном судопроизводстве предусматривают возможность обжалования судебного постановления в порядке апелляционного, кассационного и надзорного производства. Решения, не вступившие в законную силу, могут быть пересмотрены в апелляционном порядке. Вступившие в законную силу судебные постановления могут быть обжалованы в суд кассационной и надзорной инстанции. При этом в ГПК РФ и КАС РФ предусмотрено два уровня кассационного обжалования: кассационное обжалование судебных актов судов первой и апелляционной инстанции в кассационный суд общей юрисдикции; кассационное обжалование судебных актов судов первой и апелляционной инстанций, уже обжалованных в кассационный суд общей юрисдикции, а также актов кассационных судов общей юрисдикции, в Судебную коллегия Верховного Суда РФ.

Проверку судебных актов в арбитражном процессе осуществляют также последовательно суды апелляционной, кассационной и надзорной инстанции. Суды апелляционной инстанции, которые проверяют законность и обоснованность не вступившего в законную силу судебного акта, относятся к судам второй инстанции, а суды кассационной инстанции, проверяющие вступившие в законную силу судебные акты с точки зрения правильности применения норм материального и процессуального права, относятся к судам третьей инстанции. Вступившие в законную силу судебные акты могут быть пересмотрены в порядке надзора Президиумом Верховного Суда РФ.

Содержание норм процессуальных кодексов может свидетельствовать о том, что законодатель в определенной степени реализовал высказываемые в процессуальной науке предложения об унификации процессуальных норм.

Так, вводится единый порядок обжалования судебных постановлений в гражданском процессе и административном судопроизводстве. При этом в основу системы обжалования заложена структура пересмотра в арбитражном процессе, в котором давно созданы самостоятельные арбитражные апелляционные и кассационные суды.

В большей степени унифицированы нормы, посвященные проверке вступивших в законную силу судебных постановлений в порядке надзора.

Что касается имеющихся различий, то они носят принципиальный характер, с точки зрения теории процессов и практики применения соответствующих правовых норм. Различия касаются, например, полномочий суда по пересмотру судебных актов; пределов рассмотрения дела; наименования судебных актов и т.д.

В частности, гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство устанавливает, что по результатам рассмотрения апелляционной жалобы суд апелляционной инстанции вправе отменить или изменить решение суда первой инстанции полностью или в части и принять по делу новое решение. При этом среди полномочий нет права на отмену судебного решения и направление дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции (ст. 328 ГПК РФ, ст. 269 АПК РФ). Критика этой нормы была неоднократно высказана в юридической литературе.

Введение апелляции было обусловлено предоставлением лицам, участвующим в деле, возможности дважды (повторно) рассмотреть дело: сначала – в суде первой инстанции, затем – в суде второй (апелляционной) инстанции. Возложение законодателем на суд второй инстанции обязанности повторного рассмотрения дела по правилам производства суда первой инстанции в случае установления безусловных процессуальных оснований для отмены судебного решения (ч. 5 ст. 330 ГПК РФ, ч. 61 ст. 268 АПК РФ) искажает суть апелляционного производства и лишает участников процесса возможности отстаивать свои права и законные интересы в суде первой инстанции.

Для лиц, участвующих в деле, а также для лиц, которые отсутствовали в судебном заседании по причине ненадлежащего извещения, которые не были привлечены в процесс, которым не была предоставлена возможность пользоваться услугами переводчика, повторность отсутствует. Они участвуют в рассмотрении и разрешении дела по существу в первый и последний раз, поскольку апелляционное определение вступает в законную силу со дня его принятия и апелляционному обжалованию не подлежит. Возможно только обращение в суд кассационной инстанции.

Проблема отсутствия у суда второй инстанции полномочия направления дела на новое рассмотрение нашла свое нормативное разрешение в КАС РФ.

Так, суд апелляционной инстанции вправе отменить решение суда и направить административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в случае, если административное дело

было рассмотрено судом в незаконном составе, или если административное дело рассмотрено в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, или если судом был разрешен вопрос о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в административном деле, или если решение суда первой инстанции принято в соответствии с ч. 5 ст. 138 КАС РФ, или в случае нарушения правил о ведении аудиопотоколирования судебного заседания (п. 3 ст. 309 КАС РФ).

В заключении хотелось бы отметить, что оценку эффективности деятельности кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции с точки зрения обеспечения реализации права на судебную защиту можно будет сделать только после анализа практики этих судов и сделать соответствующие выводы и предложения.

Зайчиков Ярослав Владимирович
*старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых»*

ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация: в статье предпринята попытка проанализировать изменения порядка рассмотрения и разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19. Рассматривается вопрос доступа к суду в условиях существования требований, предусмотренных постановлениями Главного государственного санитарного врача Российской Федерации.

Ключевые слова: судебная защита; гражданское судопроизводство; пандемия; доступ к суду; доступность правосудия; цель гражданского судопроизводства.

Пандемия, объявленная Всемирной организацией здравоохранения в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19, затронула все сферы существования общества в большинстве стран мира, в том числе в Российской Федерации. Исключением не стало и отправление правосудия по гражданским делам. Работа судебных органов в период нерабочих дней, объявленных Президентом Российской Федерации, была фактически приостановлена за исключением ряда случаев, а процессуальный порядок рассмотрения дел до сих пор осуществляется с некоторыми ограничениями. Вышесказанное позволяет высказать суждение о некоторой трансформации процесса достижения цели гражданского судопроизводства, исследование особенностей которого представляет, на наш взгляд, особый интерес.

В связи с объявлением нерабочих дней Указами Президента Российской Федерации от 25.03.2020 № 206, от 02.04.2020 № 239, от 28.04.2020 № 294 в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации рядом Постановлений Президиума Верховного Суда Российской Федерации была актуализирована работа судов в сложившихся

ся обстоятельствах. Так, в период с 19 марта по 30 апреля 2020 г. имели место следующие особенности функционирования судебных органов: ограничение личного приема граждан и подача документов через интернет-приемные или посредством почтовой связи; возможность рассмотрения только дел безотлагательного характера; использование систем видео-конференц-связи; ограничение доступа в суды лиц, не являющихся участниками судебных процессов по делам, рассмотрение которых возможно в обозначенный период. Вышеназванные ограничения довольно существенным образом изменили порядок деятельности судебных органов.

С улучшением эпидемиологической обстановки на территории Российской Федерации деятельность судов была возобновлена. В письме Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 07.05.2020 № СД-АГ/667 было предложено, начиная с 12 мая 2020 г., осуществлять деятельность судов в полном объеме, однако при соблюдении ряда ограничений, а именно – режима самоизоляции отдельных категорий граждан, правил социального дистанцирования и использования средств индивидуальной защиты органов дыхания.

Перечисленные требования и ограничения можно рассматривать как дополнительные условия реализации права на судебную защиту. Более того, по своей юридической природе они являются факторами, затрудняющими обращение в судебные органы, то есть – юридическими препятствиями.

В Российской Федерации доступность правосудия по гражданским делам закреплена в ст. 46 Конституции РФ, в соответствии с которой в российской правовой системе не могут вводиться какие-либо юридические условия, которые могли бы препятствовать обращению граждан в суд за защитой прав и своих законных интересов, что означает свободный доступ к правосудию [1, с. 235–236]. Задачей процессуального законодательства является конкретизация процедуры обращения в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов. От того, насколько четко будет регламентирован данный порядок зависит эффективность используемой формы защиты. Вместе с тем, необходимо понимать, право на доступ к суду не является абсолютным и не предполагает полного отсутствия каких-либо ограничений.

Важно также отметить, что вышеуказанные ограничения в работе судебных органов устанавливаются актами, которые не названы в ст. 1 ГПК РФ в качестве элементов гражданского процессуального

законодательства, и, соответственно, формально не могут являться источниками гражданских процессуальных норм. Спорным является вопрос о том, насколько досудебное производство, то есть определенная совокупность действий, предшествующая подаче искового заявления, является составной частью гражданского процесса. Однако, доступ к суду является неотъемлемой составляющей права на судебную защиту, следовательно, это также должно входить в предмет регулирования гражданского процессуального законодательства. Стало быть, условия и порядок обращения граждан в суд должны устанавливаться гражданскими процессуальными нормами, которые могут содержаться исключительно в федеральных законах.

Следует уяснить, что риск распространения заболевания в контексте судебной формы защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов обуславливает необходимость обеспечения сохранности здоровья как граждан, обращающихся в суд, так и работников судебных органов. В связи с этим ограниченный доступ в здание суда видится обоснованным и допустимым. Но все же нельзя не согласиться с И.А. Приходько, который отмечает, что решать проблему безопасности путем все большего ужесточения пропускного режима в здания судов – это путь, ведущий в тупик [2, с. 343].

Вряд ли необходимость соблюдения социальной дистанции и наличие масочного режима можно рассматривать в качестве факторов существенным образом затрудняющих возможность реализации права на судебную защиту, однако введение подобных дополнительных условий искажает существующую гражданскую процессуальную форму. Процессуальная форма должна быть устойчивой и стабильной, но вместе с тем – способной при необходимости изменяться и адаптироваться под развитие общественных отношений. Как показывает ситуация, действующий порядок гражданских дел в судах общей юрисдикции не обладает достаточной гибкостью, чтобы быстро адаптироваться под внешние обстоятельства.

Таким образом, пандемия оставила свой след и в сфере гражданского судопроизводства. Среди положительных проявлений данного воздействия можно отметить то, что даже в условиях высокой степени роста заболеваемости действующая гражданская процессуальная форма все же гарантирует возможность осуществления правосудия по гражданским делам пусть даже и с некоторыми ограничениями, а, стало быть, достижение цели гражданского судопро-

изводства остается возможным. Также сложившаяся ситуация позволила выявить и несовершенства процессуальной формы: стадия досудебного производства продолжает оставаться за рамками ГПК РФ; в самом гражданском процессуальном законодательстве отсутствует механизм интеграции дополнительных условий обращения в суд при наличии чрезвычайных обстоятельствах; отсутствует механизм, позволяющий гражданской процессуальной форме адаптироваться под меняющиеся условия внешней среды.

Список источников:

1. Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М.: Норма : ИНФРА-М, 2012. 704 с.
3. *Приходько И.А.* Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб.: Издательство юридического факультета С.-Петербургского государственного университета, 2005. 672 с.

Зарубина Мария Николаевна

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»*

ЭЛЕКТРОННАЯ МОДЕЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ

Аннотация: в тезисах рассматриваются ключевые вопросы формирования электронной модели гражданского процесса в современных условиях реформирования законодательства. Автор считает, что эффективное правосудие по гражданским делам возможно исключительно благодаря внедрению электронных технологий в процессуальную форму, поскольку эпоха цифровизации диктует свои условия.

Ключевые слова: электронное правосудие, гражданский процесс, гарантии эффективного правосудия, экспериментальный подход.

Развитие правосудия зависит от многих факторов, в том числе, и от научно-технического прогресса конкретной страны. Мощным толчком к переосмыслению значения электронных технологий в судебной деятельности стали последние события, связанные с объявленной пандемией. Почти во всех странах мира проходили дискуссии, дебаты, конференции относительно готовности юрисдикционных органов встать на цифровые рельсы и полностью подчиниться виртуальному контенту с целью рассмотрения и разрешения дел в судах.

Определим возникающие связи с этим вопросы и проблемы:

- какие категории дел, производства и их стадии можно подчинить цифровой обработке;
- необходимо ли использовать для этого специальные сайты, программное обеспечение;
- о мерах безопасности, которые смогут обеспечить сохранность информации при обработке и хранении электронных данных, а также их источников;
- о формах взаимодействия суда с иными участниками процесса, с государственными органами (извещения, вызовы, запросы) и равно возможностью коммуникации с органами юстиции и судами зарубежных стран;

- о формировании единой электронной платформы с получением сведений из официальных реестров по судебному запросу либо автоматически с использованием специального ключа с доступом к таким сведениям;

- о аутентификации и идентификации электронных доказательств;

- необходимо ли организации центров по техническому обслуживанию населения в целях создания равных условий для защиты прав и законных интересов в судах;

- нужен ограниченный или полный доступ к аудио и видеофайлам, записям судебных заседаний;

- об электронном судебном деле;

- о цифровизации исполнительного производства.

Нельзя сбрасывать со счетов и нормативную составляющую всех вышеназванных элементов электронного правосудия, без которой не представляется возможным полноценно пользоваться автоматизированными процессами.

На сегодняшний день затрагивать дискуссию о понятии электронного правосудия не представляется верным, поскольку этот вопрос так и останется открытым до тех пор, пока происходит техническое укомплектование органов судебной власти, ведется поиск удобного и многофункционального software, строятся перспективы использования искусственного интеллекта при принятии судебных решений.

Демократизация цивилистического процесса в первую очередь предполагает его удобство для населения и надежность для суда. Во избежание сбоев в работе системы важно на теоретическом уровне выработать модель электронного правосудия, потенциально способную удовлетворить потребности и тех, и других. При выработке такой модели абсолютно точно берется во внимание вся критика и положительный опыт. К примеру, часто пользователи сетуют на слишком долгую обработку электронных процессуальных документов; обнаруживаются сбои при подаче исковых заявлений (заявлений) с УЭЦП; пропуск судебного заседания с применением видеоконференцсвязи по независящим от стороны причинам; появление различного рода ошибок при подаче документов, в том числе технические сбои при сохранении большого количества документов; неоднократные телефонные переговоры с сотрудниками суда из-за отсутствия кода доступа к судебному делу для ознакомления с материалами либо, наоборот, его публикация в общем

доступе и т. д. Пока не будут устранены все перечисленные и другие проблемы, ни о каком движении вперед речи не может быть. Это тот элементарный уровень, который необходимо преодолеть в борьбе за повышение эффективности правосудия с использованием информационных технологий. Разработчик программы, ориентируясь на заданную процессуальную модель, фактически является виртуальным координатором судебных и квазисудебных процедур. И если какая – либо функция не выполняется, недоработана или вообще отсутствует, то система корректируется благодаря её гибкости и оперативности. Считаем недопустимым назначать какую-либо меру процессуальной ответственности за технический сбой, поэтому в кодексах целесообразно предусмотреть сроки и порядок устранения непроведенного через электронную систему юридически значимого действия.

Экспериментальный подход внедрения электронных элементов в традиционное правосудие не должен негативным образом сказаться на реализации субъективных прав и выполнении юридических обязанностей субъектами судопроизводства.

Россия находится на одном из промежуточных этапов становления электронного правосудия, однако, как показывает статистика не плохо справилась с вызовом времени в условиях пандемии, особенно в системе арбитражных судов.

В зарубежных странах дела обстоят по-разному. И здесь было бы не лишним провести тщательное исследование успешных примеров работы судов в электронной сфере и суметь их адаптировать к российской действительности.

В Австрии, к примеру, цифровизация правосудия по гражданским делам выражается в создании специальной уникальной системы коммуницирования суда со сторонами. Также разработано мобильное приложение Citizen Card [Bürgerkarte], с помощью которого можно подписать и отправить документы онлайн. Имеются сервисы для быстрой оцифровки бумажных документов. Наличие в электронной системе реестров позволяют суду в быстрые сроки получить всю необходимую информацию. Действуют многочисленные пилотные проекты, успешно тестируются, а потом внедряются в гражданское судопроизводство (<https://www.justiz.gv.at>).

В Австралии электронное правосудие немислимо без электронного судебного дела. В этих целях для подачи, обмена и загрузки документов требуется использовать стандартные судебные формы. Инструкция по проведению судебного заседания с помощью

видеоконференцсвязи постоянно обновляется и совершенствуется – <https://www.fedcourt.gov.au>.

В Англии принято совмещать различные способы электронной коммуникации со сторонами и иными участниками процесса: посредством электронной почты, ОСМС website, BT MeetMe, Skype для бизнеса или Zoom), или с помощью мобильного телефона для записи слушания. Это обеспечивает доступность использования электронных технологий, что в свою очередь способствует выработке привычки (профессиональной или обыденной) прибегать к самому простому, быстрому и прагматичному получению результата – <https://www.gov.uk/government/collections/court-and-tribunal-forms>.

Венгрия участвует в национальном проекте Digital Court, и такой глобальный подход перевернул сознание не только обычных граждан – потребителей судебных услуг, но и всего профессионального сообщества. В проекте предпринята попытка комплексно внедрить практически все возможные элементы электронного правосудия. С 2016 года электронная связь с судом является обязательной для сторон, действующих через законных представителей, хозяйствующих субъектов и административных органов в гражданских процессах – <https://birosag>.

В Германии заострили внимание на безопасности и шифровании входящих и исходящих данных, для чего созданы различные порталы для отправки документов и обращений (<https://egvp.justiz.de/>).

В Израиле позаботились о тех гражданах, которые в силу своего неблагоприятного имущественного положения, могут обратиться в определенные пункты, чтобы воспользоваться электронными услугами (это в частности, юридические клиники) – https://www.gov.il/he/service/filing_a_small_claim.

В Англии и Ирландии выбраны некоторые категории дел, рассмотрение которых абсолютно автоматизировано. К таковым отнесли иски с требованием о взыскании малых денежных сумм, штрафов (<https://www.justice-ni.gov.uk/articles/online-services>).

В Италии внимание уделено оптимизации работы судов в электронном формате. Так, например, судьям предоставляется полнофункциональное программное приложение, которое позволяет управлять назначенным разбирательством, читать и комментировать документы, сохранять в особые файлы, взаимодействовать с государственными органами, записывать, подписывать в цифровом виде и направлять свои решения в реестр судов (<http://pst.giustizia.it/PST/>).

В США большое внимание уделяется аутентификации и идентификации электронных доказательств.

Таким образом, модернизация гражданского процесса с использованием онлайн-технологий неизбежна и предсказуема. Электронная модель гражданского процесса – это комплексная система, состоящая из множества взаимосвязанных элементов технического и процессуального характера, направленная на беспрепятственное, эффективное и быстрое взаимодействие суда, сторон спора, а также иных лиц с целью получения гарантированного Конституцией РФ права на судебную защиту и скорейшего восстановления справедливости.

Исследование состояния электронного правосудия в других странах показало, что у России есть все шансы использовать большие тренды на благо отечественному консьюмеризму судебной власти, подтвердить свое первенство в IT-сфере.

Захарьяцева Иветта Юрьевна

*к.ю.н., доцент кафедры арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Аннотация: в тезисах анализируются положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, устанавливающие стандарты правосудия по гражданским делам. Автором делаются выводы о том, что право на справедливое судебное разбирательство следует рассматривать как концептуальный стандарт, подлежащий расширительному толкованию в практике ЕСПЧ и практике национальных судов.

Ключевые слова: право на справедливое судебное разбирательство, международно-правовые стандарты правосудия, Европейский суд по правам человека

Концептуальное значение для определения международно-правовых стандартов и закрепления гарантий правосудия имеет Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция) [1]. Права и свободы, перечень которых дан в Европейской конвенции, является базисом для их правового регулирования и определения гарантий их реализации в национальном законодательстве. К таким конвенционным правам относятся права, закрепленные в ст. 2, 6 и 8 Европейской конвенции: право на жизнь, право на справедливое судебное разбирательство, право на уважение частной и семейной жизни, корреспонденции и жилища и пр.

Придавая основополагающее значение правосудию как основному компоненту правовой системы любого государства, Европейская конвенция формулирует стандарты правосудия, выступающие основой его организации и осуществления в национальном законодательстве соответствующего государства. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что международные стандарты независимого и справедливого правосудия не собраны в каком-либо едином документе, но вместе с тем, по справедливому утверждению А.И. Ковлера, именно в норме ст. 6 Конвенции о защите прав человека и ос-

новых свобод заложена своеобразная матрица современного правосудия [2, с. 21–25].

Статья 6 Европейской конвенции гарантирует право на справедливое судебное разбирательство. Справедливость, как отмечает И.В. Чечельницкий, – это основополагающий нравственный императив права, пронизывающий все уровни общественной жизни и опосредующий морально обоснованное представление о соразмерности взаимосвязанных деяний, явлений, интересов [3, с. 102]. В теории и истории права общепризнанно, что справедливость как показатель правовой защищенности личности базируется на ее конституционном закреплении и гарантии как элемента правового государства, а также на прочной международной основе; образцы конкретного и расширительного толкования категории справедливости демонстрирует ЕСПЧ [4, с. 7].

Так, в Постановлении ЕСПЧ по делу «Загородников против России» от 07 июня 2007 г. ЕСПЧ отметил, что ключевой принцип, которым надлежит руководствоваться при применении положений ст. 6 Конвенции, является справедливость [5]. Справедливость следует рассматривать как международно-правовой стандарт всех процессуальных прав и обязанностей, связанных с обеспечением доступа к правосудию, участию в судебном разбирательстве, обжалованию судебных актов, своевременности судебной защиты и исполнению судебных актов. Таким образом, нарушение конвенционного права на справедливое судебное разбирательство повлечет субсидиарное нарушение иных стандартов правосудия. ЕСПЧ придерживается позиции, что нарушение ст. 6 Европейской конвенции является в целом нарушением права на справедливое судебное разбирательство, имеющим частные случаи нарушения в каждом конкретном деле. В частности, в Постановлении ЕСПЧ по делу «Кузнецов и другие против России» суд констатировал нарушение ст. 6 Европейской конвенции – несправедливое судебное разбирательство, выразившееся в таких фактах, как предвзятый судья, процессуальное неравенство сторон по делу и отказ суда оценивать доказательства заявителей [6].

Право на справедливое судебное разбирательство следует рассматривать как концептуально-общий международно-правовой стандарт осуществления правосудия в любом правовом государстве. Как международно-правовой стандарт данное право подлежит расширительному толкованию в правоприменительной деятельности, так как «в демократическом обществе в свете понимания Кон-

венции, право на справедливое отправление правосудия занимает столь значительное место, что ограничительное толкование п. 1 ст. 6 Европейской конвенции не соответствовало бы цели и назначению данного положения» [7].

С правом на справедливое судебное разбирательство как общим принципом процессуальной справедливости [8] тесно связано конвенционное право, предусмотренное ст. 13 Европейской конвенции, – право на эффективное средство правовой защиты. В аспекте международно-правовых стандартов правосудия право на эффективное средство правовой защиты гарантируется обеспечением процессуальных аспектов судопроизводства (доступ к суду, компетенция суда, подсудность дела, порядок обжалования судебных актов и пр.). В 1975 году ЕСПЧ в своем Постановлении *Golder v. the United Kingdom* от 21 февраля 1975 года указал на принципиальное значение доступа к суду как неотъемлемой составляющей права каждого на справедливое судебное разбирательство, наряду с гарантиями организации и состава суда, а также гарантиями движения процесса. Это связано с тем, что доступ, понимаемый как право инициировать судебное разбирательство, представляет собой условие пользования гарантиями п. 1 ст. 6 Европейской конвенции и обеспечения справедливости, публичности и динамизма судебного процесса [9].

Современная практика ЕСПЧ также иллюстрирует взаимосвязь элементов права на справедливое судебное разбирательство. Например, по одному из дел ЕСПЧ заключил, что власти Украины нарушили ст. 6 Европейской конвенции (право на справедливое судебное разбирательство) и ст. 13 Европейской конвенции (право на эффективное средство правовой защиты), поскольку длительность судебного разбирательства по гражданским делам превышает все разумные сроки и в Украине отсутствует возможность обжалования данного нарушения [10].

Рассматривая право на судебное разбирательство в контексте расширительного толкования, мы разделяем точку исследователей, полагающих, что составными элементами правосудия становятся публичность, разумность срока, равноправие, независимость и беспристрастность суда, законность, право на защиту [4, с. 11].

В национальном законодательстве многих зарубежных стран нормативно-правовое (конституционное) закрепление права на справедливое судебное разбирательство имеет свои особенности. Так, Конституция Российской Федерации закрепляет естественно-правовую концепцию прав и свобод, используя отече-

ственный и международный опыт в данной сфере. Конституционализация судебной власти характеризуется ее главной функцией – функцией защиты прав личности, реализуемой в соответствии с конституционным правом граждан на доступ к осуществлению правосудия [11, с. 35–39].

Принцип разделения властей, заложенный в Конституции Российской Федерации, определяет судебную власть как самостоятельную ветвь власти, закрепляет общепризнанные принципы и стандарты правосудия. Согласно ст. 118 Конституции Российской Федерации судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Порядок осуществления судопроизводства регламентируется в кодифицированных отраслевых нормативных правовых актах: ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ и УПК РФ.

Бесспорно, что ст. 6 Европейской конвенции гарантирует каждому право на суд, которое обозначается как «право на справедливый суд» или «право на справедливое судебное разбирательство», имеет многоаспектный характер, не исчерпывается требованием о соответствии справедливого судебного разбирательства только лишь принципу справедливости процесса [12, с. 47].

Анализ практики ЕСПЧ, проведенный представителем уральской процессуальной школы Е.Н. Кузнецовым, подводит нас к выводу о том, что право на справедливое судебное разбирательство сочетает в себе различные элементы, и нарушение хотя бы одного из них будет свидетельствовать о нарушении единого права на справедливый судебный процесс [13, с. 139–147].

Именно поэтому мы предлагаем рассматривать право на справедливое судебное разбирательство как официально-директивный стандарт правосудия, детализация которого возможна в интерпретационных стандартах правосудия. К таким интерпретационным стандартам правосудия по гражданским делам относятся следующие: публичность правосудия (гласность и открытость судопроизводства в целом и судебного разбирательства в частности); осуществление правосудия в разумные сроки (разумный срок судопроизводства); независимость и беспристрастность судей при рассмотрении и разрешении дела; законность судопроизводства, судебного разбирательства и судебных актов; равенство всех перед законом и судом, состязательность и равноправие сторон; оказание квалифицированной юридической помощи.

Список источников:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2, ст. 163.
2. *Ковлер А.И.* Критерии справедливого судебного разбирательства: международные стандарты и их имплементация в национальном правосудии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1 (62).
3. *Чечельницкий И.В.* Справедливость и правотворчество: монография. М.: Проспект, 2017.
4. *Хайруллин В.И.* Категория справедливости в истории политико-правовой мысли. М.: Либроком, 2014.
5. Постановление ЕСПЧ от 7 июня 2007 г. по делу «Загородников против России» [Zagorodnikov v. Russia] (жалоба № 66941/01).
6. Постановление ЕСПЧ от 11 января 2007 г. по делу «Кузнецов и другие (Kuznetsov and Others) против России» (жалоба № 184/02).
7. Постановление ЕСПЧ от 17 января 1970 г. по делу «Делькур против Бельгии (Delcourt v. Belgium)» (жалоба № 2689/65).
8. Постановление ЕСПЧ от 5 апреля 2018 г. по делу «Зубац (Zubac) против Хорватии» (дело № 40160/12).
9. European Court of Human Rights (далее – ECtHR), *Golder v. the United Kingdom*, Application no. 4451/70. Judgment of 21 February 1975. § 35–36. Цит. по: Гриценко Е.В. Защита субъективных публичных прав в России: универсальные стандарты доступа к правосудию // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6.
10. Постановление ЕСПЧ от 3 мая 2018 г. по делу «Коваленко и другие против Украины» (жалобы № 42466/10 и другие).
11. *Напалкова И.Г., Федоренко Н.В.* Судебная реформа и формирование правовой государственности в Российской Федерации // Российский судья. 2020. № 3.
12. *Глазкова М.Е., Рожкова М.А.* Аспекты права на суд: новейшие тенденции // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека / ред. совет А.И. Ковлер (пред.) и др. Вып. 1. М.: Статут, 2015.
13. *Кузнецов Е.Н.* Право на исполнение судебных актов и право на справедливое судебное разбирательство: вопросы соотношения // Российский юридический журнал. 2019. № 4.

Зинковский Максим Александрович

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридический институт НИУ «БелГУ»*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ДОКАЗЫВАНИЯ ЗАЯВЛЕНИЯ О ПОДЛОЖНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: статья посвящена заявлению о подложности доказательств в гражданском процессе. Автор выделяет некоторые аспекты представления и доказывания заявления о подложности доказательств.

Ключевые слова: гражданский процесс, заявление о подлоге доказательств, доказательства и доказывание в гражданском процессе

Гражданский процесс и практика его реализации нередко сталкиваются с представлением подложных доказательств. Процессуальное законодательство весьма скромно регулирует этот вопрос, опираясь на заявительный характер данного факта. Формулировка ст. 186 ГПК РФ представляет участникам гражданского процесса возможность подать заявление о подложности доказательства. При этом сам суд не может быть инициатором и активной фигурой проверки конкретных доказательств ввиду принципов независимости, беспристрастности суда и состязательности сторон. Тем не менее, в юридической практике на досудебной и процессуальной стадиях можно видеть достаточное количество доказательств, наделенных самыми разными дефектами от подделанных подписей до высококачественных фальсификаций документа полностью.

Названная проблематика актуальна для науки гражданского процесса. Более того, доказательства – подделки, которые присутствуют в материалах того или иного дела, междисциплинарно связывают науку цивилистического процесса с уголовным правом, уголовным процессом, арбитражным процессом.

Учитывая то обстоятельство, что в рамках гражданского судопроизводства сфальсифицированными могут оказаться не только письменные доказательства, в числе которых документы, но и вещественные доказательства, а также аудио- и видеозаписи, представляется необходимым заменить термин «подлог», используемый в ст. 186 ГПК РФ на термин «фальсификация», используемый

в ст. 161 АПК РФ. Под «фальсификацией» следует понимать умышленное противоправное деяние, направленное на изготовление (создание) судебного доказательства, содержащего изначально ложные сведения о фактах, или искажение (изменение) сведений о фактах, содержащихся в подлинном доказательстве, совершенные посредством различных приемов и способов (подчистка, удаление, стирание, внесение ложных сведений, дописка, пометка другим числом и т.д.) [2, с. 8,9].

В целом можно согласиться с приведенной точкой зрения. Соединение терминов «подлог» и «фальсификация» вопрос только второстепенный и на реализацию прав потерпевшей от подделок стороны никак не влияет. Более существенное значение имеет то, что ст. 186 ГПК РФ носит усеченный или фрагментарный характер. В ней нет четкости правовых вариантов развития ситуации в том или ином деле. Может быть назначена экспертиза, а может быть, и не назначена. Предложение судом по этой статье представить иные доказательства сторонами настолько маловероятно, что, по сути, столько же и применимо. Витиеватость законодательной формулировки этой статьи создает трудности ее применения. Некоторые экспертизы в реальности нечего не дают, так как подделанное в части доказательство, как правило, ни на что не влияет, а заключение эксперта в увязке со ст. 186 ГПК РФ не имеет приоритета над иными доказательствами дела, как это может показаться в эмоциональном ключе.

Отсюда следует, что фальсификация или подлог доказательств в гражданском процессе – это действия незаконные и суд обязан дать оценку таким доказательствам в своем решении.

Р.Б. Семенов отмечает: «Подлог документа – это умышленное искажение достоверной информации с целью сокрытия истины путем внесения в него полностью или частично заведомо ложных сведений либо путем невключения (сокрытие) подлинной информации (умолчание об истине)» [3, с. 8].

Представление и доказывание заявления о подложности доказательства в гражданском процессе должно быть, во-первых, подробным с точки зрения признаков подлога. Во-вторых, стороне следует обосновать либо необходимость проведения той или иной экспертизы, или ходатайствовать об исключении доказательства и предоставлении нового доказательства. В-третьих, необходимо трезво оценить целесообразность такого заявления. Ведь доказательство – подделка может мало что доказывать, быть косвенным доказатель-

ством или практически не иметь логической причинно-следственной связи с исковыми требованиями и предметом доказывания.

Интересную позицию высказывает С.В.: Асташов «Субъект фальсификации доказательств обладает не только уголовной, но и гражданско-процессуальной право- и дееспособностью, поскольку для того, чтобы лицо могло совершать в процессе юридически значимые как правомерные, так и противоправные действия, причиняющие вред охраняемым уголовным законом отношениям, необходимо, чтобы оно могло не только иметь процессуальные права и обязанности, но также самостоятельно осуществлять и выполнять их. Таким образом, лица, участвующие в деле и обладающие лишь процессуальной правоспособностью, но не обладающие процессуальной дееспособностью, не могут относиться к специальному субъекту фальсификации доказательств» [1, с. 12,13].

Представляя в суд и доказывая заявление о подложности какого-либо доказательства следует позаботиться дополнительно и о предполагаемом субъекте, который является творцом подделки. При этом таким субъектом не обязательно будет являться истец, ответчик или их представители. Поддельный документ вполне может исходить из государственной или коммерческой структуры и быть иногда обычной технической ошибкой (описка, сбой и т.п.). Автор подделок трудно установим.

Вышеизложенное позволяет осуществить некоторые выводы.

Институт заявления о подлоге доказательств в гражданском процессе имеет незначительное правовое регулирование, а формулировка ст. 186 ГПК РФ двусмысленна и неконкретна. Споры в юридической науке о толковании, применении и месте терминов «подлог» и «фальсификация» доказательств основываются, в том числе на уголовной составляющей подделки доказательств. Законодатель не уточняет понятие подделки, нет деталей этого процесса и его влияния на законность и обоснованность решения суда первой инстанции. Ст. 186 ГПК РФ носит исключительно заявительный характер, поэтому существует объективная вероятность вынесения незаконного и необоснованного постановления суда первой инстанции в гражданском процессе. Например, сторона может не заявить о подлоге, а суд не обязан выяснять по своей инициативе этот вопрос, следовательно, решение суда будет основано на обмане или липовом доказательстве. Апелляционное производство гражданского процесса в перечне оснований (ст. 330 ГПК РФ) для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке не содер-

жит в себе основания отмены решения суда по признаку наличия в деле поддельных доказательств.

Все это свидетельствует о том, что современная редакция ст. 186 ГПК РФ давно устарела, неэффективна, существенно понижает шансы на качественную судебную защиту прав сторон. Реформа института заявления о подлоге доказательств позволит существенно повысить эффективность правосудия по гражданским делам.

Список источников:

1. *Асташов С.В.* Фальсификация доказательств по гражданскому делу (части 1 и 3 статьи 303 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 28 с.
2. *Ершова Н.В.* Проверка достоверности заявления о фальсификации доказательства в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 26 с.
3. *Семенов Р.Б.* Уголовно-правовая оценка подлога документов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.

Золотухин Александр Дмитриевич

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского
и арбитражного процесса Института права
и национальной безопасности ТГУ имени Г.Р. Державина*

Волчихина Людмила Анатольевна

*доцент кафедры гражданского
и арбитражного процесса Института права
и национальной безопасности ТГУ имени Г.Р. Державина*

К ВОПРОСУ О ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: право физических лиц, как лиц, участвующих в деле, быть субъектами гражданских процессуальных правоотношений определяется гражданской процессуальной правосубъектностью. При определении правосубъектности физических лиц в гражданском судопроизводстве гражданскую процессуальную правоспособность и гражданскую процессуальную дееспособность предлагается рассматривать и определять как единое целое.

Ключевые слова: лица, участвующие в деле, физические лица, гражданская процессуальная правосубъектность, гражданская процессуальная правоспособность, гражданская процессуальная дееспособность.

В структуру гражданских процессуальных отношений наряду с объектами и содержанием входят и субъекты гражданских процессуальных отношений. Общепринятым в науке гражданского процессуального права является то, что в гражданском судопроизводстве к субъектам гражданских процессуальных отношений, кроме суда, относятся лица, участвующие в деле, и лица, содействующие правосудию. Лица, участвующие в деле – это субъекты, которые имеют непосредственный личный или процессуальный интерес к судебной защите и определяют ее применение. Определение правосубъектности физических лиц, как лиц участвующих в деле (стороны, третьи лица), которые имеют личную заинтересованность в судебной защите, имеет некоторые особенности, что определяет интерес к теме исследования.

Общепринятым в науке гражданского процессуального права является то, что возникновение гражданских процессуальных отношений определяется тремя составляющими (условиями, предпосылками), к коим относятся: наличие процессуальных правовых норм, юридических фактов, а также правосубъектность лиц, участвующих в деле. Правосубъектность лиц, участвующих в деле, в том числе и физических лиц, как составляющая возникновения гражданских процессуальных отношений, определяет их возможность быть субъектами гражданских процессуальных правоотношений.

Правосубъектность, как правовую конструкцию, определенную в общей теории права, в гражданском процессуальном праве следует определять как гражданскую процессуальную правосубъектность. Как и в общей теории права, гражданская процессуальная правосубъектность в своем содержании имеет две составляющие. Применительно к гражданскому процессуальному праву – это гражданская процессуальная правоспособность и гражданская процессуальная дееспособность.

Деление гражданской процессуальной правосубъектности на две составляющие относится к определению гражданской процессуальной правосубъектности только в отношении физических лиц. Эта конструкция является особенностью определения гражданской процессуальной правосубъектности физических лиц в гражданском судопроизводстве. Установленная особенность определяется тем, что само право стать субъектом гражданских процессуальных правоотношений, а также осуществление физическими лицами своих процессуальных прав и выполнение возложенных на них обязанностей зависит от их возраста и психического состояния.

В науке гражданского процессуального права содержание понятия гражданской процессуальной правоспособности определяется содержанием понятия правоспособности определенного в общей теории права. Так, правоспособность, по мнению С.С. Алексеева, это «способность обладать субъективными правами и нести юридические обязанности, т. е. просто иметь их» [1, с. 94]. В теории гражданского процессуального права, по мнению Н.М. Коршунова и Ю.Л. Мареева, под гражданской процессуальной правоспособностью понимается, «способность иметь гражданские процессуальные права и нести обязанности» [2, с. 79].

Ранее в ГПК РСФСР 1964 года законодатель закреплял дефиницию гражданской процессуальной правоспособности (ст. 31 ГПК

РСФСР). В ГПК РФ законодатель отказался от этого. Определяя правила правоспособности, в том числе и физических лиц, он поставил существование процессуальной правоспособности в зависимости от права на судебную защиту в порядке гражданского судопроизводства, которое закреплено в Конституции РФ. Гражданская процессуальная правоспособность признается в равной мере за всеми гражданами и организациями, обладающими согласно законодательству Российской Федерации правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов (ст.36 ГПК РФ). Исходя из этого, имеющие право на судебную защиту соответственно имеют и процессуальные права и обязанности, в том числе и в порядке гражданского судопроизводства. В этой связи можно предположить, что гражданскую процессуальную правоспособность, в том числе и физических лиц, определяет и ст.3 ГПК РФ, которая закрепляет право заинтересованных лиц на судебную защиту в порядке гражданского судопроизводства, ставя ее в зависимость от соблюдения при этом гражданской процессуальной формы обращения в суд. Законодатель закрепляет правило, согласно которого, отказ от права на обращение в суд недействителен, что является свойством правоспособности.

Существование и проявление гражданской процессуальной правоспособности физических лиц не связано с их возрастом и психическим состоянием. Гражданская процессуальная правоспособность у физических лиц, как и их общая правоспособность, существует независимо от их осознания ее существования и от их желания иметь ее или не иметь. У физических лиц она возникает с момента их рождения и прекращается с их смертью. Физические лица, при современных правовых принципах, не могут быть лишены правоспособности, в том числе и гражданской процессуальной правоспособности, даже по решению суда.

В этой связи вызывает интерес мнение Г.Л. Осокиной, которая считает возможным возникновение ситуации, связанной с появлением в процессе судебной защиты лица, не обладающего правоспособностью. «Если неправоеспособное лицо по ошибке, недосмотру судьи все же окажется в составе участников процессуального правоотношения, – пишет Галина Леонидовна, – оно устраняется из процесса» [3, с. 66]. Данное мнение следует считать ошибочным, такой предполагаемой ситуации произойти не может. Судья не устанавливает правоспособность физических лиц, он устанавливает их гражданскую процессуальную правосубъектность. Правоспособность как составляющая правосубъектности физических лиц предполагает,

что физические лица абстрактно, уже при рождении, приобретают всю совокупность прав, в том числе и право на судебную защиту, которое определяет гражданскую процессуальную правоспособность, то есть способность «просто иметь» гражданские процессуальные права и выполнять гражданские процессуальные обязанности.

Для того, чтобы физические лица могли реализовать (приобрести) право на судебную защиту, а впоследствии и процессуальные права и обязанности, в содержании процессуальной правосубъектности физических лиц, предусмотрена другая обозначенная законодателем составляющая – гражданская процессуальная дееспособность. Законодатель, закрепляя дефиницию гражданской процессуальной дееспособности, определяет ее как способность своими действиями осуществлять процессуальные права, выполнять процессуальные обязанности и поручать ведение дела в суде представителю (ст. 37 ГПК РФ). В полном объеме эта способность может реализоваться физическими лицами при достижении ими возраста восемнадцати лет. Состояние психического здоровья (признание недееспособным) и определенное противоправное поведение физических лиц (ограничение дееспособности) тоже может влиять на гражданскую процессуальную дееспособность, но при условии, что это состояние или поведение будет установлено судом.

При определении правосубъектности физических лиц в гражданском судопроизводстве гражданскую процессуальную правоспособность и гражданскую процессуальную дееспособность следует рассматривать и определять как единое целое.

В соответствии с Конституцией РФ право на судебную защиту принадлежит каждому от рождения. Исходя из этого, законодатель предлагает различные правовые процессуальные конструкции определения дееспособности, которые обеспечивают физическим лицам реализацию права на судебную защиту в гражданском судопроизводстве в зависимости от возраста и состояния здоровья. Физические лица, в возрасте до четырнадцати лет, а также физические лица, признанные в установленном законом порядке недееспособными по причине психического заболевания, не обладают гражданской процессуальной дееспособностью. В этом случае право защиты прав, свобод и интересов этих лиц в суде осуществляется с применением института представительства. В такой ситуации суд может привлечь к участию в судебном процессе лиц признанных недееспособными. Судебную защиту прав, свободы и интересов физических лиц в возрасте от четырнадцати до восемнадцати

лет и ограниченных в дееспособности осуществляют их законные представители, но с обязательным привлечением этих лиц к участию в судебном процессе. В случаях, предусмотренных федеральным законом, по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых и иных правоотношений физические лица в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе лично защищать в суде свои права, свободы и интересы. Например: в соответствии с ч. 2 ст.56 СК РФ ребенок, достигший возраста четырнадцати лет имеет право обратиться в суд за защитой от злоупотреблений со стороны родителей, а в соответствии со ст.142 СК РФ требовать отмены усыновления в отношении его. В таких ситуациях, суд может привлечь для участия в судебном процессе их законных представителей. Кроме того, законодатель предусмотрел правовые конструкции, которые обеспечивают возможность личной реализации судебной защиты физическими лицами которые не достигли возраста процессуальной дееспособности в полном объеме. Такие физические лица приобретают процессуальную дееспособность со времени их вступления в брак или объявления их полностью дееспособными (эмансипация).

Таким образом, процессуальная правосубъектность физических лиц в гражданском судопроизводстве определяет их возможность быть субъектами гражданских процессуальных отношений.

Список источников:

1. *Алексеев С.С.* Государство и право. Начальный курс. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лид., 1994. 192 с.
2. *Гражданский процесс: учебник / под общ. ред. Коршунова Н.М.* М.: Эксмо, 2005. 800 с.
3. *Осокина Г.Л.* Гражданский процесс. Общая часть. М.: Юристъ, 2003. 669 с.

Исаенков Александр Андреевич

к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

К ВОПРОСУ О ВИРТУАЛИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Аннотация: в тезисах рассматриваются перспективы виртуализации при осуществлении судами правосудия по гражданским делам. Понимание неизбежности частичной виртуализации гражданской процессуальной деятельности должно привести к решению известных (имеющих место быть сегодня) задач судопроизводства, но на современном этапе, основываясь на существующих теоретических разработках, судебном-практическом опыте действия и признаках гражданской процессуальной формы, правилах логики, а также учитывая российский менталитет, необходимость сохранения здоровья людей во время эпидемий и пандемий, и иных составляющих социальной основы общества.

Ключевые слова: виртуализация гражданского судопроизводства, правосудие по гражданским делам, универсальность гражданской процессуальной формы, гражданская процессуальная деятельность.

В текущем году, во многом под влиянием всемирной пандемии, вызванной распространением коронавирусной инфекции (2019-nCoV), значительно повысился уровень компьютеризованности окружающего нас пространства, нашего общения, при этом уменьшив уровень скептицизма относительно идеи виртуализации правосудия по гражданским делам. При этом судебная защита в порядке гражданского судопроизводства продолжает занимать основное место среди других форм защиты гражданских прав в странах постсоветского пространства [1, с. 5]. Наиболее ярко проявление тенденции виртуализации в учебной деятельности, когда прямое общение с преподавателем заменяется занятиями на виртуальных порталах, оценивающих выполнение заданий и выставляющих оценки (в качестве примера можно привести академический портал <http://portal.ssla.ru/>). При этом итоги выполнения (невыполнения) заданий транслируются в реальную учебную действительность, влияя на нее. Позволим предположить, что в судебную деятель-

ность подобные моменты тоже придут. Тем более, что предпосылки к такому приходу уже имеются и исследуются специалистами различных областей знаний, а вот время наступления условий виртуализации судебного пространства еще если не ожидается, то предполагается. Заметим, что такие условия в правовой теории, по нашему мнению, пока намечены лишь пунктиром, нуждаются не только в осмыслении, но и самом обозначении.

Актуальной причиной вынужденного ускорения движения гражданской процессуальной формы в направлении виртуализации судебной деятельности стало временное ограничение приема граждан судами на время предотвращения скачка распространения коронавирусной инфекции, когда гражданам и организациям было рекомендовано подавать документы только через электронные интернет-приемные судов или по почте России, а судам – инициировать рассмотрение дел путем использования систем видеоконференц-связи. Вместе с тем, о замене человека-судьи судьей-программой, речи, конечно, не идет. Но это – сегодня. Нам следует быть готовыми к внедрению элементов виртуализации в российский гражданский процесс. И не только, конечно, российский.

О.А. Ястребов со ссылкой на Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденную Указом президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642, в которой выделены приоритетные направления научно-технологического развития Российской Федерации на ближайшие десять-пятнадцать лет, позволяющие получить научные и научно-технические результаты и создать технологии, которые позволят, помимо прочего, обеспечить переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, создавать и совершенствовать системы обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта, ведет речь о предпосылках присвоения роботам правового статуса так называемых «электронных лиц» [1, с. 199–200]. Указанный автор признает, что вопрос о тотальной компьютеризации и соответствующем вытеснении человека из интеллектуальной сферы деятельности является достаточно дискуссионным, но вопрос о возможности создания роботов с интеллектом, наделенных свойствами личности, стоит на повестке дня, хотим мы того или нет [3, с. 315]. Таким образом, не просто некая виртуализация, а даже «судья-робот», предполагается уже не машиной в чистом понимании данного термина, а «электронным лицом», поэтапно переходящим из объекта права в его

субъекта. Полагаем, что именно о таком переходе можно вести речь исходя из смысловой нагрузки проведенного исследования О.А. Ястребовым категорий «искусственный интеллект», «электронное лицо», «робот», а также других, и его выводе о важности разработки правового режима указанных и связанных с указанными правовых конструкций [3, с. 315–328].

Как предполагает Д.А. Фурсов, «роботы с искусственным интеллектом ничего не забывают и ничего не путают, ... имеют возможность действовать универсально. Универсальность, в свою очередь, способствует применению комплексного знания и не приводит к поверхностному рассмотрению гражданских дел» [4, с. 396].

В данном признаке, а именно универсальности (иногда называемой «всеобщностью»), мы видим совпадение с важнейшим признаком гражданской процессуальной формы. С признаком системности гражданской процессуальной формы у виртуализации правосудия проблемы не возникнут, так как любая система обрабатывается в виртуальном пространстве гораздо удачнее и быстрее, принимая во внимание уровень соблюдения логики при любом, в том числе многозадачном и многоуровневом взаимодействии элементов виртуальной системы, с учетом всех зависимостей и закономерностей, а также объема данных этой системы.

Что же касается признака нормативности (как и обязательности) гражданской процессуальной формы, то этот признак предполагает действие и последствия лишь для тех элементов виртуализации правосудия, которые закреплены (будут закреплены) исключительно в нормах гражданского процессуального права. Никакие технические регламенты в данном случае не изменят ситуацию с виртуализацией в сфере правосудия.

Заключим, что мы относимся к виртуализации гражданского судопроизводства очень осторожно, так как осознаем, что необдуманное и неоправданное ее внедрение может привести к обесцениванию и размыванию самого смысла правосудия. Но понимание неизбежности поэтапного и частичного «наступления» виртуализации на гражданскую процессуальную деятельность обозначило для нас задачи, нуждающиеся в решении, в первую очередь основываясь на существующих теоретических и практических разработках, опыте действия и признаках гражданской процессуальной формы, правилах логики, а также учитывая российский менталитет, необходимость сохранения здоровья людей во время эпидемий и пандемий, и иных составляющих социальной основы общества.

Список источников:

1. *Исаенкова О.В.* Цивилистический процесс в России – основные тенденции // Вестник Тамбовского университета. Серия политические науки и право. 2016. № 1. С. 5–11.
2. *Ястребов О.А.* Дискуссия о предпосылках присвоения роботам правового статуса «электронных лиц» // Вопросы правоведения. 2017. № 1. С. 189–202.
3. *Ястребов О.А.* Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 3. С. 315–328.
4. *Фурсов Д.А.* К вопросу об электронном правосудии и искусственном интеллекте в условиях цифровой экономики // Перспективы развития гражданского процессуального права: сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения д.ю.н., профессора И.М. Зайцева (г. Саратов, 14 сентября 2019 г.) / под ред. О.В. Исаенковой. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. С. 394–400.

Исаенкова Оксана Владимировна

*д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ АКТОВ: ТЕЗИСНО

Аннотация: автор тезисно определяет основные проблемы современного состояния процесса исполнения судебных актов. Выражено стремление к скорейшему построению системы, где право всегда получает реальную защиту.

Ключевые слова: исполнительное производство, исполнительное право, исполнение судебных актов, Исполнительный кодекс, защита права.

Затянувшаяся в нашей стране на много лет реформа исполнительного производства затрагивает, так или иначе, процесс осуществления правовых предписаний в самых различных областях правоохранительной деятельности. Исполнение судебных актов – лишь часть, хотя и довольно значительная, предмета регулирования новой отрасли российского законодательства – исполнительного права. Однако в отличие от других отраслей исполнительное право так и не получило своего кодифицированного источника, что на сегодня остается одной из проблем правоприменения в этой области. Проекту Исполнительного Кодекса уже более 16 лет [1], а его Концепция, в которой уже просматривалось устранение многих негативных моментов, возникающих в связи с исполнением судебных актов, гораздо старше [2, с. 4–15].

Исполнение судебных актов, вместе с тем, никогда ее было обделено вниманием ученых-правоведов и практиков. Ежегодное обсуждение проблем исполнительного производства вообще и практики исполнения судебных решений, в частности, является целью ежегодной международной конференции судебных исполнителей мировых держав и правоведов, специализирующихся на исследовании исполнительного производства, которая должна была быть проведена в этом году в одиннадцатый раз [3], но, к сожалению, ее проведению помешали ограничения из-за пандемии коронавирусной инфекции. На проводимых конференциях главы ведомств разных стран, в компетенцию которых выходит исполнение судебных актов, не просто удивляют друг друга статистическими данными, но и выявляют возникшие проблемы, а намечают пути их решения.

При этом все осознают, что в идеальном варианте путь должен быть законодательным во избежание негативной тенденции последних лет, когда алгоритмы решения правовых задач вырабатываются правоприменительной практикой без надлежащего нормативного закрепления, превращаясь в прецедент. Однако по официальной версии прецедент не является источником российского права, что влечет за собой невозможность применения мер ответственности за нарушение установленных прецедентом правил, а, следовательно, отсутствуют гарантии соблюдения этих правил. По той же причине не помогут здесь и различного рода «рекомендации по совершенствованию практики применения».

– Современный уровень исполнения судебных актов, действительно, оставляет желать лучшего, и, прежде чем переходить непосредственно к нормотворчеству, необходимо выявить слабые звенья в исполнительской системе. Как правило, к их числу относят следующие:

- неоперативность исполнения,
- отсутствие опытно-правовых навыков у судебных приставов-исполнителей,
- нечеткий порядок регулирования разрешения судом вопросов, возникающих в исполнительном производстве,
- игнорирование отдельными должностными лицами и органами постановлений судебного пристава-исполнителя,
- ущербность самих судебных актов (к сожалению, обозначенная проблема не может быть решена реформой исполнительного законодательства, так как исключением возможности вступления в силу неясных, неконкретных и по тому подобным причинам неисполнимых судебных актов должны заниматься другие отрасли российского права – в частности, гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное право),
- недостаточная материальная база службы исполнения.

К сожалению, данный перечень далеко не полный, он и не может таким быть, т.к. практика ежедневно сталкивается с новыми ситуациями и препятствиями на пути претворения в жизнь исполнительных документов. И если некоторые из обозначенных проблем могут быть достаточно легко ликвидированы, то для решения других понадобится организация взаимодействия практиков, ученых-правоведов и законодателя. К основным проблемам исполнительного производства перманентного характера, требующим длительной разработки относятся, в частности, неоперативность исполнения, отсутствие четкой

законодательной регламентации отдельных правоотношений, неоправданное использование в нормативных актах отдельных терминов и обозначений. Здесь невозможно не отметить условность применения законодателем прилагательного «судебный» по отношению к приставам-исполнителям, так как уже более трех десятков лет, фактически после реформы исполнительного производства 1997 года, приставы не состоят при судах и исполняют не только судебные акты.

В исполнительном праве практически отсутствуют развернутые «алгоритмы» действий пристава-исполнителя по стадиям исполнительных производств отдельных категорий дел, тогда как усмотрение весьма опасно и предполагает высокую степень субъективизма, которая далеко не всегда оправдана.

При законотворчестве в исследуемой области не следует забывать аксиому о том, что исполнительное законодательство должно быть процессуально процедурным. Исполнительное право представляет собой именно процессуальную отрасль, особое значение при регулировании исполнительных правоотношений следует придавать форме, процессуальности. Термин «процесс» здесь понимается не в широком смысле как развитие чего-либо, например, материального права, а как система, форма отношений, связанных с применением принудительной силы государства. Практически любой порок этой формы, нарушение процедурных правил при исполнении юрисдикционных актов неотвратимо приводит к ничтожности исполнительного действия.

В заключение хотелось бы выразить главное стремление процессуалистов – к скорейшему построению системы, где право всегда получает реальную защиту.

Список источников:

1. Проект Исполнительного кодекса Российской Федерации. Краснодар. СПб. 2004. 254 с.
2. *Исаенкова О.В., Шерстюк В.М., Ярков В.В.* Концепция Исполнительного Кодекса Российской Федерации (тезисы) // Арбитражная практика. 2002. № 6. С. 4–15.
3. Государственная и частная системы принудительного исполнения: сравнительный анализ и лучшие практики = State and Private Enforcement Systems: Comparative Analysis and Best Practices: Сборник материалов 9-й Международной научно-практической конференции, 10–13 октября 2018 г., г. Сочи / отв. ред. Д.В. Аристов, В.А. Гуреев. М.: Деловой стиль, 2019. 750 с.

Казарина Тамара Николаевна

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского
и административного судопроизводства
Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

СУДЕБНЫЙ ПРИМИРИТЕЛЬ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: К ВОПРОСУ О МЕСТЕ В СОСТАВЕ СУБЪЕКТОВ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация: в статье автор определяет место судебного примирителя в составе субъектов цивилистических процессуальных правоотношений. Сформулированы проблемные вопросы, вызывающие сомнение в эффективности применения обозначенной процедуры.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, административное судопроизводство, примирительные процедуры, судебный примиритель, цивилистические процессуальные правоотношения

Вопросам примирения и примирительных процедур российское законодательство в последнее время уделяет значительное внимание. Одной из ключевых задач последних реформирований являлась разгрузка судов за счет более активного использования участниками инструментов самостоятельного урегулирования правового конфликта до обращения в суд – и особенно после возбуждения дела в суде. [1, с. 19–20].

Возможность урегулирования споров с помощью процедуры медиации у сторон появилась с принятием ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [2, Ст. 4162], в связи с чем, были дополнены цивилистические процессуальные источники. Значимым в этом направлении явился Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3, ст. 4099], которым ГПК РФ был дополнен главой 14¹ «Примирительные процедуры. Мирное соглашение», а также статья 2 упомянутого источника была дополнена новой задачей гражданского судопроизводства – мирное урегулирование споров.

По мнению С.К. Загайновой, «указанный Федеральный закон стал важным шагом реформирования примирительных процедур, развития отечественной системы урегулирования правовых споров. Законодатель пошел по пути унификации процессуальных правил применения примирительных процедур в гражданском и административном судопроизводстве». [4, с. 10].

В АПК РФ глава 15 с аналогичным наименованием существовала с момента принятия АПК РФ 2002 года. Однако упомянутый закон дополнил главу новыми нормами и изменил редакцию существующих.

Новым для всех цивилистических процессуальных источников явился институт судебного примирения и такой субъект как судебный примиритель.

Следует отметить, что судебному примирению, как одному из видов примирительных процедур, в процессуальных источниках посвящена лишь одна статья – 138.5 АПК РФ, 153.6 ГПК РФ, 137.6 КАС РФ, а сам порядок проведения судебного примирения определен Регламентом, утвержденным постановлением Пленума ВС РФ № 41 от 31 октября 2019 г. [5, № 254].

В Регламенте, по мнению И.Н. Тарасова, существует ряд проблем (вопросов), которые вызывают некоторое сомнение в эффективности избранной модели судебных примирителей [6, с. 19]. Так, автор все проблемные вопросы Регламента делит на три блока, последний из которых касается фигуры и функций судебного примирителя. Желание «разобраться с полномочиями судебных примирителей» возникло и у Ю.В. Ефимовой [7, с. 120].

Выражаем солидарность с мнениями авторов и постараемся, на основе приведенной законодательной базы, определить статус судебного примирителя, а также характер правоотношений, в которых он состоит с другими участниками и судом в ходе осуществления судебного примирения.

ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ не говорят об этой фигуре как о субъекте цивилистических процессуальных правоотношений и, как следствие, не относят судебных примирителей ни к одной из групп. Согласно абзацу 2 части 5 статьи 153.6 ГПК РФ судебный примиритель не является участником судебного разбирательства и не вправе совершать действия, влекущие за собой возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей. Однако отрицать тот факт, что судебный примиритель не вступает в правоотношения с субъектами судебного разбирательства дела мы не можем. Причем

основанием возникновения этих правоотношений являются нормы процессуального права – суд выносит определение (пункт 2 статьи 10 Регламента). «Предложение суда о проведении судебного примирения может содержаться в определении о принятии искового заявления (заявления) к производству, о подготовке дела к судебному разбирательству или в ином определении по делу, а также может быть сделано судом в устной форме» (статья 15 Регламента).

В ходе процедуры судебного примирения между судебным примирителем и судом происходит постоянное взаимодействие. Судебный примиритель заявляет суду об обстоятельствах, препятствующих проведению судебного примирения, а также об обстоятельствах, которые могут вызвать обоснованные сомнения в его беспристрастности или независимости.

Самое активное и непосредственное взаимодействие наблюдается у судебного примирителя с участниками спора (сторонами). Так, сторонами судебного примирения определяется кандидатура судебного примирителя, а также правила и порядок проведения судебного примирения, индивидуальная работа с судебным примирителем. О возникновении правоотношений между сторонами судебного примирения и судебным примирителем повествует статья 4 Регламента, раскрывая при этом принцип сотрудничества: «стороны судебного примирения сотрудничают друг с другом, с судебным примирителем и с судом».

Статья 13 Регламента демонстрирует взаимодействие, а следовательно, и наличие правоотношений сторон с судебным примирителем следующими действиями: стороны задают вопросы другой стороне и судебному примирителю; высказывают просьбу о проведении индивидуальной беседы с судебным примирителем; высказывают предложения по урегулированию спора и достижению результатов примирения. Сторонам судебного примирения следует: представлять судебному примирителю документы, удостоверяющие их личность и при необходимости документы, подтверждающие их полномочия; являться для проведения судебного примирения; соблюдать согласованный сторонами порядок проведения судебного примирения; предлагать условия результатов примирения, перечень которых закреплен процессуальным законодательством.

Свидетельством взаимодействия судебного примирителя со сторонами являются следующие положения: отношение судебного примирителя к каждой из сторон является беспристрастным, уважительным и доброжелательным; судебный примиритель обеспе-

чивает равное участие сторон в судебном примирении; судебный примиритель обязан сообщить суду и сторонам о любых обстоятельствах, которые могут вызвать сомнения в его независимости и беспристрастности (статья 7 Регламента).

Как известно, содержанием любых правоотношений является совокупность прав и обязанностей их субъектов. Спецификой процессуальных правоотношений является то, что данная конструкция дополняется еще и объемом процессуальных действий, совершаемых сторонами и другими лицами, участвующими в деле. Исходя из сказанного, полагаем, что характер совершаемых сторонами и судебным примирителем действий в ходе процедуры судебного примирения, а, следовательно, и правоотношений – процессуально-правовой.

Из приведенных положений можно умозаключить, что судебный примиритель состоит в сложной (дуалистичной) конструкции правоотношений: в рамках рассматриваемого дела (спора) он участником не является, а в рамках процедуры судебного примирения он является обязательным участником. Но поскольку процедура примирения возникает не сама по себе, а взаимосвязана с разбирательством дела, можно сказать, что судебный примиритель является опосредованным участником гражданских процессуальных правоотношений, складывающихся в ходе рассмотрения и разрешения конкретного гражданского дела. Поскольку на него распространяются нормы процессуального права, полагаем, что теоретически его можно отнести к группе лиц, содействующих отправлению правосудия.

Считаем, что проблема определения места судебного примирителя в составе субъектов цивилистических процессуальных правоотношений непосредственно взаимосвязана с определением места судебного примирения в системе иных примирительных (альтернативных) процедур.

Список источников:

1. *Десярев С.Л.* Формирование и нормативное закрепление института судебного примирения в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 4. С. 19–20.

2. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (с посл. изм. и доп.) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

4. Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. 2019. №. 30. Ст.4099.

5. *Загайнова С.К.* О некоторых коллизиях правового регулирования примирительных процедур в гражданском и административном судопроизводстве //Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. С. 10.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1; Российская газета. 2019. 12 ноября. № 254.

7. *Тарасов И.Н.* К вопросу о судебных примирителях // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. С. 19.

8. *Ефимова Ю.В.* Судебный примиритель в гражданском судопроизводстве // Сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Игоря Михайловича Зайцева (г. Саратов, 14 сентября 2019 г.) / под ред. О.В. Исаенковой. Саратов, 2019. С. 120.

Карпова Анастасия Алексеевна
начальник контрольного отдела САМРО
«Ассоциация антикризисных управляющих» (г. Самара)

РЕШЕНИЕ СУДА О ПРИЗНАНИИ НИЧТОЖНОЙ СДЕЛКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПЕРЕСМОТРА ВСТУПИВШЕГО В ЗАКОННУЮ СИЛУ СУДЕБНОГО АКТА ПО НОВЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Аннотация: признание сделки недействительной как основание для пересмотра судебного акта по новым обстоятельствам включено в процессуальные законы. Вместе с тем, норма, определяющая в качестве нового обстоятельства признанную судебным актом ничтожность сделки, подвергается критике научным сообществом. Автор полагает, что данная норма, напротив, призвана служить экстраординарным средством устранения нетерпимых правопорядком явлений и должна быть сохранена в процессуальных законах.

Ключевые слова: новое обстоятельство, решение суда, признание ничтожной сделки недействительной, пересмотр дела, обжалование судебного акта.

Пересмотр судебных актов по вновь открывшимся и новым обстоятельствам рассматривается в цивилистической науке как самостоятельная стадия гражданского (арбитражного) процесса [1, с. 436–437, 2, с. 396–397, 3, с. 560, 5, с. 307–309] либо как исключительный (экстраординарный) вид производства, назначением которого является не исправление судебных ошибок, а приведение судебного решения в соответствие с неизвестными заявителю на момент обращения обстоятельствами [7, с. 64–65, 9, с. 320–323]. В этой связи положение о включении в число новых обстоятельств признанной вступившим в законную силу судебным актом недействительности сделки подвергается критике. Фактически единогласно высказывается мнение о том, что в отношении ничтожной сделки указанное обстоятельство никак не может считаться новым, поскольку ничтожность существует объективно и не зависит от признания ее таковой в судебном порядке. Ничтожность сдел-

ки очевидна для суда при рассмотрении первоначального дела и должна получить соответствующую оценку в судебном акте, обратное свидетельствует о судебной ошибке [4, с. 40–46, 6, с. 465–469, 8, с. 11–12].

Рассмотрение данного обстоятельства в качестве нового, действительно, вызывает ряд вопросов, однако, по нашему мнению, не может исключаться из положений процессуальных законов в связи со следующим.

Ничтожная сделка по своей сути представляет собой нетерпимое правопорядком явление в связи с нарушением требований закона или иного правового акта и посягательством на публичные интересы или права и охраняемые законом интересы третьих лиц (п. 2 ст. 168 ГК РФ). Следовательно, исключая данное обстоятельство из числа новых мы соглашаемся признать потенциальный риск существования нетерпимых правопорядком ничтожных сделок, которые были подтверждены вступившим в законную силу судебным актом по делу, связанному тем или иным образом с данной сделкой.

Гражданским законодательством регламентирован широкий круг лиц, которые вправе инициировать подачу исков о признании ничтожных сделок недействительными: это могут быть не только стороны сделки, но и иные лица в случаях, предусмотренных законом (п. 3 ст. 166 ГК РФ). Соответственно, нормы процессуальных законов, позволяющие возможность пересмотра дела по новым обстоятельствам в случае последующего признания ничтожной сделки недействительной (применения последствий недействительности), прежде всего направлены на недопущение ситуаций нарушения прав и законных интересов лиц, не являющихся сторонами сделки, но заинтересованных в ее опровержении.

Иллюстрацией того, каким образом указанная мысль воплощена на практике, могут служить получившие значительное распространение в настоящее время дела о признании сделок недействительными на основании п. 2 ст. 170 ГК РФ. При этом судами зачастую рассматриваются несколько взаимосвязанных сделок в качестве прикрывающих, то есть притворных, заключенных с целью сокрытия иной единой сделки с иными правовыми последствиями.

Существенные изменения практики применения норм о притворных сделках были произведены на основании пунктов 87–88 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25

«О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в которых признано, что притворной может быть признана в том числе и сделка, совершенная с намерением прикрыть другую сделку, в том числе на иных условиях, с иным субъектным составом. Согласно приведенному толкованию притворными прикрывающими сделками могут признаваться несколько сделок, совершенных между разными, внешне не связанными между собой лицами. В этой связи, не исключено, что по части этих сделок ранее могли выноситься судебные решения, связанные с их исполнением, однако при рассмотрении данных дел суды были лишены возможности исследовать и оценить всю схему взаимоотношений сторон. Судебная практика постепенно наполняется многочисленными примерами, подтверждающими, что данная тенденция получает значительное распространение. В частности, по делу № А56-94386/18 конкурсный управляющий обратился с иском о признании недействительными договоров купли-продажи бизнес-центра между ООО «Р» и физическим лицом М., договоров дарения Бизнес-центра между физическим лицом М. и Банком, договоров аренды между Банком и ООО «Р» и ООО «Т» и применении к возникшим правоотношениям правил договора купли-продажи и признании Банка покупателем, а общество «Р» продавцом Бизнес-центра; истребовании Бизнес-центра из чужого незаконного владения; признании права собственности Банка на Бизнес-центр. Как видно, из определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 02.07.2020 № 307-ЭС19-18598(3) в рассмотрение по нему был включен широкий спектр правоотношений нескольких лиц, которые сложно изучить судьям при рассмотрении дел по каждому конкретному правоотношению, как бы внутри правоотношений отдельных лиц. Аналогичный пример, подтверждающие изложенное, можно увидеть также в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.07.2017 № 305-ЭС15-11230 по делу № А40-125977/2013.

Случай, допускающий обращение с иском о признании сделки недействительной и применении последствий недействительности сделки по иску третьего лица, выработан сложившейся судебной практикой также в рамках такого явления как внеконкурсное оспаривание сделок должника по искам его кредиторов [10, с. 8–54].

Соответственно, отрицанием нормы о возможности пересмотра судебного акта по новым обстоятельствам в связи с установленной

в судебном порядке ничтожности сделки создается риск поощрения нетерпимых правопорядком явлений.

В рассматриваемом вопросе следует обратить внимание на проблему осведомленности (неосведомленности) заявителя о пороках сделки на момент первоначального судебного разбирательства. Например, сторона может злонамеренно умалчивать об обстоятельствах ничтожности сделки при рассмотрении спора о ее исполнении (например, договор подписан не ей, а «неизвестным» лицом). В силу положений ч. 2 ст. 9 АПК РФ, лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий. Аналогично в ч. 2 ст. 12 ГПК РФ суд обязан предупредить стороны о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий. Очевидно, что осведомленность стороны о пороке сделки на момент первого судебного разбирательства должна быть открыта суду в соответствующем процессуальном документе. Если сторона уклонилась от раскрытия данного обстоятельства, следует признать, что она злоупотребляет правом, что также не может поощряться действующим правопорядком (ст. 10 ГК РФ). Более того, в силу п. 5 ст. 166 ГК РФ установлено, что заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки.

Соответственно, гражданское и процессуальное законодательство предоставляют судье эффективный инструментарий по борьбе с описанным злоупотреблением уже в рамках дела о признании сделки недействительной. При осведомленности стороны о пороках ничтожной сделки на момент первоначального судебного разбирательства в удовлетворении последующего иска о признании данной сделки недействительной должно быть отказано.

Напротив, в случае, когда сторона, заявляющая о недействительности ничтожной сделки после вступления в силу судебного решения, основанного на ней, либо иное заинтересованное лицо не были осведомлены о пороках ничтожности данной сделки, нецелесообразно отрицать возможность последующего пересмотра судебного акта по новым обстоятельствам.

В рассматриваемом случае нельзя считать пересмотр судебного акта по новым обстоятельствам в связи с признанием недействительной ничтожной сделки способом устранения судебной ошибки,

поскольку повторный анализ правоотношений сторон с устранением допущенных в квалификации данных отношений ошибок будет осуществляться судом в рамках рассмотрения второго дела о признании ничтожной сделки недействительной. Указанное является своеобразным дополнительным фильтром при допуске к процедуре пересмотра по новым обстоятельствам.

Таким образом, данный вид пересмотра следует признать исключительной (экстраординарной) гарантией освобождения правопорядка от нетерпимых явлений, в случае, если при первоначальном рассмотрении дела по тем или иным причинам их существование было «легитимировано».

Список источников:

1. Гражданское процессуальное право: учеб. / С.А.Алехина [и др.]; под ред. М.С. Шакарян. М.: Велби : Проспект, 2005. 592 с. (автор главы – Стрельцова Е.Г.).

2. Гражданский процесс России: учебник / под ред. М.А. Вукот. 2 изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2006. 480 с. (автор главы – Кузнецов Н.В.).

3. Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Уральский гос. юрид. ун-т, отв. ред. В.В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. 702 с. (автор главы – Соломеина Е.А.).

4. *Ильин А.В.* Признание судебным постановлением недействительной сделки, повлекшей за собой принятие незаконного или необоснованного судебного постановления по другому делу, как основание для пересмотра судебных постановлений по новым обстоятельствам // Юрист. 2012. № 9. С. 40–46.

5. Курс советского гражданского процессуального права. Т. 2. М. Наука, 1981. 510 с. (автор главы – Лесницкая Л.Ф.).

6. *Петручак Р.К.* Действительная сделка как новое обстоятельство для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в гражданском и арбитражном процессах // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 4. С. 465–469.

7. *Петручак Р.К.* Производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 216 с.

8. *Сахнова Т.В.* Пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную

силу: о сущности и законодательных противоречиях // Вестник гражданского процесса. 2014. № 1. С. 10–28.

9. *Трещева Е.А.* Признание сделок недействительными как основание пересмотра судебных актов // *Liber Amicorum* в честь профессора Абовой Тамары Евгеньевны. Современное гражданское обязательственное право и его применение в гражданском судопроизводстве: сборник статей /Т.Е. Абова [и др.]. М.: Проспект, 2019. С. 320–323.

10. *Усачева К.А.* Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция // Вестник гражданского права. 2017. № 5. С. 8–54.

Катукова Светлана Юрьевна

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского процессуального права
ФГБОУ ВО «Российского государственного университета
правосудия» (Северо-Западный филиал)*

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ ОСПАРИВАНИЯ АКТОВ О ВЗЫСКАНИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ВЫНЕСЕННЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ГОСУДАРСТВОМ ПУБЛИЧНЫМИ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ

Аннотация: с исполнительной надписью нотариуса и решением финансового уполномоченного часто не соглашаются заинтересованные лица. Исходя из правовой природы указанных правоприменительных актов, исходящих от публичных должностных лиц, в статье рассматривается целесообразность разработки единого процессуального порядка их оспаривания.

Ключевые слова: публичное должностное лицо, вид судопроизводства, оспаривание решения финансового уполномоченного, оспаривание исполнительной надписи нотариуса.

Развитие гражданского общества, необходимость снижения нагрузки на судебную систему являются для законодателя стимулами передавать отдельные вопросы в юрисдикцию специальных должностных лиц. Типичными представителями последних в российском правовом поле выступают нотариусы и финансовые уполномоченные. Нотариусы в соответствии с главой XVI Основ законодательства о нотариате совершают исполнительные надписи. Финансовый уполномоченный является лицом, разрешающим гражданско-правовой спор между потребителем финансовых услуг и финансовой организацией, в случаях, предусмотренных Федеральным законом от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». Как показывает практика, востребованность таких форм несудебной защиты растет [1].

Между нотариальным порядком защиты и несудебной формой разрешения споров финансовым уполномоченным много различий. Нотариат и аппарат финансового уполномоченного имеют различ-

ный порядок формирования. Нотариус совершает исполнительную надпись, действуя как орган бесспорной юрисдикции, в то время как финансовый уполномоченный рассматривает спор о праве, не урегулированный в претензионном порядке. Обращение к нотариусу за исполнительной надписью является правом взыскателя, обращение к финансовому уполномоченному является необходимым этапом досудебного урегулирования спора. Нотариус действует по заявлению взыскателя, оперирует сведениями, которые предоставлены взыскателем. Финансовый уполномоченный наделен правом собирать доказательства, необходимые для вынесения решения, вправе направлять запросы, назначать экспертизу. Расчет размера задолженности для совершения исполнительной надписи представляет взыскатель. Расчет размера требований потребителя, подлежащих удовлетворению, производится финансовым уполномоченным, «компетентность финансового уполномоченного находится на стороне потребителя» [2, с. 34].

Однако, при всех различиях правового статуса нотариуса и финансового омбудсмена, правил и процедур, которые они применяют, общим остается их принадлежность к публичным должностным лицам, выполняющим какую-либо публичную функцию или предоставляющим какую-либо публичную услугу[3]. Тезис о нотариусах как носителях публичной должности закреплен в международных документах нотариата латинского типа [4], Постановлении Конституционного Суда РФ от 19.05.1998 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате», обоснован в специальной литературе [5, с. 48]. Институт финансового уполномоченного также отнесен исследователями к институту «государственно-общественного» контроля, должностным лицам публичного права [6, с. 48]. Итог их деятельности – исполнительный документ, на основании которого судебный пристав-исполнитель возбуждает исполнительное производство. Это дает основание поставить вопрос о необходимости разработать специальный судебный порядок оспаривания таких правоприменительных актов.

В литературе обосновывается точка зрения, что решения публичных должностных лиц могут быть обжалованы в рамках производства по делам, вытекающим из публичных правоотношений. Так, О. Панкова полагает, что сохранение особого производства оспаривания нотариального действия (гл. 37 ГПК РФ) нельзя объяснить ничем, кроме субъективного усмотрения законодателя

[7, с. 72]. П.В. Сокол полагает надлежащим и отвечающим сущности возникшего спора оспаривание решений финансового омбудсмена по правилам главы 24 АПК РФ [8, с. 72].

Между тем, согласно сложившимся границам применения КАС РФ, исполнительная надпись нотариуса оспаривается в порядке особого производства, если нотариус нарушил процедурные правила ее совершения, и в порядке искового производства путем предъявления иска о признании исполнительной надписи не подлежащей исполнению, если спор о праве возник между взыскателем и должником [9]. В первом случае нотариус в процессе является заинтересованным лицом. Во втором случае он привлекается к участию в деле в качестве третьего лица на стороне ответчика или даже соответчика. Единообразия судебной практики по этому вопросу нет, суды затрудняются с выбором надлежащего вида судопроизводства и определением процессуально-правового статуса участников процесса.

«Преодоление» обязательной силы решения финансового уполномоченного зависит от заявителя: для потребителя финансовых услуг такое решение является только необходимым элементом юридического состава для обращения в суд общей юрисдикции с иском о защите своего права; для банков, страховых компаний и других финансовых организаций законность и обоснованность решения становится предметом судебной проверки.

Верховный Суд Российской Федерации в письме «Разъяснения по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (далее – Письмо) прямо указывает, что специального порядка обжалования финансовыми организациями решений финансового уполномоченного нет. Исходя из правила процессуальной аналогии (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ) Верховный Суд рекомендовал судам рассматривать дела о несогласии с решением финансового уполномоченного по правилам искового производства. Однако содержание Письма позволяет выявлять такие особенности судебного порядка, которые не свойственны искомому производству:

финансовая организация участвует в деле в качестве заявителя (не истца), потребитель финансовых услуг также привлекается к участию в деле в качестве заинтересованного лица (что противоречит сущности искового производства, в котором в качестве сторон выступают истец и ответчик как субъекты спорного материального правоотношения);

финансовый уполномоченный не является ответчиком по заявлению финансовой организации, не согласной с его решением, он привлекается к участию в деле в качестве заинтересованного лица;

подсудность заявления определяется по правилам искового производства, т.е. по месту жительства потребителя финансовых услуг. После принятия судом дела к производству оно может быть передано в другой суд по основаниям, предусмотренным ст. 33 ГПК РФ. Кроме того, стороны могут своим соглашением изменить территориальную подсудность дела по правилам ст. 32 ГПК РФ, т.е. до принятия его судом к своему производству, при этом не ясно, должен ли финансовый уполномоченный выразить свою волю в отношении территориальной подсудности, ведь он, как и потребитель и кредитная организация, является заинтересованным лицом в процессе;

нет определенности по вопросу о том, должна ли финансовая организация соблюдать общий порядок обращения в суд с иском заявлением (ст. 132 ГПК РФ), в частности, подтверждать направление другим лицам, участвующим в деле, копий искового заявления и приложенных к нему документов. Из Письма следует, что это является обязанностью суда, он направит копии заявления и финансовому уполномоченному, и потребителю;

суд активен в доказывании, он истребует у финансового уполномоченного копии материалов, положенных в основу его решения (что не свойственно искомому производству, поскольку в соответствии со ст. 57 ГПК РФ суд вправе предложить представить дополнительные доказательства, содействие в собирании и истребовании доказательств возможно по лишь по ходатайству сторон);

своим решением суд вправе снизить размер выплаты, подлежащей в пользу потребителя, не признавая решения финансового уполномоченного несоответствующим закону. Как правило именно этого добиваются финансовые организации, поскольку омбудсмен ограничен в возможности применить ст. 333 ГК РФ. Если суд придет к выводу о том, что финансовым уполномоченным требования потребителя удовлетворены в большем, чем это положено по закону, объеме, суд изменяет решение финансового уполномоченного в соответствующей части.

Верховный Суд умалчивает о порядке оспаривания решения финансового омбудсмана, если несогласие с таким решением связано с нарушением процедуры его принятия, правоприменение выявит и иные пробелы и несовершенства предложенного варианта про-

цессуального регламента. Вместе с тем представляется, что приведенные процессуальные особенности позволяют говорить о том, что Верховный Суд РФ предложил самостоятельный процессуальный порядок рассмотрения споров об оспаривании актов публичных должностных лиц о взыскании денежных средств, применимый и для оспаривания исполнительной надписи нотариуса. Апробирование нового порядка в судебной практике позволит со временем создать отдельный эффективный вид судопроизводства, привести практику рассмотрения категории таких споров к единообразию.

Список источников:

1. Исполнительная надпись нотариуса все более востребована бизнесом и гражданами // <https://notariat.ru/ru-ru/news/ispolnitelnaya-nadpis-notariusa-vse-bolee-vostrebovana-biznesom-i-grazhdanami> (дата обращения: 03.09.2020).

2. *Климов В.В.* Институт финансового уполномоченного – новый механизм обеспечения баланса частных и публичных интересов в финансовой сфере // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 35–41.

3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (ст. 2)

4. Европейский кодекс поведения нотариусов (Revised European notarial code of conduct) // Сайт Совета нотариатов Европейского союза <http://www.cnue.be> (дата обращения: 03.09.2020).

5. *Ключников А.Ю.* Нотариус как орган защиты права в Европейском союзе // Нотариус. 2019. № 3. С. 46–48.

6. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Особенности правового статуса финансового уполномоченного // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 10. С. 48–52.

7. *Панкова О.В.* Критерии определения границ административного судопроизводства в свете положений Кодекса об административном судопроизводстве Российской Федерации // Административное право и процесс. 2017. № 6. С. 59–73.

8. *Сокол П.В.* Институт уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 4. С. 68–73.

9. Комментарий законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) / А.А. Анисимова, Р.С. Бевзенко, В.А. Белов и др.; под ред. Д.Я. Малешина. М.: Статут, 2018. 719 с.

Климова Светлана Николаевна

*ст. преподаватель кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «СГЮА»*

ИНСТИТУТ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА СУДОМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: в статье проводится анализ норм, регулирующие институт приостановления исполнительного производства судом. Раскрываются императивные и диспозитивные основания приостановления исполнения судебных актов. Делаются выводы о необходимости внесения изменений в действующее законодательство с учетом выявленных в ходе изучения положений законодательства об исполнительном производстве, касающихся приостановления исполнения судебных актов.

Ключевые слова: суд, судебный пристав-исполнитель, судебные акты, приостановление исполнения, право, обязанность.

В соответствии со ст. 2 ФЗ «Об исполнительном производстве», задачами исполнительного производства являются «правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях исполнение иных документов» [1]. Установленные задачи выступают обеспечительной мерой восстановления нарушенных и оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. По общему правилу срок совершения исполнительных действий составляет два месяца. Однако, при определенных обстоятельствах, по истечении двух месяцев, исполнительное производство может быть не окончено и перенесено на неопределенный срок. В связи с этим, законодательством предусмотрен институт приостановления исполнительного производства. Приостановление исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, как правило, не влечет за собой прекращения исполнительного производства, а лишь означает изменение срока исполнения судебного решения.

Положения ГПК РФ содержат нормы, предусматривающие право и обязанность суда приостановить исполнительное производство. Но самих оснований, по которому суду разрешается осуществить то

или иное правомочие, не имеется в ст. 436, 437 ГПК РФ, имеет место быть отсылочная норма на ФЗ «Об исполнительном производстве».

Анализируя ФЗ «Об исполнительном производстве», можно сказать, что субъектами, обладающими правом на приостановление исполнительного производства является не только судебный пристав-исполнитель, но и суд. Исходя из содержания ст.39 ФЗ «Об исполнительном производстве», видим, что перечень оснований приостановления не является исчерпывающим, и данный подход законодателя считаем не совсем удачным, т.к. это не только вызывает затруднения при применении данной нормы, но и влияет на доступность процесса исполнения судебных актов и на восстановление прав и законных интересов участников исполнительных правоотношений в целом. Как верно отмечает И.А. Приходько, «приостановление производства по делу препятствует его движению и отдалает получение судебной защиты, следовательно, в интересах доступности правосудия основания для приостановления производства должны определяться предельно точно и ясно, в особенности, когда речь идет об обязательном приостановлении» [2, с. 286].

Также следует отметить, что судья обладает правом приостановления исполнения судебных актов в производстве в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях. «При этом, – как пояснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации, – суды должны учитывать, что при подаче апелляционной, кассационной или надзорной жалоб (представлений) правом приостанавливать исполнение судебного акта наделены только суды апелляционной, кассационной и надзорной инстанций» [3].

Приостановление исполнения судебных актов, действительно, затягивает защиту нарушенных прав или охраняемых законом интересов взыскателя на неопределенный срок, поэтому считаем целесообразным закрепить в законодательстве исчерпывающий перечень оснований для приостановления исполнительного производства, которые должны носить исключительный характер, и являться серьезными препятствиями к совершению исполнительных действий.

Список источников:

1. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ (в редакции от 20.07.2020 № 215-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения: 03.09.2020).

2. *Приходько И.А.* Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 286.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 г. Москва «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства». URL: <https://rg.ru/2015/11/30/vsrf-dok.html> (дата обращения: 02.09.2020).

Князькин Сергей Игоревич

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»*

ПРОБЛЕМЫ ТИПОВ ПРАВОПОНИМАНИЯ В ПРОВЕРОЧНОЙ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в тезисах анализируется влияние позитивистского и естественно-правового типов понимания на проверочную судебную деятельность в цивилистическом процессе. Автор приходит к выводу о целесообразности приоритета естественно-правового подхода в правосудии как в наибольшей степени способствующего достижению верховенства права и справедливого разрешения споров.

Ключевые слова: проверочная судебная деятельность; естественно-правовой подход к праву; позитивистский подход к праву.

Проблемы проверочной судебной деятельности в цивилистическом процессе затруднительно решить только через призму судопроизводства. Ограничение сферы исследований только процессуальными рамками неоправданно сужает предмет исследования и не позволяет установить предпосылки проблем правосудия в их системной связи. Многочисленные законодательные изменения кодифицированных процессуальных законов, многие из которых основаны на результатах исследований представителей процессуальной доктрины, часто не дают ожидаемого результата, который планировался законодателем. Например, возрождение апелляции, расширение её процессуального режима не привело к устранению ею всех существенных ошибок, допущенных судом первой инстанции. Лица, участвующие в деле, сообщают о неудовлетворённости качеством апелляционного производства, отмечая зачастую её конвейерный подход к рассмотрению жалоб, игнорирование вопросов, возникающих в связи со сбором новых доказательств и переоценкой уже собранных.

Аналогичная ситуация складывается и вокруг суда кассационной инстанции, который пытаются преобразовать по образу и подобию французской кассации конца XVIII – начала XIX веков. Благая идея избавления кассации от исследования фактов и сосре-

дотошение исключительно на вопросах правильного применения и толкования законов и подзаконных актов в аналитических целях, обернулась тем, что современные кассационные инстанции в полной мере не занимаются ни первым, ни вторым. В очередной раз следует повторить, что подобные изменения проходили под влиянием выводов и рекомендаций, сформированных только в процессуальной плоскости. При этом принципиальные вопросы, лежащие в основе целеполагания правосудия и проверочной судебной деятельности, часто игнорировались. К одному из таких принципиальных вопросов относится конечная цель судопроизводства, а именно то, как надлежит суду защищать права и свободы: с позиции верховенства права или с позиции верховенства закона. Постановка этого вопроса заранее определяет систему координат, в которой следует продолжать разговор и процессуалистам, и представителям судебного сообщества, и другим практикующим юристам. Этот вопрос раскрывает не процессуальную проблему, а проблему приоритетного типа правопонимания, используемого в правосудии: естественно-правового или позитивистского.

Естественно-правовой подход к праву исходит из неотъемлемости, неотчуждаемости прав и свобод человека в силу его рождения. Позитивистский подход к праву отождествляет право и закон, правом рассматривается результат деятельности законодательных органов власти [1, С. 11.12; 2, С. 118–119], а любая деятельность вне действующих положений законодательства является неправовой. Борьба этих двух подходов находит отражение в проверочной судебной деятельности.

Позитивистский подход к процессуальному регулированию судебной деятельности обладает известными достоинствами. Среди них законодательное разделение апелляции на режимы суда апелляционной и первой инстанции, установление пределов вмешательства кассации в вопросы судебного доказывания, ограничение полномочий судебного надзора исключительными поводами для пересмотра судебных актов.

Но заведомая невозможность законодательства и подзаконных нормативных правовых актов исчерпывающе урегулировать все общественные отношения в рамках судопроизводства, включая компетенцию судебных инстанций, оборачивает указанные преимущества позитивистского подхода к праву в недостатки. Проблемы связаны с выбором оптимального процессуального режима судом апелляционной инстанции при проверке судебных актов

в зависимости от характера обнаруженных ошибок и вида производства, – общего или упрощённого, по результатам которого был принят обжалуемый судебный акт. Невозможность процессуально урегулирования всех видов существенных нарушений норм права, повлиявших на исход дела на уровне второй кассации, привела к ограничительному толкованию оснований изменения, отмены судебных актов и, как следствие, минимальному количеству рассмотренных по существу жалоб. Аналогичная проблема в суде надзорной инстанции повлекла почти полную остановку её деятельности.

Приоритет естественно-правового подхода к праву перед позитивистским подходом означает иное понимание надлежащего применения судом норм права. Само по себе многообразие споров, разрешаемых судами, означает объективное отставание даже самого тщательного законодателя от реальных общественных отношений. При верховенстве права отсутствие положений нормативных актов, соответствующих заявленному спору, влечёт обращение суда к иным имеющимся нормам. Речь идёт не только о применении федерального законодательства, но и Конституции Российской Федерации, а также Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. При этом доведение судом данных общих, универсальных норм до уровня спорных правоотношений является конкретизацией права. Конкретизация права не является судебным нормотворчеством, поскольку не создаёт новые положения законодательства, а приспособливает действующие особенностям спорных правоотношений, раскрывая их законодательный смысл. Наиболее наглядным примером для отечественного правосудия служит практика Европейского Суда по правам человека, свидетельствующая том, что для защиты достаточно обширного перечня прав человека не требуется развёрнутой системы законодательства Совета Европы, Суду достаточно Европейской Конвенции. Такой подход позволяет избежать отказа в судебной защите нарушенного права из-за того, что это право не закреплено в подлежащих применению законодательстве и подзаконных актах [3].

Иным будет и взгляд на надлежащее толкование нижестоящими судами и судом кассационной инстанции норм права: в этом случае под надлежащим толкованием будет признаваться не толкование имеющихся норм права, безотносительно того, как их применение содействует защите нарушенного права, а толкование любых норм права методом их конкретизации во взаимосвязи и на основе подробной судебной оценки фактических обстоятельств и дока-

зательств. В результате такого подхода будет дан положительный ответ на вопрос о том, вправе ли суд кассационной инстанции переоценивать уже собранные нижестоящими судами доказательства.

Такой же подход применим и к суду первой инстанции. Не перечисление относимого и не относимого к спору законодательства со слабо выраженной его судебной оценкой, а его толкование по отношению к фактическим обстоятельствам спора, в совокупности с надлежащей судебной оценкой доказательств, является предпосылкой не только законного и обоснованного, но и справедливого судебного решения. Судебная оценка представляет собой прямой путь к справедливому судебному решению, поскольку обеспечивает индивидуальный подход к спору, а не механическое наложение закона на заявленный спор.

Конкретизация норм права выступает профильной функцией суда надзорной инстанции. Именно поэтому следует рассматривать чрезвычайно полезной целям верховенства права и справедливого судебного разбирательства реагирование суда надзорной инстанции на ненадлежащее с применение и толкование норм права предыдущими судами. Выполнение этой работы представляет пользу и для традиционной аналитической функции Верховного Суда Российской Федерации.

Список источников:

1. *Алексеев С. С.* Теория права. М., 1994.
2. *Венгеров А. Б.* Теория государства и права. М., 1996. Т. 1.
3. Адвокат добился в ВС признания недопуска в колонию с техникой незаконным // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilsya-v-vs-priznaniya-nedopuska-v-koloniyu-s-tekhnikoynezakonnyum/> (дата обращения: 05.09.2020).

Кобзаренко Елена Михайловна

*соискатель кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
адвокат, член квалификационной комиссии
Адвокатской палаты Саратовской области.*

ОГРАНИЧЕНИЕ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Аннотация: автор полагает, что реализация судебного усмотрения существенно ограничивает состязательность сторон и нуждается в законодательном ограничении. Предлагаемые изменения гражданского процессуального законодательства направлены на повышение эффективности правосудия по гражданским делам, развитие состязательности сторон, снижение социальной напряженности и противодействие коррупции.

Ключевые слова: судебское усмотрение, состязательность сторон, доказательства, доказывание.

Действующее в России гражданское процессуальное законодательство не содержит определения понятия «судейское усмотрение». Всякий раз, когда в ГПК РФ мы обнаруживаем формулировки «суд может», «суд вправе», «если суд найдет это возможным» и т.п., перед нами имеет место быть пример именно судебного усмотрения, при этом мы лишены возможности соотнести действия суда в сложившейся процессуальной ситуации с нормой права – «санкционированным государством обязательным правилом общего характера». [1, с. 818]

Возникает вопрос – существует ли некий индикатор, с помощью которого мы можем удостовериться, что судья применяет закон, а не чинит произвол? Для ответа на эти вопросы необходимо прежде всего определить понятие судебного усмотрения, указать сферу его применения и перечислить случаи, в которых оно допустимо. Таким образом мы создадим своего рода стандарт законности судебного усмотрения.

Председатель Верховного суда Израиля Аарон Барак определил усмотрение следующим образом: «Для меня усмотрение – это полномочие, данное лицу, которое обладает властью выбирать между

двумя или более альтернативами, когда каждая из альтернатив закона» [2, с. 13]. Как видим, А.Барак допускает существование усмотрения при наличии множественности законных вариантов действий судьи. Такое возможно, когда законодатель, в полной мере урегулировав правоотношения, сознательно предоставил судье право выбора. В таком случае принимаемое в условиях возможной вариативности решение полностью зависит от личности судьи, его воззрений, устремлений, жизненного опыта. Но может ли общество быть уверенно в том, что судья, вторя Марку Аврелию, будет «воздерживаться от того, что идет вразрез с общим благом»? [3, с. 173]. Следствием такого подхода, скорее всего, будет являться неединообразная правоприменительная практика. Разные судьи, разрешая идентичные по своей сути казусы в соответствии с законом неминуемо придут к различным результатам.

Существует и иная позиция по этому вопросу. По мнению И.В. Федоровой, «судебное усмотрение выступает в качестве инструмента, помогающего заполнить пробелы в законах, регулирующих общественные отношения». [4, с. 203] И хотя эта точка зрения не вызывает серьезных возражений, такой подход определяет направленность вектора усмотрения в процессе рассмотрения дела, который должен стремиться к нулю. При этом задача законодателя видится в своевременном восполнении пробелов в нормативном регулировании общественных отношений и сведении к минимуму сферы применения судейского усмотрения.

Принимая во внимание особые полномочия суда при разрешении социальных конфликтов, участниками которых являются государство, юридические лица и граждане, следует признать, что применение судьей усмотрения в ходе оценки совокупности представленных доказательств направлено на реализацию этих полномочий, и потому является вполне логичным. Иное дело, когда судейское усмотрение активно реализуется во время представления спорящими сторонами доказательств.

В ходе подготовки к судебному разбирательству каждая из сторон выстраивает некую концепцию доказательств, подтверждающих обстоятельства, на которые она ссылается для обоснования своей позиции, справедливо полагая, что представление доказательств – это ее неотъемлемое право. Однако действующее гражданское процессуальное законодательство содержит ряд правовых положений, которые по существу ограничивают это право стороны, например, положения статей 58, 59, 65, ГПК РФ.

По нашему мнению, судебское усмотрение не может быть там, где нет сферы его применения, например, при реализации процессуальных прав лиц, участвующих в деле. Право участника гражданского процесса не может существовать с оговоркой «если суд позволит». Вот как образно по данному вопросу высказался А.В. Ведерников: «Общеизвестно, что повязка на главах Фемиды, ради соблюдения равенства сторон, заставляет ее слушать, но не смотреть. Значит, судебское «усмотрение», появляясь в процессе, посягает на процессуальное равноправие». [5, с. 420].

Представляется возможным предложить следующее определение понятия судебское усмотрение. Судебское усмотрение – это исключительное полномочие суда по выбору наиболее приемлемого законного варианта решения по делу при оценке представленных сторонами доказательств.

Обратимся к содержанию статьи 12 ГПК РФ. Анализ содержания вышеприведенной нормы позволяет сделать вывод, что она представляет собой своего рода предписание для суда, перечисление всех возможных действий суда при отправлении правосудия. Как видим, в этой основополагающей норме законодатель не указал, что все эти действия суд совершает по своему усмотрению. Не предусмотрена этой нормой и возможность какого-либо противодействия реализации прав лиц, участвующих в деле на основе судебного усмотрения. Вместе с тем, анализируя правоприменительную практику, приходится признать, что сегодня, при рассмотрении гражданских дел, несмотря на декларирование принципа состязательности сторон и возложение на стороны обязанности по доказыванию, именно суд играет, если не ключевую, то значимую роль в такой несвойственной ему, по нашему мнению, сфере, как собирание доказательств. Законодатель не определил пределы вмешательства судебной власти в спор субъектов права.

Так, по усмотрению суда определяется круг вопросов, подлежащих разрешению при назначении судом экспертизы. Это прямо следует из содержания части 2 статьи 79 ГПК РФ. Представляется, что более соответствующим принципу состязательности, при сохранении исключительных полномочий суда, было бы закрепление права стороны на разрешение всех поставленных ею перед экспертом вопросов. При этом суд, реализуя свои исключительные полномочия, имеет возможность поставить перед экспертом дополнительные вопросы. Ведь когда речь идет о специальных познаниях, которыми располагает эксперт, суд и стороны одинаково некомпетентны.

Представляется, что положения ч. 2 ст. 79 ГПК РФ противоречат содержанию ч. 1 ст. 12 ГПК РФ и ч. 1 ст. 35 ГПК РФ, как ограничивающие состязательность сторон и создающие препятствия в реализации прав лиц, участвующих в деле, в частности права на представление доказательств.

Скорее всего, активность суда в ходе собирания доказательств – это наследие советского гражданского процесса, которое в современных условиях является анахронизмом.

Изучение истории вопроса позволяет установить, что отношение законодателя к всесторонности, полноте и объективности, в сравнении с нормами ранее действующего гражданского процессуального законодательства, претерпело серьезные изменения. Законодатель освободил суд от обязанности, не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон, которая ранее была предписана частью 1 статьи 14 ГПК РСФСР. Постсоветский ГПК РФ возлагает обязанности по доказыванию исключительно на стороны. При этом вполне логичным было бы исключить какую-либо активность суда при собирании доказательств, предоставив, наконец, сторонам возможность состязаться.

Наиболее предпочтительной для судьи, безусловно, является позиция стороннего наблюдателя, который следит за состязанием сторон, руководит процессом и производит процессуальную фиксацию всех действий участников процесса. Именно такой подход позволяет сохранить беспристрастность и объективность при вынесении решения.

Следует принимать во внимание и то, что в соответствии с действующим законодательством, возможности сторон по собиранию и представлению доказательств существенно ограничены. Суд имеет все полномочия по истребованию любых сведений и доказательств от всех должностных лиц и граждан, но не обязан этого делать. Сторона не имеет полномочий по истребованию доказательств, но обязана доказать обстоятельства, на которые она ссылается. При этом следует принимать во внимание, что сбор и распространение сведений конфиденциального характера в РФ запрещен под угрозой привлечения к ответственности. Исследователями неоднократно предпринималась попытка формирования перечня таких сведений. По некоторым оценкам в нем более 26 позиций.

Единственно возможный путь преодоления препятствий для реализации равноправия сторон и обеспечения состязательности в гражданском процессе – это реформирование действующего гражданского процессуального законодательства.

Статью 59 ГПК РФ предлагается изложить в следующей редакции:

«Суд принимает и приобщаем к материалам дела доказательства, которые предоставили стороны для обоснования своих доводов. Оценка относимости доказательств к рассматриваемому делу производится судом при принятии решения».

Часть 2 статьи 65 ГПК РФ изложить в новой редакции: «Суд не может отказать в удовлетворении заявления об обеспечении доказательств, если оно соответствует требованиям, указанным в ч. 1 настоящей статьи».

Часть 2 статьи 79 ГПК РФ изложить в новой редакции: «Каждая из сторон и другие лица, участвующие в деле, вправе представить суду вопросы, подлежащие разрешению при проведении экспертизы. Суд вправе поставить перед экспертом или экспертным учреждением дополнительные вопросы».

Список источников:

1. Большой энциклопедический словарь. 2-изд., перераб.и доп. М.: Большая Российская энциклопедия. СПб.: Норинт,1997. 1456 с.
2. Барак А. Судейское усмотрение / пер. с англ. М.: НОРМА, 1999. 376с.
3. Аврелий М. Наедине с собой / пер. с греч., прим. С. Роговина. М.: Алетейа, Новый Акрополь, 2000. 224 с.
4. Фёдорова И. В. Понятие «усмотрение суда» // Молодой ученый. 2019. № 14. С. 201–203.
5. Ведерников А.В. Судейское усмотрение в Российском арбитражном и гражданском процессе: правовые и социальные аспекты // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 3. С. 419–424.

Комарова Татьяна Алексеевна

к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

О ЕДИНЕНИИ АРБИТРАЖНОГО И ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ПРИМЕРЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ ПРИНЦИПА НЕПРЕРЫВНОСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ИЗ ПОЛОЖЕНИЙ ГПК РФ

Аннотация: в статье анализируется процесс сближения гражданского судопроизводства и судопроизводства в арбитражных судах, приведены примеры изменения конкретных правовых конструкций ГПК РФ и АПК РФ, предложены дальнейшие «шаги», которые законодателю необходимо сделать в этом направлении.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, принцип непрерывности судебного разбирательства.

Гражданскому процессу свойственно поэтапное развитие, например, стороны вправе определять его движение, а динамика является сутью гражданских процессуальных правоотношений. Под стабильностью гражданских процессуальных правоотношений понимается не отсутствие развития самого конкретного процесса рассмотрения дела, а устойчивость гражданской процессуальной формы, которой не должно быть свойственно резких, кардинальных изменений. Ее модернизация должна происходить поступательно, сбалансировано, в строго заданном законодателем направлении. Законодатель обязан с достаточной степенью осторожности подходить к вопросам кардинального реформирования гражданской процессуальной формы.

Федеральным законом от 29 июля 2017 года №260-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] установлено, что во время перерыва, объявленного в судебном заседании по начатому делу, суд вправе рассматривать другие гражданские, уголовные, административные дела, а также дела об административных правонарушениях. После окончания перерыва судебное заседание продолжается, о чем объявляет председательствующий. Вступление в силу названного нормативного акта

предопределило существенные изменения гражданской процессуальной формы, а также упразднение из системы принципов гражданского процессуального права такой основополагающей идеи как непрерывность судебного разбирательства. В.М. Шерстюк с сожалением констатирует, что, исключая принцип непрерывности, законодатель «допустил ошибку, которую все равно придется исправлять, ибо этот принцип напрямую связан с качеством разрешения спора... доводы же о том, что принцип формален, помеха оперативности, несостоятельны» [5, с. 215].

На наш взгляд, несмотря на то, что арбитражный процесс не является частью гражданского процесса, а арбитражное процессуальное право, соответственно, не является частью гражданского процессуального права, им свойственна общность принципов права, являющихся отправными началами и процесса отправления правосудия, и соответственно науки. Кроме того, законодателем на сегодняшний день выбрана такая модель реформирования судопроизводства, при которой идет поступательное сближение арбитражного и гражданского процессов, начатое еще в 2014 году, после объединения Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ. АПК РФ как раз и является примером процессуального кодекса, в котором отсутствовало требование о непрерывности судебного разбирательства.

По мнению В.М. Жуйкова, в различных видах судопроизводства необходимо формирование единого концептуального подхода к регулированию процессуального законодательства, иначе нарушается конституционный принцип равенства всех перед судом [4, с. 67]. Данной позиции придерживается и Н.А. Громошина [3, с. 18], подчеркивая, что использование требования непрерывности в гражданском судопроизводстве и отсутствие аналогичного положения в арбитражном – неоправданное различие.

Сопоставление таких процессуальных понятий как перерыв в судебном разбирательстве и отложение судебного разбирательства указывает на существование явных различий. Перерыв – это отсрочка продолжения судебного заседания на относительно короткое время, вызываемая главным образом необходимостью отдыха судей или возникновением таких обстоятельств, которые препятствуют продолжению процесса, но могут быть устранены сравнительно быстро и просто, а отложение разбирательства дела – это перенос судебного заседания на определенный судом срок для совершения необходимых процессуальных действий,

требующих более длительного временного периода. Но несмотря на различное смысловое значение названных институтов, на наш взгляд, нет никаких существенных препятствий для рассмотрения других дел (будь то уголовных или гражданских) в обозначенный временной промежуток, если у суда есть соответствующая возможность.

Полагаем, что решение законодателя об исключении из ГПК РФ соответствующей правовой нормы, из которой вытекает категория «непрерывность судебного разбирательства» predetermined, в том числе ростом нагрузки на судей и необходимостью процессуальной экономии. Целью отмены принципа непрерывности является повышение эффективности функционирования судебной системы за счет экономии времени и возможности рассмотрения большего количества дел. На наш взгляд, указанная цель отвечает требованиям рациональности и принципу разумности.

Как было обозначено ранее, суть реформирования гражданского и арбитражного судопроизводства заключается в их максимально возможном единении. В 2016 году в ГПК РФ была введена глава 21.1 «Упрощенное производство», положения которой по большей части восприняты из аналогично действующей в АПК РФ с 2012 года главы 29 «Рассмотрение дела в порядке упрощенного производства». Согласно Федеральному закону от 28 ноября 2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], в ГПК РФ введена новая, фактически воспроизводящая нормы главы 15 АПК РФ, глава 14.1 «Примирительные процедуры. Мирное соглашение». Кроме того, Федеральным законом № 451-ФЗ существенно изменен порядок обжалования вступивших и не вступивших в законную силу судебных постановлений. Так, с 1 октября 2019 года на территории Российской Федерации начали действовать 5 апелляционных и 9 кассационных судов общей юрисдикции, что также воспринято из арбитражного процесса, где давно идет разделение судебных инстанций.

Следующим и обязательным этапом сближения, полагаем, должно стать единение и общность задач гражданского судопроизводства и судопроизводства в арбитражных судах. Так, статья 2 АПК РФ более детально регламентирована, а также содержит ряд задач, которые также свойственны гражданскому судопроизводству, однако в ГПК РФ не отражены. На наш взгляд упоминание о справедливости судебного разбирательства, а также доступности правосудия обязательно должно содержаться в статье 2 ГПК РФ.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 29.07.2017 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31.
2. Федеральный закон от 28 ноября 2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49.
3. *Громошина Н.А.* Теоретические основы сближения и унификации процессуального регулирования // Проблемы развития процессуального права России. М., 2016. 223 с.
4. *Жуйков М.В.* Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М., 2006. 283 с.
5. *Шерстюк В.М.* Проект Закона о внесении дополнений в гражданское процессуальное законодательство, внесенный Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 3 октября 2017 года № 30, нуждается в доработке // Вестник гражданского процесса. 2017. № 6. С. 212–224.

Кондюрина Юлия Алексеевна

*преподаватель кафедры гражданского и арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского»*

ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: в рамках тезисов анализируется применение элементов системы электронного правосудия в условиях пандемии и их влияние на доступность правосудия. Автором исследуется новый цифровой сервис – онлайн-заседания (веб-конференция).

Ключевые слова: доступность правосудия, электронное правосудие, принципы цивилистического процесса, информационные технологии, видеоконференцсвязь, онлайн-заседания, веб-конференция.

Каждый имеет право на судебную защиту своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов. Данное право гарантировано Конституцией Российской Федерации. Реализация права на судебную защиту предполагает отсутствие чрезмерных препятствий на пути к обращению в суд. Доступность правосудия оценивается по ряду критериев, как правило, это информирование о работе судов, информирование о правилах и условиях подачи иска (заявления), адекватность судебных расходов и возможность пользоваться услугами представителей.

Сегодня в мире происходят процессы, которые коренным образом меняют общественные отношения и как следствие изменения затрагивают сферу гражданского судопроизводства. Пандемия, возникшая внезапно и охватившая весь мир, на длительное время лишила возможности очного посещения судов, органов публичной власти, многие сферы экономики перешли на дистанционный способ работы. Очевидно, что последствия предшествующих месяцев будут проанализированы и получат соответствующую оценку.

В плане доступности правосудия представляет интерес применение информационных технологий в условиях пандемии. С одной стороны, мир «поставлен на паузу», а с другой стороны, потребность в судебной защите у граждан и субъектов предпринимательской деятельности осталась. В то же время законодатель не внес измене-

ния в действующее процессуальное законодательство в данной части, предполагая, что существующих механизмов дистанционного взаимодействия с судом достаточно.

Действительно, в новых условиях такие процессуальные инструменты как электронная подача процессуальных документов, размещение информации для обращения в суд на сайте суда, информирование участников гражданского процесса с помощью информационных коммуникационных технологий, размещение на сайте суда материалов дела в режиме ограниченного доступа, публикация текстов судебных актов в сети «Интернет» стали более востребованными для участников гражданского процесса. Перечисленные элементы системы электронного правосудия не претерпели каких-либо изменений в текущем году. Между тем, использование такого элемента как видео-конференц-связь (далее – ВКС) на практике стало недоступным в связи с тем, что доступ в здания судов был значительно ограничен, а участие в судебном заседании посредством применения систем ВКС по правилам, установленным процессуальным законодательством, требует явки в суд, обеспечивающий такое участие.

Для решения данной проблемы в арбитражных судах внедрен новый электронный сервис – веб-конференция или онлайн-заседания, функционирование которого обеспечено разработанными Инструкцией по настройке онлайн-заседаний [1], определяющей технические требования для подключения к онлайн-заседанию, и Регламентом организации участия в судебном заседании арбитражного суда с использованием системы веб-конференции информационной системы «Картотека арбитражных дел» (онлайн-заседания).

В литературе отмечается, что между ВКС и веб-конференцией существует значительная разница, которая состоит «в гарантированности (скорости) передачи аудио и видеоданных, а также в защищенности каналов связи, по которым эти данные передаются» [3, с. 12–18]. Указанное отличие как основание выделения нового вида дистанционного участия в судебном заседании носит сугубо технический характер. Между тем, назначение у ВКС и веб-конференции идентичное – в предоставлении удаленным абонентам возможности участия в судебном заседании. Полагаем, что веб-конференция не образует новой формы дистанционного участия в судебном заседании, это подвид видео-конференц-связи, отличающийся методами обеспечения данной технологии.

Участие в веб-конференции обеспечивается посредством авторизации через портал «Госуслуги» и подачи участником судебного заседания ходатайства. При удовлетворении судом ходатайства участник может принять участие в судебном заседании удаленно с любого доступного ему рабочего места, отвечающего установленным техническим требованиям.

На первый взгляд веб-конференция делает правосудие более доступным, поскольку создает для участника цивилистического процесса максимальное удобство в плане минимизации рабочего времени и снижении расходов, связанных с участием в судебном заседании. С другой стороны, население страны не обладает технологиями в необходимом объеме, что порождает ситуацию так называемого «цифрового неравенства» участников процесса. Это определяет то обстоятельство, что веб-конференцию применяют исключительно арбитражные суды. Суды общей юрисдикции в данной части не имеют процессуальных ограничений на применение веб-конференции, однако у них нет технической возможности.

Следует отметить, что применение веб-конференции имеет ряд особенностей. Во-первых, проверка судом полномочий лиц, участвующих в деле, осуществляется посредством полученных от авторизованных пользователей портала «Госуслуги» электронных образов документов (доверенность, паспорт, диплом). Фактически у суда отсутствует возможность установить подлинность документов путем обозрения оригинала. При наличии сомнений в подлинности личности участника судебного заседания Регламент (пункт 13) предусматривает право суда отказать в допуске к участию в онлайн-заседании. Во-вторых, представление доказательств при участии в судебном заседании посредством ВКС регламентировано и требует явки в суд, обеспечивающий проведение ВКС. Данные правила не применимы для веб-конференции, соответственно реализация права на представление доказательств ограничена. В-третьих, веб-конференция не имеет правовой регламентации, нормативными правовыми актами процедура проведения онлайн-заседаний не определена, существование данной формы проведения судебных заседаний фактически за пределами правового поля.

Представляется, что применению веб-конференции как подвида видео-конференц-связи следует дать положительную оценку как инструменту, обеспечивающему доступность правосудия, однако необходимо установить основания и правила применения данного электронного сервиса.

Список источников:

1. Инструкция по настройке онлайн-заседаний // <https://kad.arbitr.ru/Card/9908b95e-7bcb-4d76-a704-24d5600a5778>.

2. Регламент организации участия в судебном заседании арбитражного суда с использованием системы веб-конференции информационной системы «Картотека арбитражных дел» (онлайн-заседания) // <https://ipc.arbitr.ru/node/14339>.

3. *Корякина К.Г., Хохрякова О.В.* Правовой анализ рисков использования системы веб-конференции в арбитражном процессе // Вестник арбитражной практики. 2020. № 3. С. 12–18.

Котлярова Вера Викторовна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского процессуального и предпринимательского права
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С.П. Королева»*

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ВНУТРЕННЕМУ УБЕЖДЕНИЮ СУДЬИ В ГРАЖДАНСКОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВАХ

Аннотация: автором рассматриваются вопросы, связанные с понятием оценки доказательств, правовой природы и сущности внутреннего убеждения судьи. Исследуется проблема соотношения понятий «внутреннее убеждение судьи» и «судейское усмотрение», «свободная оценка доказательств».

Ключевые слова: судебное доказывание, оценка доказательств, внутреннее убеждение судьи, судебское усмотрение

Известно, что завершающим этапом процесса судебного доказывания выступает оценка доказательств с целью проверки доказательств на предмет относимости, допустимости, достоверности, достаточности и взаимной связи. Процессуальный закон точно не раскрывает данного понятия, что обусловило дискуссионность данного вопроса в правовой теории, один из ключевых аспектов которого являются содержательные составляющие судебной оценки доказательств. Превалирует точка зрения о включении в содержание оценки доказательств логического и правового компонентов, поскольку рассматриваемый этап есть процесс осмысления субъективного восприятия каждого обстоятельства по делу, получающий внешнее выражение в процессуальном действии и закрепление в законе.

Ввиду отсутствия законодательно установленного понятия оценки доказательств в целях восполнения пробела предлагается внесение дополнений в ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ, ст. 84 КАС РФ в следующей редакции: «Оценка доказательств есть деятельность, осуществляемая с соблюдением правил, установленных настоящей статьей, в результате которой суд приходит к выводу об обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела».

Оценка доказательств производится судом на основе внутреннего убеждения, которое, в свою очередь, базируется на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющих в деле доказательств. Фундаментальной основой оценки доказательств выступает именно складывающееся в процессе познания обстоятельств дела внутреннее убеждение судьи, понятие которого законодателем не установлено. Внутреннее убеждение выступает основным началом оценки доказательств, определяющим специфику деятельности суда по формированию убеждения в истине при принятии решения, в связи представляется обоснованным расценивать его как принцип оценки доказательств, а всесторонность и полнота, объективность и непосредственность исследования доказательств тогда стоит рассматривать как составляющие данного принципа.

Бесспорно, внутреннее убеждение судьи является абстрактной категорией, зависящей от объективных и субъективных факторов. Толкование его сути не имеет каких-либо обозримых границ, поскольку предполагается, что оно должно быть самостоятельным, не подверженным влиянию извне, основанным на высоком уровне правосознания оценивающего субъекта (суда) и знании закона, что обеспечит правильность оценки доказательств и применения норм для разрешения дела.

Идея замены судьей программами искусственного интеллекта при отправлении правосудия, несмотря на ее активное обсуждение, в настоящее время вполне оправданно не была поддержана большинством представителей российского юридического сообщества, поскольку никакой на данный момент программный продукт не способен по внутреннему убеждению, которым не обладает, всесторонне, полно, объективно, беспристрастно оценивать доказательства, чтобы вынести именно справедливое решение, как это может сделать живой судья, для которого характерно «устойчивое психическое состояние», когда важно именно личное восприятие судом доказательственного материала (принцип непосредственности).

С теоретической позиции внутреннее убеждение судьи, можно рассматриваться, с одной стороны, как принцип оценки доказательств, а, с другой стороны, как психическое состояние судьи, возникающее в результате оценки доказательств.

Спорным является вопрос соотношения понятий «внутреннее убеждение судьи» и «судейское усмотрение». Не отвлекаясь на анализ множества точек зрения, отметим, что судейское усмотрение,

по нашему мнению, есть самостоятельный процессуальный институт, а именно право выбора судом одного из вариантов решения в виде применения правовых норм. Существование правовых лагун обуславливает необходимость применения судом аналогии права и аналогии закона, основой которых выступает судебское усмотрение. Указанное понятие умозрительно (абстрактно), поэтому установить какие-либо нормативные пределы судебного усмотрения не представляется возможным, но в любом случае, осуществляя свой выбор, судьи всегда ограничены в применении правовыми нормами.

Таким образом, одним из принципов оценки доказательств можно рассматривать внутреннее убеждение судьи, являющееся самостоятельной правовой категорией, отграниченной от судебного усмотрения и свободной оценки доказательств.

Кошчева Елена Сергеевна

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
гражданского права и процесса Волго-Вятского института (филиала)
Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*

ФОРМИРОВАНИЕ СОСТАВА СУДА ПО ГРАЖДАНСКИМ И АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ: ПРОБЛЕМА СПЕЦИАЛИЗАЦИИ СУДЕЙ

Аннотация: в тезисах рассмотрены проблемы правового регулирования порядка формирования состава суда по гражданским и административным делам в судах общей юрисдикции. Проведено сравнительное исследование нормативного регулирования замены судьи при изменении порядка рассмотрения дела в рамках ГПК РФ и КАС РФ. Выявлены пробелы законодательства относительно формирования состава суда с учетом специализации судей при переходе к рассмотрению дела по правилам гражданского и административного судопроизводства, предложены рекомендации по их устранению.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, административное судопроизводство, формирование состава суда, замена судьи, специализация судей.

Последние изменения гражданского процессуального законодательства внесли корректировки как в порядок рассмотрения и разрешения дел, так и в организационные основы отправления правосудия.

Комплекс изменений [1, 2], внесенных в 2018 году в ГПК РФ, а также – КАС РФ, в нормы, регулирующие формирование состава суда при рассмотрении гражданских и административных дел в судах общей юрисдикции позволяет обсудить ряд теоретических и практических проблем.

Статья 14 «Состав суда» ГПК РФ содержит норму, определяющую порядок формирования состава суда: «Состав суда для рассмотрения каждого дела формируется с учетом нагрузки и специализации судей путем использования автоматизированной информационной системы. В случае невозможности использования в суде автоматизированной информационной системы допускается формирование состава суда в ином порядке, исключая влияние на его форми-

рование лиц, заинтересованных в исходе судебного разбирательства» (ч. 3 ст.14 ГПК РФ). Норму аналогичного содержания содержит и часть 1 ст.28 КАС РФ (обе нормы изменены одним федеральным законом и вступили в силу с 01 сентября 2019 года). Иными словами, обе нормы предполагают, что при формировании состава суда для рассмотрения и разрешения конкретного гражданского или административного дела в суде общей юрисдикции учитывается специализация судьи.

Категория «специализация судей», которая, не смотря на законодательное закрепление в качестве одного из условий формирования состава суда для рассмотрения дела, имеет в научной литературе различную оценку: от «полезного феномена» [3, с. 33] до «основной формы развития судебной системы» [4, с. 124]. Не останавливаясь на оценке данной категории и ее существенных характеристиках, будем исходить из имеющего место фактического закрепления специализации не только в рамках института формирования состава суда, но и организации судебной власти в РФ в целом. В этом отношении следует поддержать позицию Д.А. Логвинова: «особая правовая охрана общественных отношений механизмом правосудия подразумевает создание специальных режимов работы суда» [5].

При этом вопрос специализации судьи имеет также существенное значение при переходе в рассмотрении дела от правил гражданского судопроизводства к правилам административного судопроизводства. Однако существует объективный нормативный пробел. Так, статья 33.1 «Переход к рассмотрению дела по правилам административного судопроизводства» ГПК РФ определяет, что суд, установив в ходе подготовки гражданского дела к судебному разбирательству или судебного разбирательства по гражданскому делу, что оно подлежит рассмотрению в порядке административного судопроизводства, выносит определение о переходе к рассмотрению дела по правилам административного судопроизводства (ч. 3).

Часть 2 статьи 28 КАС РФ в числе оснований для замены судьи указан переход к рассмотрению дела по правилам административного судопроизводства (п. 4 введен Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ [8]). Иными словами, при вынесении судом общей юрисдикции определения о переходе к рассмотрению дела по правилам административного судопроизводства осуществляется замена судьи (формируется состав суда) с учетом специализации судьи (судей).

При этом законодательно не определен вопрос о случаях, при которых дело было принято судом по правилам КАС РФ, однако на стадии подготовки или рассмотрения дела, установлено, что оно должно быть рассмотрено по правилам гражданского судопроизводства. Процессуального порядка перехода к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства нормами КАС РФ не установлено. При этом, по мнению автора, содержание ст.33.1 ГПК РФ не носит исчерпывающего характера, поскольку определяет порядок разграничения характера требований и соответственно порядка их разрешения лишь на стадии принятия заявления судом к производству.

Отметим, что проблема выбора надлежащего порядка рассмотрения и разрешения дела не является предметом нашего исследования. Обратим внимание на то обстоятельство, что вопрос выбора порядка на стадии принятия заявления имеет как разъяснения на уровне Верховного Суда РФ [7], так и широко обсуждался в научной литературе. И тем не менее, вопрос перехода к рассмотрению дела, принятого по правилам КАС РФ, по правилам гражданского судопроизводства в настоящее время законом не определен. В ГПК РФ отсутствует единая норма, определяющая основания замены судьи при рассмотрении гражданского дела. Упоминание института «замены судьи» встречается в ГПК РФ неоднократно: ст. 6.1. (о влиянии на разумный срок судопроизводства), ч. 2 ст.21 (последствия удовлетворения ходатайства об отводе), ст.33 (передача дела в другой суд), ч. 2 ст. 156 (содержание принципа непосредственности).

Таким образом, в настоящее время по правилам КАС РФ и ГПК РФ при переходе к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства не регламентирован институт замены судьи (формирования состава суда) с учетом его специализации.

Также практическую актуальность поставленной проблеме придает ситуация, когда при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции в качестве неправильного применения норм процессуального права судом первой инстанции будет выступать именно неправильное определение процессуального порядка рассмотрения дела, иными словами возникнет необходимость перехода к рассмотрению дела по правилам первой инстанции, но не в порядке административного, а в порядке гражданского судопроизводства.

При этом рассматриваемый вопрос достаточно однозначно решен в судебной практике: «суд в случае прекращения производства по административному делу, принятому им ошибочно

к рассмотрению в порядке, предусмотренном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации, должен передать дело для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, если не имеется иных препятствий для рассмотрения дела в том же суде в ином судебном порядке» [8]. Тем не менее, наличие позиции Верховного Суда РФ по конкретному делу не является основанием для применения определенного порядка судами в рамках процессуальной деятельности, требуется законодательное установление.

В этой связи логичным является нормативное закрепление указанных выше выводов с целью устранения проблем, возникающих в судебной практике. А именно:

1) Главу 2 КАС РФ дополнить нормой следующего содержания: «Суд, установив в ходе подготовки административного дела к судебному разбирательству или судебного разбирательства по административному делу, что оно подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, выносит определение о переходе к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства».

2) Статью 14 ГПК РФ дополнить частью 4 следующего содержания: «Замена судьи или нескольких судей возможна в случае:

1) заявленного и удовлетворенного в порядке, установленном настоящим Кодексом, самоотвода или отвода судьи;

2) длительного отсутствия судьи ввиду болезни, отпуска, учебы, служебной командировки;

3) прекращения или приостановления полномочий судьи по основаниям, предусмотренным федеральным законом;

4) перехода к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства».

Указанные дополнения, по мнению автора, направлены на устранение существующих пробелов законодательства в нормах, регулирующих формирование состава суда при рассмотрении гражданского и административного дела судами общей юрисдикции и позволяют учесть специализацию судей при замене судьи при переходе к рассмотрению дела по правилам иного судопроизводства.

Список источников:

1. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (в ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7523.

2. Федеральный закон от 29.07.2018 № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. Ст. 4854.

3. *Матейкович М.С.* О специализации и универсализации судей федеральных судов общей юрисдикции // Судебная практика в Западной Сибири. 2014. № 04. С. 32–4.

4. *Замышляев Д.М.* Судебная специализация: проблемы понятыйного аппарата // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2. С. 122–130.

5. *Логвинов Д.А.* Основания судебной специализации // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3 (15) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osnovaniya-sudebnoy-spetsializatsii>

6. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (в ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7523.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11, ноябрь.

8. Кассационное определение Верховного Суда РФ по делу № 81-КГ17-27 от 26.01.2018 // Банк судебных решений Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1620652

Крылова Екатерина Владимировна

*ст. преподаватель кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ

Аннотация: в тезисах рассматриваются нормы гражданского процессуального права, регламентирующие процессуальные сроки, вытекающие из юридических фактов. Автор приходит к выводам об особой правовой природе данных сроков, а также об их значении в механизме правового регулирования гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: гражданский процессуальный срок, юридический факт, норма гражданского судопроизводства процессуального права.

Гражданские процессуальные нормы, закрепляющие фактические сроки, исчисляются моментом во времени, определенным точной календарной датой или указанием на обязательное наступление события, начало и истечение которого ведет к возникновению, изменению и прекращению гражданских процессуальных правоотношений. Отметим, что юридический факт является элементом механизма правового регулирования гражданского судопроизводства, который выступает связующим звеном между нормативной основой и реальным воплощением в жизнь в конкретных правоотношениях [1, с. 58].

Сущность юридического факта проявляется в том, что он не вытекает из гражданской процессуальной нормы как из ее абстрактной модели, в отличие от иных юридических средств, являющихся элементами механизма правового регулирования гражданского судопроизводства. В тоже самое время наличие некоторых юридических фактов регламентировано гражданской процессуальной нормой, что по сути обуславливает выделение «фактических сроков» в силу их распространенности и значимости для государства, выступая тем самым связующим звеном между правовым регулированием гражданского процессуального законодательства и практической реализацией. Юридический факт, с одной стороны, существует как модель – в юридической норме (в сфере юридически должного),

а с другой – выступает как реальное обстоятельство общественной жизни (сферы объективно сущего) [2, с. 57].

Особую правовую природу содержат нормы, регламентирующие юридические факты, особенно те, что закрепляют течение времени. Нормы о фактических сроках адресованы неопределенному кругу лиц, как и общие сроки рассмотрения и разрешения гражданских дел (ст. 154 ГПК РФ), рассчитаны на многократное применение на практике, но такие нормы свойственны тем ситуациям, где нет конкретных временных границ (день, месяц, год), как в нормах, закрепляющих общие сроки, а исчисление срока происходит определением момента во времени, обозначенного точной календарной датой или указанием на обязательное наступление события. Отличие между данными нормами и нормами, закрепляющие сроки общего действия, в способе исчисления.

Примером норм, закрепляющих фактические сроки, выступает в соответствии со ст.220 ГПК РФ основания прекращения производства по делу, в случае смерти гражданина, являвшегося одной из сторон по делу, если спорное правоотношение не допускает правопреемство или ликвидация организации, являвшейся одной из сторон по делу, завершена.

В данном случае нормы о фактических сроках указывают на событие – смерть лица, являющегося стороной по делу, то есть на факт – событие, которое по сути послужило основанием для прекращения гражданского процессуального правоотношения, тем самым остановив течение срока.

Еще одним примером норм, закрепляющих сроки о фактах, выступает ст. 136 ГПК РФ, где закреплены положения, которые определяют оставление искового заявления без движения. Исходя из положения данной статьи, предусмотрено, что судья, установив, что исковое заявление подано в суд без соблюдения требований, установленных статьями 131 и 132 ГПК РФ, выносит определение об оставлении заявления без движения, о чем извещает лицо, подавшее заявление, и предоставляет ему срок для исправления недостатков. Если заявитель исправит все существующие недостатки, указанные в определении, то заявление считается поданным в первоначальный день его представления в суд. Однако, если указанные недостатки не были устранены в срок, установленный судом, заявление считается не поданным и возвращается заявителю со всеми приложенными документами в порядке реализации ст. 135 ГПК РФ. В данном случае суд указал на обстоятельство, которое необходимо

устранить лицу, подавшему заявление, что можно считать началом течения срока, то есть юридическим фактом, с которым связывают возникновение гражданского процессуального правоотношения.

Таким образом, нормы, закрепляющие фактические сроки, являются определенным рычагом воздействия на общественные отношения в сфере гражданского судопроизводства, поскольку приводят к правообразующим, правоизменяющим или правопрекращающим юридическим последствиям.

Нормы, закрепляющие фактические сроки, используются законодателем в качестве средства воздействия на процессуальную деятельность субъектов гражданского судопроизводства, осуществляя подготовительную работу для возникновения правоотношения.

Наличие фактических сроков представляет собой особую группу процессуальных сроков, где переплетается юридическая природа двух элементов механизма правового регулирования – нормы и юридического факта. Соединение их в особый вид гражданских процессуальных сроков обуславливает целостность нормативной регламентации, ее первостепенное значение в процессе регулирования общественных отношений. Не все юридические факты находят свое отражение в нормативных актах, но юридические факты, касающиеся вопросов, связанных с процессуальным сроком (возникновением, изменением, прекращением) находят свое безусловное правовое закрепление. Институт гражданских процессуальных сроков и нормы гражданского процесса можно соответственно рассматривать как часть и целое в механизме правового регулирования гражданского судопроизводства.

Список источников:

1. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 58.
2. *Шундиков К.В.* Механизм правового регулирования: учебное пособие / под ред. А.В. Малько. Саратов: СГАП, 2001. С. 57.

Кузбагаров Асхат Назаргалиевич

*д.ю.н., профессор кафедры гражданского права
Северо-Западного филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»*

Кузбагарова Вероника Александровна

*к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского права
Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюст России)»*

К ВОПРОСУ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ИЛИ УСИЛЕНИИ ИНСТИТУТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в статье отражен в качестве проблемы и не соответствия доктрине построения гражданского судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон действующий процессуальный институт участие прокурора в форме дачи заключения по делу.

Ключевые слова: заключение прокурора, состязательность, равноправие, основы конституционного строя.

Предусмотренное статьей 46 Конституции Российской Федерации право на судебную защиту в России реализуется через совокупность процессуальных средств, обеспечивающих справедливое правосудие и эффективное восстановление нарушенных прав граждан.

Состязательная модель отправления правосудия, с начала 90-х годов прошлого столетия вытеснила следственную модель гражданского процесса. Одним из процессуальных институтов последнего является участие прокурора, закрепленное в ст. 45 ГПК РФ, и который реализуют органы прокуратуры. Данный институт известен с ГПК 1923 года, в статье 2 которого было закреплено право прокурора «как начать дело, так и вступить в дело в любой стадии процесса, если, по его мнению, этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс» [1]. Известно, в советской России вся правовая надстройка должна была служить социалистическому типу государства. Социальная роль государственных институтов не просто признавались, а определяла задачи всех без исключения государственных органов и образовывали их функции.

Однако в конце 90-х годов в России произошли существенные изменения, которые неизбежно потребовали соответствующего реформирования материально-правовых институтов, облакаемых гражданским, предпринимательским, корпоративным законодательством. Такие преобразования в целом, и в экономике, и в материальном праве неизбежно образовали изменения в процессуальной цивилистике.

В отличие от диспозиции статьи 2 ГПК 1923 г. в статье 45 ГПК РФ конкретизированы субъектный состав (при форме обращения прокурора в суд) и дела (при форме дачи заключения), однако в целом этот институт продолжает оставаться неизменным. Он продолжает привлекать внимание современных исследователей к указанной теме [2, 3]. Однако, ознакомление с диссертационными работами, непосредственное участие в судебных заседаниях при разбирательстве дел с участием прокурора, сравнение всего этого с теми преобразованиями в экономических основах конституционного строя, наводят на размышления и побуждают к предметным высказываниям. Прежде всего возникает вопрос о том, насколько институт участия прокурора в гражданском процессе соответствует современным экономическим реалиям.

Большинство заключений прокурора сегодня далеки от истинного и должного «заключения прокурора по делу». Такие заключения больше отвечают понятию «мнение прокурора по иску», когда зачастую можно услышать от прокурора фразы «иск подлежит удовлетворению» или «иск не подлежит удовлетворению».

26 февраля 2020 г. на научно-практическом семинаре, прошедшем в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиал) университета прокуратуры Российской Федерации, автором был поставлен указанный вопрос как проблема. На конференции присутствовали практические работники прокуратуры из разных субъектов РФ, которые в абсолютном большинстве согласились с обозначенной проблемой. В свое обоснование (оправдание) они ссылались на большую загруженность, отсутствие времени, и прочее. Однако, это не может быть причиной снижения должного, что требуется при даче заключения по делу прокурором, тем более п. 6 приказа Генпрокуратуры России от 10.07.2017 № 475 (далее – Приказ 475) предусмотрено их участие и дача мотивированного заключения в делах, по которым такое участие предусмотрено нормами ГПК РФ, КАС РФ и федеральными законами [4]. Однако рассматриваемая форма участия прокурора сегодня не однозначно принята и по-раз-

ному отражена в иных правопорядках, в том числе в ГПК Молдовы (ст.71 закреплена инициативная форма и только по деликтным искам в сфере уголовного судопроизводства), в ГПК Республики Армения (частью 3 ст. 41 закреплено обращение с иском о защите государственных интересов в случаях, предусмотренных законом).

Современной российской правоприменительной практике известен факт оспаривания статьи 45 ГПК РФ по вопросу о несоответствии ее Конституции РФ. Определением Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 № 165-О, судебный орган отказал в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Френкель И.В., поскольку разрешение поставленных в ней вопросов Конституционному Суду Российской Федерации неподведомственно и жалоба не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми она им признается допустимой [5]. В обоснование отказа КС РФ сослался на то, что во-первых, вопрос о процессуальном положении прокурора в гражданском судопроизводстве исследован и правовая позиция им изложена в Постановлении от 14 апреля 1999 года № 6-П [6]. Во-вторых, правильность применения оспариваемых в жалобе законоположений, которые в данном случае не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права и свободы заявительницы, должна обеспечиваться судами, рассматривающими дело, проверка законности и обоснованности решений которых относится к компетенции вышестоящих судов и Конституционному Суду Российской Федерации неподведомственна. Однако обе позиции данного судебного органа не убедительны, не соответствуют состязательному началу гражданского судопроизводства и принципу равенства сторон в нем.

Интересен подход разработчиков Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – Концепция). Так, пунктом 4.7 главы 4 Концепции закреплено: «В проекте Кодекса необходимо учесть иное правило, в основе которого лежит подход, содержащийся в ГПК, суть которого состоит в ограничении права прокурора участвовать в процессе для дачи заключения по делу. В проекте возможности прокурора вступать в уже начатый процесс должны быть ограничены той же категорией дел, которая предусмотрена для обращения прокурора с заявлением в суд»[7]. Приведенное надо признать относительной новизной, так как предложенный разработчиками подход сохраняет его отдаленность от состязательных и равноправных начал.

Насколько сегодня при отправлении правосудия по делам в гражданском судопроизводстве имеется максимально полная отдача от института участия прокурора в форме дачи заключения? Если на поставленный вопрос ответить отрицательно, то возникает другой вопрос: Как можно это исправить?

Ответом может быть как минимум два предложения:

1. Исключить участие прокурора в форме дачи заключения по делу из гражданского судопроизводства. Приведенные процессуальные законы Молдовы, Армении отражают доктрину рыночного (капиталистического) характера экономического уклада государственного устройства, в котором пребывает Россия.

2. Другим предложением является придание этим отношениям дополнительного правового регулирования, что позволит с помощью указанной формы участия прокурора обеспечить максимальную полезность участия прокурора. Можно сказать радикальнее – предлагаемый вариант «заставит» прокурора быть качественнее – полезным для суда в гражданском судопроизводстве. Однако, вопрос о том, насколько его участие полезно для иных участников, прежде всего сторон, с учетом необходимости обеспечения их равноправия, остается открытым, необходимо провести, как минимум социологический опрос среди заинтересованных лиц.

Если согласиться с предлагаемым вариантом, то надо придать последовательность и системность такому регулированию. Возможно ли оно и что для этого необходимо? Сомнений нет – возможно, а необходимо указание в статье 45 ГПК РФ на «письменную форму» заключения и его «мотивированность».

Список источников:

1. Постановление ВЦИК от 10.07.1923 (в ред. от 31.01.1958) «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 923. № 46–47. Ст. 478.

2. *Воробьев Т.Н.* Теоретические и практические проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 27 с.

3. *Залюкова Г.И.* Унификация участия прокурора в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 24 с.

4. Приказ Генпрокуратуры России от 10.07.2017 № 475 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» // Законность. 2017. № 10.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 № 165-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Френкель Илоны Владимировны на нарушение ее конституционных прав частями первой и второй статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2020).

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.1999 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 325 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.Л. Дрибинского и А.А. Майстрова» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 16. Ст. 2080.

7. «Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 11.05.2020).

Куручкин Сергей Анатольевич

*доцент кафедры теории государства и права, к.ю.н.
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»*

КОНЦЕНТРАЦИЯ ПРОЦЕССА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: одним из процессуальных принципов, позволяющих повысить эффективность современного российского гражданского судопроизводства, является концентрация процесса. Ее последовательное внедрение позволит снизить издержки судебной защиты при повышении ее качества, обеспечить достижение целей судебной деятельности.

Ключевые слова: концентрация, гражданский процесс, судопроизводство, эффективность.

Действующая модель российского гражданского судопроизводства обладает большими резервами в повышении эффективности, результативности и экономичности. Учеными и практиками активно обсуждаются перспективы цифровизации в повышении эффективности судебной деятельности. Так, цивилистический процесс сегодня воспринимается как некоторого рода «производство», и внедрение в него цифровых (новых, более продуктивных) технологий, ускоряющих и упрощающих взаимодействие между его участниками, должно способствовать повышению эффективности данной деятельности, более быстрому и качественному достижению результата такой деятельности – рассмотрению и разрешению конкретного гражданского дела [1, с. 61]. А.Т.Боннер высоко оценивает варианты оптимизации судопроизводства, по его мнению, она таит в себе массу возможностей, которые отнюдь не исчерпаны. В частности, к ним относятся передача части дел приказного производства в ведение органов нотариата, отказ от части малосодержательных, а то и бессмысленных судебных процедур, существенное увеличение размера госпошлины [2, с. 37]. Все эти меры, бесспорно, окажут благотворное влияние на эффективность судебной деятельности.

Вместе с тем, наибольшим потенциалом в повышении эффективности гражданского судопроизводства обладают именно системные решения, вынуждающие пересмотреть подходы к практической реа-

лизации норм гражданского и арбитражного процессуального права. Так, например, неслучайно отечественные ученые предлагают рассматривать концентрацию процесса в качестве одного из перспективных средств повышения эффективности гражданского судопроизводства. Концентрация процесса известна праву Германии и Австрии уже более века. По мнению ученых, последовательной реализации идеи о неполной апелляции, об усилении суда первой инстанции, о повышении эффективности правосудия по гражданским делам способствовало бы включение в состав принципов гражданского, арбитражного процесса принципа концентрации [3, с. 144, 4, с. 9].

Российские суды признали и применяют принцип концентрации доказательств в суде первой инстанции [5], подчеркивают «роль концентрации в рамках судебного разбирательства большого круга доказательств, представленных сторонами, для оптимизации судопроизводства» [6]. В теории концентрация процесса обычно определяется как своевременное совершение процессуальных действий в надлежащей последовательности с целью сосредоточения процессуального материала в суде первой инстанции в объеме, необходимом для правильного и своевременного разрешения дела, а также позволяющем при необходимости обеспечить эффективную проверку судебного решения в будущем [7, с. 40]. По оценке А.В.Чекмаревой, концентрация процесса обеспечивает ускорение справедливого разрешения спора путем оптимального сосредоточения материала, позволяющего осуществить правосудие в первом судебном заседании [8, с. 11]. Концентрацию процесса принято раскрывать через концентрацию доказательственного материала и концентрацию процессуальных действий [3, с. 147].

Однако, концентрация процесса – это не только управляемое скопление доказательств и процессуальных действий. В значительной мере это еще и концентрация издержек всех видов в суде первой инстанции. «Действие принципа концентрации в значительной мере обусловлено предъявляемым к судопроизводству требованием процессуальной экономии и в свою очередь является одним из способов рационализировать процесс» [7, с. 64]. Е.А.Борисова обоснованно предлагает рассматривать концентрацию процесса как концентрацию процессуальных действий сторон, направленных на сосредоточение доказательственного материала в определенной стадии процесса [3, с. 147]. «Предусмотренные законом действия, благодаря совершению которых происходит формирование процессуального материала, со своей стороны также подлежат концентрации. Правда,

если в случае с концентрацией процессуального материала акцент делается на его полноту, то применительно к процессуальным действиям определяющим фактором становятся их своевременность и последовательность» [7, с. 35]. Полнота доказательственного материала, умноженная на своевременность совершения процессуальных действий, последовательность которых задана законом, обеспечивает достижение цели судопроизводства с минимальными издержками, тем самым повышает его эффективность. По этой причине концентрацию необходимо рассматривать как системное средство обеспечения эффективности гражданского судопроизводства.

Отметим, что не все процессуалисты оптимистичны в оценке перспектив реализации в России принципа концентрации процесса. Так, например, по оценке Т.В.Сахновой, в целом – при видимом увеличении инстанций происходит функциональное уменьшение «удельного веса» проверки для сторон, а апелляции ученых в этом вопросе к немецко-австрийским концентрации и кооперации являются собой поверхностный взгляд, к онтологии отечественного процесса отношения не имеющий [9, с. 34]. На наш взгляд, редуцирование проверочных производств по причине повышения качества рассмотрения дела в суде первой инстанции является вполне оправданным решением. Сосредоточение процессуальных действий и процессуального материала в суде первой инстанции создает условия для правильного и своевременного разрешения дела, снижает издержки ошибочных решений, минимизирует затраты на проверку судебных актов в будущем.

В процессуальной доктрине принято говорить о составляющих, которые определяют значение надлежащей реализации принципа концентрации. Полагаем возможным сделать акцент на одной из них. Концентрация процесса – способ снижения всех видов издержек, как судебных расходов, так и издержек ошибочных решений. Дальнейшая концентрация гражданского судопроизводства будет, на наш взгляд, способствовать существенному повышению его эффективности.

Отметим, что арбитражные суды оригинально развивают потенциал общего принципа концентрации, прежде всего, в производстве по делам о несостоятельности (банкротстве). Так, например, судами применяется «принцип концентрации обособленных споров», связанных с процедурой банкротства, в рамках одного дела [10], правило концентрации предъявляемых к лицу, в отношении которого введена процедура несостоятельности, требований в рамках

одного дела [11]. В качестве средства упрощения процесса ученые рассматривают также и концентрацию исполнительного производства. Так, И.В. Решетниковой была выдвинута перспективная концепция концентрации исполнения судебных актов [12, с. 116–122]. «По общему правилу исполнительный лист выдается арбитражным судом первой инстанции, даже если суды апелляционной или кассационной инстанций вынесли новый судебный акт или изменили судебное решение. ... Иными словами, современное арбитражное процессуальное законодательство совершенно обоснованно перенесло рассмотрение всех вопросов исполнительного производства по судебным актам арбитражного суда в суд первой инстанции, в котором находятся материалы дела. ... Отсутствие концентрации исполнительного производства в том суде, где находится на хранении дело, затягивает рассмотрение вопросов исполнительного производства» [13, с. 76–77]. Стоит согласиться, что рассредоточение процессуальных действий, связанных с исполнительным производством, между судами, рассматривавшими дело по существу и пересматривавшими судебные акты, увеличивает процессуальные издержки сторон, чем снижает эффективность исполнения судебных актов. Процессуалистами также выдвинута гипотеза и о концентрации примирительных процедур. Так, среди принципов правового регулирования примирительных процедур в цивилистическом процессе выделен принцип концентрации примирительных процедур, состоящий в их преимущественной организации на досудебном этапе и начальных стадиях судебного процесса [14, с. 8]. Выразим убежденность в том, что потенциал концентрации примирительных процедур на досудебном этапе и начальных стадиях гражданского процесса еще только предстоит раскрыть.

Обобщая сказанное отметим, что концентрация процесса может стать средством повышения эффективности разбирательства дела в суде первой инстанции и проверочных производств, условием эффективного обращения в суд и вынесения эффективного судебного решения. Учет принципа концентрации в ходе проводимых процессуальных реформ позволит существенно повысить эффективность гражданского судопроизводства.

Список источников:

1. *Брановицкий К.Л., Ренц И.Г., Незнамов А.В.* и др. Цифровые технологии в цивилистическом процессе: некоторые проблемы и перспективы // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4.

2. *Боннер А.Т.* Электронное правосудие: реальность или новомодный термин // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1.
3. *Борисова Е.А.* Проверка судебных актов по гражданским делам. М., 2005.
4. *Брановицкий К.Л.* Информационные технологии в гражданском процессе Германии (сравнительно-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.
5. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 18.05.2018 по делу № 33-8109/2018, апелляционное определение Суда ХМАО – Югры от 30.10.2018 по делу № 33-7230/2018 и др.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 31.07.2019 по делу № А15-2401/2017.
7. *Малюкина А.В.* Концентрация процесса – основа своевременного и правильного рассмотрения гражданского дела. М., 2009.
8. *Чекмарева А.В.* Подготовительные процедуры в гражданском процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015.
9. *Сахнова Т.В.* О современной парадигме цивилистического процесса // Осуществление гражданского судопроизводства судами общей юрисдикции и арбитражными (хозяйственными) судами в России и других странах СНГ. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2014.
10. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.12.2017 по делу № А27-26673/2016.
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.12.2015 по делу № А05-2342/2014.
13. *Решетникова И.В.* Концепция последовательного обжалования судебных актов и концепция концентрации исполнения судебных актов в арбитражном процессе России // Закон. 2012. № 4.
14. *Решетникова И.В.* Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М., 2019.
15. *Здрок О.Н.* Примирительные процедуры в цивилистическом процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2019.

Кухарева Олеся Александровна

*к.ю.н., доцент кафедры арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СФЕРЫ ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ КАК ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация: в тезисах раскрываются отдельные пути реформирования юридических услуг. Основная цель проводимых преобразований – повышение качества оказываемых услуг, уровня защиты прав и законных интересов граждан, эффективности исполнения судебных решений.

Ключевые слова: право, оказание юридической помощи, адвокат, адвокатская деятельность.

Развитие права невозможно без развития его отдельных институтов. Стоит отметить продолжающуюся трансформацию сферы оказания юридической помощи. Юридическая помощь стала доступнее. В некоторых регионах адвокаты начали бесплатно консультировать граждан в многофункциональных центрах. Так, с 1 сентября данная услуга доступна в Пермском крае. Полагаем, что оказание бесплатной юридической помощи станет эффективнее и проще, поскольку МФЦ берет на себя организационные и сопутствующие функции, включая предварительную запись посетителей и проверку документов, подтверждающих право бесплатной юридической помощи, а адвокаты будут заниматься непосредственно оказанием юридической помощи гражданам. Данное обстоятельство позволит расширить возможность получения гражданами бесплатной юридической помощи.

Еще одним позитивным моментом можно назвать начало действия автоматизированной системы распределения дел. С 1 сентября данная система приведена в действие, например, на территории г. Вологды и Вологодского района.

Курс на цифровизацию адвокатской деятельности поставил новые задачи: многие палаты разрабатывают и обновляют интерфейсы сайтов, мобильные приложения, которые позволят адвокату управлять документооборотом, аккумулировать в личном кабинете сведения, необходимые для осуществления адвокатской деятельности.

Еще одним долгожданным событием стало начало нового учебного года, когда на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов 1 сентября был размещен проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления дополнительных гарантий реализации принципа состязательности сторон)» (далее – законопроект), подготовленный Минюстом России [1]. Документ предполагает, в частности, введение уголовной ответственности за воспрепятствование законной деятельности адвоката. Предусматривается также внесение изменений в ряд положений УПК РФ, касающихся прав подозреваемого и обвиняемого, полномочий защитника. Законопроект, в частности, предполагает дополнение УК РФ статьей 294 «Воспрепятствование законной деятельности адвоката».

Необходимо отметить, что в проекте закона говорится не только про уголовную защиту, но и про любую адвокатскую деятельность. Долгожданная инициатива призвана защищать как адвокатов, так и доверителей – граждан, свободы и интересы которых представляют адвокаты.

Все вышеперечисленные новшества будут способствовать укреплению престижа и повышению эффективности адвокатской деятельности и, как следствие, обеспечению действенной реализации права на получение квалифицированной юридической помощи, предусмотренной ст. 48 Конституции РФ.

Список источников:

1. Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления дополнительных гарантий реализации принципа состязательности сторон)» URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npr=107783> (дата обращения: 03.09.2020).

Лазарев Сергей Викторович

*к.ю.н., старший преподаватель кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»*

УВЕЛИЧЕНИЕ РАЗМЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ КАК СРЕДСТВО ПО ОГРАНИЧЕНИЮ ПОСТУПАЮЩИХ В АРБИТРАЖНЫЕ СУДЫ ДЕЛ

Аннотация: автор приходит к выводу о том, что незначительное изменение размера государственной пошлины не влияет на поступление дел в арбитражные суды. Увеличение государственной пошлины не снижает поступление необоснованных исков.

Ключевые слова: снижение судебной нагрузки, оптимизация судопроизводства, повышение эффективности судопроизводства, доступность правосудия

Увеличение размера государственной пошлины в теории [1, 2] и на практике [3] традиционно рассматривается в качестве действенной меры по снижению нагрузки на суды. Предложения о повышении госпошлины основаны на успешности реализации аналогичных мероприятий в недалеком прошлом. Так, высокий размер государственной пошлины, которая достигала 15% от цены иска, был установлен сразу после образования системы арбитражных судов. В результате за два года (в период 1992–1994 гг.) статистика зафиксировала сокращение числа обращений в арбитражные суды на 39% [4, с. 75–77]. Затем федеральным законом от 31.12.95 № 226-ФЗ были внесены изменения и дополнения в Закон Российской Федерации «О государственной пошлине» (принята новая редакция закона), в соответствии с которыми ставки государственной пошлины были снижены. С 1 января 2005 года закон РФ от 09.12.1991 № 2005-1 «О государственной пошлине» утратил силу в связи с дополнением части второй Налогового кодекса Российской Федерации главой 25.3 «Государственная пошлина». Впоследствии размер государственной пошлины периодически увеличивался (Федеральные законы от 27.12.2009 года № 374-ФЗ, от 05.04.2010 № 41-ФЗ; от 21.07.2014 № 221-ФЗ и т.д.). При этом в литературе отмечается, что «увеличение размера государственной пошлины никогда не было экономически обоснованным, поэтому этот процесс носил механический характер в общем ключе индексации на фоне инфляции» [5].

Соответственно, для подтверждения или опровержения в качестве меры по ограничению поступающих в суды дел повышения госпошлины следует обратиться к ее назначению. Традиционно считается, что указанный платеж выполняет несколько функций, в частности, превентивную – воздействие на истца с целью преграждения заведомо необоснованных обращений, сутяжничества [6, с. 4]. Прежде всего, следует заметить, что приписывание государственной пошлины функции по отсечению необоснованных обращений характерно только для случаев обращения в суд. Так, например, при государственной регистрации прав или совершении нотариальных действий мы такой функции не обнаруживаем – размер государственной пошлины покрывает определенную часть затрат государства на совершение юридически значимого действия. Иными словами, только при обращении в суд размер государственной пошлины рассматривается в качестве средства борьбы со злоупотреблением правом на иск.

Вопрос злоупотребления правом на иск был рассмотрен В.О. Аболониным применительно к немецкому гражданскому процессу. Так, в качестве злоупотреблений в Германии рассматриваются: 1) сутяжничество, 2) симулятивный процесс, 3) обращение в суд с целью получения необоснованной выгоды, 4) обращение в суд с целью причинения вреда [7, с. 9]. Средством борьбы со злоупотреблением правом на иск в Германии являются санкции (отказ в удовлетворении иска, отнесение процессуальных расходов, возмещение вреда) [7, с. 22–23]. Каких-либо существенных препятствий в использовании приведенной выше классификации применительно к злоупотреблением правом на иск и средствами борьбы с ними в отечественном арбитражном процессе мы не видим. Таким образом, в Германии государственная пошлина, в том числе ее высокий размер, не рассматриваются в качестве санкции за злоупотребление правом на иск. Полагаем, что и отечественному арбитражному процессу не стоит рассматривать размер государственной пошлины в качестве способа борьбы со злоупотреблением правом на иск, исходя из следующего.

Р.А. Познер отмечает, что, если бы участники разбирательства должны были покрывать полные издержки использования правовой системы, то они сравнивали бы выгоды от судебного процесса с полными социальными издержками этого процесса, и если бы первые превосходили вторые, то прибегали бы к судебным разбирательствам [8, с. 786].

Таким образом, тезис о необходимости заградительного размера государственной пошлины основан на том, что заявители-сутяжники, действуя разумно, не будут обращаться при высоких ставках указанного платежа. Однако в данном случае необходимо учитывать, что, во-первых, сутяжники, как правило, не действуют разумно; во-вторых, количество сутяжников значительно меньше добросовестных заявителей. Заградительный размер государственной пошлины повлечет за собой нарушение доступа к правосудию для последних. Соответственно, в литературе отмечается: «Размеры государственной пошлины устанавливаются таким образом, чтобы они не препятствовали доступности правосудия, но в то же время были ощутимыми» [6, с. 4]. Однако установление даже «ощутимого» размера государственной пошлины влечет за собой произвольный характер соответствующей суммы, отсутствие привязки как к фактическим расходам на судопроизводство, так и к финансовому состоянию ее плательщиков, что в конечном итоге препятствует доступности правосудия.

Кроме того, несостоятельность указанной позиции подтверждена и на практике. Так, Р. Симайтис на основе статистических данных за 1998–2003 годы отмечает, что после уменьшения размера государственной пошлины при подаче искового заявления в Литве какого-то особенного роста дел в судах не произошло [9, с. 309]. Иными словами, уменьшение размера госпошлины не повлекло значительное увеличение обращений и рост числа сутяжников. И наоборот, отечественная статистика не фиксирует снижение количества обращений в суды в нашей стране после регулярных повышений размера государственной пошлины за обращение в суды. Исходя из этого, незначительное произвольное увеличение размера государственной пошлины не способно ограничить поток входящих в судебную систему дел.

Например, в Финляндии имеют место быть высокие ставки судебных сборов и низкий показатель обращения в суд, что может свидетельствовать о заградительном размере судебных сборов (при более низкой цене иска размер судебных сборов в Финляндии составляет 42.5% от цены иска [10]). В Дании и Нидерландах – низкие размеры судебных сборов, но и количество поступающих дел также низкое. В Румынии – ощутимые размеры судебных сборов, но количество поступающих дел также высокое. Таким образом, прямой зависимости между ставками государственной пошлины (судебных сборов) в различных странах и количеством обращений

в суд в этих странах нет (по крайней мере, до тех пор, пока ставки судебных сборов не становятся заградительными).

Таким образом, полагаем, что институт государственной пошлины не должен выполнять функцию по отсечению необоснованных исков, поскольку вместо необоснованных исков отсекаются обоснованные требования тех, кто не имеет льгот по уплате государственной пошлины или права на отсрочку (рассрочку) или провоцируется нуждаемость (обнуляется расчетный счет на определенную дату и т.д.).

Список источников:

1. *Иванов А.А.* О путях повышения эффективности правосудия // Журнал российского права. 2005. № 12. СПС «КонсультантПлюс».
2. *Подгудкова О.В.* К вопросу об оптимизации размера государственной пошлины при подаче апелляционных жалоб в арбитражном процессе // Юридический мир. 2007. № 8. СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление VIII Всероссийского съезда судей от 19.12.2012. URL: <http://ssrf.ru/page/9085/detail/>
4. Вестник ВАС РФ. 1995. № 4.
5. *Алексеевская Е.И.* Мониторинг верховенства права и доступа в суд: 25 лет судебной реформе. М.: Инфотропик Медиа, 2017.
6. Решетникова И.В., Курганникова И.В. Судебные расходы в арбитражном процессе: Комментар. и постатейн. материалы к гл. 9. АПК РФ. М., 2008.
7. *Аболонин В.О.* Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
8. *Познер Р.А.* Экономический анализ права: в 2 т. / пер. с англ. Под ред. В.Л. Тамбовцева. СПб., 2004. Т. 2.
9. *Симайтис Римантас* Функции гражданско-процессуального института судебных расходов // Гражданский процесс: наука и преподавание. М.: Городец, 2005.
10. 2019 EU Justice Scoreboard Quantitative Data Factsheet. P. 2, 11. Accessed: https://ec.europa.eu/info/publications/2019-eu-justice-scoreboard-factsheets_lt

Ласкина Наталья Викторовна

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ПОЛНОМОЧИЯ СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ПО ВОЗВРАЩЕНИЮ ДЕЛА СУДУ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ В АСПЕКТЕ ПЕРЕНОСА СЛОЖИВШЕЙСЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В РАЗРЯД ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ

Аннотация: в статье анализируется новая норма ГПК РФ, касающаяся предоставления судам апелляционной инстанции полномочий по возвращению дела суду первой инстанции, с точки зрения переноса сложившейся судебной практики в разряд законодательных положений. Выявлены определенные недостатки в применении нововведенной нормы.

Ключевые слова: суд апелляционной инстанции, возвращение дела, мотивированное решение, заявление о восстановлении срока на подачу апелляционных жалобы, замечание на протокол судебного заседания, заявление о вынесении дополнительного решения, коллизии законодательства.

В рамках проводимой так называемой «процессуальной реформы», законодатель предоставил суду апелляционной инстанции полномочия по возвращению дела суду первой инстанции. [1]. Правила возвращения судом апелляционной инстанции суду первой инстанции дела, поступившего с апелляционными жалобой, представлением, действовали и раньше, но только на практике [1, п. 18]. Тенденции развития цивилистического процессуального законодательства в настоящее время таковы, что многие правила, сложившиеся в судебной практике, получают свою законодательное закрепление. Подобная ситуация имеет место быть и в рассматриваемом случае. Однако механический перенос правил судебной практики в разряд нормативного правила не всегда гарантирует возможность его качественного и эффективного применения.

Анализ оснований для возвращения судом апелляционной инстанции дела, поступившего с апелляционными жалобой, представлением, в суд первой инстанции в нововведённой норме позволяет

сделать вывод, что в основном – это основания, связанные с недостатками в работе суда первой инстанции, когда по вине нижестоящего суда не были рассмотрены заявления от лиц, участвующих в деле, касающиеся восстановления срока на подачу апелляционных жалобы, представления, вынесено дополнительное решение или же не были рассмотрены замечания на протокол судебного заседания (ч. 1 ст. 325.1 ГПК РФ).

Таким образом, по сути, суд апелляционной инстанции возвращает дело, поступившее с апелляционными жалобой, представлением, в суд первой инстанции, для устранения допущенных судом первой инстанции недостатков, носящих процессуальный характер, но не затрагивающие существа дела. Те же правовые последствия наступают и в отношении дела, поступившего с апелляционными жалобой, представлением, но только в случае, если судом первой инстанции не было изготовлено мотивированное решение. Однако, данное основание нельзя однозначно отнести только к недоработкам судов первой инстанции.

По общему правилу, решение суда должно быть мотивированным (ч. 2, 3 ст. 193, ч. 1, 4 ст. 198 ГПК РФ). Однако законодатель позволяет составлять мотивированные судебные решения, во-первых, мировым судьям по рассмотренному им делу, во-вторых, в случае рассмотрения дел в порядке упрощенного производства. При этом в последнем случае это исключение не действует, если на решение подается апелляционная жалоба, представление. Однако обязанность мирового судьи составить мотивированное решение возникает только в случае поступления от лиц, участвующих в деле, их представителей заявления о составлении мотивированного решения суда.

Таким образом, рассматриваемое основание для возвращения дела, поступившего с апелляционными жалобой, представлением в суд первой инстанции не всегда обусловлено недоработками судьи первой инстанции, но и коллизиями действующего законодательства, не предусматривающего обязанности мирового судьи составить мотивированное решение в случае его обжалования в суд апелляционной инстанции.

Определенные трудности с реализацией этих законоположений на практике возникают и в связи с отсутствием законодательно закрепленных сроков для устранения недостатков, о которых речь шла выше. В юридической литературе предлагается решить этот вопрос путем указания судом апелляционной инстанции в опреде-

лении о возвращении сроков исправления обозначенных ошибок, включенных в общий срок апелляционного рассмотрения. [2, с. 118]. Учитывая, что большинство действий, которые должен совершить суд первой инстанции для устранения оснований, послуживших возвращению дела апелляционным судом, должны быть совершены теми судьями, которыми рассматривалось дело (составление мотивированного решения мировым судьей, рассмотрение замечаний на протокол судебного заседания и др.), могут возникнуть трудности с дальнейшим движением апелляционного производства в виду возможных изменений в составе судов первой инстанции.

Таким образом, с одной стороны, реализуемые на практике действия судов апелляционной инстанции в рассматриваемой норме получили свое законодательное закрепление, но, с другой стороны, некоторые аспекты предоставленного полномочия суду апелляционной инстанции еще требуют законодательного совершенствования или вновь разъяснений со стороны Пленума Верховного Суда РФ. В связи с чем представляется, что переложению правил судебной практики в законодательные нормы должно предшествовать тщательная проработка вопроса порядка применения соответствующей нормы.

Список источников:

1. Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 28.11.2018.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.
3. *Смагина Е.С.* Завершена ли «процессуальная революция»? // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 113–123.

Лебедев Михаил Юрьевич

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

СУДЕБНЫЙ ПРИМИРИТЕЛЬ КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: материал посвящен исследованию новой для российского процессуального законодательства проблематике определения судебного примирителя в качестве субъекта гражданских процессуальных правоотношений. Автор обращает внимание на противоречия нормативного положения судебного примирителя, не позволяющие в полной мере реализовать свои права и исполнить обязанности при обращении к нему сторон.

Ключевые слова: судебный примиритель; примирение; суд; процессуальное положение; лица, участвующие в деле.

Не вдаваясь в обсуждение причинно-следственной связи между потребностями общества и реформированием регулирования общественных отношений со стороны законодателя путем принятия нового нормативного акта, констатируя, что процессуальное законодательство изменилось в сторону расширения возможностей использования сторонами так называемых «примирительных процедур», остановимся на одном вопросе, вытекающем из этого самого изменения.

Не вызывает сомнений, что в основе идеи появления главы 14.1 в ГПК РФ были (или должны были быть) положения, связанные с расширением действия принципа диспозитивности, которые должны привести к предоставлению сторонам дополнительных гарантий на реализацию ими положений ст. 46 Конституции РФ. С учетом геометрической прогрессии количества находящихся в судах общей юрисдикции заявлений, указанная «новая» гарантия, предоставляющая сторонам судопроизводства еще один дополнительный (или основной?) вариант урегулирования существующих между ними разногласий, представляется нужной и вполне своевременной. В таком контексте можно смело согласиться с известной поговоркой «Чем больше, тем лучше», если бы не одно «но». Если посмотреть на главу 14.1 ГПК РФ, то одной из конкретных новелл идеи законодателя стало появление в нормах ГПК РФ нового субъек-

екта – судебного примирителя. По логике, в предыдущем предложении следовало бы традиционно написать (раз уж речь идет о лице, которому посвящены нормы ГПК РФ) – «нового субъекта гражданских процессуальных отношений». Ч. 3 ст.153.6 ГПК РФ при этом особо подчеркивает, что участие судебного примирителя в процедуре примирения должно происходить с учетом положений именно этого кодекса. Специальная оговорка законодателя в этом вопросе, содержащаяся в ч. 5 ст. 153.6 ГПК РФ не только не проясняет ситуацию, но наоборот, обнажает новые вопросы правового статуса судебного примирителя. В указанной норме законодатель использует неизвестную науке гражданского процессуального права конструкцию «участник судебного разбирательства», констатируя, что судебным примирителем таковым не является.

С точки зрения теории гражданского процессуального права, не всякий субъект гражданских процессуальных отношений является в буквальном смысле «участником судебного разбирательства». Примером может служить эксперт, безусловно являющийся субъектом гражданских процессуальных отношений [1, с. 17], но, далеко не всегда выступающий собственно «участником судебного разбирательства» (речь идет о том, что судебное разбирательство может пройти и без участия самого эксперта, путем исследования предоставленного им заключения, которое является средством доказывания по делу и, одновременно, целью реализации экспертом своих прав и обязанностей).

Таким образом, указание законодателя на место судебного примирителя в рамках гражданского судопроизводства, а вернее, на прямой запрет на его участие в судебном разбирательстве, совсем не означает его исключение из числа участников гражданского судопроизводства в целом, и, следовательно, из числа субъектов гражданских процессуальных отношений.

Признанным является тот факт, что наличие прав и обязанностей у лица в рамках тех или иных правоотношений делает его субъектом этих правоотношений [2, с. 138]. Попытаемся проследить, каким объемом прав и обязанностей наделил законодатель судебного примирителя, и, главное, насколько реализация этих прав и обязанностей требует его легитимации в гражданское судопроизводство.

Именно правовое регулирование ставит перед нами вопрос о месте и роли судебного примирителя (и медиатора) в случае, если стороны все же изберут таковых для реализации именно своего конституционного права на судебную защиту, ведь все эти процедуры

(и «судебная» медиация, и судебное примирение) проходят в рамках уже возникших гражданских процессуальных правоотношений, согласуясь с субъектами этих самых отношений. Могут ли рассматриваемые примирительные процедуры проходить эффективно и с учетом целей и задач гражданского судопроизводства в целом, если их важные участники не являются субъектами гражданских процессуальных правоотношений, и, следовательно, по определению не могут быть наделены никакими процессуальными правами и не несут никаких процессуальных обязанностей?

Обратим внимание, на что должны быть направлены права и обязанности судебного примирителя. Согласно ч. 5 ст. 153.6 ГПК РФ, судебный примиритель может появиться в рамках уже начавшегося гражданского судопроизводства (т.е. в тот момент, когда разногласия между субъектами спорного материального правоотношения либо зашли в тупик, либо достигли наивысшего накала напряжения) для «... сближения позиций сторон по делу и выявления дополнительных возможностей». Такие цели предполагают у судебного примирителя не только высокие профессиональные и психологические навыки и умения, но и широкий механизм для реализации этих навыков и умений в условиях гражданского судопроизводства, когда стороны, подготовившись к процессу, действуют уже по начертанному ранее законодателем состязательному пути.

Основная задача (обязанность) судебного примирителя, из текста положений процессуального законодательства заключается в оказании сторонам «... содействия в достижении взаимоприемлемого результата примирения». Очевидно, что это содействие просто невозможно осуществить, если примиритель не будет подробно и тщательно владеть ситуацией, изучив всю как правовую сторону самого разногласия, так и фактическую сторону поведения сторон в этом разногласии.

Осознавая такую потребность, законодатель наделяет примирителя правом ведения переговоров со сторонами и другими лицами, участвующими в деле, знакомства с материалами дела с согласия суда и правом осуществлять другие действия, необходимые ему для достижения цели своего участия и всего судопроизводства.

Подобное нормативное регулирование прав примирителя порождает вопросы как технического, так и правового содержания. Так, например, не вполне ясно, что вкладывает законодатель в понимание права примирителя вести переговоры с иными лицами, участвующими в деле. Большинство субъектов, отнесенных ст. 34

ГПК РФ к рассматриваемой категории (за исключением третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора), никак к собственно судебному примирению в рамках гражданского судопроизводства не относятся. Возникает резонный вопрос о том, на основании чего и в какой форме будут проходить эти самые переговоры примирителя, например, с прокурором или тем же третьим лицом, не заявляющим самостоятельные требования относительно предмета спора.

Не вполне ясной представляется и формулировка законодателя о возможности ознакомления примирителя с материалами дела только с согласия суда. Если законодатель хотел тем самым вывести во главу угла регулирования данного вопроса тезис о доминировании суда в рамках гражданских процессуальных отношений, то сделал это, на наш взгляд, в не совсем удачной форме. Не вполне понятно, при каких обстоятельствах, это самое согласие может быть судом примирителю не дано. Налицо некий диссонанс реализации прав примирителя в достижении целей примирения и судопроизводства в целом. Если, речь здесь идет о неких вопросах, затрагивающих так называемую тайну (государственную, коммерческую и проч.), то и здесь представляется более правильным иное регулирование этого вопроса, которое позволит примирителю реализовать свои права и в этом частном случае.

Формулировка «другие действия, необходимые примирителю для достижения цели своего участия» носит слишком широкий обобщающий характер и нацелена в этом вопросе либо на региональную практику ее применения, либо на необходимость соответствующих разъяснений в этом вопросе высших судебных инстанций. Очевидными действиями, которые могут расширить знания примирителя по фактическим обстоятельствам дела, может быть ходатайство суду об истребовании того или иного доказательства, о наложении обеспечительных мер и прочее. Но такими правами судебные примирители текстуально в ГПК РФ не наделены, ибо они присущи лицам, участвующим в деле. В этой связи этот вопрос на начальном этапе деятельности примирителей будет заполняться эмпирически.

Отдельным правом судебного примирителя выделяется право «... давать сторонам рекомендации в целях скорейшего урегулирования спора и сохранения между сторонами деловых отношений». Но что такое эти самые рекомендации, ни их процессуальная или хотя бы процедурная форма в ГПК РФ не разъясняется.

Вероятно, многие из поставленных вопросов мог бы снять Пленум ВС РФ своими разъяснениями. Но в тексте постановления Пленума ВС РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» [3], верховный правоприменитель не счел для себя необходимым уделить им внимание, что оставляет проблематику на поверхности ее научного осмысления в дальнейшем.

Список источников:

1. *Азаренко И.В.* Участие эксперта и специалиста в гражданском судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007.
2. *Чечот Д.М.* Участники гражданского процесса. М.: Госюриздат, 1960.
3. Постановление Пленума ВС РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336707/

Лимарь Татьяна Георгиевна

*аспирант кафедры арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в тезисах исследуется судебный контроль и его функции в механизме реализации примирительных процедур. Автор выделяет объект, предмет и содержание судебного контроля при проведении примирительных процедур. В итоге определяется судебный контроль в качестве гарантии прав и законных интересов других лиц.

Ключевые слова: примирительные процедуры, результат примирительных процедур; судебный контроль, полномочия арбитражного суда.

В качестве одного из вида альтернативного способа разрешения правовых споров рассматриваются примирительные процедуры, которые направлены на мирное урегулирование возникшего правового конфликта, путем взаимных уступок сторон конфликта.

АПК РФ содержит открытый перечень примирительных процедур, применение которых позволят лицам, участвующим в деле, урегулировать правовой конфликт. К ним относятся: переговоры, посредничество, медиация, судебное примирение. Результатами проведения указанных примирительных процедур действующее процессуальное законодательство, в частности ст. 138.6 АПК РФ, называет 1) мировое соглашение в отношении всех или части заявленных требований; 2) частичный или полный отказ от иска; 3) частичное или полное признание иска; 4) полный или частичный отказ от апелляционной, кассационной жалобы, надзорной жалобы (представления); 5) признание обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения; 6) соглашение по обстоятельствам дела; 7) подписание письма-согласия на государственную регистрацию товарного знака.

Анализ действующих норм, регламентирующих процессуальное оформление указанных результатов, позволят сделать заключение, что арбитражный суд, как орган судебной власти, осуществляет

судебный контроль за результатами, полученными по итогам проведение примирительных процедур. То есть законодатель не наделяет суд полномочиями по осуществлению контроля проведения самой процедуры примирения, а указывает на необходимость осуществления судами проверочной функции в целях не допущения нарушения прав и законных интересов третьих лиц, а также отсутствие противоречий законодательству.

Следует указать, что судебный контроль обладает своими определенными признаками, присущими только ему [1, с. 208–211]. При характеристике судебного контроля следует обозначить его основные формы. В науке выделяют несколько форм судебного контроля, что обусловлено дифференциацией цели, предмета и пределов проверочной функции, и в то же время – единством задачи судебного контроля, то есть эффективного и полного разрешения поставленного на контроль вопроса [2, с. 148].

Таким образом, выделяют следующие виды судебного контроля:

- в зависимости от времени его проведения – предварительный и последующий;
- в зависимости от формы подразделяется на прямой и косвенный (опосредованный);
- в зависимости от порядка процесса осуществления, судебный контроль подразделяется на абстрактный и конкретный, при этом абстрактный контроль имеет место в случае спорных вопросов о соответствии нормативных актов разной юридической силы, а конкретный – при рассмотрении конкретных дел.

Принимая изложенную точку зрения, можно охарактеризовать судебный контроль, осуществляемый арбитражными судами при реализации примирительных процедур, следующим образом. Данный вид относится к последующему судебному контролю, т.к. арбитражный суд не обладает правом на вмешательство в процедуру согласования условий и не является субъектом, от действий и решений которого зависит устранение правового конфликта. Законодательно установлен запрет для арбитражного суда утверждать мировое соглашение в части, изменять или исключать из него какие-либо условия, согласованные сторонами.

Последующий судебный контроль выражается в действиях суда по исследованию фактических обстоятельств спора и представленных лицами, участвующими в деле, доводов и доказательств, находящихся в материалах дела. Суд может дать им оценку только в той мере, в какой это необходимо для проверки соответствия мирового

соглашения требованиям закона и отсутствия нарушений прав и законных интересов других лиц.

Арбитражный суд наделен правом предложить сторонам исключить из мирового соглашения отдельные условия, противоречащие закону или нарушающие права и законные интересы других лиц.

Содержанием судебного контроля выступает система действий и решений арбитражного суда по рассмотрению и разрешению предмета контроля, которая предусмотрена в законодательстве и осуществляется в строго установленной процессуальной форме. Целью данных действий является предупреждение нарушений действующего законодательства и прав других лиц, при утверждении результатов, проведенной примирительной процедуры.

Арбитражный суд оформляет результаты проведенного судебного контроля в строгом соответствии с требованиями процессуальной формы, т.е. закрепляет результаты путем принятия судебного акта, который является общеобязательным, законным, обоснованным, справедливым и обеспечен силой государственного принуждения, что в корне рассматривается как акт правосудия, потому что конфликт разрешается им по существу.

Таким образом, следует согласиться с мнением тех ученых, которые утверждают, что судебный контроль осуществляется в форме правосудия путем рассмотрения и разрешения дел в порядке конституционного, гражданского, административного или уголовного судопроизводства, а также иных юрисдикционных формах [3, с. 82].

Судебный контроль является важной гарантией соблюдения прав и законных интересов других лиц в арбитражном процессе при утверждении результатов, проведенной примирительной процедуры без посягательств на самостоятельность принятия решений по устранению правового конфликта лицами, участвующими в деле.

Список источников:

1. *Борискина К. Г., Мамазакиров Р. У.* Роль суда в примирении сторон в гражданском процессе // Международное научное издание Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2015. № 4 (19).

2. *Минбаев С. А.* О сущности судебного контроля в уголовном процессе // Наука без границ. 2018. № 5 (22).

3. *Никитин С. В.* Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе. М.: Рос. акад. правосудия; Волтерс Клувер, 2010.

Липатова Татьяна Борисовна

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «СГЮА»*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация: раскрываются понятия доступности судебной защиты, доступности правосудия. Доступность судебной защиты связана напрямую с принципом доступности правосудия. Раскрывается определение доступности правосудия в условиях современного развития общества, вводящего цифровые трансформации во все сферы жизнедеятельности, в том числе и в правовую.

Ключевые слова: судебная защита, доступность правосудия, цифровые трансформации, реализация доступности правосудия.

В гражданском судопроизводстве под доступностью судебной защиты следует понимать данную законодателем возможность получения этой защиты заинтересованными лицами. Возможность предоставляется в установленной законодателем «наиболее предпочтительной» процессуальной форме ведения гражданского процесса, которая в свою очередь зависит от фундаментальных основ, положенных законодателем в основу ее построения [1, с. 99]. Доступность судебной защиты связана напрямую с принципом доступности правосудия. В юридической литературе высказано множество мнений относительно толкования принципа доступности правосудия, как правило в зависимости от конкретной рассматриваемой ситуации.

Принцип доступности правосудия предполагает предоставление каждому гражданину реальной возможности осуществления защиты своих нарушенных интересов и законных прав в судебном порядке. Доступность правосудия проявляется также в отсутствии ненужных препятствий при обращении в суд и рассмотрения дела в суде, в необременительном размере судебных расходов, а также других требований и условий правомерности обращения за судебной защитой.

Доступность правосудия регламентируется нормативно-правовыми актами юридической системы организационно-обеспечительного и судопроизводственного характера. В соответствии с их нормами содержание принципа доступности правосудия приве-

ло к построению судопроизводства таким образом, чтобы каждый нуждающийся в защите в суде своих прав мог беспрепятственно заявить об этом в суде. В частности, этот принцип подразумевает создание необходимых условий, гарантирующих конкретную возможность не только инициирования судопроизводства, но и защиту законных прав и интересах.

Активное внедрение и использование на современном этапе технических новаций правосудия, таких как аудиозапись, видеоконференцсвязь, электронный документооборот, проводится нашим государством уже давно и апробировано судебной системой, но глубокому преобразованию различные сайты и электронные системы по обеспечению деятельности судей подверглись сравнительно недавно. Благодаря принятию недавних федеральных законов и внесению изменений в действующие нормы, существует современная и эффективная система электронного документооборота, которая предоставляет сторонам и их представителям направить документы в электронной форме через личный кабинет в системе ГАС «Правосудие», а также, в условиях пандемии, дистанционной работы правосудия, используя справочно-информационный интернет портал «Портал государственных услуг».

Вместе с тем далеко не все обращающиеся за защитой своих нарушенных прав граждане, нуждающиеся в судебной защите, в состоянии оформить документы путем электронной подачи для направления их в суд посредством сети «Интернет», доступ к информационным сетям есть у многих, но далеко не у каждого гражданина России. Правовая система должна быть адаптирована под социум, под потребности общества. И это далеко не все проблемы, появившиеся в результате изменений во всех сферах жизни, и в судоустройстве в том числе.

При введении технических новаций в судопроизводстве не следует забывать, что первоочередные правосудные задачи – это своевременное и правильное рассмотрение и разрешение судами дел в целях, указанных в ст.2 ГПК РФ, что благодаря внедрению и использованию новых технологий теперь возможно на более действительном и продуктивном уровне. Достижения в области цифровых технологий могут и должны использоваться для оптимизации исполнения задач судебной деятельности, потребностей правосудия, основ, на которых строится все законодательство, но с учетом доступности этих технологий участникам гражданского судопроизводства.

Список источников:

1. *Золотухин А.Д., Волчихина Л.А.* Эволюция процессуальной формы гражданского судопроизводства как процесс обеспечения доступности и качества правосудия по гражданским делам // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 3.

Маколкин Никита Николаевич

*магистр права, аспирант кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса, младший научный сотрудник
Юридического факультета ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»*

Федяев Денис Александрович

*к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного
национального исследовательского университета*

ЗНАЧЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ СПОРА¹

Аннотация: автор заявляет о постановке проблемы интеграции цифровых технологий в отдельные стадии судебного процесса, в частности на самой первой стадии – досудебном урегулировании спора, который рассматривается не с точки зрения медиации или иных внесудебных юрисдикционных способов разрешения конфликта, а с позиции обязательного элемента, предшествующего большинству судебных споров, досудебной претензии. Основной акцент делается на техническом содержании данной стадии, связанном с обменом юридически значимыми документами, к которым относится досудебная претензия.

Ключевые слова: гражданский процесс, аутентификация, электронное правосудие, цифровые технологии, стадии судебного процесса, досудебное урегулирование споров.

Одним из основополагающих документов, регламентирующих работу судебной системы в России, является Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации». Данный нормативно-правовой акт устанавливает, структуру судебной системы. Сложность данной структуры обуславливается рядом объективных факторов, как территориального характера [1; 2], так и необходимостью обеспечения абсолютно беспристрастного рассмотрения судебного дела при его обжаловании, что происходит

¹ Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90041 «Верификация и аутентификация в институтах цивилистического процесса в условиях трансформации общества и повышении роли цифровых технологий»)

в суде отличном от первой инстанции, а равно при новом составе суда, не имеющем устоявшегося внутреннего убеждения о том, как именно должен решиться спор.

Обслуживание данной системы судов сопряжено с высоким уровнем различного рода ресурсных затрат [3; 4]. Так, одним из видов таких затрат можно определить временные и финансовые затраты, которые вынуждены нести стороны для рассмотрения дела по существу, так как суд может быть расположен далеко от основного места жительства одной из сторон, а соответственно участие в процессе требует временных и финансовых затрат на перемещения от основного места жительства до суда. Исходя исключительно из этого, довольно очевидного предположения, а равно данной смоделированной ситуации, одним из драйверов развития можно определить повышение уровня доступности правосудия посредством использования технологий, предоставляющих возможность удаленного участия в судебных заседаниях.

Важно отметить, что отдельные шаги на данном пути уже сделаны, а отдельные элементы дигитализации судопроизводства внедрены в судебную экосистему и апробированы. Исходя из ситуации, важно определить, какие точки роста имеют место быть и как с ними можно работать.

Цифровые технологии пронизывают весь процесс отправления правосудия и присутствуют в том или ином виде, или могут присутствовать, на каждом его этапе, начиная от попыток досудебного урегулирования споров и заканчивая получением решения суда [5; 6; 7]. В подтверждение данного тезиса можно привести ряд потенциально возможных на практике ситуаций.

Так, иллюстрацией использования информационных технологий на досудебной стадии урегулирования спора можно назвать направление претензии через систему электронного документооборота, при соблюдении условия, что как потенциальный истец, так и потенциальный ответчик прошли аутентификацию и авторизацию в определенной системе. Также здесь важно отметить, что наличие технической возможности проведения досудебной процедуры урегулирования спора в электронной форме не является определяющим фактором в данном вопросе. Это связано с тем, что данный процессуальный институт связан межотраслевыми связями с материальным правом в целом, и с отдельными условиями договора, в частности. То есть, для придания легитимности данному способу досудебного урегулирования конфликта необходимо упоминание

данного способа связи в конкретном договоре [8]. Соответственно, справедливо отметить, что здесь отдельная роль отводится нормам материального права, а не процессуального, так как этот способ взаимодействия до сих пор не является повсеместно распространенным, а носит скорее исключительный характер. Кроме того, данный пример представляет собой «тепличные условия» при которых минимизируется число потенциальных спорных вопросов.

Более реалистичной является модель, в которой, базируясь на принципах свободы договора, установленных ГК РФ, контрагенты (потенциальные стороны судебного спора) предусмотрели возможность направления юридически значимых документов посредством обычной электронной почты. Здесь стоит оговориться, что данный способ взаимодействия имеет минимум два альтернативных сценария, которые различаются разной степенью рискованности [9]. Так, первый сценарий представляет собой ситуацию, в которой стороны определили в качестве признаваемых легитимных документов электронные образы, скан-копии, обычных бумажных документов. В данной модели имеет место быть ряд потенциальных пороков, так, во-первых, не исключается возможность злонамеренного завладения электронным почтовым ящиком третьими лицами, имеющими своей целью направление заведомо недостоверного документа контрагенту, например уведомления о намерении досрочного расторжения договора, что, безусловно, влечет негативные последствия для сторон договора [10]. Вторым потенциально возможным негативным вариантом развития событий является использование почтового адреса, схожего с электронным почтовым адресом одного из контрагентов до степени смешения, отличающимся, например, лишь одним символом. Здесь стоит оговориться, что современные электронные почтовые системы, например «gmail» уведомляют о подобных подменах, однако не исключается возможность того, что данный факт не будет своевременно установлен, а соответственно возможно наступление негативных последствий. Еще одной потенциальной основой для возникновения конфликтной ситуации является умышленное или неосторожное направление какого-либо юридически значимого документа сотрудником организации.

В свете данных потенциальных ситуаций, видится возможным несколько способов преодоления и минимизации вероятности возникновения конфликтных ситуаций.

Первым из них является двухфакторная (двухэтапная) аутентификация. Безусловно, это лишь вопрос настройки почтового ме-

неджега, не имеющий прямого отношения к потенциальному спору и не влекущий процессуальных и материальных последствий, но все-же этот способ заслуживает внимания. Первым этапом проверки подлинности служит обычный вход с помощью логина и пароля (многоразового, т.е. постоянного, не меняющегося на протяжении какого-то времени). А вот второй этап обычно сводится к вводу еще и одноразового пароля (при следующем входе он будет уже другой). Эти пароли сообщаются непосредственно в процессе входа в систему и передают пользователю обычно так:

в СМС-сообщении на мобильный телефон, но иногда эти одноразовые пароли могут присылать на электронную почту или иным способом, подобной системой, например, пользуется Российский фонд фундаментальных исследований, для подтверждения выполнения отдельных действий;

с помощью специально предназначенного для этого приложения, которое устанавливается на мобильный телефон и проходит привязку к данному сервису.

Схожим образом, с направлением сканкопий документов по электронной почте, ситуация обстоит с использованием электронных подписей на юридически значимых документах, при этом имеют место быть некоторые отличия. Так, безусловно, при использовании электронной подписи для удостоверения документов, необходимо направление документов посредством электронной почты, но при этом технические особенности, имеющие место быть при использовании электронных подписей, в частности использование сертификатов безопасности, минимизирует вероятность злонамеренных действий, а равно негативных последствий для хозяйствующего субъекта, являющегося контрагентом в договорных правоотношениях, чему корреспондирует возможность как досудебного урегулирования конфликта, так и обеспечение нормальной работоспособности организации.

Таким образом, видится обоснованным вывод о том, что электронные технологии, применяемые на досудебной стадии урегулирования спора находятся на достаточно высоком уровне развития, что позволяет потенциальным сторонам по делу как оптимизировать свою деятельность, так и способствует более быстрому обмену корреспонденцией, что в некоторой мере корреспондирует принципу процессуальной экономии, а соответственно может быть сопряжено с сокращением как временных так и финансовых затрат, например неустойки.

Список источников:

1. *Sakhnova T.V.* Development of simplified procedures in civilistic process in the context of legislative reforms. Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences Volume 13. Issue 1, 2020. Pp. 103–115.
2. *Nikitin S., Patsatsiya M.* Summary procedures and optimization of commercial court proceedings in Russia BRICS Law Journal Volume 6, Issue 2, 2019. Pp. 108–131.
3. *Латыпова И.Р.* Конституционные основы финансирования судебной власти в Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 3. С. 119–130.
4. *Бурдина Е.В., Петухов Н.А.* Эффективность использования судебных ресурсов и проблемы организации судов // Экономическая политика. 2018. № 2. С. 126–147.
5. *Valeev D.Kh., Nuriev A.G.* Digital rights management in a procedural relationship // Journal of Sociology and Social Anthropology. 10(4). 2019. Pp. 281–285
6. *Валеев Д.Х., Нуриев А.Г.* Влияние цифровых технологий на реализацию социальных функций государства в контексте обеспечения права на исполнение судебного решения // Российский судья. 2020. № 3. С. 16–21.
7. *Валеев Д.Х., Нуриев А.Г.* Допроцессуальный технический этап предъявления искового заявления в электронном виде и его особенности в контексте реализации конституционного права на судебную защиту в условиях цифровой экономики // Российский судья. 2019. № 4. С. 3–7.
8. *Struve Catherine T.* The Conditions of Pretrial Detention. 2013.
9. *Cynthia A.* Mamalian State of the science of pretrial risk assessment. 2011.
10. *Валеев Д.Х., Загидуллин М.Р., Ситдиков Р.Б.* Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (продолжение) // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 3. С. 101–125.

Малько Елена Александровна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права и процесса*

*ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»,*

доцент кафедры арбитражного процесса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Аннотация: автор анализирует значение цивилистической процессуальной политики в современной России. Данная политика позволяет объединить приоритетные и концептуальные подходы к построению механизма правового воздействия и повышения эффективности правосудия по гражданским делам.

Ключевые слова: цивилистическая процессуальная политика, суд, цивилистическое судопроизводство.

В современной российской юридической науке в системе многообразия правовых категорий значительное место отводится цивилистической процессуальной политике. Последняя представляет собой научно-обоснованное, последовательное и системное руководство к действию органами государственной власти, местного самоуправления, их должностными лицами, негосударственными учреждениями и организациями в сфере оптимизации механизма гражданского процессуального правового регулирования, а также принудительное исполнение судебных постановлений и актов других органов, в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов.

Вышеуказанная политика соединяет приоритетные и концептуальные подходы к построению механизма правового воздействия.

Очевидным является тот факт, что исследуемый вид политики – это отчасти результат того механизма гражданского процессуального правового регулирования, с помощью которого предопределяется развитие цивилистического судопроизводства. Этот результат находится в зависимости от системы правовых средств, благодаря которым осуществляется действенное воздействие на обществен-

ные отношения в сфере судебного рассмотрения и разрешения гражданско-правовых споров.

Отмеченное подтверждает, что данная правовая категория может повысить степень эффективности правосудия по гражданским делам через правовые средства.

В связи с этим всестороннее исследование теоретических и практических проблем цивилистической процессуальной политики в современной России, устремленное на формирование фундаментальных категорий и направлений реформирования отечественного гражданского судопроизводства, полагаем, имеет принципиально важный характер. Сущность цивилистической процессуальной правовой политики как раз и проявляется в реализации комплекса мер, идей и программ в сфере гражданского судопроизводства.

Качественная трансформация цивилистического судопроизводства, переход к инновационным и современным подходам его развития предполагают коллективную работу всех органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а также общественных организаций и отдельных инициативных граждан. Именно поэтому целесообразно развивать цивилистическую процессуальную политику в виде отдельных приоритетных направлений, которые определяют предписания для правоприменительной практики, ориентиры правового развития государства и общества в области судопроизводственного функционирования.

Таким образом, модернизация судебных процедур, планомерное единообразие цивилистического процессуального законодательства и судопроизводства, обеспечение надлежащего уровня защиты прав граждан и организаций проявляется через развитие цивилистической процессуальной политики, которая способствует повышению эффективности правосудия по гражданским делам.

Мамедов Рашад Юсиф оглы

*доцент кафедры гражданского права Академии Полиции
Министерства Внутренних Дел Азербайджанской Республики,
полковник полиции, доктор философии по праву, доцент*

Калашова Хаяла Хагани кызы

*старший научный сотрудник отдела «Правовое обеспечение
государственной безопасности» Института Права и Прав Человека
Национальной Академии Наук Азербайджана*

**УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА
В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация: автор сравнивает правовое регулирование участие прокурора по гражданским делам в Российской Федерации и Азербайджанской Республики. Прокуратура является важнейшим институтом правовой системы Российского и Азербайджанского государств.

Ключевые слова: прокурор, правовая система, гражданский процесс Азербайджанской Республики, гражданский процесс Российской Федерации

На протяжении всей истории деятельности с момента создания и до наших дней прокуратура в Российской Федерации и Азербайджанской Республики остается важнейшим институтом правовой системы Российского и Азербайджанского государств, имеющим в качестве основных целей своей деятельности осуществление правовой защиты прав и интересов граждан и публичных интересов государства.

Между тем, далеко не все ученые занимают в отношении прокурора в гражданском судопроизводстве однозначную позицию. Так, еще в конце 19 века Н.В. Муравьев отмечал, что «долго под влиянием французских институтов функцией прокуратуры признавался надзор за соблюдением законности, преимущественно впрочем, в судебном ведомстве, над которым прокуратура и ставилась в каче-

стве блюстителя законности. Новейшая наука решительно отвергает это положение. Суд сам призван охранять закон и надзор, за ним возможен лишь в иерархическом порядке судебных же инстанций» [1, с. 27–28]. И там же автор, определяя правовой статус прокурора в гражданском процессе, указывал, что суд – независимый орган и прокурор должен помогать суду при принятии решений. Прокурор должен в своем слове суду «усмотреть в этом частном споре интересы, относящиеся к общественному благу, и авторитетно высказаться в его пользу, помогая суду в своем решении так урегулировать спорные частные интересы, чтобы общественное благо, интересы всего общества, выраженные в законе, не пострадали» [1, с. 23].

М.А. Вукот, комментируя ст. 34 ГПК РФ, писала о том, что «прокурор в гражданском судопроизводстве» – понятие не только должностное, но и процессуальное. Этим понятием обозначается вид лица, участвующего в деле. Прокурор, предъявивший иск в интересах другого лица, является субъектом процессуальной деятельности, осуществляющим законоохранительную функцию [2, с. 122–123].

Судебная защита гражданских прав среди других форм защиты, как отмечают ученые, всегда занимала особое место, так как предоставляла заинтересованным в защите лицам высокую степень эффективности для достижения истины и справедливости, гарантировала применение мер государственного принуждения при восстановлении и нарушенных или оспоренных прав [3, с. 10]. Особую роль на протяжении веков в этом процессе играли сотрудники прокуратуры.

На современном этапе задачи гражданского судопроизводства подразделяются на три составляющие: правосудная, правосстановительная и превентивная (предупредительная) – предупреждение гражданских правонарушений, укрепление законности и правопорядка, формирование уважительного отношения к закону и суду. Выполнение указанных задач, как полагают российские ученые, особенно превентивной, значительно упростилось бы, придай законодатель большее значение роли прокуратуры в гражданском процессе, так как по последней задаче прокуратура и суд имеют совершеннейшее сходство [4, с. 26].

Заметим, что если до реформы гражданского судопроизводства в России и в Азербайджане до 2000 года одной из основных задач суда считалось правильное и быстрое рассмотрение и разрешение судами гражданских дел, то в настоящее время требование быстроты судебного разбирательства заменено на требование своевре-

менности. Тем самым своевременность защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод и охраняемых законом интересов физических и юридических лиц законодательно закреплена как один из двух факторов (наряду с правильностью), определяющих эффективность осуществления правосудия [5, с. 7–8].

Статья 34 ГПК РФ относит прокурора к лицам, участвующим в деле, а ст. 45 ГПК РФ раскрывает формы и основания такого участия, а также процессуальные права прокурора, много норм, регулирующих участие прокурора в российском гражданском судопроизводстве, находится в Федеральном законе «О прокуратуре РФ».

Деятельность прокуратуры в Азербайджанской Республике регулируется Законом АР «О прокуратуре» от 7 декабря 1999-го года. В данном Законе установлено, что «...возбуждают в суде иск, принимают участие в качестве истца при рассмотрении дел, связанных с гражданскими и экономическими спорами, подают протест против решения суда». Согласно ст. 133 Конституции Азербайджанской Республики, «Прокуратура Азербайджанской Республики осуществляет, в предусмотренном законом порядке и случаях, надзор за исполнением и применением законов; в предусмотренных законом случаях возбуждает уголовные дела и ведет следствие; поддерживает в суде государственное обвинение; возбуждает в суде иск; приносит протесты на решения суда».

Гражданский процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (далее ГПК АР) тоже устанавливает правила участия прокурора в гражданском судопроизводстве. Нужно отметить и то, что в отличие от законодательства Российской Федерации в Азербайджанской Республике порядок рассмотрения и решения экономических споров регулируются нормами ГПК АР.

В Законе АР «О прокуратуре» отмечено, что прокурор в порядке и случаях, установленным процессуальным законодательством, может обратиться с иском заявлением в суд. Согласно со ст. 50 ГПК АР, «истцами признаются физические и юридические лица, предъявившие иск в собственных интересах или в интересах других лиц, а также прокурор, предъявивший иск в защиту интересов государства в случаях, когда имеется соответствующее обращение государственных учреждений и организаций или юридических лиц, учредителями которых является либо государство, либо государственное предприятие (организация)». Толкование данной нормы показывает, что прокурор только в интересах государства имеет право выступить в гражданском процессе. И тут думаем, следует

разъяснить понятие «в интересах государства». Для этого нужно обратить внимание на содержание ст. 12 Конституции АР. В данной норме установлено, что «обеспечение прав и свобод человека и гражданина, достойного уровня жизни гражданам Азербайджанской Республики – высшая цель государства».

Итак, в правовом статусе российских и азербайджанских прокуроров в гражданском процессе много общего, но есть и особенности, при этом мы полагаем, что нашим государствам следует учитывать положительный опыт друг друга в направлении повышения эффективности защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов государственными органами вообще, и прокуратуры, в частности.

Список источников:

1. *Муравьев Н. В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Т. 1. Прокуратура на Западе и в России. М.: Университетская тип., 1889. Т. 1. 554 с.

2. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный, научно-практический). под ред. М.А. Викут. М. ТОН-ДЭКСТРО, 2003. 864 с.

3. Гражданский процесс России: Общая часть: учебник / А.А. Демичев, О.В. Исаенкова. Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. 195 с. Гражданский Кодекс Российской Федерации. М., 2012.

4. *Исаенкова О.В., Костоев Х.М.* Компетенция прокурора в решении задач российского гражданского судопроизводства // Платон. Журнал «История. Право. Политика». 2012. № 1. С. 25–29.

5. *Григорьев А.Н., Исаенкова О.В.* Участие прокурора в исковом производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 3. С. 6–10.

Мартыненко Игорь Эдуардович

*заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Учреждения образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы» (Республика Беларусь),
доктор юридических наук, профессор*

НОВЫЙ КОДЕКС О КУЛЬТУРЕ – НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ

Аннотация: автором рассматриваются новые возможности судебной защиты исторического и культурного наследия посредством обжалования в суд решения о неотнесении выявленного объекта к охраняемым законом памятникам. Раскрыто содержание судебного способа защиты объектов культурного наследия, объяснить новые возможности защиты права граждан иметь доступ к культурным ценностям.

Ключевые слова: судебная защита культурного наследия, культурные ценности, охрана объектов культурного наследия.

Традиционно в целях защиты объектов культурного наследия применяются различные средства, от судебной до административной. При этом говорить об активном использовании средств судебной защиты не приходится: в практике известны регионы, где вообще никогда не заявлялись иски (заявления) в суд о защите памятников истории и культуры, произведений искусства, а также права пользоваться (иметь доступ) культурными ценностями национального и международного значения.

Объясняется такая ситуация разными факторами, в числе которых обычно называют недостатки законодательства, а также в некоторых случаях – вообще отсутствие или противоречия нормативного регулирования [1, 94–95]. Считаем, что в этом вопросе можно использовать зарубежный опыт. Так, в Республике Беларусь в 2017 г. вступил в силу Кодекса о культуре [2] (далее – Кодекс о культуре), который впервые предоставляет право и возможность обжалования в суд решения о неотнесении материального объекта к археологическим объектам или археологическим артефактам (п. 6 ст. 128 Кодекса о культуре).

Судебная практика по делам данной категории только начинает формироваться, тем и интересны первые выводы и оценки. Однако

вначале необходимо отметить, что государственный учет объектов культурного наследия (в Республике Беларусь – историко-культурных ценностей), одним из видов которых являются памятники археологии, археологические объекты и археологические артефакты, является ключевым в памятникоохранной деятельности. На проблемы, существующие в данной сфере, постоянно обращают внимание исследователи [3], отмечая сложности научно-правового аппарата.

Говоря о практической защите вновь выявленных археологических объектов и артефактов, постановке их на государственных учет, отметим с особенности специального законодательства в данной сфере. Так, археологические артефакты – это движимые материальные объекты, возникшие в результате жизни и деятельности человека более 120 лет тому назад, которые сохранились в культурном слое (слое) или на дне природных и искусственных водоемов, и могут соответствовать критериям для придания статуса памятника и на момент их обнаружения не имеют собственника. К археологическим объектам относятся недвижимые материальные объекты или их комплексы вместе с археологическими артефактами и культурным слоем, возникшие в результате жизни и деятельности человека более 120 лет тому назад, которые сохранились в земле или на дне природных и искусственных водоемов и могут соответствовать критериям для придания статуса памятника.

Таким образом, чтоб бы стать памятником археологии, объект сначала должен быть выявлен (обнаружен профессионально или случайно) (ст. 127 Кодекса о культуре).

В целях принятия решения об отнесении (неотнесении) материальных объектов, которые обнаружены случайно, к археологическим объектам или археологическим артефактам в Беларуси при местных исполнительных и распорядительных органах созданы и действуют областные комиссии по археологическим объектам и археологических артефактах.

В соответствии с п. 6 ст. 128 Кодекса о культуре решение о неотнесении материального объекта к археологическим объектам или археологическим артефактам может быть обжаловано в суд. При этом законодательством не установлены конкретно: ни форма обращения в суд (исковое заявление, заявление, жалоба и др.), ни подсудность дел данной категории. Эти вопросы решаются, исходя из общих принципов подведомственности и подсудности юридических дел, установленных соответственно в ГПК и ХПК. Хотя в дан-

ном случае, безусловно, присутствуют и публично-правовые отношения: обнаруженный объект археологического наследия, так же, как и извлеченный из мест залегания археологический артефакт, передается в государственную собственность; доступность культурных ценностей (археологических артефактов) обеспечивается государством.

Учитывая эти обстоятельства, в Российской Федерации, например, в определенной мере схожие дела возбуждаются посредством административного иска.

Так, Судебная коллегия по административным делам Московского городского суда отказала в удовлетворении административного иска о признании незаконным изданный Департаментом культурного наследия г. Москвы 24 апреля 2017 г. приказ, на основании которого не подлежал включению в перечень выявленных объектов культурного наследия города Москвы «Ансамбль колбасной фабрики В.Г. Григорьева и сыновей с жилым домом конца XIX-начало XX вв.» По мнению административного истца, оспариваемый приказ и действия Департамента нарушали гарантированное Конституцией Российской Федерации право граждански А. на доступ к культурным ценностям [4].

В Республике Беларусь такой вид судопроизводства не предусмотрен, дела данной категории рассматривают суды общей юрисдикции в соответствии с правилами подведомственности и подсудности, определенными, как мы уже указывали, соответственно в ГПК и ХПК.

При рассмотрении дел данной категории суд должен будет ответить, по-сути, на научные вопросы: о том, что выявленный во время раскопок или обнаруженный случайно материальный объект не является (или, наоборот, является) результатом жизни и деятельности человека; о том, что он возник (или, наоборот, не возник) менее ста двадцати лет тому назад и не имеет (имеет) исторического, художественного, научного или иного культурного значения и, соответственно, не соответствует (соответствует) критериям для придания статуса историко-культурной ценности, установленным законодательством об охране историко-культурного наследия.

Суд должен дать оценку: соблюдению порядка (процедуры) рассмотрения археологической комиссией материалов о выдвигении обнаруженной культурной ценности для присвоения ей статуса историко-культурной ценности, т.е. памятника археологии.

Поэтому, учитывая специфику данной категории дел, полагаем, что доказательствами по делу являются материалы данной комиссии, которые формируются секретарем и председателем на основании поступивших заявлений об отнесении материального объекта к археологическому объекту и (или) археологическому артефакту. В судебном заседании необходимо допросить всех членов археологической комиссии, установить, кто конкретно готовил проект постановления; были ли с этим документом ознакомлены остальные члены комиссии, проводилось ли голосование по проекту постановления и в какой форме; присутствовал ли на заседании комиссии заявитель, заслушивались ли его доводы.

Кроме того, по нашему мнению, важными источниками доказательственной информации несут материалы фиксации, научной обработки и художественной оценки. На практике, фиксация выявленной культурной ценности проводится путем текстового описания, фотографирования и графического отображения, видео- и аудиозаписи. Фотография обеспечивает передачу их объемно-пространственного решения, наличия наиболее значимых декоративных и конструктивных деталей и элементов, особенностей размещения этих культурных ценностей в окружающей среде, отражает наиболее характерные черты этих культурных ценностей, которые передают их основные постановочные, исполнительские признаки, особенности художественного оформления, одежды и украшений носителей нематериальных культурных ценностей, традиционной атрибутики. Данные научной обработки культурных ценностей содержат сведения об исторических событиях, связанных с ней, представляют эти культурные ценности в их причинно-итоговой зависимости в системе подобных культурных ценностей (аналогов).

Судам, как представляется, следует иметь в виду, что научная обработка культурных ценностей содержит исторические сведения о характере, облике культурной ценности, ее влиянии на развитие страны или отдельного ее региона, сведения об авторе или принадлежности знаменитой личности, о периоде создания (возникновения) этой культурной ценности и другие исторические сведения и выводы, в которых дается заключение о причинно-следственной связи культурных ценностей и основных закономерностях их развития.

Художественная оценка культурных ценностей содержит их анализ по основным стилистически-жанровым и морфологическим признакам, определяет их соотнесение с определенной стадией или

стадиями развития белорусского национального и мирового искусства. Научная обработка и художественная оценка культурных ценностей оформляются в виде текста, к которому в случае необходимости прилагаются иллюстрации.

Заключение. Анализ законодательства об охране объектов культурного наследия, практики его применения в сфере охраны памятников археологии, показывает, что в настоящее время сформировались предпосылки перехода на новую доктрину судопроизводства – рассмотрение дел, возбуждаемых административным иском. К числу таковых, по нашему мнению, относятся дела об обжаловании в суд решения областных комиссии по археологическим объектам и археологическим артефактам о неотнесении материального объекта к археологическим объектам или археологическим артефактам.

Поэтому надеемся, что изложенные выше материалы помогут заинтересованным лицам защитить свои права и интересы в сфере культуры в суде: случае отказа административного органа признать обнаруженный археологический объект (артефакт) памятником можно будет обратиться в суд.

Список источников:

1. *Панфилов, А. Н.* Проблемы правового регулирования использования металлоискателей для целей, не связанных с поиском и изъятием археологических предметов из мест залегания / Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т.6. № 2 (22). С. 92–109.

2. Кодекс Рэспублікі Беларусь аб культуры: Кодекс Рэспублікі Беларусь от 20 июля 2016 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2016. 2/2412.

3. *Дьякова Н.А., Осенняя А.В.* Внесение в Единый государственный реестр недвижимости сведений об объектах культурного наследия // Наука. Техника. Технологии (политехнический вестник). 2020. № 2. С. 384–386.

4. Архив судебной коллегии по административным делам Московского городского суда за 2018 г. Дело № 33а-2161/2018 от 26 марта 2018 г.

Морковская Кристина Сергеевна

*к.ю.н., старший преподаватель кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СЕРВИСОВ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: меняющийся мир диктует необходимость использования электронных сервисов в повседневной жизни. Сфера исполнительного производства не исключение. В условиях объявленной в 2020 году пандемии удобство и работа сервисов, с учетом соблюдения всех принципов исполнительного производства, стали достаточно острым вопросом.

Ключевые слова: исполнительное производство, судебный пристав-исполнитель, электронные сервисы, взыскатель, должник.

После возобновления личного приема граждан, ограниченного в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19), ФССП России рекомендует подавать заявку на предварительную запись посредством сервиса «Запись на прием», а также использовать бесконтактные способы взаимодействия с судебными приставами-исполнителями, в том числе электронный сервис «Личный кабинет стороны исполнительного производства».

На сайте ФССП России у любого лица, авторизовавшегося с помощью данных учетной записи Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) портала Gosuslugi.ru, имеется возможность войти в личный кабинет стороны исполнительного производства. Сервис предлагает подать заявление, выбрав его вид в зависимости от «ситуации/содержания» либо «категории заявителя». Одним из самых полезных видов заявлений для взыскателя должно стать «Получение информации о ходе исполнительного производства», особенно когда невозможно явиться на личный прием к судебному приставу-исполнителю. Однако, в случае подачи такого заявления от лица представителя, вопрос о возможности предоставления сведений разрешает сам пристав-исполнитель, исходя из сведений о доверенности (вид, дата, номер и выдавший орган). Очевидно, что, увидев эти характеристики без копии (pdf./скан или фото) доверенности, судебный пристав-исполнитель не сможет достоверно определить, была ли выдана доверенность с указанными

реквизитами. Часто это становится причиной для отказа в предоставлении сведений. Возможность прикрепить копию доверенности к представленной на сайте форме разрешит обозначенную проблему.

Одним из удобных и оперативных способов исполнить требования в рамках исполнительного производства является сервис (кнопка) «Оплатить», появляющаяся при поиске исполнительного производства в базе непосредственно на сайте ФССП России. Стоит рассмотреть вопрос размещения там же разделов «Окончить» и «Исполнить».

Относительно окончания исполнительного производства в личном кабинете стороны исполнительного производства имеется такой вариант заявления, но он не функционален и имеет ряд недостатков. Видится целесообразным предусмотреть возможность при нажатии раздела «Окончить» прикрепить закрывающие документы (например, квитанцию или платежное поручение, подтверждающие перечисление денежных средств взыскателю), чтобы такой документ автоматически поступил к судебному приставу-исполнителю, а тот не позднее следующего дня окончил исполнительное производство.

Постановление об окончании исполнительного производства направляется должнику по почте. В то же время необходимо предусмотреть обязанность судебного пристава-исполнителя размещать электронную копию в личном кабинете стороны исполнительного производства, что технически можно автоматизировать. При разъяснении со стороны законодателя, что распечатка такой электронной копии с ЭЦП судебного пристава-исполнителя приравнивается к печатному оригиналу, должник сможет оперативно представить такой документ по месту требования для подтверждения исполнения исполнительного документа и снятия ограничений, наложенных в связи с возбуждением исполнительного производства. Это касается в том числе и ограничений на выезд за границу.

Раздел «Исполнить» для денежных взысканий необходим в случае, например, возможности списания денежных средств для погашения долга юридического лица. В данном случае должник предоставляет реквизиты действующего счета организации для списания. Указанный раздел представляется наиболее интересным, так как может быть разработан и в отношении исполнительных производств нематериального характера (отчасти как информативный ресурс для пристава). Фактическое исполнение нередко затягива-

ется не только из-за отсутствия возможности, но и из-за необходимости прийти в отдел судебных приставов (время, отдаленность, нахождение в другом регионе).

В связи с появляющимися вопросами в территориальные органы периодически поступают памятки (технологические инструкции) о порядке работы с сервисом «Личный кабинет стороны исполнительного производства» официального интернет-сайта ФССП России [1], но этого недостаточно.

Использование электронных сервисов (цифровизация исполнительного производства [2, с. 42]) стало требованием современности. В целях оптимизации такого использования необходимо сбалансировать технические возможности электронных площадок для обеспечения соблюдения принципов исполнительного производства, проверки достоверности предоставляемых посредством электронных сервисов документов.

Список источников:

1. <Письмо> ФССП России от 16.07.2019 г. № 00073/19/155339-ОП «О рассмотрении письма» // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Цирин М.А.* Цифровизация исполнительного производства // Международное публичное и частное право. 2020. № 1. С. 42–45.

Мрастьева Ольга Сергеевна

*доцент кафедры арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

Казакова Светлана Петровна

*доцент кафедры арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

СУДЕБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ КАК НОВЫЙ ВИД ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в тезисах исследуются примирительные процедуры, выделяются преимущества примирительных процедур перед судебным разрешением споров. Раскрывается сущность судебного примирения как примирительной процедуры.

Ключевые слова: примирительные процедуры, судебное примирение, судебный примиритель.

Реализация права на защиту своих прав и законных интересов возможна с применением неюрисдикционных способов разрешения спора, в том числе с использованием примирительных процедур, закрепленных законодательством Российской Федерации. В настоящее время в России защита нарушенных прав свобод и законных интересов граждан и организаций осуществляется, как правило, посредством судебного разбирательства или иных юрисдикционных механизмов рассмотрения и разрешения споров. Однако нельзя отрицать, что в современных условиях становления и динамичного развития гражданского общества «судебное разбирательство и юрисдикционные механизмы разрешения споров зачастую оказываются недостаточно эффективными» [1, с. 36].

В таких странах как Великобритания, Германия, Франция альтернативное разрешение споров получило достаточно широкое распространение. Более того «развитие альтернативных способов разрешения споров, определено в качестве одного из наиболее важных направлений, с которым связывается повышение эффективности правосудия» [2, с. 181].

Целью альтернативного разрешения споров является не только избежание дорогого и продолжительного судебного процесса,

но и предотвращение спора на ранних стадиях его возникновения путем взаимных уступок и удовлетворения интересов всех спорящих сторон. К неоспоримым достоинствам использования примирительных процедур можно отнести: конфиденциальность; сохранение деловых отношений; быстрота разрешения спора; взаимовыгодное разрешение конфликта и т.д. Кроме плюсов для спорящих сторон, использование примирительных процедур является действенным инструментом снижения нагрузки на судебные органы [3, с. 36].

В настоящее время, вследствие унификации правового регулирования цивилистического судопроизводства, процессуальное законодательство Российской Федерации содержит целый комплекс примирительных процедур.

Первоначально глава, посвященная примирительным процедурам, содержалась только в АПК РФ. В числе примирительных процедур отдельно выделялись только процедура медиации и заключение мирового соглашения. Нормы ГПК РФ также предусматривали возможность прибегнуть к указанным способам урегулирования спора, хотя самостоятельная глава, посвященная примирительным процедурам, получила закрепление в ГПК РФ сравнительно недавно. В указанных кодексах закреплены общие принципы примирения, предложены новые виды примирительных процедур, более четко прописана роль суда в примирении сторон спора, детализированы другие аспекты примирения.

Согласно ст. 138.2 АПК РФ, ст. 153.3 ГПК РФ споры могут быть урегулированы путем проведения переговоров, посредничества, в том числе медиации, судебного примирения, или использования других примирительных процедур, если это не противоречит федеральному закону. Таким образом, стороны вправе урегулировать спор путем использования примирительной процедуры с участием судебного примирителя, то есть судебного примирения. Порядок проведения судебного примирения определяется соответствующими нормами процессуальных кодексов и Регламентом, утвержденным Верховным Судом Российской Федерации [4] (далее – Регламент).

Согласно Регламенту судебное примирение осуществляется на основе принципов добровольности, сотрудничества, равноправия сторон, независимости и беспристрастности судебного примирителя, конфиденциальности, добросовестности.

Количество стадий судебного примирения зависит от воли сторон и судебного примирителя.

К полномочиям судебного примирителя относятся: управление переговорным процессом, формирование и поддержание его конструктивного и созидательного характера. Судебный примиритель предоставляет каждой стороне возможность высказать свое мнение относительно причин возникновения спора, его сути и целей, которые стороны намерены достичь посредством проведения судебного примирения, обеспечивает соблюдение культуры ведения переговорного процесса, снижает уровень эмоциональности суждений сторон, не допускает высказывания сторонами грубых и оскорбительных выражений, призывов к осуществлению действий, преследуемых в соответствии с законом, следит за соблюдением корректного и уважительного отношения сторон друг к другу, судебному примирителю и иным участникам, предпринимает иные действия для создания благоприятной атмосферы для переговоров.

В ходе судебного примирения судебный примиритель устанавливает фактические отношения сторон, выясняет содержание взаимных претензий, мнения сторон относительно возможностей урегулирования спора, способствует выявлению интересов сторон, оказывает сторонам содействие в поиске взаимовыгодных результатов примирения. По итогам судебного примирения изготавляются мировое соглашение, соглашение о примирении или соглашение по фактическим обстоятельствам.

Отличительной чертой судебного примирения является, то, что оно спорящими сторонами не оплачивается. Вознаграждение судебным примирителям будет выплачиваться из бюджета в порядке, определенном Правительством РФ. Что с точки зрения развития института альтернативного разрешения споров должно способствовать популяризации данной примирительной процедуры.

Таким образом, на современном этапе развития общества примирительные процедуры необходимы, поскольку они способны оказать положительное влияние на эффективность и оптимизацию судебной системы, а также снизить уровень конфликтности в обществе. Закрепление в процессуальном законодательстве процедуры судебного примирения имеет серьезные перспективы ее внедрения.

Список источников:

1. *Очередько В.П.* Исполнение медиативного соглашения: Российский и европейский подходы // Медиация в правоприменении: вопросы теории и практики: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. 2011. С. 35–41.

2. *Здрок О.Н.* Примириительные процедуры в гражданском судопроизводстве: понятие, классификация, тенденции развития (на примере Республики Беларусь) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 1. С. 181–186.

3. *Кухарева О.А, Казакова С.П.* К вопросу о совершенствовании примириительных процедур в России // Перспективы развития гражданского процессуального права. сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора И.М. Зайцева. 2019. С. 197–201.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.

Мукарамова Мадина Ахадуллоевна
*специалист отдела управления персоналом
Исполнительного аппарата АО «НЭСК-электросети»*

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ И ФИКЦИЙ

Аннотация: в статье проводится изучение проблем применения презумпций и фикций в процессе доказывания в гражданском судопроизводстве. Разрешение выявленных в результате изучения темы проблем будет способствовать повышению эффективности осуществления правосудия по гражданским делам.

Ключевые слова: доказывание, распределение бремени доказывания, доказательственная презумпция, доказательственная фикция, гражданский процесс, исключения из правил доказывания.

Процесс доказывания играет важную роль при разрешении гражданско-правовых споров, так как от него зависит правильность рассмотрения дела и вынесение законного и обоснованного решения судом. Цель доказывания в гражданском процессе состоит в установлении обстоятельств дела, в связи с чем особую значимость приобретает изучение бремени доказывания, а также исключений из общих правил доказывания.

В ст. 56 ГПК РФ [1] содержится правило, в соответствии с которым бремя доказывания лежит на стороне, ссылающейся на соответствующие обстоятельства, в то время как суд определяет какие из них имеют значение для разрешения гражданского дела.

Таким образом, распределение бремени по доказыванию является эффективным способом для устранения ситуаций, которые препятствуют выяснению необходимых обстоятельств по делу [2, с. 142].

Законодателем также предусмотрены случаи отклонения из общего правила распределения бремени доказывания. К таким обстоятельствам можно отнести наличие в нормах законодательства доказательственных презумпций. Несмотря на это, законодатель не закрепил легального определения указанной правовой категории в нормах права. Для его определения обратимся к мнениям, высказанным учеными в науке цивилистического процесса.

М.К. Треушников считает, что доказательственная презумпция представляет собой предположение о существовании факта или его

отсутствии, пока не доказано иное [3, с. 64]. М.Ю. Лебедев считает, что доказательственная презумпция является установленным законом предположением о том, что определенный факт существует, если доказаны некоторые другие связанные с ним факты [4, с. 78].

Можно определить, что доказательственная презумпция представляет собой закрепленное в нормах законодательства предположение, принимающееся судом за истину, в случае если не доказаны факты опровержения. При этом суд не нуждается в предоставлении доказательств, подтверждающий указанное вероятное предположение. Следовательно, доказательственная презумпция влияет на распределение обязанностей по доказыванию тем, что сторона освобождается от обязанности по доказыванию факта, на который она ссылается, поскольку он предполагается существующим. Необходимо отметить, что в юридической литературе отмечается [5, с. 172], что доказательственная презумпция отличается от правовой тем, что она закреплена непосредственно в нормах материального права.

Роль доказательственных презумпции в большей степени раскрывается в её практической реализации в процессе доказывания, однако некоторые вопросы её применения до сих пор остаются спорными. Так, в законодательстве отсутствует единый круг явлений, в отношении которых допустимо использование понятия «доказательственная презумпция», в связи с этим не всегда можно с уверенностью определить в процессе доказывания, какие именно явления являются исключениями из общих правил. Для решения указанной проблемы необходимо, в первую очередь, законодательное закрепление понятия «презумпция», которое будет способствовать отграничению презумпции от сходных правовых явлений, а в последствии поможет не допустить размывания понятия и применения как правовой, так и доказательственной презумпции в процессе доказывания там, где в действительности ее нет.

Возвращаясь к вопросу проблем применения доказательственной презумпции в гражданском процессе, необходимо отметить, что вопрос законодательного закрепления указанного правового явления поможет разрешить также и проблему применения косвенных презумпций в процессе доказывания. Так, в правовой науке проводят классификацию презумпций на прямые и косвенные [6, с. 121]. Так, например, прямая презумпция содержится в п. 4 ст. 12 Федерального закона «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1 [7], в виде отсутствия у покупателей специальных зна-

ний о качестве товара. Пример косвенной презумпции содержится в п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [8], в котором презюмируется незаконность и необоснованность увольнения работника.

Следовательно, как уже было отмечено, прямые презумпции нормативно закреплены в правовой норме, а косвенные нет, но могут быть выявлены путем толкований правовых норм. Так, ряд косвенных доказательственных презумпций сформулирован Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ, однако в правовой действительности судебные акты данных инстанций не носят обязательный характер, так как судебный прецедент и акты толкования права не признаются источниками права в Российской Федерации, и, следовательно, не имеют общеобязательный характер. Но в то же время значение косвенных доказательственных презумпций велико, ведь они более ясно и очевидно формулируют презумпции путем толкования законодательных актов, что помогает формированию единой судебной практики.

В связи с этим, видится наиболее правильным законодателю преобразовывать косвенные презумпции в прямые путем их закрепления в нормах права с помощью использования законодательной инициативы судами.

Доказательственная фикция также закреплена в нормах материального права. Например, ст. 1152 ГК РФ закрепляет правило, в соответствии с которым, наследство принадлежит наследнику с момента его открытия. Таким образом, доказательственная фикция представляет собой закрепленное в нормах материального права ложное положение, которое принимается за истину, и используются в доказывании по гражданским делам в исключительных случаях, когда иным образом невозможно установить искомый факт.

Доказательственная фикция влияет на распределения бремени доказывания тем, что освобождает не только от доказывания обстоятельств, но и устанавливает новый способ их установления. Отсутствие законодательного закрепления понятия указанной правовой категории также приводит к затруднению её использования в процессе доказывания в гражданском процессе, в связи с трудностью разграничения со смежными правовыми категориями.

В то же время изучаемые правовые категории являются эффективным способом упрощения производства по делу, в связи с экономией времени судьи на изучение и исследование представленных

сторонами доказательств по гражданскому делу. Однако, в настоящее время в России существующие исключения из общих правил доказывания нуждаются в более детальной законодательной регламентации. Для обеспечения эффективности судебной системы и единства судебной практики необходимо разработать более четкие критерии для отнесения правовых явлений к доказательственной презумпции и фикции, а также необходимо законодательно закрепить понятия указанных правовых категорий.

Список источников:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ от 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

2. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве: справочник / И.В. Решетникова. 6-е изд., доп. и перераб. М.: Юр. Норма, ИНФРА-М, 2018.

3. *Треушников М.К.* Судебные доказательства: монография / М.К. Треушников. М. 2004.

4. *Лебедев М.Ю.* Гражданский процесс: учебник для академического бакалавриата / М. Ю. Лебедев. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019.

5. *Баулин О.В. Фильченко Д.Г.* Доказательства и доказывание в гражданском судопроизводстве: учеб. пособие / под общ. ред. О.В. Баулина. Воронеж, 2006.

6. *Зацепина О.Е.* Классификация правовых презумпций // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2 (87).

7. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3, ст. 140.

8. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 г. Москва // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Мусалов Магомед Абдулаевич

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского права
и процесса ГБОУ ВО «Дагестанский государственный
университет народного хозяйства»*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: автор считает, что введение заочного производства исключает возможность намеренно затягивать судебный процесс, сохраняются процессуальные гарантии участников дела. Указывает на необходимость законодательного закрепления правила, предусматривающего рассмотрение дела по заочному производству только по инициативе истца.

Ключевые слова: институт заочного производства, истец, ответчик, гражданское судопроизводство.

Глава 22 ГПК предусматривает возможность вынесения судом заочного решения при соблюдении совокупности таких условий, как неявка на судебное заседание надлежаще извещенного о месте и времени проведения заседания ответчика без уважительных причин и отсутствия его заявления о рассмотрении дела без его присутствия, а также согласия истца на рассмотрение гражданского дела в порядке заочного производства согласно ст. 233 ГПК РФ.

Институт заочного производства как альтернатива общему исковому производству приобрел статус самостоятельного института гражданского процессуального права с сохранением положения о своевременной и эффективной защите прав истца при злоупотреблении правом со стороны ответчика, выраженное затягиванием процесса необоснованной неявкой на рассмотрение дела. Такими нарушениями ответчик создает препятствия суду в вынесении решения с соблюдением принципа гражданского судопроизводства неограниченного ничем и ни кем. Надо полагать, что введение данного института, в первую очередь связано с реализацией конституционного принципа о гарантии судебной защиты прав и свобод каждого. Подавляющее большинство ученых-процессуалистов и практиков признают своевременным и успешным введение института заочного производства [1, с. 154—158].

М.К. Треушников считает главу ГПК РФ о заочном производстве внутренней потребностью отечественного судопроизводства включающую судебную волокиту, связанную с уклонением ответчика от участия в процессе с целью затягивания процесса и создания проблем для истца [2, С. 541.]. По мнению И.Р. Силантьевой «...введением заочного производства планировалось решить проблему доступа к правосудию, исключить возможность намеренного затягивания процесса, не умаляя при этом процессуальных гарантий» [3, С. 53].

Введение института заочного производства исключает возможность намеренно затягивать судебный процесс, сохраняются процессуальные гарантии участников дела. Если наблюдать за судебной статистикой, можно констатировать, что этот институт востребован на практике и с каждым годом увеличивается количество дел, рассмотренных по правилам данного производства. Заочное производство не нарушает общий порядок ведения заседания, исследуются доказательства, учитываются доводы всех лиц, защищаются права и ответчика, и истца. За истцом сохраняется право отказаться от заочного рассмотрения дела, в таких случаях суд откладывает разбирательство и поступает согласно ч. 3 ст. 233 ГПК РФ. Он может выразить возражение против решения суда даже немотивированным несогласием. Это связано с необходимостью защиты прав истца, связанного с невозможностью истца изменить предмет, основание или увеличить исковые требования.

Отличительными чертами заочного производства являются, во-первых, обжалование заочного решения в особом порядке по двум формам: апелляционное обжалование (обычный способ); отмена решения по требованию ответчика (упрощенный), что приводит к затягиванию вступления решения в силу, во-вторых, в резолютивную часть согласно ст. 235 должны быть включены порядок и срок подачи заявления об отмене заочного решения.

На наш взгляд, проблемным остается вопрос надлежащего извещения ответчика. Часто ответчик в заявлении ссылается на неполучение извещения, ошибки в указании места жительства и др.; и введение института заочного производства, по нашему мнению, связано, в первую очередь, с недобросовестностью ответчика.

Необходимо отметить, что возникла необходимость законодательного закрепления правила, предусматривающего рассмотрение дела по заочному производству только по инициативе истца. Представляется, что только так можно достигнуть цели судопроизводства.

Список источников

1. *Городова А.Д.* Актуальные проблемы заочного производства // Экспериментальные и теоретические исследования в XXI веке: проблемы и перспективы развития: материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф.: в ч. 2018. С. 154—158.
2. *Треушников А.М.* Гражданский процесс: учеб. пособие / под ред. М.К. Треушникова. М., 2014.
3. *Силантьева И.Р.* Актуальные проблемы заочного производства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 53.

Назаров Валентин Васильевич

*к.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского
и арбитражного процесса Института права
и национальной безопасности ТГУ имени Г.Р. Державина*

Рублев Сергей Николаевич

*магистрант Института права и национальной безопасности
ТГУ имени Г.Р. Державина*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ

Аннотация: иностранные лица определяются в гражданском судопроизводстве как комплексная категория, которая включает в себя иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранные организации, международные организации, а также иностранное государство. Указанные субъекты имеет иностранное происхождение, обладают теми же процессуальными правами и несут те же обязанности, что и российские граждане, однако в силу своей специфики наделены определенными особенностями, которые влияют на рассмотрение дела.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, участие иностранных лиц в гражданском процессе, пророгационное соглашение, извещение иностранных лиц, представительство.

Производство по делам с участием иностранных граждан, наряду с иными категориями рассмотрения дел имеет свою специфику, требующую разрешения вопросов не только со стороны законодателя, но и со стороны как российских судов, так и иностранных граждан. Данная позиция складывается из сложившихся вопросов определения подсудности, направления судебных поручений и их исполнение в адрес иностранных судов и др. Подобное положение обусловлено необходимостью соблюдения двусторонних договоров правовой помощи и международных конвенций, с учетом положений действующего российского законодательства.

Понятие иностранного лица имеет комплексный характер. Согласно ст. 398 ГПК РФ иностранные граждане, лица без гражданства, иностранные организации, международные организации имеют право обращаться в суды в Российской Федерации для за-

щиты своих нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов.

Возбуждение гражданского судопроизводства, как основополагающий этап движения и осуществления гражданского процесса, включает в себя действия суда и иных участников дела, основанные на требованиях процессуального законодательства. На данной стадии возникает вопрос определения подсудности, если основанием ее возникновения является пророгационное соглашение. Данное соглашение является процессуальным документом, дающим основание для возникновения полномочий по рассмотрению и разрешению дела у соответствующего суда. В рамках процессуального законодательства определение процессуального договора не конкретизировано, что в определенной степени «компенсируется» понятием соглашения в рамках материального права. Однако нельзя не согласиться с позицией Н.Б. Зейдера, подтверждающей отсутствие конкретного закрепления статуса процессуального соглашения: необходимо разграничивать процессуальные и материальные правоотношения, по поводу которых возникло судебное производство, причем установление процессуальных правоотношений представляет собой отдельное и самостоятельное значение [3, с. 19]. Значение документов подобного рода выражаются в возможности регулирования материальных правоотношений, в изъявлении сторон достигнутого консенсуса относительно условий рассмотрения и разрешения споров.

Здесь следует внести дополнение, разделяющее значение понятий «материальный договор» и «пророгационное соглашение», тем самым сделав последнее самостоятельным и действующим в независимости от статуса материального договора. Суд приобретает полномочия по рассмотрению и разрешению дела только в случае наличия заключенного в соответствии с законом соглашения о выборе суда, что также представляет собой определенную проблему, поскольку на практике данный момент не всегда проверяется.

Наличие договорных отношений в нескольких государствах может породить конфликт юрисдикций, который выражается в изъявлении двумя и более судами о своих полномочиях разрешения определенного спора. Исход подобной ситуации может повлечь за собой принятию совершенно противоположных решений по одному и тому же делу. В подобных случаях суду следует обращать внимание на исключительную подсудность иностранного государства, а также возникающую возможность рассмотрения спора на различ-

ных уровнях, которая обеспечивается достижением договоренности сторонами. Выбор компетенции суда посредством пророгационного соглашения является наиболее приемлемым способом разрешения вопросов, связанных с разрешением конфликтов в сфере международных правоотношений.

Подготовкой дела к судебному разбирательству является совокупность процессуальных действий, охватываемых не конечной, а какой-либо близлежащей целью процесса, необходимостью правильного возбуждения гражданского дела, его подготовки к судебному разбирательству, проведения судебного разбирательства, обжалования судебного решения, действий по его исполнению [4, с. 188]. В силу особенности категории дел с участием иностранных лиц, суду необходимо обращать внимание на решение вопросов об извещении таких лиц о дате предварительного судебного заседания или о непосредственном разбирательстве дела, ввиду того, что ненадлежащее извещение может повлечь за собой отмену принятого судебного акта.

В настоящее время используется три способа извещений иностранных лиц: дипломатический, прямой и непосредственный. Первый используется только в тех случаях, когда документ должен быть вручен гражданину иностранного государства. Прямой способ предполагает передачу документов через специализированный орган (в России – Министерство юстиции РФ) и примечательно тем, что отсутствие информации о подобном органе не влечет невозможность исполнения поручения, достаточно иметь сведения о его наименовании и местонахождении. Непосредственный способ регламентируется Конвенцией 1965 г. и способы его реализации могут быть выражены в форме почтового отправления, вручения должностными лицами компетентного органа иностранного государства, извещением через любого участника судебного разбирательства.

Российские суды чаще прибегают к «прямому» способу, через Министерство юстиции РФ, что затягивает разрешение гражданского дела. Это объясняется тем, что европейские страны не допускают практику вручения документов прямым способом. Извещение может быть исполнено только на стадии подготовки, что препятствует своевременному рассмотрению и разрешению спора, поскольку кроме перевода требуется нотариальное заверение, а после направление в Министерство юстиции РФ с последующей отправкой, что занимает неприемлемое количество времени.

В подобном вопросе В.Г. Гусев считает, что более эффективным способом извещения субъектов гражданского производства является извещение через курьера [5, с. 58]. Данный способ, выраженный в пересылке переведенных на иностранный язык документов почтой или курьерской службой, можно признать приемлемым вариантом сокращения сроков извещения, однако необходимо учитывать, что иностранное государство, согласно международным актам, могло сделать оговорку о запрете прямого извещения.

Судебное разбирательство с участием иностранных лиц примечательно вопросом представительства. Категории лиц, допущенных к представительству включают в себя адвокатов и консулов иностранных государств. Согласно Федеральному закону от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ст. 2), «адвокаты иностранного государства могут оказывать юридическую помощь на территории Российской Федерации по вопросам права данного иностранного государства» [3]. Здесь возникает вопрос о том, кто должен представлять интересы – иностранный адвокат либо российский адвокат. Каждый из них является специалистом в области права своего государства и вопрос эффективности работы зависит от сути спора. Есть и ограничения, связанные с оказанием помощи иностранными адвокатами в России – дела, связанные с государственной тайной. В Азербайджанской Республике иностранный адвокат может оказывать правовую помощь исключительно путем предоставления консультаций и заключений по применению законов государства, уроженцем которого является иностранец, или международных правовых норм, а также путем представления интересов доверителя на стадии исполнительного производства по гражданским и уголовным делам, делам, связанным с экономическими спорами, с административными правонарушениями в соответствии с международными договорами, поддерживаемыми Азербайджаном [1].

Одной из предполагаемых теорий разрешения вопроса представительства является возложение полномочий представительства на иностранных адвокатов в случае применения норм иностранного права или российского адвоката. Подобная монополизация выглядит неустойчиво, поскольку применение таковой в законодательстве затруднит осуществление правосудия. Зарубежный адвокат, в силу возложения бремени доказывания, сможет должным образом воспользоваться нормами другой страны. Введение обязательного участия российских адвокатов негативно повлияет на вы-

бор представителя и будет выглядеть ограничение прав.

Наиболее приемлемым представляется привлечение в качестве представителя иностранного или российского адвоката в случае выбора применения зарубежного права. В иных ситуациях допустимо любое дееспособное лицо с надлежаще оформленными полномочиями на ведение дела.

В результате проведенного исследования особенностей участия иностранных лиц в суде общей юрисдикции можно сделать выводы о наличии некоторых вопросов, разрешение которых на законодательном уровне позволит определить направления совершенствования ГПК РФ.

Список источников:

1. Закон Азербайджанской Республики от 28.12.1999 № 783-IQ «Об адвокатах и адвокатской деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.spinform.ru/> (дата обращения: 20.08.2020).

2. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Российская газета. 2002. № 100.

3. *Зейдер Н.Б.* Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1965.

4. Гражданский процесс: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец, 2007.

5. *Гусев В.Г.* Проблема извещения участников гражданского судопроизводства // Журнал российского права. 2003. № 8.

Нахова Елена Александровна

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия»*

ЭТАПЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: в тезисах анализируются этапы определения предмета доказывания. Автором исследуется содержание отдельных этапов определения предмета доказывания и делаются значимые выводы по совершенствованию процессуального законодательства.

Ключевые слова: цивилистический процесс; административное судопроизводство; предмет доказывания; механизм определения предмета доказывания.

Механизм определения предмета доказывания в гражданском судопроизводстве определяется через последовательность следующих этапов.

Первым этапом выступает установление фактического состава правоотношения. При первичном ознакомлении с состязательными бумагами судом анализируются исковое заявление (административное исковое заявление, заявление), возражения на иск (отзыв на исковое заявление, отзыв на административное исковое заявление); фактическое и юридическое основания иска; нормы права, применимые к спорным правоотношениям, указанные в исковом заявлении (административном исковом заявлении, заявлении), возражениях на иск (отзыве на исковое заявление, отзыве на административное исковое заявление). Предварительно обстоятельства предмета доказывания определяются исходя из требований и возражений лиц, участвующих в деле. Поэтому концепция предмета доказывания в гражданском судопроизводстве тесно связана с теорией иска в доктрине гражданского процессуального права.

Итак, действующее процессуальное законодательство требует, чтобы истец указал в исковом заявлении, в чем заключается нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца и его требования и обстоятельства, на которых истец основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие

эти обстоятельства (п.п. 4, 5 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ, п.п. 4, 5 ч. 2 ст. 125 АПК РФ, п.п. 4, 5 ч. 2 ст. 125 КАС РФ). Таким образом, действующее законодательство предписывает истцу указать в исковом заявлении фактическое основание иска и указать доказательства в его обосновании. Для гражданского судопроизводства указание юридического основания иска не обязательно. Для арбитражного судопроизводства отсутствие указания юридического основания иска в исковом заявлении является основанием для оставления искового заявления без движения. В административном судопроизводстве общая норма, устанавливающая требования к форме и содержанию административного искового заявления, не содержит требования об обязательном указании юридического основания иска в административном судопроизводстве, однако, проанализировав нормы, регулирующие требования к форме и содержанию административного искового заявления по отдельным категориям административных дел, следует признать обязательным наличие юридического основания административного иска в административном исковом заявлении в административном судопроизводстве. В исковом заявлении истец указывает обстоятельства спора и доказательства, а в арбитражном процессе и административном судопроизводстве еще и юридическое основание иска, что в совокупности предопределяет фактический состав спорного материального правоотношения и его предварительную юридическую квалификацию.

Вторым этапом выступает квалификация спорного материального правоотношения, под которой понимается оценка конкретного жизненного случая с позиций действующих норм права, направленная на выяснение юридической значимости обстоятельств, соответствия или несоответствия их признаков признакам юридических фактов, закрепляемых нормами права. Правильность реализации этапов квалификации определяет надлежащее выполнение обязанности суда по установлению обстоятельств предмета доказывания. Основанием для юридической квалификации выступает норма права, при помощи которой разрешается дело по существу. Отдельные исследователи в качестве оснований квалификации выделяют дополнительно: норму, к которой отсылает бланкетная норма, акты официального толкования (Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ). В результате квалификации фактические обстоятельства приобретают значение юридического факта или фактического состава. Проблемами юридической квалификации выступают выбор надлежащего способа защиты права, наличие

в материальном праве большого количества диспозитивных, относительно-определенных, ситуационных норм. Некоторые нормы материального права содержат оговорку о том, что установленное ими правило действует применительно к конкретному отношению, если иное не вытекает из существа обязательства, из существа отношений (из отношений) сторон, наличие правовых коллизий, применение общих и специальных норм, отсылочных норм, применение аналогии закона, аналогии права. Обязательным условием надлежащей юридической квалификации является выявление и учет правоприменителем функциональных связей между правовыми нормами [3, с. 117–118, 122–123, 125].

Третьим этапом механизма определения предмета доказывания в гражданском судопроизводстве является выявление структуры и содержания нормы права, применяемой при определении предмета доказывания. При применении относительно-определенных, ситуационных норм большое значение принадлежит конкретизация спорного права или в отдельных случаях прав и обязанностей сторон как форме судейского усмотрения. Сложность определения предмета доказывания обусловлена наличием относительно-определенных ситуационных норм в виду их «размытости». Относительно-определенными нормами являются нормы, которые не содержат достаточно полных, исчерпывающих указаний об условиях действия, правах и обязанностях сторон или содержании юридических санкций и предоставляют право государственным и иным правоприменительным органам решить дело с учетом конкретных обстоятельств. Относительно определенные нормы (в зависимости от пределов свободы усмотрения компетентного органа) подразделяются на три основные группы: ситуационные, альтернативные, факультативные. Под ситуационными нормами понимаются нормы, предусматривающие возможность прямого конкретизированного регулирования актом правоприменительного органа в зависимости от особенностей конкретной ситуации [1, с. 74].

Четвертым этапом выступает собственно определение предмета доказывания и распределение обязанностей по доказыванию, при этом учитываются общие и частные правила распределения обязанностей по доказыванию.

Пятый этап механизма определения предмета доказывания можно охарактеризовать как накопление обстоятельств фактического состава, выявление соотношения предмета доказывания и стандарта доказывания.

Шестым этапом выступает конкретизация фактического состава, изменение обстоятельств предмета доказывания при изменении предмета или основания иска, увеличения или уменьшения исковых требований. Необходимость обоснования функций предмета доказывания [2], исследования соотношения обстоятельств предмета доказывания и обоснованности судебного акта предопределила содержание заключительного этапа механизма определения предмета доказывания: устранения судебной ошибки суда первой инстанции при определении предмета доказывания в проверочных инстанциях.

С учетом изложенного содержание указанных этапов определения предмета доказывания должны быть учтены законодателем при совершенствовании правового механизма определения предмета доказывания в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве.

Список источников:

1. *Алексеев С. С.* Общая теория права: в 2 т. Т. II. М.: Юрид. лит., 1982. 360 с.
2. *Нахова Е. А.* Функции предмета доказывания в гражданском судопроизводстве // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 2. С. 150–161.
3. *Чаусская О. А.* Применение норм гражданского права: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 206 с.

Небесная Елизавета Олеговна

*аспирант кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ
ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА
ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ
ОБ УСЫНОВЛЕНИИ (УДОЧЕРЕНИИ),
В ТОМ ЧИСЛЕ ДЕЛ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ
РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ**

Аннотация: тезисы посвящены особенностям реализации принципов гражданского процессуального права при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении), в том числе дел об усыновлении российских детей иностранными гражданами. Проанализированы принцип состязательности, гласность судебного процесса. Сформулированы принцип сочетания норм закона усыновителей и усыновляемых детей, принцип приоритета интересов ребенка. Определена особая черта рассмотрения дел об усыновлении (удочерении) – следственность.

Ключевые слова: усыновление, усыновление российских детей иностранными гражданами, принципы гражданского процессуального права, принцип гласности судебного разбирательства, принцип состязательности, следственность процесса

Дела об усыновлении (удочерении) ребенка Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [2] (далее – ГПК РФ) относит к категории дел особого производства: в таких делах нет ответчика, а только заявитель, и рассматривается возможность установления новых гражданских прав и обязанностей.

Беспорность дел особого производства обуславливает специфику действия некоторых функциональных принципов гражданского процессуального права.

По общим правилам, установленным законодательством Российской Федерации, в гражданском процессе рассмотрение и разрешение дел происходит в открытом заседании суда (ст. 123 Конституции РФ [1] и ст. 9 Закона «О судебной системе Российской Федерации» [4]).

Закон допускает исключение из принципа гласности в интересах сохранения различного рода тайны. Так, исключением из этого правила является разбирательство по делам, содержащим тайну усыновления (удочерения) ребенка. Согласно ст. 273 ГПК РФ для обеспечения охраняемой законом тайны усыновления судебное заседание всегда проводится в закрытом порядке. Лица, участвующие в судебном заседании, предупреждаются судом о необходимости сохранения в тайне ставших им известными сведений об усыновлении (удочерении).

За разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, лицом, обязанным хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну, либо иным лицом из корыстных или иных низменных побуждений предусмотрена уголовная ответственность.

Усыновление российских детей иностранными гражданами имеет еще большую специфику из-за наличия иностранного элемента – субъекта.

Согласно статье 148 ГПК РФ одной из задач подготовки дела к судебному разбирательству является определение закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела.

Несомненной особенностью судопроизводства по делу о международном усыновлении (удочерении) является то, что согласно Семейному кодексу Российской Федерации [3] (далее – СК РФ) усыновление (удочерение) иностранными гражданами ребенка, являющегося гражданином Российской Федерации, производится в соответствии с законодательством государства, гражданином которого является усыновитель.

Применение при рассмотрении заявлений иностранных граждан об усыновлении российских детей не только российского, но и иностранного законодательства рационально и объективно необходимо.

Таким образом, в правовом регулировании вопроса об усыновлении российских детей иностранными гражданами применяется прямо не сформулированный в законодательстве принцип сочетания норм закона усыновителей и усыновляемых детей.

Несомненной особенностью рассмотрения дел об усыновлении (удочерении) является отсутствие реализации принципа состязательности сторон: в судебном разбирательстве по рассматриваемой категории дел суд действует в интересах ребенка, устанавливает соответствие усыновления конкретными иностранными лицами интересам ребенка.

Так, согласно нормам семейного права, усыновление в отношении несовершеннолетних детей допускается только в интересах ребенка. В случае, если в результате усыновления (удочерения) могут быть нарушены права ребенка, установленные законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации, усыновление не может быть произведено, а произведенное усыновление (удочерение) подлежит отмене в судебном порядке.

СК РФ не закрепляет понятия интересов усыновляемого ребенка. Однако Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 (п. 15) [4] установлено, что под интересами детей при усыновлении (удочерении) следует понимать «создание благоприятных условий (как материального, так и морального характера) для их воспитания и всестороннего развития». Здесь можно наблюдать весьма широкое понимание интересов ребенка.

Таким образом, в судебном процессе об усыновлении российского ребенка не реализуется принцип состязательности сторон, а сам процесс имеет особую черту – следственность: суд действует в интересах несовершеннолетнего ребенка. На основании изложенного, можно сделать вывод, что при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) суд руководствуется прямо не сформулированным в законе, однако, следующим из его содержания, принципом приоритета интересов ребенка.

Для того, чтобы дела об усыновлении разрешались с соблюдением прав и интересов ребенка, предполагается необходимым законодательное закрепление и контроль за соблюдением принципов приоритета интересов ребенка, сочетания норм закона усыновителей и усыновляемых детей.

Список источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ. 2014. № 31. Ст. 955.
2. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 30 октября 2018 г.) «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1; СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6823.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 29 мая 2019 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 9 июня 2019 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2019. № 22. Ст. 2671.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 (в ред. от 17 декабря 2013 г.) «О применении судами

законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Российская газета. 2006. № 92; Российская газета. 2013. № 288.

5. *Брылева Е.А.* Проблемные вопросы усыновления детей иностранными гражданами // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 2. С. 7-8.

6. *Туганов Ю.Н., Климова Е.А.* Проблемы международного усыновления российских детей // Право: современные тенденции: материалы II междунар. науч. конф. Уфа: Лето, 2014. С. 100–101.

Ненашев Максим Михайлович

к.ю.н., Юридическое партнерство «Бизнес и власть», Управляющий

ЛИЦА, УЧАСТВУЮЩИЕ В ДЕЛЕ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о лицах, участвующих в деле об административном правонарушении. Обосновывается необходимость корректировки норм проекта процессуального кодекса об административных правонарушениях, его гармонизации с действующим АПК РФ и иными законодательными актами.

Ключевые слова: субъекты процессуальных правоотношений, третьи лица, право на защиту.

Производство по делам об административных правонарушениях прошло достаточно длительную эволюцию своего нормативного регулирования. На уровне кодексов в Российской Федерации оно регулировалось ГПК РСФСР, потом ГПК РСФСР и АПК РФ.

В настоящее время производство по делам об административных правонарушениях регулируется АПК РФ и КоАП РФ, однако обсуждается проект Процессуального кодекса об административных правонарушениях (далее – Проект).

Проект находится в стадии корректировки. Например, в первоначальном варианте ч. 1 ст. 1.1. Проекта указывалось, что порядок производства по делам об административных правонарушениях регулируется Проектом. Буквальное толкование этой нормы приводило к исключению дел об административных правонарушениях из компетенции арбитражных судов. И только из пояснительной записки к Проекту можно было понять, что, по мнению разработчиков, АПК РФ также продолжит регулировать это производство. В настоящее время в Проект внесены изменения, которые прямо говорят о том, что АПК РФ продолжит регулировать производство по делам об административных правонарушениях.

Однако авторы не учли, что помимо АПК РФ, определенная специфика имеется в правовом регулировании рассмотрения дел об административных правонарушениях в антимонопольной и налоговой сферах [1]. Это подтверждается и ч. 8 ст. 5.1. Проекта, где упоминается про антимонопольную специфику. Поэтому соответствующие положения также следовало бы отразить в ч. 1 ст. 1.1. Проекта.

В ряде случаев разработчики Проекта продолжают традиции, заложенные в действующем КоАП РФ. В частности, в Проекте отсутствует институт лиц, участвующих в деле об административном правонарушении. Он заменен на более широкий – «Участники производства по делам об административных правонарушениях». В результате в одной «куче» оказались такие субъекты процессуальных правоотношений как «Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении» (крайне громоздкий и неудобный, с практической точки зрения, термин), потерпевший, эксперт, понятой, специалист, свидетель, прокурор, секретарь судебного заседания и пр. Такое объединение не представляется целесообразным.

В этой части более логичным было бы закрепление в Проекте, имеющегося в ГПК РФ и АПК РФ, института лиц, участвующих в деле. Тем более, что нормы этого института прошли серьезную проверку временем и не вызывают серьезных практических возражений.

Отказ идти по прежнему направлению привел к тому, что в Проекте отсутствует институт третьих лиц или заинтересованных лиц. При этом, если дело будет рассматриваться по правилам АПК РФ, то участие таких лиц в процессе возможно. Арбитражные суды вполне лояльно относятся к таким участникам процесса. Кроме того, практика прямо допускает возможность объединения в одном процессе требований, отличающихся порядком рассмотрения (оспаривается ненормативный акт и постановление по делу об административном правонарушении). Здесь примером являются антимонопольные дела по которым ФАС не только привлекает к административной ответственности, но и принимает ненормативные акты в отношении правонарушителя. В этом случае в процессе также могут участвовать третьи (заинтересованные) лица [2].

В связи с этим возникает вопрос о наличии принципиальных отличий арбитражного процесса от процесса, который предлагает закрепить Проект. Почему в первом процессе участие третьих (заинтересованных) лиц допустимо, а во втором – нет? Представляется, что принципиальные отличия в этой части отсутствуют. Поэтому Проект в этой части нуждается в доработке и согласовании с АПК РФ.

Отсутствие возможности принять участие в процессе по делу об административном правонарушении может повлиять на права субъектов, которые не вписываются в перечень участников производства, сформулированный в гл. 2 Проекта.

Убытки, вызванные применением мер административной ответственности, могут быть «перенесены» на третьих лиц, не принимавших участие в таком деле, а соответственно, лишенных возможности защищать свои интересы. Вопрос приобрел актуальность в связи с введением в действие ст. 406.1 ГК РФ, которая предусматривает возможность возмещения потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств.

Можно привести следующий пример влияния производства по делу об административных правонарушениях на интересы третьих лиц.

Между ООО «Лев» (покупатель) и ООО «УГМК-Агро» (поставщик) был заключен договор, в котором содержалось условие о том, что если за поставленный поставщиком и реализуемый покупателем товар в течение срока годности и при соблюдении покупателем условий хранения был наложен штраф государственными контролирующими органами, и (или) товар был снят с реализации, то поставщик, безусловно, отвечает и обязан возместить все расходы, понесенные в связи с этим покупателем, в том числе штрафы, наложенные на покупателя и на должностных лиц покупателя. После этого ООО «Лев» было привлечено к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ в виде штрафа в размере 300 000 рублей. Основанием для привлечения к ответственности стала реализация продукции (творога), произведенной ООО «УГМК-Агро», с нарушением технических регламентов по показателю БГКП (колиформы). Решение о привлечении к ответственности не было обжаловано. Уплатив штраф, ООО «Лев» потребовало от поставщика возместить эти убытки. Требование было удовлетворено поставщиком во внесудебном порядке [3].

В данном случае интересы ООО «УГМК-Агро» непосредственно затрагивались постановлением по делу об административном правонарушении. Поэтому при наличии целесообразности, оно должно было иметь возможность вступить в процесс по делу об административных правонарушениях.

Рассматриваемый вопрос имеет актуальность и применительно к тому, что КоАП РФ предусматривает возможность одновременно привлечения к административной ответственности и юридического лица и его должностных лиц за одно правонарушение. В такой ситуации, юридическое лицо может быть заинтересовано в участии в деле, возбужденном в отношении должностного лица, а должностное лицо – в участии в деле, возбужденном в отношении юридического лица.

Исходя из ст. 46 Конституции РФ, государство обязано обеспечить доступ к судебной защите каждому заинтересованному лицу. Поэтому сам факт того, что в процессуальном кодексе отсутствует статус, позволяющий такому лицу вступить в процесс, не должен лишать это лицо возможности защищать свои права и интересы.

Список источников:

1. *Овчарова Е.В.* Административное судопроизводство при разрешении налоговых споров в судах судебной системы Российской Федерации: место в процессуально-правовой системе и концепция административного судопроизводства по делам о нарушениях налогового законодательства // Административное право и процесс. 2019. № 9.
2. Определение Верховного Суда РФ от 23.11.2016 по делу № А65-17229/2015.
3. Определение Верховного суда РФ от 14.08.2019 по делу № А60-39029/2018.

Нигматдинов Ринат Мунзирович

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

О ДОСТИЖИМОСТИ ЦЕЛЕЙ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: Положения ГПК РФ определяют основной целью гражданского судопроизводства защиту нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. В работе рассмотрен вопрос реальности достижения поставленной цели сквозь призму существующей модели гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: цели и задачи гражданского судопроизводства, судебная защита, гарантии права на судебную защиту.

В соответствии со ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод.

Целевые установки гражданского процессуального законодательства в настоящее время закреплены в ст. 2 ГПК РФ и направлены на защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Общие положения, сформулированные в указанной норме, являются ориентирами процессуальной деятельности судов общей юрисдикции при рассмотрении гражданских дел.

Лицо, обращающееся за судебной защитой, надеется на реальную, а не «виртуальную» или «эфемерную» защиту своего нарушенного права, полагая, что после вступления судебного постановления в законную силу будет восстановлен *status quo*. При этом в его представлении судебная защита будет осуществлена в момент, когда он получит реальное исполнение в полном объеме присужденных ему обязательств (благ, имущества и т.п.) со стороны нарушителя его прав, а не тогда, когда суд констатирует его право относительно такого исполнения в своих судебных постановлениях.

Насколько гарантии, средства и механизмы реализации права на судебную защиту соответствуют сформулированным в ГПК РФ целям гражданского судопроизводства и потребностям лиц, которые обращаются за судебной защитой в суды общей юрисдикции? И насколько обозначенные законодателем цели гражданского судопроизводства являются практически достижимыми в условиях её существующей модели?

Безусловно, выполняя правосудную задачу гражданского судопроизводства, суды будут ориентированы на рассмотрение и разрешение конкретного дела по существу, да и полномочия, гарантированные Конституцией и ГПК РФ, наделяют суды общей юрисдикции правом осуществления правосудия. Другими словами, деятельность судов будет направлена на исследование сведений о фактических обстоятельствах дела, входящих в предмет доказывания, которые были подтверждены доказательствами, любезно предоставленными лицами, участвующими в деле. И только от активности позиции участвующих в деле лиц, следуя принципу состязательности, будет зависеть возможность защиты их нарушенных прав и свобод.

Элементарная юридическая неграмотность субъекта может негативно сказаться как на содержании итогового судебного постановления, так и на возможности самой защиты нарушенного права такого лица (пропуск сроков обжалования, оставление заявления без рассмотрения в виду повторной неявки сторон или истца в судебное заседание и т.п.).

Помимо поведения лиц, участвующих в деле в гражданском судопроизводстве, важное значение имеет и их внепроцессуальное поведение, которое существенно влияет на достижение поставленных целей.

При этом следует отметить, что, получив на руки, вступивший в законную силу судебный акт, лицо может и не достичь поставленных целей. Причины могут быть самыми различными: от усталости «судиться» и прощения своего оппонента до невозможности принудительного исполнения судебного юрисдикционного акта (исполнительного листа, судебного приказа) в рамках исполнительного производства. В таком случае реальной защиты нарушенного или оспоренного права у лица не происходит в силу объективных и субъективных причин.

Деятельность судебных приставов-исполнителей уже будет относиться к сфере исполнительного производства, а не к гражданскому судопроизводству, и осуществление её будет возложено

на исполнительный орган власти – федеральную службу судебных приставов, а не на судебный орган власти – суд общей юрисдикции.

Никто не исключает и вероятность «судебной ошибки» или «ошибок», которые возникают на различных стадиях гражданского судопроизводства, и не всегда исправляются самим судом, если они были им обнаружены и такой механизм предусмотрен ГПК РФ, или вышестоящим судом, если пересмотр такого судебного постановления был инициирован кем-то из лиц, которым такое право обжалования предоставлено.

Следует учесть, что действующая модель гражданского судопроизводства предполагает наличие таких институтов как судебная фикция, презумпции и т.п., которые могут привести к принятию «вероятностного» решения, которое явно не способствует достижению провозглашенных в ст. 2 ГПК РФ целей гражданского судопроизводства.

Все указанные и не только эти обстоятельства позволяют сделать вывод, что декларированные ГПК РФ цели гражданского судопроизводства и реальное их достижение не всегда будут существовать одновременно при практической реализации заинтересованным лицом права на судебную защиту по гражданским делам в судах общей юрисдикции.

Сказанное нисколько не умаляет возможность реальной защиты права и интересов лиц и достижение целей гражданского судопроизводства, например, по делам об эмансипации, когда несовершеннолетний, достигший возраста шестнадцати лет, объявляется полностью дееспособным (эмансипированным) со дня вступления в законную силу решения суда об эмансипации.

Николайченко Ольга Викторовна
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ОБЯЗАННОСТИ СУДА ПО ИСПОЛНЕНИЮ ПОРЯДКА УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: внедрение российским законодателем порядка упрощенного производства должно стать безусловным для исполнения судом, разрешающим гражданские дела. Суд должен проявлять большую активность в популяризации упрощенного производства, с одной стороны, разъясняя сторонам необходимость рассмотрения дела в упрощенном порядке, а с другой стороны, убеждая стороны в ее привлекательности. Это может быть достигнуто посредством мер процессуального и организационного характера, что соответствует информационной политике судов. Автором предлагаются изменения, направленные на согласованность процессуальных норм относительно сроков соблюдения порядка упрощенного производства судом.

Ключевые слова: упрощенное производство, процессуальные обязанности суда, реализация судом процессуальных функций, сроки разрешения дела.

По прошествии более четырех лет с момента принятия ФЗ от 02.03.2016 № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», закрепившего институт упрощенного производства, отношение к нему судей в последнее время кардинально изменилось, учитывая тенденции судебной практики по его применению. Так, более четверти гражданских дел рассмотрено в порядке упрощенного производства, что свидетельствует о том, что главная миссия этого института, заложенная законодателем в его существование, выполнена. Институт упрощенного производства направлен на оперативное разрешение дела, при котором сокращаются сроки его рассмотрения за счет отсутствия вызова сторон в суд и судебного заседания по делу. Суд концентрирует свое внимание исключительно на письменных доказательствах, которые составляют основу судебного решения.

Логика российского законодателя при нормативном конструировании положений, освобождающих суд выносить судебный акт без мотивировочной части также позволяют считать этот институт востребованным у правоприменителей, предоставляя последним оперативно составить судебный акт и избавляя от той, работы, которая не интересует ни истца, ни ответчика. Такое положение соответствует основополагающей идее, пронизывающей все иные институты цивилистического процессуального законодательства: составление мотивированного судебного постановления нецелесообразно, если в этом нет процессуальной заинтересованности сторон. Подобная законодательная тенденция к возложению процессуальных обязанностей на суд в случае заинтересованности стороны соответствует международной практике. Так, в Гражданском процессуальном уложении Германии предусмотрено положение, в соответствии с которым мотивировочная часть решения суда не составляется в случаях, если решение выносится в отсутствие истца или ответчика, иск признается ответчиком или истец отказывается от иска (ст. 133 (b) [1, с. 193]. Представляется, что в таком направлении следует развивать и расширять позитивный опыт, избавляя суд от бессмысленных, но привычных для граждан ритуалов. Сочетание заинтересованности стороны в процессуальных действиях суда позволит установить процессуальную дисциплину и повысить процессуальную активность сторон.

Рассматривая институт упрощенного производства как процессуальную форму разрешения дел, следует указать на его обязательность для суда, что следует из формулировки ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ. Соответственно рассмотрение дела в ином судебном порядке должно квалифицироваться как нарушение норм процессуального права. Исходя из анализа ч. 2 ст. 232.2 ГПК РФ, согласие сторон на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства должно быть очевидным и, например, следовать из письменного либо зафиксированного в протоколе заявления сторон. Отсутствие же возражений сторон в отношении предложения суда о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства само не является согласием на рассмотрение дела в таком порядке. В этой связи судам следует проявлять большую активность и инициативу в склонении сторон к упрощенному порядку рассмотрения дела.

В обзорах судебной практики, справке об итогах упрощенного производства содержится указание судам как органам, функционально разрешающим гражданско-правовые споры, и их предсе-

дателям предписание оказать содействие в популяризации упрощенного порядка разрешения споров. К числу таких мер относятся собственная инициатива суда, которая проявляется в разъяснении сторонам сущности и преимуществ упрощенного порядка разрешения споров с учетом обстоятельств дела и интересов сторон. Судам также следует принимать меры к своевременному получению сторонами копий о рассмотрении гражданских дел в упрощенном порядке [2].

Указанные меры процессуального характера органично дополняют меры организационного характера, которые предваряют применение упрощенных процедур непосредственно в судопроизводстве. К таким мерам относятся: размещение информации в зданиях судов, а также на сайтах судов, образцов заявлений о применении упрощенных процедур, информирование о положительных примерах использования упрощенных процедур; проведение научных научно-практических мероприятий; подготовка и опубликование судьями и работниками аппаратов судов научных и научно-просветительских работ по вопросам использования упрощенных процедур, публикация таких работ в федеральных и региональных научных и деловых средствах массовой информации и размещение таких работ на сайтах судов, что соответствует Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы [3]. Использование указанных мер комплексно позволит достичь целей, которую реализуют упрощенные процедуры в судопроизводстве. К таковым относятся общая и конкретная цели. Общая – повышение качества и оперативности судебной защиты. Конкретная цель – разрешение дела в «короткий» срок за счет сокращения объема судебного акта и реализуемых процедур, в том числе судебного заседания, самого объемного по времени и числу совершаемых действий.

Анализ судебной практики показывает, что не является единообразным исполнение судом обязанности по соблюдению сроков рассмотрения гражданских дел в порядке упрощенного производства (ч. 1 ст. 154, ч. 3 ст. 232.1 ГПК РФ). Гражданские дела в порядке упрощенного производства рассматриваются и разрешаются судом до истечения двух месяцев со дня поступления заявления в суд. Упомянутые нормы являются конкурирующими, учитывая положение ч. 1 ст. 154 ГПК РФ относительно обязанности мировых судей рассмотреть и разрешить дело до истечения месяца со дня принятия заявления к производству. Представляется, что отсчет срока с момента «поступления» заявления в суд не применим к деятельности

мировых судей. В этой связи требуется внесение соответствующих изменений, учитывая минимальный пятнадцатидневный срок для представления сторонами доказательств и возражений относительно предъявленных требований (ч. 2 ст. 232.3 ГПК РФ).

Упрощенный порядок рассмотрения и разрешения гражданских дел не нарушает право граждан на получение судебной защиты в сформировавшихся стандартах справедливого правосудия, при котором состязательный характер процесса и процессуальное равенство сторон сохраняются.

Список источников:

1. Гражданское процессуальное уложение Германии: Вводный закон к Гражд. процессуальному уложению = Zivilprozessordnung Deutschlands mit Einführungsgesetz; пер. с нем. / [В. Бергманн, введ. и сост.]. 2016.
2. Обобщение практики рассмотрения Собинским городским судом гражданских дел в упрощенном порядке за 2017 г. http://sobinsky.wld.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=510
3. Концепция информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы, одобренная Советом судей РФ 05.12.2009 // http://kraevoy.alt.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=361

Петрунева Анна Николаевна

*старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Волго-Вятского института (филиала) Университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ О ВЫДАЧЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЛИСТА НА РЕШЕНИЕ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА: ЦЕЛЬ, ПРЕДМЕТ И ОБЪЕКТ ПРОВЕРКИ

Аннотация: в тезисах рассмотрены проблемы правового регулирования производства по делам о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда с позиции цели, предмета и объекта проверки со стороны государственного суда. Проведено исследование нормативного регулирования в рамках ГПК РФ и АПК РФ, а также разъяснений высших судебных инстанций. Выявлены пробелы законодательства в существующей нормативной правовой базе, регламентирующей определение цели рассматриваемого производства, изложена авторская позиция в отношении предмета и объекта проверки.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, решение третейского суда, выдача исполнительного листа на решение третейского суда, производство по делам о выдаче исполнительного листа.

В процессуальных кодексах [1; 2] нормы, регулирующие порядок выдачи исполнительного листа на решение третейского суда, содержатся в разделах, именуемых «Производство по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов». Вместе с тем, определение правовой природы института выдачи исполнительного листа на решение третейского суда требует определение цели, объекта и предмета деятельности государственного суда в рамках указанного производства.

В первую очередь обратим внимание на необходимость системного толкования ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [3], а именно положений ст. 5 и 6 в совокупности. В соответствии с положениями ст. 6 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» в рамках реализации функций содействия и контроля в отношении арбитража компетентный суд выполняет определенные процессуаль-

ные действия, а именно: избрание (назначение) арбитров (ч.ч. 3 и 4 ст. 11), отвод арбитра (ч. 3 ст. 13), прекращение полномочий арбитра (ч. 1 ст. 14), решение вопроса об отсутствии у третейского суда компетенции (ч. 3 ст. 16), оспаривание арбитражного решения (ст. 40). Указанный в статье перечень процессуальных действий компетентного суда является закрытым.

Следовательно, буквальное толкование ст. 6 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» позволяет сделать логический вывод, что выдача исполнительного листа на решение третейского суда не является действием государственного суда в рамках содействия и контроля. В данном случае возможно вести речь либо о наличии пробела в нормативном регулировании, либо об отнесении порядка выдачи исполнительного листа к процессуальным действиям суда за рамками третейского разбирательства.

Обратим внимание на законодательное противоречие еще в одной части нормативного регулирования. Раздел IV ГПК РФ именуется «Производство по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов» и содержит три главы: «Глава 46. Производство по делам об оспаривании решений третейских судов», «Глава 47. Производство по делам о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов», «Глава 47.1. Производство по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов». При этом АПК РФ содержит аналогичное построение и наименование главы 30. На основании анализа структуры раздела IV ГПК РФ и главы 30 АПК РФ можно обозначить несколько промежуточных логических выводов:

– наименование раздела предполагает, что в рамках указанных трех производств судом реализуются как функции содействия, так и контроля в отношении третейских судов;

– если производство по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов выделено отдельно в главу 47.1, то в остальных производствах реализуется функция контроля;

– целью выдачи исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов является контроль со стороны государственного суда в отношении третейского.

В этом отношении сложно согласиться с позицией М. В. Ясус: «в ведении компетентных судов находится не столько контроль, а сколько содействие в осуществлении третейского разбирательства» [7, с. 7].

Поскольку определение цели выдачи государственным судом исполнительного листа на решение третейского суда на основании буквального анализа законодательства является противоречивым, обратимся к разъяснениям высшей судебной инстанции. Вопросам выполнения судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства посвящен ряд разъяснений [4; 5]. В соответствии с пунктом 9 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 к полномочиям судов относятся функции содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, осуществляемые с учетом пределов вмешательства суда, установленных ст. 5 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [4]. При этом выдача исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда прямо отнесена к числу процедур, в рамках которых осуществляется функция контроля в отношении третейского разбирательства (п. 10) [4]. Наиболее интересной, по мнению автора, является позиция, изложенная в Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей, утвержденного Президиумом ВС РФ от 26.12.2018: «в отличие от решений судов свойством принудительной исполнимости решение третейского суда наделяется только после прохождения установленных процессуальным законодательством процедур получения исполнительного листа на его принудительное исполнение...» [5].

Таким образом, с позиции разъяснений ВС РФ государственный суд в отношении третейского разбирательства осуществляет функцию контроля, которая реализуется путем проведения процедуры проверки решения третейского суда. При этом следует отметить, что с позиции арбитража осуществляется содействие. Можно заключить, что употребление в нормативных актах словосочетания «содействие и контроль» фактически не требуют разделения, поскольку являются «сторонами медали». С позиции государственного суда осуществляется функция контроля, для третейского разбирательства – содействие.

В этом случае выдача судом исполнительного листа также останется в рамках осуществления функции контроля, которая реализуется путем проведения процедуры проверки. Однако данную проверку следует уже рассматривать как предварительный этап принудительного исполнения решения третейского суда, а основным содержанием является само исполнительное производство. И органами,

которые от имени государства данный элемент процессуальной формы реализуют, становятся не только суды, но и органы Федеральной службы судебных приставов. И в таком контексте вопрос о цели включения обеспеченной государством возможности принудительно исполнить решение третейского суда становится открытым.

В соответствии с ч. 4 ст. 424 ГПК РФ (ч. 4 ст. 237 АПК РФ) к числу документов, которые должны быть приложены к заявлению о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда относятся не только заверенная копия самого решения, но и третейское соглашение. В соответствии с ч. 2 ст. 425 ГПК РФ (ч. 2 ст. 238 АПК РФ) суд вправе для проведения проверки истребовать материалы дела, решение по которому оспаривается в суде. Здесь, скорее всего, имеется опечатка в нормах ГПК РФ, поскольку речь идет о материалах дела, о принудительном исполнении решения по которому испрашивает заявитель. В аналогичной норме ст. 238 АПК РФ противоречий не имеется.

Таким образом, по мнению автора, объектом контроля выступает третейское решение в совокупности с третейским соглашением.

В отношении предмета контроля стоит указать на позицию, изложенную в Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей, утвержденном Президиумом ВС РФ от 26.12.2018, где в абз. 6 указано, что проверка судом проводится «на предмет надлежащего, основанного на законе формирования состава третейского суда, соблюдения процессуальных гарантий прав сторон и соответствия решения третейского суда публичному порядку Российской Федерации», но далее предмет размывается: «то есть на предмет соответствия данного частноправового по своей природе акта тем требованиям, которые предъявляются законом для целей принудительного исполнения» [5].

Не согласимся с позицией С. А. Курочкина, что «суды от имени государства решают вопрос о включении арбитражных решений в правопорядок, проверяя их на соответствие минимальным стандартам юрисдикционной деятельности (надлежащий характер сторон, равное к ним отношение, состязательность процедуры, волеизъявление на подчинение юрисдикции)» [6], поскольку данный выводом предполагается существование третейских решений «вне» правопорядка. Если мы рассматриваем арбитраж как правоприменительную деятельность в рамках реализации права на суд

(но через призму ст. 11 ГК РФ), то его решения находятся уже в правопорядке, однако являются актом не публичного, а частного правоприменения. При этом следует согласиться с указанным выше автором, что предмет проверки – это соблюдение третейским судом при разбирательстве дела определенных границ процессуальной формы правоприменительной деятельности, которые установлены законом для арбитража.

Объект проверки не ограничивается только актом частного правоприменения, что обусловлено предметом проверки, который предполагает анализ установленной и реализованной сторонами формы арбитража в пределах границ, определенных законом.

Список источников:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 17.10.2019) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 08.06.2020) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

3. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (в ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 53 от 10.12.2019 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2018. – URL: <http://www.supcourt.ru/documents/all/27518/>

6. Курочкин С. А. О некоторых вопросах осуществления арбитражными судами контроля за решениями третейских судов и международных коммерческих арбитражей // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2008. № 09. URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/2463>

7. Ясус М. В. Вопросы экономической эффективности нового законодательства об арбитраже в России // Вестник арбитражной практики. – 2017. № 1. С. 5–14.

Плотников Дмитрий Александрович

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»*

ВЛИЯНИЕ СУЩНОСТИ ПРАВОСУДИЯ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация: формулирование предмета гражданского процессуального права производится без учета понимания того, что гражданское процессуальное право является разновидностью правосудия. Это требует от процессуалистов исходить из необходимости применения к гражданскому процессуальному праву сущности правосудия как вида осуществления государственной власти. Итогом такого подхода является исключение третейского разбирательства, примирительных процедур, альтернативных способов разрешения гражданско-правовых споров из предмета гражданского процессуального права.

Ключевые слова: правосудие, гражданское судопроизводство, предмет гражданского процессуального права.

Среди тенденций на фоне проводимой судебной реформы 2014 г. можно назвать обсуждение вопроса об унификации и дифференциации гражданского судопроизводства [16]. При этом вопрос об унификации обсуждается по таким направлениям как создание единой отрасли цивилистического процесса, единого порядка рассмотрения гражданских дел и др. При этом нельзя не обратить внимание на то, что при обсуждении вопроса о будущем системы отрасли гражданского процессуального права ключевым является не только понимание критериев образования отрасли права, но и соотношение сущности правосудия и предмета понимания гражданского процессуального права.

Несмотря на многочисленные публикации по вопросу сущности правосудия, в юридической литературе совершенно верно отмечается, что «можно до бесконечности спорить о том, что какое действие относится к правосудию, а какое – нет, но дискуссия будет неконструктивной до той поры, пока не будет найден консенсус по главному вопросу – а что такое правосудие и каково его содержание» [5, с. 124]. Определенную несогласованность вносит и сам законодатель, используя в ст. 118 Конституции РФ наряду с терми-

ном «правосудие» термин «судебная власть». Как итог – отдельная дискуссия о соотношении указанных терминов между собой, в том числе в странах бывшего Советского Союза (в частности, Республика Беларусь, Армения [1; 23]). В связи с этим, представители науки конституционного права отмечают, что «понимание правосудия весьма неоднозначно: оно рассматривается то как синоним судебной власти, то как судопроизводство, то как способ защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц» [14].

Приступая к определению влияния сущности правосудия на понимание предмета гражданского процессуального права, необходимо определить, является ли понятие правосудие родовым по отношению к гражданскому процессуальному праву. Если использовать метод структурирования и логической последовательности изложения норм прав, то можно прийти к выводу, что правосудие включает в свое содержание общественные отношения как в сфере гражданских процессуальных правоотношений, так и иных процессуальных правоотношений. Это, в свою очередь, выступает основанием для гипотезы о том, что содержание отрасли гражданского процессуального права сдерживается сущностью понятия правосудия. Именно поэтому формулирование в науке гражданского процессуального права сущности правосудия позволит решить вопрос о видах правоотношений, составляющих его предмет.

Следует признать, что вопрос соотношения судебной власти, правосудия и гражданского судопроизводства не раз становился предметом исследования. Вместе с тем, авторы только частично касаются вопроса влияния понимания указанных категорий на понимание гражданского процессуального права, его систему, предмет. При этом имеющиеся исследования можно разделить на группы в зависимости от отраслевой принадлежности авторов.

Первую группу составляют исследования представителей теории права и конституционного права. В рамках данной группы, как правило, обсуждаются общетеоретические вопросы, связанные с определением понятия и признаков правосудия, судебной власти, судебной деятельности, их целей, функций, соотношения указанных понятий между собой, формулирования принципов правосудия, гарантий деятельности судов и т.д. При этом общепринятым является утверждение, что «правосудие – главная, но не единственная функция судебной власти» [10], «его функции более многообразны, предназначены не только для обеспечения осуществления правосудия, но и для иных организационных и процессуальных объектов, при-

званных содействовать повышению эффективности деятельности судебной власти [14]».

На диссертационном уровне по теории права можно проследить две тенденции к пониманию правосудия: первая охватывает понятием правосудия как разрешение споров о праве, так и защиты законных интересов (например, Т.Н. Добровольская [7], Е.В. Завражнов [9, с. 6] и др.), а вторая – только разрешением споров о праве (правовых конфликтов) (например, О.И. Мамина [12, с. 9], В.Ю.Тарасов [19] и др.).

Таким образом, часть исследователей, представителей теории права, исходит из понимания правосудия как вида государственной деятельности по разрешению правовых конфликтов (споров о праве). Если предпринять попытку примерить указанное понятие к гражданскому процессуальному праву, то возникнет вопрос о неисковых производствах (приказное, особое), т.к. последние определяются законодателем как не имеющие в своей основе спорность. Кроме того, возникает вопрос и по отношению к отдельным категориям дел искового производства (например, дела о расторжении брака при взаимном согласии супругов, но при наличии несовершеннолетних детей, не могут выступать предметом изучения гражданского процессуального права. В частности, если потребитель не обращается к соблюдению досудебного порядка урегулирования спора, то следуя логике представителей первой группы, в таком случае нельзя говорить о наличии спора о праве, а, следовательно, и нет оснований принимать иск. Такой подход нельзя считать верным, т.к. при обращении в суд заинтересованное лицо предполагает, что у него нарушено субъективное гражданское право.

Вторая группа включает в себя исследования процессуалистов на стыке изучения категорий правосудия и гражданского судопроизводства (процесса). При этом исходит из наличия нескольких тенденций в указанном вопросе. Некоторые авторы изучают вопросы обеспечения доступности при осуществлении гражданского судопроизводства [15; 22; 2], вторые – исследуют вопрос о том, «какова роль судов, а также судебной формы в защите прав и интересов» [20], третьи – «модели участия граждан в отправлении правосудия по гражданским делам» [4], четвертые – изучают вопросы справедливости [18] и эффективности правосудия [17], пятые – изучают проблемы электронного правосудия [3], шестые – рассматривают правосудие как правоотношение [11] и др. Вместе с тем нельзя не обратить внимание, что указанные позиции авторов не позволяют решить вопрос влияния правосудия на определение сущности гражд-

данского процессуального права. Поэтому следует обратить внимание на исследования, которые преследует цель познания сущности гражданского процессуального права через понимание правосудия.

Вначале необходимо указать тех авторов, которые исследуют вопрос соотношения правосудия и гражданского судопроизводства, но изучает его не сквозь призму понимания предмета отрасли гражданского процессуального права (например, А.В. Цихоцкий [21, с. 114], С.Л. Дегтярев [6, с. 26] и др.). При этом ни первый, ни второй автор не касаются изучения вопроса влияния правосудия на понимание предмета гражданского процессуального права. Это не является каким-либо критическим замечанием в силу того, что авторы избирали иные походы к пониманию сущности правосудия, судебной власти и гражданского судопроизводства.

В завершении анализа основных тенденций укажем на такое направление как выяснение сущности правосудия и гражданского процессуального права с точки зрения содержания регулирования общественных отношений. В рамках данного направления часть процессуалистов разделяют точку зрения теоретиков права по вопросу понимания правосудия как процедуры разрешения споров о праве. В связи с этим в юридической литературе высказывается точка зрения, в соответствии с которой иные процессуальные действия, вынесенные вне рамок искового производства, являются примером не правосудия, а осуществления судебной власти [5, с. 101; 13, с. 133]. Однако с данным подходом не согласен Г.А. Жилин, который указывает, что к сфере правосудия при рассмотрении конкретного гражданского дела относится любой этап процессуальной правоприменительной деятельности суда» [8, с. 42]. Следует поддержать позицию Г.А. Жилина, т.к. разделять действия по вынесению судебного постановления и действия, предшествующие его вынесению, невозможно. В противном случае подрывается конституционное положение об отправлении правосудия судом.

Таким образом, имеющиеся дискуссии по вопросу влияния сущности правосудия на определение предмета гражданского процессуального права позволяют обозначить ряд выводов:

1) правосудие является родовым понятием по отношению к гражданскому процессуальному праву. Следовательно, содержание отрасли гражданского процессуального права сдерживается сущностью понятия правосудия;

2) содержанием правосудия выступает не только итоговая деятельность в виде вынесения судебных постановлений, но и иные виды су-

дебной деятельности по отправлению правосудия по гражданским делам на стадиях возбуждения, подготовки и судебного разбирательства;

3) в связи с признанием правосудия как деятельности, осуществляемой только судом, иные виды правоотношений, не отвечающие признаку рассмотрения и разрешения гражданских дел только судом, должны быть исключены из предмета регулирования гражданского процессуального права (например, третейское разбирательство, примирительные процедуры, альтернативные способы разрешения гражданско-правовых споров).

Список источников:

1. *Богданов Е.В.* Правосудие как форма осуществления правосудия по гражданским делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2003. 22 с.

2. *Борисова В.Ф.* Процессуальные гарантии доступности правосудия при обращении в суд общей юрисдикции // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2015. № 5. С. 56–60.

3. *Булгакова Е.В.* Электронное правосудие // *Российский судья.* 2013. № 7. С. 14–17.

4. *Грибов Н.Д.* Модели участия граждан в осуществлении правосудия по гражданским делам // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2018. № 1. С. 21–26.

5. *Громошина Н.А.* Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве: монография. М.: Проспект, 2010. 264 с.

6. *Дегтярев С.Л.* Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 51 с.

7. *Добровольская Т.Н.* Советское правосудие на современном этапе развернутого строительства коммунизма: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965. 34 с.

8. *Жилин Г.А.* Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. М.: Проспект, 2010. 576 с.

9. *Завражнов Е.В.* Судебная власть в Российской Федерации: общетеоретические вопросы и проблемы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 27 с.

10. *Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право России: учеб. 3-е изд. М., 2004 // СПС «КонсультантПлюс».

11. *Козлова Н.В.* Полномочия суда первой инстанции в исковом производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 28 с.

12. *Мамина О.И.* Правосудие в механизме правового государства: концепции и реальность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. 25 с.

13. *Носырева Е.А.* О функциях суда первой инстанции при рассмотрении гражданских дел // Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития: в 5 ч. Ч. 2. Гражданское, гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное право. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 14–15 ноября 2003 / под ред. Ю.Н. Старилова. Изд-во Воронежского государственного университета, 2004. С. 131–141 с.

14. Правосудие в современном мире: монография / *Анишина В.И., Артемов В.Ю., Большова А.К. и др.; под ред. Лебедева В.М., Хабриевой Т.Я.* М.: Норма, Инфра-М, 2012 // СПС «Консультант Плюс».

15. *Приходько И.А.* Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2005. 669 с.

16. *Решетникова И.В.* Современное процессуальное право: унификация или дифференциация? // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 32–52.

17. *Склярченко М.В.* Реальное исполнение судебных решений – базовый критерий эффективности правосудия // Исполнительное право. 2014. № 2. С. 18–24.

18. *Султанов А.Р.* Мотивированность судебного акта как одна из основных проблем справедливого правосудия // Закон. 2014. № 8. С. 114–118.

19. *Тарасов В.Ю.* Институт правосудия в системе разделения властей: Теоретико-правовой аспект автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 20 с.

20. *Туманов Д.А., Стрельцова Е.Г.* О некоторых концептуальных вопросах правосудия по гражданским делам // Закон. 2018. № 1. С. 28–45.

21. *Цихоцкий А.В.* Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам: дис. ... д-ра юрид. наук. Новосибирск, 1998. 612 с.

22. *Шамируин Л.Л.* Проблемы доступности правосудия в стадии принятия заявления и возбуждения производства по делу // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6. С. 112–123.

23. *Шмавонян Г.А.* Конституционное правосудие Армении в системе разделения властей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 25 с.

Попова Юлия Александровна

*д.ю.н., профессор, зав. кафедрой гражданского
и административного судопроизводства
Северо-Кавказского филиала*

*«Российский государственный университет правосудия»,
почётный работник высшего профессионального образования
России, заслуженный юрист Кубани.*

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
НА ОБРАЩЕНИЕ В СУД В ПОРЯДКЕ
ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Аннотация: в статье дан анализ действующего гражданского процессуального законодательства по проблемам порядка и условий обращения в суд субъектов спорных правоотношений. Дана характеристика юридического интереса как правового основания обращения в суд за его защитой. Предложены законодательные решения.

Ключевые слова: право на обращение в суд, законный интерес, Субъекты, обращающиеся в суд за судебной защитой.

Конституция Российской Федерации в ч. 1 ст. 46 закрепляет: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод». Практическая реализация этого права на судебную защиту осуществляется в соответствии с отраслевым процессуальным законодательством. Так, ст. 3 ГПК РФ «Право на обращение в суд» гласит: «Заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов».

В отечественной процессуальной науке далеко неоднозначно решался вопрос о правовом режиме возбуждения гражданского дела. В этой связи представляется целесообразным пересмотреть правовое регулирование некоторых институтов гражданского процессуального законодательства.

Юридическим фактом возникновения гражданских процессуальных отношений является факт обращения в суд заинтересованного лица. Судья в соответствии со ст.133 ГПК РФ обязан в течение пяти дней со дня поступления заявления в суд, решить вопрос о его принятии, о чём вынести определение.

Статья 134 ГПК РФ предусматривает основания, при наличии которых судья выносит определение об отказе в принятии искового заявления. Это определение является отказом в возбуждении гражданского дела. Основания к отказу, изложенные в ст. 134 ГПК РФ, распространяются не только на дела искового производства, но и на все категории дел, подведомственные судам общей юрисдикции. Следовательно, анализируемая норма должна быть обозначена: «Основание к отказу в принятии искового заявления (заявления)».

На наш взгляд, требует изменения структурное содержание ст. 134 ГПК РФ. Это касается, прежде всего, п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ. Изначально вызывает критику тот факт, что п. 1 ч. 1 анализируемой статьи содержит три самостоятельных основания к отказу в принятии искового заявления. В связи с объединением судов и созданием единой судебной системы, полагаем целесообразным п. 1 ч. 1 Ст. 134 ГПК РФ изложить в следующей редакции: «Судья отказывает в принятии искового заявления (заявления) в связи с неподведомственностью дела суду».

Вопросы судебной подведомственности всегда были предметом науки, законодательства и судебной практики. Сегодняшние реалии таковы, что судам стали подведомственны практически все гражданско-правовые (в широком смысле) споры. Это привело к существенной перегруженности судов. Считаем целесообразным определить критерии, по которым судьи должны отказывать в принятии искового заявления (заявления) в связи с неподведомственностью их суду. К таким делам следует отнести бесспорные дела и дела, не имеющие юридического интереса для заявителя, обращающегося в суд.

К бесспорным делам следует отнести все дела приказного производства. Их изъятие из судебной подведомственности значительно сократит нагрузку мировых судей. Бесспорные взыскания вполне вписываются в деятельность нотариуса по учинению исполнительной надписи для исполнения долгового обязательства. Этот механизм взысканий может быть более эффективным, если нотариус реализует функцию медиатора и убедит стороны долговых обязательств в необходимости и целесообразности добровольного исполнения этих обязательств. Должник, оспаривающий исполнительную надпись, вправе обратиться в суд в общеисковом порядке.

Основанием к отказу в принятии искового заявления (заявления) следует считать отсутствие у лица, обращающегося в суд, юри-

дического интереса. Это могут быть дела как искового производства, а также по делам особого производства.

Относительно дел искового производства лицом, у которого нет и не может быть юридического интереса в исходе дела, следует считать лицо (физическое или юридическое), которое не является и не может, в силу закона (подчеркнуто нами – Ю.А. Попова), являться субъектом спорных правоотношений. В будущем в процессе такой субъект будет ненадлежащим истцом.

Отсутствие у субъекта юридического интереса в деле, установленное в ходе судебного разбирательства, будет бесперспективным для дальнейшего его участия в деле. В этой связи правильным представляется мнение И.А. Хасаншина, который считает, что следует исключить из состава лиц, участвующих в деле, субъекта, чьи права не затрагиваются в данном процессе. [3, С. 14]

Предложенное решение позволит обеспечить процессуальную экономию, а также исключит возможность злоупотребления процессуальными правами.

Не подлежат судебной подведомственности заявления о рассмотрении судом требования о защите неправового спора. Имеются в виду такие требования, которые не подлежат защите в силу закона. Например, карточные долги, пари и т.п.

Действующий ГПК РФ в некоторых нормах (ст. 267, 277 и др.) закрепляет, что заявитель обязан указать цель (подчеркнуто нами – Ю.А. Попова), но нет указания, что эта цель должна быть правовой, т.е. влекущей для заявителя правовые последствия. Так, к примеру, признание судом гражданина безвестно отсутствующим должно влечь для заявителя возникновение, изменение, прекращение тех или иных правоотношений (алиментных, брачных и т.д.).

Если при подаче заявления заявитель не указал правовую цель, судья вправе возвратить заявление и в определении указать необходимость изложить правовую цель, для которой заявителю необходимо установить тот или иной юридический факт или совокупность юридических обстоятельств.

Отсутствие у заявителя правовой цели обращения в суд должно быть основанием к отказу в принятии заявления по делам особого производства.

Если отсутствие правовой цели установлено в стадии подготовки дела к судебному разбирательству или в стадии судебного разбирательства, производство по делу должно быть прекращено. Су-

дья выносит об этом мотивированное определение, которое может быть обжаловано в установленном законом порядке.

Изложенное позволяет предложить следующую редакцию ч. 1 ст.134 ГПК РФ:

«Судья отказывает в принятии искового заявления (заявления), если:

дело неподведомственно суду;

требование юридически безразлично для заявителя;

требование имеет бесспорный характер;

заявлено требование в защиту прав, законных интересов других лиц лицом, не имеющим такого права в силу федерального закона».

Остальные положения ст.134 ГПК РФ оставить без изменения.

Список источников:

1. *Хасаншин И.А.* Процессуальные гарантии прав участников производства в арбитражном суде первой инстанции / И.А. Хасаншин. Казань: Юрид. лит., 2014. С. 14.

Потапенко Евгений Георгиевич

*к.ю.н., доцент кафедры арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

АДАПТАЦИЯ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ВЗАИМНОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация: в статье обосновывается, что при взаимном проникновении арбитражного и гражданского процессуального права, в том числе в целях унификации цивилистического процесса, обязательным этапом выступает адаптации нормативного материала. Автором приводятся примеры, подтверждающие, что заимствованные процессуальные правила зачастую толкуются и применяются нетождественно. Указывается на необходимость эволюционного унификационного развития процессуального законодательство и права.

Ключевые слова: унификация, специализация, цивилистический процесс, интеграция права.

В современном цивилистическом процессуальном праве достаточно явно проявляется тенденция к унификации процессуальных правил. Несмотря на то, что разработка и принятие единого ГПК отложены на неопределенный срок, взаимное проникновение гражданского и арбитражного процессов посредством заимствования нормативного материала продолжается. Указанная тенденция развития процессуального права является ожидаемой, так как обеспечена организационно существованием единого Верховного Суда Российской Федерации. Унифицируются отдельные институты, процессуальные процедуры и отдельные нормы цивилистического процессуального права, что, в целом, следует поддержать. Но арбитражный процесс по отношению к процессу гражданскому все еще остается в значительной части специализированным, имеющим существенные особенности порядка рассмотрения гражданских дел. В этой связи заимствование нормативного материала, его внедрение как в гражданский, так и в арбитражный процесс должны осуществляться дозировано. «Новый» нормативный материал, включенный в отраслевую материю, неизменно проходит этап адаптации, включающий в себя выработку правил толкования и применения

данного материала к конкретным процессуальным отношениям. Этап адаптации является необходимым, от его прохождения зависит эффективность реализации процессуальных норм. Но адаптация затрудняется несколькими аспектами.

Во-первых, ошибками законодателя, связанными, в частности, с тем, что при заимствовании процессуальных норм не учитывается отраслевая специфика системы-реципиента. Данная ошибка часто приводит к процессуально-правовым коллизиям, а также к эффекту «чужеродного вещества». Так, например, ст. 322 ГПК РФ, регламентирующая содержание апелляционной жалобы, представления, претерпела изменения и действует в редакции Федерального закона от 28.11.2018 года № 451-ФЗ. Апелляционную жалобу до представления в суд необходимо направить (вручить) участвующим в деле лицам. Аналогичная норма содержится в АПК РФ (ст. 260). Однако новое правило не учитывается в других процессуальных нормах. Так, например, ст. 333 ГПК РФ в части 2 предусматривает, что частная жалоба на определения суда должна соответствовать требованиям ст. 322 ГПК РФ. В этой же части содержится правило, согласно которому копии частной жалобы направляются лицам, участвующим в деле, судом первой инстанции. В результате получается, что частная жалоба направляется участвующим в деле лицам дважды – заявителем и судом. Подобное правовое регулирование дезориентирует заявителей и правоприменителя. Если в соответствии со специальной нормой ч. 2 ст. 333 ГПК РФ копия частной жалобы направляется судом, то для чего данную копию направлять заявителю? Отменяет ли специальное правило общее правило ст. 322 ГПК РФ? Практика применения данной нормы пошла по пути двукратного направления копии частной жалобы, что представляется не в полной мере целесообразным.

Во-вторых, организационная и функциональная самостоятельность судов общей юрисдикции и арбитражных судов приводит к тому, что заимствованный нормативный материал для системы-реципиента является новым, требует выработки правил его толкования. Достаточно длительное самостоятельное развитие судебных подсистем привело к тому, что суды одной подсистемы не воспринимают практику судов другой подсистемы относительно толкования и применения заимствованной нормы. Без специального указания ВС РФ суды также не склонны к использованию института аналогии закона. В результате получается, что заимствованное процессуальное правило воспринимается как абсолютно новое. На-

пример, ст. 132 ГПК РФ в редакции в редакции Федерального закона от 28.11.2018 года № 451-ФЗ также содержит правило о самостоятельном направлении истцом копии искового заявления участвующим в деле лицам. В отличие от АПК РФ, предусматривающего в ч. 3 ст. 125 способ направления, ГПК РФ подобную норму не содержит. Указанное обстоятельство является, на наш взгляд, основанием для применения института аналогии закона. Но суды общей юрисдикции, не воспринимая практику реализации аналогичной нормы арбитражными судами и не применяя аналогию закона, рассматривают указанное процессуальное правило как новое, толкуют его по собственному усмотрению, требуя, например, направить копию искового заявления не просто заказным письмом с уведомлением о вручении, а ценным письмом с описью вложения.

Специфику отраслевой системы, некоторую «замкнутость» судебных подсистем следует учитывать при планировании унификации цивилистического процессуального права, которая должна происходить эволюционным путем, на что справедливо указывается в литературе [1, с. 6]. В любом случае существенные преобразования процессуального законодательства требуют периода адаптации, который связан с восприятием данных преобразований правоприменительной практикой, появлением разъяснений высшего суда по наиболее проблемным и спорным вопросам. При постепенном преобразовании цивилистического процессуального права проблема адаптации нового нормативного материала не столь ощутима. Практика постепенно воспринимает нововведения, направляет их развитие, нормативный материал обрастает актами толкования, что в совокупности способствует правильному восприятию и реализации процессуальных норм.

Список источников:

1. *Громошина Н.А.* Упрощение цивилистического процесса как проявление тенденции его унификации // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2016. № 9. С. 3–6.

Пугачёва Наталья Владимировна

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права СЗФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», советник Конституционного Суда Российской Федерации

Самсонов Николай Владимирович

к.ю.н., доцент кафедры гражданского процессуального права Ростовского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доцент

К ВОПРОСУ О ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТСМЕНОВ И ТРЕНЕРОВ

Аннотация: автором анализируется влияние материального права на процессуальную форму. Ставятся вопросы о теоретической обоснованности и практической целесообразности введения альтернативной подведомственности по индивидуальным трудовым спорам профессиональных спортсменов и тренеров.

Ключевые слова: гражданский процесс; индивидуальный трудовой спор; трудовое правоотношение; подсудность; спортивное право.

В юридической науке устоялось мнение о существовании тесной взаимосвязи процессуальной формы, в которой рассматривается конкретное гражданское дело, с защищаемым субъективным материальным правом [1, с. 29]. И хотя в основе этого мнения лежит утверждение, что «материальное право, однако, имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы. ... ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни...один и тот же дух питает закон и процесс, поскольку процесс является формой жизни закона» [2, с. 158], которое использовалось юридической наукой в связи с необходимостью ссылаться на классиков марксизма-ленинизма [3, с. 45], всерьёз отрицать влияние материального права на процедуру рассмотрения многих категорий гражданских дел в судах вряд ли возможно.

Безусловно, порядок рассмотрения гражданских дел в первую очередь подчинен единым правилам, содержащимся в ГПК РФ. Однако и практикующие юристы, и представители науки гражданского

процессуального права отмечают, что если речь идёт о достаточно больших группах дел, разрешаемых на основании норм, относящихся к одной отрасли материального права, то у судебного процесса появляются свои особенности [4, с. 91–96].

Специфика субъектного состава трудового правоотношения, его объекта и содержания также влияют на процедуру рассмотрения дела судом, вызывая к жизни ряд особенностей действия гражданского процессуального права при рассмотрении судом индивидуальных трудовых споров.

Первый вопрос, который возникает при рассмотрении любого гражданского дела, – это вопрос о подведомственности. Дела по спорам, возникшим из трудовых правоотношений (кроме дел об увольнении), относятся к категории дел с альтернативной подведомственностью, поскольку могут разрешаться как судами общей юрисдикции, так и комиссиями по трудовым спорам. Поэтому при определении подведомственности важно ограничивать трудовые споры от споров гражданско-правового характера.

Классическим критерием для отнесения спора к трудовым будет наличие такого соглашения между его сторонами, в котором одна сторона лично выполняет трудовую функцию, подчиняясь правилам внутреннего трудового распорядка, а другая оплачивает произведенную работу и обеспечивает предусмотренные трудовым законодательством, коллективным договором, соглашениями и трудовым договором условия труда (ст. 15 ТК РФ). Если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что заключенный между сторонами гражданско-правовой договор в действительности регулирует трудовые отношения между работником и работодателем, то такой спор должен рассматриваться и разрешаться как трудовой с применением норм трудового права. В силу положений ст. 11 ТК РФ к трудовым не относятся споры с участием в качестве работника военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы, членов советов директоров (наблюдательных советов) организаций (за исключением лиц, заключивших с данной организацией трудовой договор), лиц, работающих на основании договоров гражданско-правового характера.

Недавние изменения, внесённые в ч. 3 ст. 3, ч. 1 ст. 22.1, п. 3 ч. 2 ст. 22.1 ГПК РФ, побуждают нас еще раз обратиться к вопросу о подведомственности. Суть этих изменений состоит в том, что индивидуальные трудовые споры спортсменов, тренеров в профессиональном спорте и спорте высших достижений могут быть переданы

на рассмотрение третейского суда в рамках арбитража (третейско-го разбирательства), администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением, образованным с учетом требований законодательства о физической культуре и спорте. Таким образом, для индивидуальных трудовых споров с участием указанной категории работников устанавливается ещё один вариант альтернативной подведомственности.

Принятие данного закона побуждает нас поставить две группы вопросов.

Во-первых, следует задуматься, настолько ли специфичны особенности труда профессиональных спортсменов и тренеров, что трудовые споры только с их участием можно передавать на рассмотрение в третейский суд (арбитраж)? Насколько ли отличается труд тренера «в профессиональном спорте и спорте высших достижений» от труда тренера любительской команды или добровольного спортивного общества, чтобы осуществлять дифференциацию исходя только из одного критерия? Дают ли эти отличия основания для различного регулирования порядка защиты трудовых прав этих категорий работников?

Во-вторых, какова цель этого закона? Будет ли более эффективна защита прав данной категории граждан (с раннего детства учащихся в спортшколах и, вместо занятий, готовящихся к соревнованиям), в третейском суде (арбитраже), участие в котором предполагает меньшую активность суда, но большую диспозитивность и большую активность сторон, и который, в отличие от районного суда, бесплатно трудовые споры не рассматривает?

Отвечая на первую группу вопросов, следует предвосхитить аргумент сторонников анализируемых изменений по данному поводу скорее всего могут возразить, что труд спортсменов, тренеров в профессиональном спорте и спорте высших достижений настолько особенный, что для его регламентации существует отдельная отрасль права – спортивное право.

Дискутировать по поводу существования спортивного права как самостоятельной отрасли права в данной статье мы считаем излишним. Тем не менее отметим, что в указанном законе речь идет об «индивидуальных трудовых спорах спортсменов, тренеров в профессиональном спорте и спорте высших достижений». Эти споры, безусловно, вытекают «из трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений», которые в свою очередь регулируются трудовым правом, а не спортивным. Поскольку равные отношения

следует регулировать равным образом, то целесообразность существования различного регулирования в разграничении судебной и несудебной компетенции (подведомственности) индивидуальных трудовых прав работников, предоставление лишь одной категории работников возможности использовать иную форму защиты прав – третейское разбирательство (арбитраж), представляется излишней.

Отвечая на вторую группу вопросов, на наш взгляд, следует признать, что анализируемые новеллы не направлены на защиту интересов спортсменов. Скорее всего, рассмотрение трудовых споров с участием профессиональных спортсменов в третейском суде в рамках арбитража (третейского разбирательства), администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением, образованным с учетом требований законодательства о физической культуре и спорте, будет отвечать интересам их процессуальных противников. Ведь, как правило, третейское судебное разбирательство предназначено для разрешения споров между равными участниками правоотношения, тогда как в трудовом правоотношении работник всегда является экономически более слабой стороной и организационно зависим от работодателя, в связи с чем работник обоснованно должен получать определенные преимущества и в отношениях процессуальных с целью достижения справедливого баланса прав и законных интересов сторон судопроизводства [5, с. 47].

Именно такое положение работника и обуславливает существование особой процедуры рассмотрения индивидуальных трудовых споров, чего профессиональные спортсмены и тренеры будут лишены при рассмотрении дел в арбитраже. Все эти аргументы имели бы меньшее значение, если бы работник был не формально, а реально свободен в своем выборе – суд или арбитраж, однако в силу зависимо-го положения от работодателя не каждое соглашение о передаче спора на рассмотрение арбитража будет носить действительно добровольный характер.

Список источников:

1. Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова и др.; под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 832 с.

2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинение. Изд. 2-е. М., 1954. Т. 1. 699 с.

3. *Боннер А.Т., Фурсов Д.А.* История развития отечественной гражданской процессуальной мысли // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 3. С. 42–47; № 4. С. 44–48; № 5. С. 37–42; № 6. С. 42–47.

4. *Самсонов Н.В.* О связи общего и особенного в гражданском процессуальном праве // Современное право. 2018. № 6. С. 91–96.

5. *Пугачёва Н.В.* Некоторые вопросы, связанные с определением подсудности индивидуальных трудовых споров // Актуальные проблемы развития цивилистического процесса: сборник научных статей II Международной научно-практической конференции. 2019. С. 46–50.

Рассахатская Наталия Александровна

кандидат юридических наук,

доцент кафедры гражданского процесса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

ПРАВОВАЯ ПРОЦЕДУРА И ГРАЖДАНСКАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА

Аннотация: тезисы посвящены рассмотрению проблемы соотношения категорий «правовая процедура» и «гражданская процессуальная форма». За основу разграничения принимается существенная характеристика названных категорий и их специфические признаки.

Ключевые слова: правовая процедура, гражданская процессуальная форма, гражданское судопроизводство.

В процессуальной науке, так и в общей теории права не сложилось четкого разграничения понятий процедуры и процессуальной формы, составляющей суть соответствующего процесса. Проблема соотношения процесса с юридической процедурой остается одним из неразработанных вопросов теории гражданской процессуальной формы. Данные правовые конструкции имеют немало общих черт. Как процессу, так и любой правовой процедуре принадлежит организующая роль относительно конкретного результата, достижению которого они служат. Их нормативный режим предполагает обеспеченность в той или иной степени правовыми санкциями, наиболее распространенной из которых выступает признание деятельности, совершенной с нарушениями установленных правил, иррелевантной, недействительной. В свою очередь, отождествление или сближение понятий процесс и процедура весьма проблематично, поскольку между ними существуют принципиальные различия. Прежде всего следует отметить, что процессуальная форма создана и существует для организации, упорядочивания деятельности суда и участников судопроизводства по применению норм материального и процессуального права. Составляя суть соответствующего судопроизводства, процессуальная форма оказывает формирующее воздействие на деятельность всех участников осуществляемого правосудия, делая его судебным производством по рассмотрению и разрешению гражданского или уголовного дела. Именно про-

цессуальная форма производства служит одним из существенных признаков, которые отличают гражданское судопроизводство как от других форм государственной деятельности, так и от иных судопроизводств.

Таким образом, процессуальная форма и соответствующее судопроизводство существуют в неразрывном единстве. Наличие той или иной процессуальной формы всегда означает существование соответствующего судопроизводства. Гражданская процессуальная форма - это форма судебной юрисдикции, т.е. применения санкций соответствующих юридических норм для защиты и охраны субъективных прав граждан и организаций. Через нее осуществляется судебная власть. Соответственно предписания гражданской процессуальной формы в первую очередь адресуются суду. Таким образом, процессуальная форма всегда является порядком, регламентирующим исключительно процессуальную деятельность и процессуальные правоотношения.

Процедура применяется, главным образом, во внесудебных, не-юрисдикционных производствах: в законотворчестве, при выборах депутатов, режиме назначения на должность и т. д. В большинстве случаев для этого достаточно применения диспозиций, но не санкций соответствующих юридических норм. При этом процедурные принцип обращены в первую очередь к органам и учреждениям представительной и исполнительной власти.

Так как процедура представляет собой организующее средство обеспечения непринудительной реализации норм гражданского, семейного, трудового и т.п. права, она непременно включает в материальное право либо в виде статей и разделов Кодексов (например, статьи о заключении и прекращении брака в Семейном кодексе и т.п.), либо в виде автономных правовых актов, примыкающих к соответствующим кодексам. При всем многообразии юридических процедуры всегда - составная часть материального права. Они регламентируются материально-правовыми нормами в отличие от процессов, регулируемых нормами процессуальных отраслей права.

Нельзя не отметить и тот факт, что, в отличие от процесса и гражданской процессуальной формы, главным субъектом которых всегда выступает суд, процедура может складываться как с участием компетентного органа, так и без него.

В основу разграничения понятий категорий процессуальной формы и процедуры также положен дифференцированный подход

к регламентации соответствующей деятельности. Нормативное регулирование гражданской процессуальной формы, как и процесса в целом, проводится исключительно на уровне норм отрасли процессуального права, вследствие чего четкая, детальная регламентация порядка отправления правосудия свойственна лишь процессуальной форме. В отдельных случаях нормативное регулирование процесса может быть фрагментарным, однако это совсем не означает, что процессуальная форма, процесс теряют при этом качество детальности, хорошая организованность судопроизводства сохраняется благодаря использованию метода процессуального моделирования.

В свою очередь, нормативная регламентация процедуры осуществляется на уровне правовых институтов и, чаще всего, отдельных юридических норм. Причем, некоторые процедуры могут быть развернутыми (например, порядок оформления пенсий, обмена жилыми помещениями и др.), но и здесь, что в общем характерно для анализируемой категории, детализацию получают лишь наиболее существенные действия и только основных участников.

Кроме того, процедурный порядок может устанавливаться не только правовыми нормами, но и поднормативным индивидуальным регулированием правоотношений самими участниками, в частности в договоре.

Сказанное позволяет с уверенностью утверждать, что категории процессуальной формы и процедуры обладают существенными различиями, не допускающими стирания граней между ними, поскольку недопустимо отождествление материального (процедура) и процессуального (процесс).

Разграничение процессуальной формы судопроизводства и процедуры деятельности иных государственных органов вызывает необходимость выделения основных ее признаков, позволяющих раскрывать порядок рассмотрения, разрешения гражданских дел в качестве гражданской процессуальной формы. Признаки гражданской процессуальной формы заключаются в следующем: 1) она всегда включает в себя систему требований, закрепленных нормами гражданского процессуального права; 2) ее регулирующее воздействие направлено на процессуальную деятельность и процессуальные правоотношения суда, сторон, других участников производства; 3) она устанавливает последовательность возникновения и развития деятельности; 4) ее правила обеспечены юридическими санкциями.

Савельева Татьяна Алексеевна

*к.ю.н., доцент кафедры арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИНСТИТУТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Аннотация: автором рассматриваются некоторые проблемные аспекты нормативной регламентации института представительства в арбитражном процессуальном праве, связанные с введением образовательного ценза для представителей. Анализируются правовые позиции Конституционного Суда РФ по этому вопросу, в том числе, о возможности участия в арбитражном процессе представителей без высшего юридического образования, высказываются предположения о дальнейшем развитии арбитражного процессуального законодательства в этой части.

Ключевые слова: арбитражный процесс, профессиональное представительство, Конституционный Суд РФ, право на доступ к суду.

Одним из результатов проходящей в стране судебной реформы явилось введение в судопроизводство по гражданским делам института профессионального представительства. Впервые образовательный ценз, как обязательное требование к представителям, был введен Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации в 2015 году. В соответствии со ст. 55 КАС РФ представителем в административном судопроизводстве может быть лицо, обладающее полной дееспособностью, не состоящее под опекой или попечительством и имеющее высшее юридическое образование.

Многие ученые положительно оценили данное нововведение. Так, по мнению Г.С. Шереметовой, установленные в КАС РФ требования к субъекту оказания юридической помощи являются своего рода гарантией ее качества. Справедливости ради стоит отметить, что известный адвокат Г.М. Резник еще задолго до принятия КАС РФ к субъектам оказания квалифицированной помощи относил

исключительно лиц, имеющих, как минимум, высшее юридическое образование [1, с. 236–237].

Появлению такой новеллы во многом способствовала правовая позиция Конституционного суда РФ, изложенная более 20 лет назад в Постановлении от 28 января 1997 г. № 2-П [2], в котором Конституционный суд РФ указал, что, гарантируя право на получение именно квалифицированной юридической помощи, государство должно обеспечить условия, способствующие подготовке квалифицированных юристов для оказания гражданам различных видов юридической помощи и установить с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования и критерии. Несмотря на то, что позиция Конституционного Суда РФ касалась прав подозреваемых и обвиняемых пользоваться квалифицированной юридической помощью со стороны лиц, не являющихся членами коллегий адвокатов, тем не менее, она отражает общий подход высшего органа конституционного контроля на обозначенную проблему и могла быть положена в основу дальнейших научных изысканий и поиска решений законодателя о роли адвокатуры и качестве оказываемой адвокатами юридической помощи в современном обществе.

Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ [3] эти положения были распространены на другие процессуальные кодексы. Отныне требования относительно наличия высшего юридического образования у представителей в гражданском и арбитражном процессе содержатся в Гражданском процессуальном кодексе РФ (ч. 2 ст. 49 ГПК РФ) и Арбитражном процессуальном кодексе РФ (ч. 3 ст. 59 АПК РФ).

Но, как показала судебная практика, унификация норм процессуального законодательства, регулирующего институт представительства в судопроизводстве по гражданским делам, без учета специфики судопроизводства и особенностей спорных материальных правоотношений, была явно преждевременной. Доказательство тому – Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2020 г. № 37-П [4], вынесенное по жалобе учредителя ООО «Александра», которого не допустили к представительству интересов фирмы в арбитражном суде ввиду отсутствия юридического образования. В данном документе Конституционный Суд РФ выразил свою позицию относительно возможности участия в арбитражном процессе представителей без высшего юридического образования в следующих случаях:

- по одному делу организация имеет несколько представителей;
- высшее юридическое образование или степень кандидата наук по юридической специальности, либо статус адвоката имеет хотя бы один из представителей;
- представитель без высшего юридического образования представляет организацию в силу статуса ее учредителей (участников);
- наличие у представителей без высшего юридического образования иного специального образования или опыта практической деятельности в определенной сфере.

Последнее требование Конституционным Судом РФ скорее предполагается, нежели констатируется как обязательное.

Таким образом, отдавая приоритет юридической квалификации лиц, представляющих интересы организаций в арбитражных судах, Конституционный Суд РФ осознает значимость и специальных знаний у такого рода представителей, их компетентности и практического опыта участия в управлении обществом, позволяющих им максимально эффективно осуществлять свои полномочия.

Сфера налогообложения, констатировал Конституционный Суд РФ, будучи специфической отраслью общественных отношений, требует специальных знаний и квалификации (не только в области юриспруденции) для результативной защиты прав налогоплательщика-юридического лица, а потому в практике разрешения налоговых споров востребована возможность совместного представительства интересов налогоплательщика с участием одновременно профессионального юриста и профильного работника организации (исполнительного директора, главного бухгалтера, бухгалтера), обладающего финансовым или экономическим образованием и сведущего в тех аспектах ее деятельности, которые подлежат судебному исследованию.

Можно высказать предположение о возможности расширения сферы применения данной правовой позиции и на другие категории дел, которые требуют специальных познаний в таких сферах, как таможенное, банковское, страховое дело, антикризисное управление, бухгалтерский учет и др. С большой долей вероятности можно предположить, что дальнейшее развитие нормативной регламентации института представительства в арбитражном процессе будет способствовать реализации задач по обеспечению доступности правосудия и эффективности судопроизводства, поскольку позволяет сторонам судебного разбирательства наиболее полно раскрыть детали спорных материальных правоотношений

и представить суду свои доводы максимально компетентно не только с юридической точки зрения.

Как известно, позиция Конституционного Суда РФ относительно соответствия Конституции РФ смысла проверяемого им нормативного правового акта или его отдельного положения, без дальнейшего подтверждения подлежит учету правоприменительными органами. Вместе с тем реализация обозначенной выше правовой позиции Конституционного Суда РФ может привести к корректировке норм действующего арбитражного процессуального законодательства, либо потребовать разъяснений Верховного Суда РФ в этой части.

Список источников:

1. Васильчикова Н.А. Некоторые новеллы представительства в административном судопроизводстве // Ленинградский юридический журнал. 2016. С. 231–240.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 7, ст. 871.

3. Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (в ред. от 17 октября 2019 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49, ч. 1, ст. 7523.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2020 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина К.В. Бударина» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30, ст. 5000.

Саттарова Зульфия Зульфатовна

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса,
Оренбургский институт (филиал) Университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*

ВОПРОСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СВЕТЕ РЕФОРМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: в тезисах анализируются изменения в процессуальном законодательстве, регламентирующие профессиональное судебное представительство. Выделяются преимущества и недостатки профессионального судебного представительства, определяются перспективы развития.

Ключевые слова: представитель, судебная защита, профессиональное представительство, высшее юридическое образование, адвокат.

Право гражданина на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе бесплатной, является одной из важнейших гарантий соблюдения прав и свобод человека, закрепляемых в ч. 1 ст. 48 Конституции РФ. Институт судебного представительства обеспечивает реализацию права на судебную защиту, выступает одной из гарантий.

Представитель в гражданском процессе выполняет, прежде всего, правозащитную функцию, но наряду с этим он также способствует правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданских дел, что обусловлено преимущественно профессиональным характером данной деятельности, предполагающим знание представителем норм материального и процессуального права, наличие опыта ведения дел в судах, владение навыками сбора и представления доказательств, качественной подготовки процессуальных документов. Задача судебного представителя – оказать содействие представляемому в целях защиты его прав и интересов путем оказания юридической помощи [1, с. 15.].

Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

внес в ГПК РФ и АПК РФ изменения, вступившие в силу с октября 2019 г., которые предусматривают, что представителями в суде, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Иные оказывающие юридическую помощь лица должны представить суду документы, удостоверяющие их полномочия, а также документы о своем высшем юридическом образовании или об ученой степени по юридической специальности. При этом в соответствии с АПК РФ квалификационное требование в виде наличия такого образования либо такой степени к лицам, уполномоченным в силу закона, иного правового акта или учредительного документа выступать от имени организации, не предъявляется, что составляет дополнительную гарантию доступности судебной защиты. Сходного регулирования в отношении организаций придерживается ГПК РФ и КАС РФ.

Нормы о допуске в качестве представителей исключительно лиц с высшим юридическим образованием предусмотрены в КАС РФ с момента его вступления в силу, а точнее с 15 сентября 2015 г. Они неоднократно становилось предметом обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, который в ряде определений указал на согласованность такого требования со статьей 48 Конституции Российской Федерации, отметив в качестве дополнительной гарантии защиты прав граждан в административном судопроизводстве предоставленную им возможность вести свои административные дела в суде лично (определения от 29 марта 2016 года № 680-О, от 23 июня 2016 года № 1405-О, от 24 ноября 2016 года № 2556-О, от 28 февраля 2017 года № 245-О, от 28 сентября 2017 года № 1843-О и от 28 ноября 2019 года № 2993-О).

Считается, что введение профессионального судебного представительства органично сочетается с проводимой реформой судостроительства и судопроизводства. Оно будет способствовать: во-первых, повышению качества и уменьшению сроков рассмотрения дел в суде; во-вторых, снижению нагрузки судов за счет уменьшения количества обращений по малозначительным или неосновательным спорам, а также спорам, имеющим внесудебную перспективу урегулирования и разрешения по существу (введение юридической монополии будет способствовать увеличению стоимости услуг профессионального представителя).

Вместе с тем, введение профессионального судебного представительства вызывает множество споров. Одна часть юристов склоняется к тому, что именно профессиональное представительство способное упростить ход судебного процесса, ведь людям, разбирающимся в юридических тонкостях гораздо проще правильно, а то еще важнее всего грамотно разрешить дело. Другая часть склоняется к тому, что введение профессионального представительства в суде ухудшит доступность судебной защиты ввиду отсутствия системного подхода по предоставлению бесплатной юридической помощи.

Бесспорно, реальная состязательность и повышение эффективности судебных разбирательств возможны только при условии квалифицированного юридического представительства. Однако важно не только провозгласить состязательность, но и обеспечить фактическое равенство сторон, которое будет возможным только в условиях реального доступа сторон к помощи квалифицированного представителя.

Однако такого всеобъемлющего закона, к сожалению, до сих пор нет. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» таких механизмов, обеспечивающих доступ к судебной защите в рамках гражданского и административного судопроизводства, не устанавливает, то же самое касается законодательства об адвокатуре. Требовать от адвокатов, работающих в условиях самофинансирования, бесплатной работы по гражданским и административным делам вряд ли возможно и разумно.

Следует также учитывать, что переизбыток юристов – это проблема больших городов. В сельской местности и небольших отдаленных населенных пунктах найти квалифицированного юриста достаточно сложно, что также будет препятствовать доступу к правосудию. Поэтому при введении требования о наличии высшего юридического образования важно обсудить и предложить механизмы, обеспечивающие доступность юридической помощи для всех материально нуждающихся [2, с. 13–14].

Несмотря на выше указанные недостатки, ряд исследователей в полной мере поддерживают наметившиеся преобразования, говоря о том, что предложенный путь реформирования института представительства может послужить хорошей платформой на пути к «адвокатской монополии» в России, которая при условии ее грамотного и постепенного введения, а так же реформирования само-

го корпуса адвокатуры путем не только увеличения его численности, но и прежде всего повышения профессионализма, может стать эффективным инструментом цивилистического процесса. Так же отмечается, что введение образовательного ценза, будет являться гарантией в реализации права именно на квалифицированную юридическую помощь, и не будет влечь ограничения принципов диспозитивности и доступности судебной защиты [3, с. 22].

Учитывая двойственную природу судебного представительства, служащего одновременно средством реализации права на судебную защиту и одним из проявлений права на получение квалифицированной юридической помощи, Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что право на судебную защиту не предполагает выбора по своему усмотрению любых ее способов и процедур, а право вести свои дела в суде через самостоятельно избранного представителя не означает возможности участия в судопроизводстве любого лица в качестве представителя. Так, в Постановлении КС РФ от 16 июля 2020 № 37-П устанавливается, что часть 3 статьи 59, часть 4 статьи 61 и часть 4 статьи 63 АПК РФ не предполагают ограничения права организации поручать ведение дела от имени этой организации в арбитражном процессе связанному с ней лицу, в частности ее учредителю (участнику) или работнику, не имеющему высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности, за исключением лиц, которые не могут быть представителями в силу прямого указания закона (статья 60 данного Кодекса), при условии, что интересы этой организации в арбитражном суде одновременно представляют также адвокаты или иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие такое образование либо такую степень. Двойственность природы судебного представительства обусловлена сочетанием публичных и частных начал в рассматриваемом институте, что и предопределяет особенности регулирования с применением дискреции, не нарушая конституционных положений.

Определяя перспективы развития профессионального представительства, необходимо обратить внимание на следующие моменты. Учитывать при установлении профессиональных квалификационных требований применительно к разным видам судопроизводства особенности спорных материальных правоотношений и субъектный состав участников. С учетом специфики арбитражного процесса не ограничивать профессиональное представительство только формальным требованием о наличии высшего юриди-

ческого образования. Лица с высшим образованием в прикладных сферах (таможенное, банковское, страховое дело, антикризисное управление, бухгалтерский учет и др.), зачастую могут оказать по соответствующим категориям споров не менее компетентную помощь. Требуется более детальная единообразная регламентация оформления полномочий представителя, в том числе при использовании информационных технологий. Имеется много вопросов по полномочиям и основаниям применения представителей по назначению суда, которые тоже являются профессиональными представителями. Поскольку пересмотр судебных актов, будучи гарантией права на судебную защиту, требует профессиональные знания в области права в большей степени, то и оказание юридической помощи на стадиях по пересмотру станет действительно профессиональным при осуществлении этих действий адвокатами. Названные аспекты взаимосвязаны и требуют комплексного регулирования и согласованности.

Полагаем необходимым дальнейшее развитие, теоретическое и практическое обоснование данного процессуального института, нацеленного обеспечивать баланс частных и публичных интересов и обеспечивать доступность и эффективность судебной защиты.

Список источников:

1. *Щеглов В.Н.* Субъекты судебного гражданского процесса. Томск. 1979. 129 с.
2. *Ярков В.В.* Проект процессуальной реформы: quo vadis? // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 10–14.
3. *Чудиновская Н.А.* К вопросу о реформировании института представительства // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 21–22.

Свирин Юрий Александрович

*доктор юридических наук, заведующий кафедрой
гражданского права и процесса ОУП ВО «Академия труда
и социальных отношений»*

КОГЕРЕНТНОСТЬ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в тезисах представлен анализ соотношения процессуальных прав и обязанностей. По мнению автора, стороны наделены только правами на собственное поведение, у сторон отсутствует право требования, а некоторые обязанности, закрепленные в нормах ГПК, фактически являются правами.

Ключевые слова: процессуальные права, процессуальные обязанности, право требования, обязанность по доказыванию.

Изучению таких правовых категорий, как «процессуальные права» и «процессуальные обязанности» посвящали свои труды многие исследователи, начиная от классиков процессуальной правовой доктрины (О. Бюлов, А.Х. Гольмстен и другие) и заканчивая современниками (А.А. Власов, М.К. Треушников, М.К. Юков, В.В. Ярков и другие). Однако, до настоящего времени так и осталась энтропия в определении сущности и когерентности, на первый взгляд, достаточно простых правовых категорий: процессуальные права и процессуальные обязанности.

В доктрине имеет место суждение о том, что юридическая связь субъектов процессуальных отношений с его объектами представляет собой не что иное как процессуальные права и обязанности. Следовательно, гражданский процесс, описываемый в доктрине как сложное юридическое отношение, есть не что иное как комплекс прав и обязанностей. В учебной и научной литературе отмечается, что гражданское процессуальное законодательство наделяет стороны широким кругом процессуальных прав и возлагает на них процессуальные обязанности, где процессуальному праву одной стороны корреспондирует процессуальная обязанность другой стороны [1. с. 76].

А.Х. Гольмстен, будучи одним из основоположников российской процессуальной доктрины, под правом понимал не только возможность стороны действовать или не действовать в процессе, но

и требовать действий от суда, что, по его мнению, приобретает особо важное значение в гражданском процессе [2. с. 138]. Современное правовое регулирование цивилистического процесса позволяет сделать вывод о том, что стороны, а также третьи лица обладают широкими процессуальными правами, за исключением права требования от суда каких-либо действий. Суд же, обладая обширным перечнем прав, имеет право требовать от сторон и других участников процесса определенного действия или воздержание от таковых.

По мнению М.К. Юкова, элементами категории «право» являются конкретные правомочия: право требования и право на положительные действия. Однако, далее автор указывает, что в нормах гражданского процессуального права могут быть закреплены правомочия, характеризующие только право требования на исполнение юридической обязанности и такое право требования принадлежит суду [3. с. 51]. Таким образом, с точки зрения формальной логики, следует вывод о том, что стороны лишены права требования активных действий обязанного субъекта, в том числе и суда, а следовательно, сторона обладает только правом на положительное собственное действие. Однако, как нам представляется, с таким утверждением уважаемого М.К. Юкова можно согласиться лишь частично.

Во-первых, если представить права и обязанности как юридическую связь в процессуальных правоотношениях: суд-истец, суд-ответчик, суд-эксперт, суд-свидетель, суд – 3-е лицо и т.д., то мы увидим, что у истца, например, нет права требования от ответчика определенного действия или бездействия, поскольку юридическая связь осуществляется только через суд. Здесь нет самого главного – процессуальной юридической связи между сторонами, напрямую, без суда. И в этом с М.К. Юковым вполне можно согласиться.

Во-вторых, если говорить о собственном правомочии, то следует обратить внимание на то, что стороны имеют право не только на положительное действие, но и на бездействие. Например, сторона вправе не являться в процесс, не представлять доказательства в суд. И в этом случае ни другая сторона, ни суд не вправе требовать от стороны положительного действия. Таким образом, можно констатировать, что право сторон представляет собой только возможность (правомочие) действовать или бездействовать в процессе, но у сторон нет права требовать от суда или другого участника процесса определенного положительного действия или бездействия.

Из анализа процессуальных норм видно, что количество процессуальных прав сторон преобладает над процессуальными обязанно-

стями суда, т.е. в процессе преобладает множество прав сторон и не-много обязанностей суда. И в этом случае возникает релевантный вопрос о том, существует ли когерентная связь между процессуальными правами и процессуальными обязанностями, о которой часто пишется в юридической литературе.

А.Х. Гольмстен в 1913 году замечал, что все права сторон есть право действовать или бездействовать, или право требовать или не требовать действий от суда [2. с. 139]. Однако в соответствии с действующим процессуальным законом стороны вправе лишь ходатайствовать (просить) суд совершить определенные действия. Причем такому праву опять таки корреспондирует не обязанность суда, а его право совершить положительное действие или не совершать его в ответ на просьбу стороны, поэтому когерентной связи между процессуальными правами и обязанностями сегодня не существует.

Из анализа положений ГПК РСФСР 1964 года можно сделать следующий вывод. На основании статьи 50 ГПК РСФСР истец был обязан доказать основание иска, суд в свою очередь имел право требовать от истца представления доказательств, а если истец по каким-то причинам все же не представлял доказательства суд был обязан принимать меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств по делу, т.е. суд сам обязан был собирать доказательства, по собственной инициативе. Более того, если суд не проявлял инициативы в сборе доказательств, то решение подлежало отмене. Поэтому в РСФСР права и обязанности корреспондировали друг другу, благодаря энтропии в диспозиции процессуальных норм. В связи с чем М.К. Юков справедливо отмечает, что права и обязанности существовали параллельно, когда обязанность подразумевает право, а право подразумевает обязанность [3 с. 61]. И в этом случае можно сделать вывод о том, что они не только существовали параллельно, но и смешивались, когда одно поглощало другое.

Неопределенность в определении прав и обязанностей не преодолена и нормами действующего ГПК РФ. Так, в соответствии со статьей 56 ГПК РФ каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований или возражений. Слово «должен» является глаголом с неопределенным наклоном и с точки зрения русского языка соответствует слову «обязан». Именно такое толкование дают этому слова все толковые словари. И только словосочетанию «должно быть» придается вероятное значение.

Следует заметить, что обоснование юридических обязательств (лат. *obligation*) впервые было сделано римскими юристами, по мнению которых должник обязан совершить в пользу кредитора определенное действие. За неисполнение своих обязанностей наступали для обязанного лица неблагоприятные последствия. Следовательно, если законодатель в диспозиции статьи 56 ГПК РФ употребляет словосочетание «должна доказать те обстоятельства», то следует понимать «обязана доказать те обстоятельства». Однако лексическое толкование слов русского языка не всегда совпадает с его юридическим содержанием. С.В. Курылев утверждает, что обязанность по доказыванию существует не у любой стороны в процессе, а лишь у той, утверждения которой о фактах справедливы [4. с.133]. В такой конструкции автор допускает слияние в бремени доказывания и прав, и обязанностей.

Оскар Бюлов утверждал, что в гражданском процессе как юридическом отношении *sui generis* тяжущиеся обладают только правами, но не несут никаких процессуальных обязанностей. Однако такие права проникнуты преклюзивным характером, вследствие чего при неосуществлении своих прав в срок они прекращаются, а обладатель прав несет все невыгодные последствия [5 с. 21]. Вслед за ним и А.Х. Гольмстен отрицал наличие у сторон каких-либо процессуальных обязанностей [2. с. 141].

Таким образом, основоположниками доктрины гражданского процесса отрицалась возможность наделения сторон какими-либо обязанностями, тем более в сфере доказывания. В связи с чем указание в диспозиции статьи 56 ГПК РФ в силу закона *ipso jure* (лат.) на обязанность сторон в представлении доказательств *ipso facto* (лат) в силу очевидного факта является *facto jure impossibilia* (лат.) юридической недопустимостью.

Если лицо бездействует в процессе доказывания, оно таким образом желает выразить свою волю и содержание этой воли охватывает невыгодные для лица последствия в результате своего бездействия. Последствия безусловно имеют разное содержание. Например, неявка ответчика в суд до 1917 года, давало основание для фикции признания им исковых требований. В настоящее время неявка в суд ответчика презюмирует возможность суда вынести решение основываясь на тех доказательствах, которые имеются в материалах дела. Неосуществление лицом своего права влечет потерю такого права и в приведенном выше примере лишает ответчика права представлять в апелляционную инстанцию доказательства.

Таким образом, некоторые из обязанностей участников процесса (сторон, третьих лиц) закрепленные в нормах процессуального законодательства, фактически являются не обязанностями, а правами этих лиц.

Как нам представляется, было бы логично в целях единообразия судебной практики, сформулировать диспозиции норм таким образом, чтобы исключить всякое двоякое толкование норм права, смешение процессуальных прав и обязанностей. Лексическое толкование слов должно соответствовать их юридическому смыслу и здесь не надо изобретать велосипед. Это во всяком случае, будет свидетельствовать о качестве юридической техники при правотворчестве. Например, в диспозиции статьи 56 ГПК РФ закрепить не обязанность по доказыванию, а право на доказывание, как субъективное право сторон и третьих лиц.

Список источников:

1. *Власов А.А.* Гражданское процессуальное право: учебник. М.: Велби, 2004.
2. *Гольмстен А.Х.* Учебник русского гражданского судопроизводства. М.: Тип. М. Меркушева, 1913.
3. *Юков М.К.* Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права. М.: Статут, 2020.
4. *Курылев С.В.* Юридическая природа бремени доказывания в судопроизводстве. Труды Иркутского госуниверситета. Т. 78. Сер. юридическая. Вып. 2. Ч. 1. Иркутск, 1970.
5. *Оскар Бюлов.* Учение о процессуальных возражениях и процессуальных предпосылках. М.: Статут, 2019.

Скобелев Владимир Петрович

доцент, кандидат юридических наук, доцент юридического факультета Белорусского государственного университета

**О НЕДОСТАТКАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ВОЗРАЖЕНИЙ
НА АПЕЛЛЯЦИОННУЮ ЖАЛОБУ (ПРОТЕСТ)**

Аннотация: показаны недостатки, имеющиеся в регулировании возражений на апелляционную жалобу (протест) в гражданском судопроизводстве: неверное структурное расположение соответствующих норм в тексте кодекса, наличие неоправданных ограничений для подачи возражений, присутствие пробелов в регламентации ряда вопросов и пр. На этой основе сделаны предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; апелляция; апелляционная жалоба (протест); возражения на апелляционную жалобу (протест).

С 21 июля 2018 г. в Республике Беларусь действует апелляционная форма проверки не вступивших в законную силу судебных постановлений по гражданским делам, пришедшая на смену прежнему кассационному (организованному по советской модели) производству. Анализ апелляционных правил показывает, что в регулировании возражений на апелляционную жалобу (протест) имеется ряд весьма серьезных недостатков.

1. Статья 411 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), посвященная возражениям на апелляционную жалобу (протест), помещена законодателем в § 2 «Возбуждение апелляционного производства» главы 32 ГПК, что является неверным. Стадия возбуждения апелляционного производства завершается с принятием судом первой инстанции от заявителя апелляционной жалобы (протеста), соответственно все действия, совершаемые после этого момента, в том числе и подача возражений на апелляционную жалобу (протест), относятся уже к следующей стадии процесса – подготовке дела к апелляционному пересмотру. В пользу этого свидетельствуют и правила, определяющие предельный срок для подачи возражений на жалобу (протест): не позднее чем за пять дней до начала рассмотрения дела судом второй инстан-

ции (очевидно, что данный временной отрезок не имеет отношения к возбуждению апелляционного производства). Заметим, что в период действия кассации статья о возражениях на жалобу (протест) – ст. 414 ГПК – тоже находилась в § 2 главы 32 ГПК, но тогда данный параграф назывался иначе: «Возбуждение кассационного производства. Подготовка к рассмотрению кассационной жалобы или кассационного протеста». Кардинально меняя название § 2 главы 32 ГПК при замене кассации на апелляцию, законодатель «забыл» перенести из него нормы, имеющие отношение к подготовке дела, в другой параграф главы 32 ГПК – § 3 «Подготовка и рассмотрение дела судом апелляционной инстанции».

2. Термин «возражение» указывает на то, что участникам процесса дозволено выражать только несогласие с апелляционной жалобой или протестом (в этом плане законодатель продолжил традиции прежней редакции ст. 414 ГПК, которая тоже была посвящена возражениям на кассационную жалобу или протест). Между тем апелляционная жалоба (протест) может вызывать у заинтересованных лиц и другую реакцию. Например, индифферентное отношение, которое может быть выражено словами «разрешение жалобы (протеста) оставляю на усмотрение суда». Помимо этого, заинтересованные лица могут соглашаться с жалобой (протестом), одобрять ее (его). И для выражения такого согласия (одобрения) существующих правил ст. 410 «Присоединение к апелляционной жалобе» ГПК однозначно недостаточно.

Во-первых, лицо может попросту не желать присоединиться к чужой апелляционной жалобе. Во-вторых, заявление о присоединении к апелляционной жалобе может быть подано в суд первой инстанции только в пределах срока апелляционного обжалования (ч. 2 ст. 410 ГПК), и заинтересованное лицо может его пропустить, в частности, потому, что получило копию жалобы уже по истечении апелляционного срока или же положительное эмоциональное отношение к жалобе сформировалось уже после того, как срок на апелляционное обжалование истек. В-третьих, присоединиться к апелляционной жалобе процессуальный закон позволяет только соистцам, соответчикам и третьим лицам, выступающим в процессе на стороне лица, подавшего апелляционную жалобу, однако одобрительное отношение к жалобе может возникнуть и у других субъектов процесса, не имеющих права на присоединение к жалобе: ведь не исключена ситуация, когда апелляционная жалоба истца может вызвать одобрение у одного из соответчиком или у третьего лица

на стороне ответчика. В-четвертых, чтобы заявление о присоединении к апелляционной жалобе считалось таковым, содержащееся в нем требование должно быть полностью тождественным требованию апелляционной жалобы (ч. 3 ст. 410 ГПК), но заинтересованное лицо может соглашаться только с доводами жалобы, а требование заявлять другое, свое. В-пятых, поддержку у участников процесса может вызывать и апелляционный протест, но по буквальному смыслу ст. 410 ГПК присоединение к нему невозможно.

В свете сказанного полагаем, что было бы более правильно, если бы ст. 411 ГПК регулировала вопросы представления на апелляционную жалобу (протест) не возражений, а отзыва (как собирательного понятия, охватывающего собой самый широкий спектр возможных оценок жалобы или протеста) подобно тому, как это сделано в хозяйственном судопроизводстве. Так, ст. 271 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) требует от участвующих в деле лиц представления отзыва на апелляционную жалобу (протест) после получения копии последней.

3. Норма ч. 1 ст. 411 ГПК позволяет подать возражения не позднее чем за пять дней до начала рассмотрения гражданского дела апелляционной инстанцией. Установленное временное ограничение – «не позднее чем за пять дней до начала рассмотрения гражданского дела» – сложно признать обоснованным. Прежде всего нужно сказать, что данное ограничение весьма проблематично соблюсти по объективным причинам. Так, участники процесса заранее не знают, когда состоится рассмотрение дела в апелляционном порядке, информацию об этом они получают только из извещений, направленных судом второй инстанции в соответствии с ч. 4 ст. 415 ГПК по окончании подготовки дела. Но это извещение заинтересованные лица могут получить как раз за пять дней (или близкий к тому срок) до даты рассмотрения дела и, соответственно, при всем своем желании не смогут соблюсти предусмотренное ч. 1 ст. 411 ГПК ограничение. Нельзя забывать также и о том, что жалоба (протест) может быть подана в последний день апелляционного срока. В этом случае даже если судом первой инстанции будет в точности (что, однако, встречается на практике далеко не всегда) соблюдено предписание абз. 2 ч. 1 ст. 408 ГПК (т.е. не позднее следующего для после принятия жалобы (протеста) ее копии будут разосланы юридически заинтересованным в исходе дела лицам), установленный ч. 1 ст. 411 ГПК срок все равно может быть нарушен, т.к. доставка оператором почтовой связи копии жалобы (протеста) и подготов-

ка самих возражений на жалобу (протест) занимают определенное время, между тем дату подачи жалобы (протеста) и дату рассмотрения дела может разделять совсем небольшой временной промежуток, поскольку согласно ч. 1 ст. 415 ГПК подготовка к апелляционному пересмотру должна быть осуществлена в 15-дневный срок после поступления в суд второй инстанции дела (абз.3 ч. 1 ст. 408 ГПК обязывает суд первой инстанции направлять дело в суд второй инстанции по истечении апелляционного срока).

Поэтому, думается, не случайно в прежней редакции ст. 414 ГПК ограничения, о котором сейчас говорит ч. 1 ст. 411 ГПК, не было (возражения могли быть представлены в суд кассационной инстанции до начала или в процессе рассмотрения дела). Даже в хозяйственном судопроизводстве, где действуют более жесткие правила ведения процесса, вопрос урегулирован иначе: согласно ч. 1 ст. 271 ХПК лицо обязано направлять отзыв на апелляционную жалобу (протест) «в срок, обеспечивающий поступление отзыва в суд до дня рассмотрения апелляционной жалобы (протеста)». Кроме того, сложно представить себе ситуацию, когда бы заинтересованные в исходе дела лица, имея право давать объяснения в судебном заседании апелляционной инстанции (ч. 5, 6 ст. 422 ГПК), не высказывали бы своего отношения к апелляционной жалобе (протесту), в том числе в виде возражений на жалобу (протест). В этой связи мы полагаем, что от временных ограничений на заявление возражений против апелляционной жалобы (протеста) следует отказаться, в том числе допускать эти возражения и в ходе рассмотрения дела судом (в это случае они могли бы быть сделаны не только в письменной, но и в устной форме, т.к. ст. 420 ГПК оговаривает возможность ведения протокола судебного заседания суда апелляционной инстанции).

4. Процессуальное законодательство не дает ответа на вопрос, должна ли апелляционная инстанция принять от заинтересованного лица возражения на апелляционную жалобу (протест), если они поступили с нарушением указанного в ч. 1 ст. 411 ГПК срока. По нашему мнению, в интересах установления по делу истины, а так в целях создания надлежащих условий для осуществления судом второй инстанции проверочной деятельности возражения все-таки должны быть приняты. Их принятие особенно важно в силу того, что, как видно из ч. 2 ст. 418 ГПК, доводы возражений на жалобу (протест) теперь определяют пределы проверки дела (для сравнения, в прежнем кассационном производстве эти доводы, равно как

и доводы жалобы (протеста), значения фактически не имели, т.к. суд второй инстанции обязан был проверять дело в полном объеме), причем в ч. 2 ст. 418 ГПК нет оговорки о том, что апелляционная инстанция рассматривает и оценивает доводы только тех возражений на жалобу (протест), которые поступили «не позднее чем за пять дней до начала рассмотрения гражданского дела». В то же время мы не исключаем (при наличии на то однозначных оснований) применения к лицу, нарушившему срок подачи возражений, мер, предусмотренных ст. 138 «Взыскание компенсации за потерю рабочего времени» и ст. 139 «Взыскание судебных расходов с недобросовестной стороны или третьих лиц» ГПК.

5. В ч. 2 ст. 411 ГПК указано, что возражения на апелляционную жалобу (протест) должны соответствовать требованиям, предусмотренным ч. 1, 2 ст. 405 ГПК. Однако обеспечить соответствие возражений на апелляционную жалобу (протест) требованиям п. 1–4 ч. 1 ст. 405 ГПК, по сути, невозможно, т.к. они сформулированы в расчете лишь на лицо, оспаривающее судебное решение. Например, п. 1 ч. 1 ст. 405 ГПК предполагает «указание на решение, которое обжалуется или опротестовывается, пределы его обжалования (опротестования)», а п. 2 ч. 1 ст. 405 ГПК – «обоснование того, в чем заключаются неправильность рассмотрения дела, незаконность и необоснованность решения, со ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты, обстоятельства дела и доказательства». Податель же возражений (вследствие чего, собственно, выражаемое им к жалобе (протесту) отношение и называется «возражения») наоборот – считает решение законным, обоснованным и потому его не обжалует (не опротестовывает). Помимо чисто юридической коллизии подобное регулирование приводит и к фактическому нарушению принципа равенства сторон: получается, что апеллянт обязан юридически аргументировать свою позицию (т.к. на него распространяется действие п. 2 ч. 1 ст. 405 ГПК), а автор возражений на апелляционную жалобу (протест) – нет (поскольку применить к нему п. 2 ч. 1 ст. 405 ГПК невозможно).

6. Из ч. 1 ст. 411 ГПК следует, что возражения на апелляционную жалобу (протест) могут быть поданы «с приложением к ним письменных материалов», но по смыслу ч. 2 ст. 411 ГПК представление копий этих письменных материалов для передачи их иным заинтересованным лицам не является обязательным (требуются копии лишь самих возражений). Такое правило нарушает принцип равенства сторон, поскольку ст. 406 ГПК обязывает апеллянта делать ко-

пии абсолютно всех прилагаемых к жалобе (протесту) письменных материалов и, кроме того, в определенной мере нарушает право заинтересованных лиц на судебную защиту – они не имеют возможности заблаговременно ознакомиться с документацией, которой лицо обосновывает свои возражения. К слову, прежняя редакция ч. 2 ст. 414 ГПК прямо гласила, что не только возражения, но и прилагаемые к ним письменные материалы должны быть поданы с копиями по числу юридически заинтересованных в исходе дела лиц.

7. Согласно ч. 1 ст. 411 ГПК возражения на апелляционную жалобу (протест) могут быть поданы «в суд первой инстанции, вынесший решение, а также непосредственно в суд апелляционной инстанции», тем самым фактически здесь закреплена альтернатива – заинтересованное лицо вправе выбирать любой из судебных органов для подачи своих возражений. Однако в действительности это не так: представлять возражения в суд первой инстанции имеет смысл, только если дело еще не передано в суд апелляционной инстанции. Подобной оговоркой и следует дополнить ч. 1 ст. 411 ГПК. Кстати, в прежней редакции ч. 1 ст. 414 ГПК она присутствовала: возражения могли быть поданы в суд первой инстанции «до направления дела в суд кассационной инстанции».

Соловьева Татьяна Владимировна
*доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ПРИНЦИП НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация: тезисы посвящены исследованию принципа непосредственности судебного разбирательства в свете информатизации гражданского процесса. Определено, что информатизация порядка отправления правосудия неизбежна. Делается вывод о неполном законодательном регулировании принципа непосредственности судебного разбирательства.

Ключевые слова: гражданский процесс, информатизация, принцип, непосредственность судебного разбирательства.

Принципы права есть основные идеи, руководящие положения, начала. Несмотря на стремительные современные изменения законодательства в целом принципы остаются неизменными. Стоит согласиться с мнением Л.Н. Бардина о том, что «основные начала теряют качество принципов, когда их применение происходит с оговорками, а применение конституционных принципов с оговорками является очевидным нарушением, с которым необходимо бороться» [1, 4]. Однако нельзя не учитывать, что постоянное развитие государства и общества требует внесения корректив и в законодательство в целях обеспечения наиболее полной реализации права на судебную защиту заинтересованных субъектов. В этой связи, принципы должны отражать основные нововведения и изменения, происходящие в результате правовых реформ.

Информатизация затрагивает все отрасли и сферы государства и общества, в том числе и порядок отправления правосудия. Если некоторое время назад возможность использования информационных технологий в судопроизводстве ставилась под сомнение, то реформы процессуального законодательства 2018–2019 г.г. позволяют сделать вывод о неизбежной информатизации гражданского процесса. Безусловно, информатизация гражданского процесса несколько изменила содержание и действие некоторых принципов

гражданского процесса. Остановимся на принципе непосредственности судебного разбирательства.

Непосредственность судебного разбирательства представляет собой межотраслевой принцип, который действует, в том числе, в арбитражном и административном судопроизводстве. «В силу данного принципа суд должен основывать свое решение по делу исключительно на доказательствах, проверенных и исследованных в рамках заседания суда» [2, 30].

Принцип непосредственности означает, что судья обязан лично исследовать доказательства по делу (ч. 1 ст. 157 ГПК РФ). Долгое время существовало лишь одно исключение из данного принципа, а именно, выполнение судебного поручения (ст. 62 ГПК РФ), т.е. суд, рассматривающий и разрешающий дело в отдельных случаях не самостоятельно проводил какое-либо процессуальное действие, а поручал его выполнению соответствующему суду в другом городе или районе, например, допросить свидетеля по месту жительства, провести осмотр на месте и пр. Однако в свете произошедших изменений в ГПК РФ, в частности, с введением возможности использовать информационные технологии при рассмотрении и разрешении гражданских дел, принцип непосредственности в изложении, указанном в ч. 1 ст. 157 ГПК РФ, не в полной мере отражает современный порядок рассмотрения и разрешения гражданских дел. Справедливо указывает А.Ф. Воронов, что «внедрение указанных технологий будет отходом от чистой непосредственности, однако такой подход может дать выигрыш в оперативности осуществления правосудия, в экономии времени и средств сторон» [3, 16]. Приведем некоторые подтверждающие примеры.

Так, судья может использовать системы видеоконференц-связи для проведения судебного заседания (ст. 155.1 ГПК РФ). Это возможно для проведения допроса свидетелей, заслушивания лиц, участвующих в деле, лиц, содействующих осуществлению правосудия и др. Безусловно, что в современных условиях использование видео-конференц-связи оправданно и необходимо, т.к. позволяет не только экономить материальные затраты суда и лиц, участвующих в деле, но и время, связанное с осуществлением определенных процессуальных действий. При этом, стоит отметить, что проведение судебного заседания посредством интернет-систем не позволяет говорить о полноте воспринимаемой информации, поскольку технические средства зачастую не могут передать эмоциональную составляющую того или иного выступающего, а «при непосредствен-

ном восприятия объяснений сторон, на суд оказывают влияние эмоционально-психологические особенности личности, которые проявляются в процессе состязания двух сторон» [4, 8]. Следовательно, можно говорить о некотором ограничении принципа непосредственности при рассмотрении и разрешении дела посредством применения систем видео-конференц-связи.

Еще одним ограничением принципа непосредственности выступает возможность предоставления в суд доказательств в форме копии (ст. 57 ГПК РФ). В качестве отрицательного момента предоставления доказательства в форме копии стоит назвать возможность искажения и подлога информации, которая содержится в подлиннике документа. Однако предоставление копий доказательств в современных условиях внедрения и развития информационных технологий в систему правосудия Российской Федерации целесообразно и вполне оправданно.

Думается, что содержание ст. 157 ГПК РФ должно быть изменено и отражать обязанность судьи не только лично осуществлять действия, перечисленные в ч. 1 ст. 157 ГПК РФ, но и путем использования информационных технологий. В противном случае, использование информационных технологий в судебном заседании не будет соответствовать действительному содержанию принципа непосредственности.

Список источников:

1. *Бардин Л.Н.* Процессуальные реформы и принципы гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 11. С. 3–8.
2. *Зинченко Е.А.* Судебная власть и принципы отправления правосудия // Судебная система и гражданское общество России. К 150-летию Судебной реформы: материалы международной научно-практической конференции. 2015. С. 28–31.
3. *Воронов А.Ф.* Об общности содержания и тенденциях развития функциональных принципов гражданского процесса различных правовых систем // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2010. № 594. С. 7–34.
4. *Колосова М.В.* Принцип непосредственности гражданского процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2004. 23 с.

Сторожкова Елена Чингисовна

*к.ю.н., доцент кафедры конституционного,
административного, гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»*

Кузнецов Андрей Игоревич

*ассистент кафедры гражданского и предпринимательского права
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»*

РАСКРЫТИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Аннотация: в тезисах рассматривается институт раскрытия доказательств, особенности его регулирования и применения в российском процессуальном законодательстве. Предлагается авторское понятие «раскрытие документов», делается предложение о внесении изменений в пункт 4 статью 65 АПК РФ, и дополнении статьи 56 ГПК РФ пунктом 6.

Ключевые слова: раскрытие доказательств, раскрытие документов, гражданский процесс, доказательства, средства доказывания.

Понятие «раскрытие доказательств» в российском процессуальном законодательстве имеет англосаксонские корни [1, с. 165], в английской правовой системе используется понятие раскрытие документов сторонами и иными лицами [2], что на наш взгляд является более правильным, так как АПК РФ, ГПК РФ к средствам доказывания относят, например, вещественные доказательства, заключение эксперта, показания свидетелей, консультация специалиста, которые с логической точки зрения не подпадают под смысл слова «раскрытие». В юридической литературе высказывается точка зрения о выделении форм раскрытия в зависимости от средств доказывания, А.С. Салманидина предлагает раскрывать в форме предоставления копий такие средства доказывания как письменных доказательства, аудио и видеозаписи, заключение эксперта. На определенную трудность в копировании указывает данный ученый в случае установления формы раскрытия вещественных доказательств, с которых невозможно сделать копии. Применительно к показаниям свидетелей автор предлагает проводить предвари-

тельный допрос, который и будет, по ее мнению, формой раскрытия доказательств [3, с. 121]. Данные предложения, безусловно, свидетельствуют о том, что институт «раскрытия доказательств» повлиял на понимание сущности судебного доказывания.

В п. 16 Постановления Пленума ВАС РФ от 20 декабря 2006 г. № 65 « О подготовке дела к судебному разбирательству» дается следующее понятие: «Под раскрытием доказательств, следует понимать представление лицом, участвующим в деле, по своей инициативе и по предложению суда другим лицам, участвующим в деле, и суду всех имеющихся у него доказательств, на основании которых могут быть установлены обстоятельства, обосновывающие его требования и возражения. Раскрытие доказательств предполагает не только их представление, обмен состязательными документами, но и их обозначение, сопровождающееся ходатайством об истребовании судом необходимого доказательства» [4]. Как было уже указано выше, более верно следует говорить о «раскрытии документов», а не «раскрытии доказательств», под раскрытием документов мы понимаем предоставление сторонами и другими, участвующими в деле лицами копии документов (в т.ч. электронных), заключения экспертов, предварительного допроса показания свидетелей, аудио- и видеозаписей, объяснения лиц, участвующих в деле, консультации специалистов, иных документов и материалов.

В юридической литературе указано, что закрепление обязанности каждого лица, участвующего в деле, раскрыть доказательства, на которые оно ссылается для обоснования своей позиции, обуславливается принципом состязательности и направлено на предотвращение неожиданностей, которые сторона может предъявить другим лицам, участвующим в деле, в ходе его рассмотрения, чтобы застать другую сторону врасплох, не оставив достаточного времени для изучения переданных материалов и представления контраргументов [5, с. 240]. Следует согласиться с позицией ученых, которые раскрытие доказательств рассматривают как одно из средств гарантий принципов состязательности и равноправия сторон [6, с. 3], подчеркивается, что оно может существовать только в состязательном процессе [7, с. 9]. А.С. Салманидина считает принцип раскрытия доказательств особым принципом доказывания [8, с. 116].

Заметим, что раскрытие документов должно способствовать более полному и правильному исследованию обстоятельств дела, ускорению процесса рассмотрения дела, решению задач судопроизводства, стоящих перед судами, для реализации указанных положе-

ний предлагаем внести изменения в п. 4 ст. 65 АПК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Лица, участвующие в деле, обязаны ссылаться только на те доказательства, с которыми другие лица, участвующие в деле, были ознакомлены заблаговременно», в ст. 56 ГПК РФ внести пункт 4 следующего содержания: « Лица, участвующие в деле, обязаны ссылаться только на те доказательства, с которыми другие лица, участвующие в деле, были ознакомлены заблаговременно».

Список источников:

1. *Решетникова И.В.* Доказательственное право Англии и США. М., 1999. С. 165.
2. English Law, UK Courts and UK Legal Services after Brexit. The View beyond. 2019.
3. *Салманидина А.С.* Проблемы реализации и перспективы развития принципа раскрытия доказательств в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 7. С. 121.
4. Постановление ВАС РФ от 20 декабря 2006 г. № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству» // СПС «Гарант».
5. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.А. Иванова. М.: Городец, 2011. С. 240. (авторы главы – В.К. Пучинский совместно с Е.В. Кудрявцевой).
6. *Кайзер Ю.В.* Раскрытие доказательств в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 3.
7. *Архипова Ю.В.* Раскрытие доказательств в арбитражном процессе (исковое производство): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9.
8. *Салманидина А.С.* Указ. соч. С. 116.

Сторожкова Елена Чингисовна

к.ю.н., доцент кафедры

*конституционного, административного, гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»*

Львова Ольга Анатольевна

доцент кафедры конституционного,

административного, гражданского процесса

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»

**МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ
В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
ОТ 28 НОЯБРЯ № 451-ФЗ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Аннотация: предлагается авторское понятие «примирительные процедуры», анализируются общие и специальные нормы обжалования определений судов общей юрисдикции.

Ключевые слова: мировое соглашение, примирительные процедуры, прекращение производства по делу.

Введенная в ГПК РФ глава 14.1 названная «Примирительные процедуры. Мировое соглашение» ФЗ от 28 ноября № 451 – ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и глава 15 АПК РФ с таким же названием закрепляет новый институт «примирительные процедуры». Как показывает практика, появление новых положений в законодательстве всегда связано с рядом проблем, что, безусловно, отражается в правоприменительной практике.

Следует согласиться с А.Д. Золотухиным и Л.А. Волчихиной, которые указывают, что законодатель не определил понятие, процессуальную форму примирительных процедур, стадии процесса, в которых они могут применяться, участников примирения, как осуществляется последовательность переговоров [1, с. 140].

Предлагаем под «примирительными процедурами» понимать осуществляемые в процессе рассмотрения и разрешения дела, установленные законодательством способы прекращения спора,

на согласованных сторонами условий, в том числе в заключенном и утвержденным судом мировом соглашении.

Специфика судебного посредничества в российском судопроизводстве заключается в том, что в большинстве своем правовой конфликт разрешается в итоге путем заключения мирового соглашения, подлежащего утверждению судом [2, с. 45].

Следует отметить, что мировое соглашение занимает особое положение в системе примирительных процедур. Как было указано выше, глава 14.1 ГПК РФ, 15 АПК РФ называются «Примирительные процедуры. Мировое соглашение», в данных главах закреплены нормы устанавливающие виды примирительных процедур (ст. 153.3 ГПК РФ, ст.138.2 АПК РФ) и ст. 153.8 ГПК РФ, ст. 139 АПК РФ «Заключение мирового соглашения», название указанных глав сформулированы таким образом, что создается впечатление о существовании двух самостоятельных способов урегулирования споров: мировое соглашение и примирительные процедуры. Однако такой вывод ошибочен. На основе данной нормы в литературе были высказаны мнения о том, что понятие «примирительная процедура» включает в себя «как примирительные процедуры, закрепленные федеральным законом, в том числе заключение мирового соглашения, облеченные в соответствующую процессуальную форму, так и любые иные действия, осуществляемые сторонами уже вне рамок арбитражного процесса, но которые также имеют своей направленностью урегулирование спора по существу»[3]. Отметим, что нельзя ставить на один уровень примирительные процедуры (посредничество, переговоры, претензионный порядок) и мировое соглашение. Это явления разного порядка. Так, посредством мировых соглашений фиксируется результат проведенных примирительных процедур. В основе любой примирительной процедуры лежат переговоры; соглашение, к которому приходят стороны по итогам переговоров, они является результатом применения любой примирительной процедуры. Так, например, Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [4] предусматривает, что медиативное соглашение, к которому стороны пришли уже после обращения в суд, утверждается судом в качестве мирового соглашения (п. 3 ст. 12).

В Справке о практике применения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» Верховный Суд РФ указал, что мировое

соглашение может быть заключено только по желанию сторон, следовательно, вопрос о заключении мирового соглашения по результатам проведения процедуры медиации может быть инициирован сторонами по делу. Обобщение судебной практики показало, что по результатам проведенной процедуры медиации стороны чаще всего заключали медиативное соглашение, которое впоследствии утверждалось судом в качестве мирового соглашения.

Можно констатировать, что мировое соглашение является результатом, на достижение которого направлены примирительные процедуры, а также средством юридического оформления и закрепления прекращения спора, достигнутого в ходе таких процедур. По мнению М.С. Носенко, мировое соглашение – договор, которым стороны уже возникшего процесса устраняют неясность в существующих между ними правоотношениях или спор путем взаимных уступок, предоставлений, констатаций [5, с. 25]. Конституционный Суд РФ определил мировое соглашение как соглашение сторон о прекращении спора на основе добровольного урегулирования взаимных претензий и утверждения взаимных уступок [6].

Обращает на себя внимание применение в судебной практике ч. 11 ст. 153.10 ГПК РФ, согласно которой определение об утверждении мирового соглашения подлежит немедленному исполнению и может быть обжаловано в суд кассационной инстанции в течение одного месяца со дня вынесения такого определения. Так, некоторые суды общей юрисдикции выносят определения об утверждении мирового соглашения и о прекращении производства по делу, другие – определения о прекращении производства по делу в связи с утверждением мирового соглашения, в резолютивной части данных определений указывается 15-дневный срок на подачу частной жалобы, согласно ст. 220. п. 2 ч. 1 ст. 331 ГПК РФ, причем правило об их немедленном вступлении в законную силу не указывается [7]. В отличие от указанных определений, существуют определения суда, в которых есть ссылка на правило, установленное ч. 11 ст. 155.10 ГПК РФ. Представляется, что данные противоречия является результатом отсутствия в ч. 9 ст. 153.10 ГПК РФ указания о прекращении производства по делу в связи с утверждением мирового соглашения, а упоминание в ч. 13 ст. 153.10 ГПК «утверждение мирового соглашения в суде первой инстанции влечет за собой прекращение производства по делу полностью или в части», видимо, толкуются судьями таким образом, что вынесение определения об утверждении ми-

рового соглашения является основанием для вынесения определения о прекращении производства по делу.

Считаем, что утвержденное судом общей юрисдикции мировое соглашение приобретает юридическую силу со дня вынесения определения об его утверждении, поэтому оно подлежит обжалованию в течение месяца в суде кассационной инстанции.

Список источников:

1. *Золотухин А.Д., Волчихина Л.А.* Примирительные процедуры и процессуальная форма мирового соглашения в гражданском судопроизводстве // Перспективы развития гражданского процессуального права: сб. статей по материалам III Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения д.ю.н., профес. И.М. Зайцева (г. Саратов, 14 сентября 2019 г.) / под ред. О.В. Исаенковой; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. С. 140.

2. *Худойкина Т. В.* Юридическая конфликтология: от исходных позиций теории до практики разрешения и предупреждения юридического конфликта: учеб. пособие. Саранск, 2013. С. 45–46.

3. *Арестова О.Н.* Комментарий к основным положениям Арбитражного процессуального кодекса РФ // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (в ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета. 2010. № 168.

5. *Носенко М.С., Самсонова М.В.* Мировое соглашение в процессуальной науке и судебной арбитражной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 7. С. 25.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 1-О «О прекращении производства по жалобе закрытого акционерного общества «Энергопромкомплект» на нарушение конституционных прав и свобод частью пятой статьи 11 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»» // СПС «Консультант Плюс».

7. Дело 3 2–212/2020 – архив Ленинского районного суда г. Ульяновска, дело № 2-144/2020 – архив Железнодорожного суда г. Ульяновска // судебные решения. РФ.

Султанов Айдар Рустэмович

начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим»

ПРОЕКТЫ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ: БЛАГО ИЛИ ИСКУШЕНИЕ

Аннотация: автор рассматривает практику предоставления проектов судебных решений в арбитражных судах, доказывает, что предоставление проекта судебного решения является нарушением запрета на общение судом.

Ключевые слова: должная процедура, состязательность, внепроцессуальное общение, тайна совещательной комнаты.

В арбитражных судах представление проектов судебных решений было «легитимировано» ВАС РФ. В п. 9.2 Постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.13. № 100 «Об утверждении инструкции по делопроизводству в арбитражных судах РФ (первой, апелляционной, кассационной инстанций)». Безусловно, хорошо написанный проект может быть подспорьем для написания описательной части судебного акта, но в описательной части также должны быть отражены результаты судебного разбирательства. При этом в судебном акте в любом случае мотивировочная часть должна быть написана именно судом. Отступление от этого правила привело к новому виду злоупотреблений правом – «установление факта, не входящего в предмет доказывания (особенно используя возможности подготовки проектов судебных актов), тогда как в действительности такой факт не был установлен судом и критически не оценивался» [1, с. 216–235], то есть суд используют для создания преюдиции для другого дела. Существование такого рода злоупотреблений, безусловно, подрывает доверие к суду.

Иногда положение Инструкции используют для оправдания создания судебного акта путем копипаста отзыва одной из сторон [2, с. 42]. Появились также случаи, когда проекты судебных актов стали представляться в период после оглашения резолютивной части судебного акта и изготовления судебного акта в полном объеме. В частности, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 28.12.2016 по делу № А40-99229/2011 отражено, что поскольку ходатайство поступило в Арбитражный суд Московского округа 22.12.2016 после рассмотрения дела (кассационной жалобы) по существу, оно было отклонено.

На наш взгляд, ходатайство о приобщении к материалам дела проекта судебного акта и использовании проекта при изготовлении текста решения, не должно рассматриваться и оцениваться, а подлежит возврату, что будет повышать доверие к суду и закону, то есть, тем самым будет достигаться выполнение задач судопроизводства в арбитражных судах [3, с. 107]. Подача какого-либо ходатайства после окончания процесса рассмотрения дела АПК РФ не предусмотрена и представляет собой внепроцессуальное общение, грубейшее нарушение принципа «правосудие не только должно совершаться, но и должно быть видно, что оно совершается» (см. Постановление ЕСПЧ по делу «Де Куббер против Бельгии» от 26 октября 1984 г.).

В силу п. 1 ст. 10 Закона РФ «О статусе судей в РФ», устанавливающего, что всякое вмешательство в деятельность судьи по осуществлению правосудия преследуется по закону; не допускается внепроцессуальное обращение к судье по делу, находящемуся в его производстве; под внепроцессуальным обращением понимается поступившее судье по делу, находящемуся в его производстве, обращение в не предусмотренной процессуальным законодательством форме участников судебного разбирательства.

Подача любых ходатайств после окончания рассмотрения дела, рассмотрение и удовлетворение ходатайства без заслушивания мнений других лиц, участвующих в деле, АПК РФ запрещено, поскольку это нарушало бы принцип состязательности, права лиц, участвующих в деле, которые имеют право знакомиться с материалами дела, представлять доказательства и знакомиться с доказательствами, представленными другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного разбирательства (ст. 41 АПК РФ), а также требования ст. 159 АПК РФ, установивший порядок разрешения арбитражным судом заявлений и ходатайств лиц, участвующих в деле, и допускающий их разрешение только после заслушивания мнений других лиц, участвующих в деле. Инструкция по делопроизводству в арбитражных судах допускает предоставление проектов судебных актов на любой стадии рассмотрения дела, а не после рассмотрения дела.

Принятие такого ходатайства и использование проекта судебного акта, после окончания судебного разбирательства будет также нарушением правила о тайне совещания судей при принятии решения, которая включает в себя не только запрет разглашения судьей сведений о содержании обсуждения при принятии судебного акта, но и запрет на общение с лицами, входящими в состав суда (ст. 167 АПК РФ). Последний запрет на внепроцессуальные обраще-

ния распространяется, в том числе, и на этап изготовления решения в полном объеме, которое может быть отложено на срок, не превышающий пяти дней. При этом датой принятия решения считается дата изготовления решения в полном объеме, а не оглашения только резолютивной части решения (ст. 176 АПК РФ). Это обусловлено тем, что значение судебного решения не исчерпывается его резолютивной частью – выводами суда об удовлетворении или отказе в удовлетворении полностью или в части каждого из заявленных требований. Сама по себе резолютивная часть не может рассматриваться в значении судебного акта и не имеет самостоятельного значения для прав и обязанностей участников спора. Описательная, мотивировочная и резолютивная части судебного акта составляют неразрывное нормативное единство, а каждая из них в отдельности не порождает юридических последствий. В целях исключения внешнего воздействия на судью, обеспечения законности и беспристрастности правосудия запрет на внепроцессуальные обращения, призванный устранить возможность оказания прямого или косвенного давления на судей, не имеет каких-либо временных рамок, и его действие не ограничивается отдельными стадиями процесса. Указанный запрет действует до момента изготовления решения в полном объеме.

Обязательность создания условий, обеспечивающих тайну совещания судей, призвана гарантировать соблюдение принципа независимости судей. Действие указанных принципов в течение всего процесса, а не на отдельных его этапах, предопределяет содержание правила о тайне совещания судей, которое не исчерпывается запретом доступа в помещение, в котором принимается решение, а включает в себя запрет на любое воздействие на суд. Гарантии невмешательства в деятельность судьи действуют в том числе на этапе изготовления мотивированной части судебного решения, поскольку на ее содержание также не должны оказывать влияние не входящие в состав суда лица путем внепроцессуальных обращений, ходатайств и просьб.

Принцип состязательности запрещает любое внепроцессуальное общение, которое не только запрещено, но и нарушает принцип «равенства оружия», который согласно правовым позициям ЕСПЧ, является элементом права на справедливый суд. Требования надлежущей правовой процедуры в настоящее время могут быть вполне обоснованно названы общепризнанными принципами международного права в области справедливого правосудия [4, с. 64].

Список литературы:

1. *Бенедская О.А.* Преюдиция в арбитражных и третейских судах: теоретические и прикладные проблемы в свете запрета злоупотребления процессуальными правами // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 216–235.
2. *Султанов А.Р.* Копипаст как отказ в правосудии // Евразийская адвокатура. 2017. № 5 (30). С. 40–44.
3. *Султанов А.Р.* Манипуляции с подсудностью // Закон. 2008. № 9. С. 103–119.
4. *Султанов А.Р.* Должная правовая процедура и правовые стандарты Европейского Суда по правам человека // Евразийская адвокатура. 2013. № 1 (2). С. 62–65.

Табак Ирина Александровна

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ – НЕОБХОДИМЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ В ПЕРЕХОДЕ НА ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в тезисах рассматриваются вопросы трансформации гражданского судопроизводства в связи с переходом на электронное правосудие, обращается особое внимание на добросовестность совершения процессуальных действий. Предлагается законодательно установить действенные меры по пресечению намеренного процессуального злоупотребления и недобросовестности совершения процессуальных действий.

Ключевые слова: гражданский процесс, электронное правосудие, цивилистическое судопроизводство, недобросовестность, процессуальные злоупотребления, ответственность, добросовестность.

В связи с переходом на использование дистанционных средств и обновленных технологий взаимодействия человека в информационной среде меняется и вектор направления в развитии правовой науки. Достижения научно-технической эволюции в судопроизводстве трансформируют осознание допустимости существования цифрового правосудия в реальности. Многие внедренные в действие законодательные нормы о цифровизации и электронном правосудии уже воспринимаются правосознанием адекватно и не вызывают к себе скептического отношения.

Модернизация сквозь призму нормативного регулирования цивилистического судопроизводства в целом обеспечивает возможность для заинтересованных лиц обращение в суд за судебной защитой не только посредством личной явки, но и через применение существующих в системе действующих судов информационно-коммуникационных инструментов. Например, путем самостоятельного заполнения формы искового заявления, которое размещено на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», с закреплением

усиленной квалифицированной электронной подписью в соответствующем порядке.

При таких условиях и новых возможностях требуется особое внимание со стороны каждого участника правовых отношений и повышенная степень добросовестности в ходе совершения действий, направленных на реализацию процессуальных прав и обязанностей заинтересованных лиц.

Так, при оформлении искового заявления, лицу, согласно п. 3 ч. 1 ст. 131 ГПК РФ, необходимо заполнить сведения об ответчике, а именно, место его жительства. В том числе, требуется приложить уведомление, подтверждающее вручение или направление копии этого заявления и приложенных к нему документов. Предоставление суду собранной достоверной и полной информации об ответчике, указанном в исковом заявлении, является обязательным условием добросовестного выполнения соответствующего процессуального действия.

Рассматривая вопрос о принятии искового заявления и возбуждении производства, суд не ставит под сомнение достоверность указанной информации от заявителя, поскольку основывается на действии процессуальной презумпции добросовестности заинтересованного лица, обратившегося за судебной защитой.

Однако ненадлежащее выполнение заявителем данного требования при оформлении иска приводит к некоторым затруднениям в последующем, а именно:

1) выявляется непреднамеренное противодействие своевременному рассмотрению и разрешению дела в суде (поскольку настоящий адрес места жительства ответчика может выясниться на следующих стадиях судопроизводства, а у суда установлены ограниченные сроки, что следует учитывать при совершении процессуальных действий);

2) безусловная отмена вынесенного судебного постановления на основании п. 2 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ (поскольку известить надлежащим образом ответчика оказалось невозможным, в связи с указанием его недостоверного адреса);

3) возникновение препятствий, а иногда даже невозможность исполнения постановления суда в ходе исполнительного производства (поскольку ответчик по указанному адресу не проживает, а розыск должника – процедура затратная, если иные способы и розыскные действия, предусмотренные в таких случаях, для судебного пристава-исполнителя были применены безрезультатно).

Полагаем, что в случаях сомнительной достоверности информации о месте жительства указанного лица, в качестве ответчика по исковому требованию, заявителю сразу следует указывать об этом факте и приложить к заявлению подтверждающие доказательства. Суду в такой ситуации можно использовать имеющийся механизм, который используется на практике по реализации ст. 50 ГПК РФ, в случаях, когда место жительства ответчика не известно и на стадии подготовки дела к судебному разбирательству это проверяется и процессуально закрепляется в соответствующем установленном законом порядке.

Отметим, что отсутствие нормативного закрепления непосредственно мер ответственности за недобросовестность совершения процессуальных действий в итоге приводит к латентному злоупотреблению заинтересованным лицом. Учитывая содержание нормы ст. 99 ГПК РФ доказать «систематическое противодействие» в действиях лица, участвующего в деле, при тесной взаимосвязи с недобросовестностью будет затруднительно. Весьма точно высказано в науке цивилистического права мнение по этому поводу О.В. Исаенковой: «единственным инструментом борьбы со злоупотреблениями при возбуждении судопроизводства были и остаются для лиц, участвующих в деле, судебные расходы» [1, с. 195].

При выявлении судом намеренного процессуального злоупотребления и недобросовестности совершения процессуальных действий, которые неизбежно привлекут или могли бы повлечь отклонение от надлежащих условий порядка судопроизводства для рассмотрения и разрешения дела, следует немедленно пресекать. Способом такого пресечения могло бы стать своевременное и обоснованное применение судом установленных мер ответственности в отношении этих лиц. Действенной мерой такого пресечения, которая справедливо отмечается и предлагается к внедрению некоторыми авторами в науке, является установление штрафной ответственности при выявлении недобросовестных действий от участвующих в производстве дела лиц, которая должна применяться одновременно с компенсацией за потерю времени [2, с. 76].

Подводя итог, следует отметить очевидную необходимость более подробной детализации последствий процессуальной деятельности участников гражданских процессуальных правоотношений и отдельных аспектов цивилистического судопроизводства в целом. Переход на электронный формат взаимодействия между участниками цивилистического процесса – это уже новая реальность, требу-

ющая глубокого осмысления имеющегося накопленного опыта для последующего усовершенствования и дальнейшего развития законодательства в этой сфере.

Список источников:

1. *Исаенкова О.В.* К вопросу о судебных запретах и злоупотреблениях процессуальными правами в гражданском судопроизводстве/ Обеспечение прав и свобод человека в современном мире: материалы конференции: в 4 ч. 2017. С. 193–196.

2. *Соловьева Т.В.* К вопросу о добросовестном поведении в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2017. Т. 7. № 4. С. 62–78.

Тенькаев Антон Юрьевич

председатель Октябрьского районного суда г. Саратова

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ НЕИСКОВОГО ХАРАКТЕРА КАК ОСОБЫЙ ВИД СУДОПРОИЗВОДСТВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: тезисы посвящены анализу генезиса обособления производства по делам неискового характера в самостоятельный вид судопроизводства, начиная с римского права и заканчивая современным российским законодательством. Отмечается его специфика по отношению к исковому производству, подчеркивается его превентивно-охранительное значение. Делается вывод о необходимости включения в КАС РФ по аналогии с ГПК РФ и АПК РФ самостоятельного раздела (подраздела, главы), посвященного данному виду судопроизводства.

Ключевые слова: производство по делам неискового характера, особое производство, охранительное производство, добровольная юрисдикция, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

Несмотря на бесспорность того факта, что основным во всех отношениях (как по удельному весу, так и по значимости) видом судопроизводства является производство исковое, в повседневной судебной практике всегда встречались дела, в которых определить степень соответствия притязания лица нормам права было достаточно просто. В ситуациях такого рода, характеризующихся «бесспорностью» начинать процедуру длительного и ресурсозатратного искового производства представляется довольно нерациональным [1, с. 59]. Именно это стало побудительной причиной обособления неискового производства в особый вид.

Истоки производства по делам неискового характера (в литературе в качестве вариаций используются также термины «особое производство» или «охранительное производство») восходят к римскому праву. Помимо «классического» (обычного) искового производства ему было известно и так называемое бесспорное судопроизводство, основное отличие которого состояло в отсутствии оспаривания притязания на вещь или право. Исковое производство в нем корреспондировало понятию «спорная юрисдикция»

(*jurisdictio contentiosa*), а в качестве антонима ему использовался термин «добровольная юрисдикция» (*jurisdictio voluntaria*). При этом термин «добровольность» здесь употребляется достаточно условно – как противовес вынужденности сторон обращаться к компетентным органам в случае невозможности самостоятельно разрешить спор о праве.

В России активная разработка данной категории связана с судебной реформой 1864 г. Издание Устава гражданского судопроизводства предваряла тематическая записка за авторством С.И. Зарудного «Охранительные законы частного гражданского права», которая впоследствии легла в основу Книги IV Устава гражданского судопроизводства (Судопроизводство охранительное, 1866 г.). Основное отличие охранительного производства от искового заключалось в том, что оно носило превентивный или удостоверительный характер.

В советское время предпринимались попытки дать позитивную дефиницию особому производству. Одно из первых определений предложили Л.И. Поволоцкий, Б.А. Лисковец и А.С. Соминский, трактуя рассматриваемый феномен как «вид советского гражданского процесса, относящийся к определенным, точно установленным в законе, категориям дел, по которым суд или разрешает спор, но не о праве гражданском, или устанавливает факты, имеющие юридическое значение» [2, с. 12].

В настоящее время основной целью особого производства выступает устранение правовой неопределенности. Зачастую возникают ситуации, когда права и интересы граждан не нарушаются и не оспариваются, но пользоваться ими граждане не имеют возможности ввиду неясности неустановленности, иными словами, сомнительности фактических оснований, которые обуславливают различные субъективные права [3, с. 93]. Таким образом, особое производство, устанавливая юридические факты, порождает автоматическое наступление определенных правовых последствий, помогая тем самым гражданам в осуществлении их личных и имущественных прав.

В современном российском праве особое производство выделено в самостоятельный подраздел в Гражданском процессуальном кодексе РФ (подраздел IV раздела II «Производство в суде первой инстанции»). В Арбитражном процессуальном кодексе РФ рассмотрению дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, посвящена отдельная глава (гл. 27 АПК РФ). Однако зако-

нодатель не приводит четкого перечня критериев, позволивших бы выделить неисковое производство в самостоятельный процессуальный институт (судопроизводство). Это дает основания некоторым исследователям, например, А.Ю. Францифорову делать достаточно резкие заявления о том, что его обособление в рамках, в частности, гражданского судопроизводства, «нецелесообразно ни для юридической практики, ни для дальнейшей его научной разработки» и более того, оно «...не имеет перспективы дальнейшего развития» [4, с. 4].

Однако далее автор сам себе противоречит, отмечая «наличие полноценных общих положений» и как доказательство «обособления данной общности юридических норм в отрасли права», а также его «юридическую самобытность», в основе которой лежит «уровень обобщений». В одном он точно прав – особое производство нуждается в основательной теоретико-прикладной проработке.

Если отталкиваться от формального подхода, то можно прийти к выводу, что особого (охранительного) производства в административном процессуальном законодательстве нет – раз в основном нормативном правовом акте отрасли отсутствует соответствующий раздел (подраздел, глава и т.п.). Вместе с тем охранительное производство в рамках административного судопроизводства не просто может существовать, но и существует, о чем свидетельствует тот факт, что целый ряд дел, перечисленных в ч. 2 ст. 1 КАС РФ, имеет бесспорный или же квазиспорный характер.

Среди всех категорий дел, включенных в КАС РФ, своей условной бесспорностью выделяются следующие категории:

об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; о госпитализации гражданина в медицинскую организацию в недобровольном порядке;

о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение.

В эту группу дел можно также включить дела о помещении несовершеннолетних в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел и о помещении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. Общим для всех вышеперечисленных групп дел выступает то, что в них отчетливо прослеживается превентивно-охранительная цель, посредством которой удовлетворяются прежде всего публичные интересы. Вышеперечисленное дает специали-

стам, например, С. Ф. Афанасьеву делать вполне обоснованное предложение о включении в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации самостоятельного раздела (подраздела, главы), посвященного рассмотрению дел, в которых присутствует квази-спор либо спор вообще отсутствует [5, с. 67–73].

Таким образом, выделение неискового (особого, охранительно-го) производства в самостоятельный вид имеет долгую историю, начинаясь практически с самого зарождения процессуального права, и обладает не только чисто теоретической, но и важнейшей практической значимостью. Учитывая его ориентированность на установление юридических фактов и охрану прав и законных интересов граждан от возможных нарушений (превентивно-охранительную цель), что необходимо во всех сферах социальных связей, в том числе и, возможно, прежде всего, во взаимоотношениях личности и государства, своевременным и перспективным представляется внесение изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, направленных на легальное обособление данных норм по аналогии с ГПК РФ и АПК РФ с учетом специфики соответствующего судопроизводства.

Список источников:

1. *Горбунов М.А.* Неисковые средства защиты интереса в системе римского частного права // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2011. № 2 (21). С. 59–65.
2. *Поволоцкий Л.И., Лисковец Б.Л., Соминский А.С.* Дела особого производства. М.: Юриздат, 1948. 115 с.
3. *Мельников А.А.* Вопросы особого производства в советском гражданском процессе и проект основ гражданского судопроизводства // Советское государство и право. 1961. № 3. С. 90–96.
4. *Францифоров А.Ю.* Сущность особого производства: теоретические и практические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 190 с.
5. *Афанасьев С.Ф.* К вопросу о возможности включения в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации охранительного производства // Актуальные вопросы развития административного судопроизводства : сборник материалов науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.Ю. Карташова. Тверь, 2016. С. 67–73.

Терехова Лидия Александровна

*д.ю.н., профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского»*

ТЕНДЕНЦИЯ УПРОЩЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ К СУДЕБНЫМ РЕШЕНИЯМ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТ

Аннотация: судебное решение соединяет в себе акт правосудия и результат индивидуального правоприменения. Тенденции к упрощению требований, отказу от мотивированных решений в пользу исключительно резолютивных частей, ведут в конечном итоге к невозможности реализации задач судопроизводства, установленных в ст.2 ГПК.

Ключевые слова: задачи гражданского судопроизводства; требования к судебному решению; индивидуальное правоприменение; мотивированное решение; содержание решения; решения мировых судей; решения по делам упрощенного производства.

Необходимость оптимизации судопроизводства ради снижения нагрузки на судей не всегда приводит к тем результатам, на которые были рассчитаны отдельные аспекты такой оптимизации. Достаточно для примера посмотреть, как тенденция упрощения требований к содержательной части судебного решения влияет на судопроизводство в целом.

Сущность судебного решения не может быть определена в отрыве от функций, выполняемых судебной властью в гражданском и арбитражном процессе, основная функция суда – осуществление правосудия. Решение – акт правосудия. Сущность решения обусловлена природой суда, его целями и задачами. Правоприменительная природа судебного решения находится в зависимости от сущности его как акта правосудия, это не только индивидуальное правоприменение [1, с. 235–236].

Заметная тенденция к упрощению требований, предъявляемых к решению, может в перспективе снизить статус этого документа и все рассуждения о сущности и значимости решения (а также о сущности и значимости доказательств и доказывания) превратить в ненужный пафос. Таким же пафосом будут выглядеть и задачи судопроизводства. Одной из задач судопроизводства является

ся формирование уважительного отношения к закону и суду (ст.2 ГПК). Лучшим способом эту задачу выполнить является, на наш взгляд, открытая демонстрация качества итоговых документов суда – судебных решений, выносимых по результатам рассмотрения дела. Такие решения должны убеждать не только участников рассматриваемого дела, но и общество в целом в приверженности суда принципам законности и справедливости, а представителей профессионального юридического сообщества – в высшей степени юридической грамотности судей.

В соответствии со ст. 198 ГПК решение должно состоять из 4 частей: вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной. В частях 4 и 4.1 ст.198 подробно разъяснено «наполнение» мотивировочной части. Следование этим правилам позволяет показать всю аналитическую деятельность суда и убедить всех в правоте принятого решения. Именно этот фактор более других способствует достижению задачи укоренения в обществе уважительного отношения к закону и суду.

Обстоятельства дела и их оценка судом, мотивы суда должны быть отражены в решении (ч. 4 ст. 198 ГПК). Об этом постоянно напоминает Пленум Верховного Суда РФ в своих постановлениях (например, п. 16 Постановления от 29.05.2018 № 15; п. 19 Постановления от 11.06.2020 № 16; п. 23 Постановления от 24.11.2015 № 52; п. 8 Постановления от 30.06.2015 № 28). В основном источнике рекомендаций Верховного Суда РФ относительно судебных решений – Постановлении Пленума ВС от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» детально разъясняется, каким должно быть содержание решения, что в нем необходимо учесть; при каких условиях решение считается законным, при каких – обоснованным (пункты 2–4 Постановления).

Таким образом, и закон, и разъяснения Верховного Суда РФ демонстрируют внимание к решению в его классическом понимании, создают впечатление, что именно такое решение – общее правило, правило для подавляющего большинства дел. Лицо, обращающееся к правосудию, вправе рассчитывать, что именно такой полноценный документ и получит по результатам рассмотрения своего дела.

Законодатель предусмотрел исключения из базовых правил, установленных в ст. 198 ГПК: 1) мировой судья может не составлять мотивированное решение по рассмотренному делу (ч. 3 ст. 199 ГПК); 2) по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, выносится только резолютивная часть (ч. 1 ст. 232.4 ГПК). Общим в указанных исключениях является обязанность суда составить ре-

шение в полном объеме при поступлении от лица, участвующего в деле, заявления о составлении мотивированного решения.

В соответствии с данными судебной статистики за 2019 год судами общей юрисдикции было рассмотрено с вынесением решений и судебных приказов 18.804.923 дела (из них 15.146.535 – выдача судебных приказов; 126.795 – в упрощенном производстве). Районные суды рассмотрели 2.759.000 дел. Мировые судьи – 16.770.100 дел [2]. Апелляционных жалоб на решения судов общей юрисдикции было подано 565.904 и еще 4.946 представлений прокурора [3].

Не вдаваясь в детальный анализ представленных в отчете данных, тем не менее, заметим, что порядок этих цифр очевиден и представляется показательным. Подавляющее большинство гражданских дел рассматривается в первой инстанции мировыми судьями (они не выносят мотивированных решений), при этом велик удельный вес судебных приказов (немотивированных постановлений). В апелляционном порядке (при иницировании которого потребует составление мотивированного решения) обжаловано 570.904 судебных акта, а это – незначительное количество от общего числа рассмотренных дел. В любом случае цифры красноречиво свидетельствуют о значительном снижении числа решений, составленных в полном объеме.

За 2018 год показатели близки к выше обозначенным [4].

Таким образом, лица получают на руки судебный акт с результатом по их делу, при этом сам мыслительный, доказательственный процесс получения результата остался для участников скрытым. Мотивы судьи могут стать понятны, если лицо, участвующее в деле, подаст заявление на составление мотивированного решения. Вместе с тем, для выполнения задач правосудия необходимо, чтобы эти мотивы были понятны не только участникам дела, но и, к примеру, лицам, имеющим профессиональный или общественный интерес к делу. Таковой может обнаружиться у профессионального сообщества, представителей средств массовой информации, ученых и учащихся юридических вузов. Например, студент-юрист вряд ли сможет провести обобщение судебной практики для своей выпускной работы. То есть судебная деятельность шаг за шагом сводится к примитиву: получите приказ на исполнение (заинтересованному лицу), а всех остальных это дело не касается, не нужно ничего изучать и обобщать.

Там, где решение все же составляется в полном объеме, заметна «механизация» процесса, перенос в текст решения скопированных

текстов правовых норм и их разъяснений. Формально судья следует требованиям ст.198 ГПК, указаниям Постановлений ВС: есть и ссылка на закон, и Пленум упомянут, в нужных случаях имеются упоминания позиции Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека, но не показано, как именно процитированные источники относятся к данному конкретному делу, нет именно необходимого индивидуального правоприменения, доведения общей нормы к реальному случаю. Акт правосудия и акт правоприменения, таким образом, не соединяются в данном судебном решении. Судебное решение все ближе по сущности к некоей резолюции и все дальше – от акта мыслительной, логической деятельности.

Представляется, что разница между понятиями «упрощенный» и «опрошенный» понятна не только филологам. Упрощенное производство – один из видов производств, допускаемых гражданским процессуальным законом, в самом термине «упрощенное» нет негативного значения, упрощение всегда связывают с оптимизацией правосудия. Опростить – это не только сделать проще, в самом термине заложен и негативный смысл: сделать простым до такой степени, чтобы лишить глубины и сложности. Желательно в процессе упрощений и оптимизаций не выхолостить суть, чтобы на выходе не получился до предела «опрошенный», лишенный содержательности и смысла, гражданский процесс.

Вернемся снова к ст.2 ГПК РФ, где среди задач гражданского судопроизводства названы укрепление законности и правопорядка, предупреждение правонарушений, уважительное отношение к закону и суду. Подобные задачи достижимы, если обществу в целом доступны судебные решения, соответствующие по форме и содержанию всем, без исключений, требованиям ст.198 ГПК. Выдача судебных «распоряжений», открывающих путь к принудительному исполнению, либо не является правосудием, либо не может претендовать на то, чтобы решать задачи уважительного отношения к закону и суду, укрепления законности. Возможно, что для таких судебных актов нужна иная, более низкого уровня, система судов, цели и задачи которой будут корреспондировать тому опрощенному, выхолощенному варианту судебных решений, который достигнут к настоящему времени.

Таким образом, упрощение требований к судебному решению, помимо всех прочих издержек, ведет к невозможности выполнения судами задач судопроизводства.

Список источников:

1. *Загайнова С.К.* Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007. 400 с.

2. http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_sudov_obshchey_yurisdiksii_i_mirovih_sudey_v_2019_godu.pdf

3. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>

4. http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/Obzor_sudebnoy_statistiki_2018.pdf

Ткачёва Наталья Николаевна

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ТРЕБОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЯ ОБ УКАЗАНИИ ИДЕНТИФИКАТОРА ОТВЕТЧИКА ПРИ ОБРАЩЕНИИ В СУД КАК ПРЕПЯТСТВИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

Аннотация: исковое заявление, составленное в определенной процессуальной форме и предъявленное в суд, с соблюдением правил подсудности, представляет собой необходимое, первоочередное и обязательное действие заинтересованного лица для возбуждения искового производства. Невыполнение требований процессуального законодательства, является основанием для оставления искового заявления без движения. Автор характеризует требование законодателя об указании идентификатора ответчика при обращении в суд как препятствие в реализации права на судебную защиту.

Ключевые слова: право на судебную защиту, иск, идентификатор ответчика.

Конституционное право на судебную защиту в исковом производстве представляет собой самостоятельную и целостную правовую категорию [1, с. 4]. Право на обращение в суд существует, как потенциальная возможность для любого лица реализовать его, в случае нарушения права или охраняемого законом интереса, путем обращения за судебной защитой в компетентный государственный орган, т.е. в суд. Как справедливо отмечает В.В. Ярков, реализация права на обращение в суд, зависит от усмотрения лица, право которого нарушено или оспорено. По мнению ученого, следует различать сложный комплекс юридических условий и фактов, вызывающих возникновение права на обращение в суд, так и его реализацию [2, с. 32]. Одним из необходимых условий реализации права на обращение в суд является составление искового заявления в определенной процессуальной форме и предъявление его в суд по правилам, установленным ГПК РФ. Следует согласиться с О.В. Исаенковой, по мнению которой значение искового заявления велико, этот до-

кумент имеет важное значение, т.к. без него невозможно начало искового производства [3, с. 61].

Исковое заявление должно отвечать требованиям, установленным в ст. 131 и 132 ГПК РФ. Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ пункт 3 ст. 131 ГПК РФ был дополнен. Согласно новой редакции, начавшей действовать с 30 марта 2020г., исковое заявление должно содержать следующие сведения об ответчике: для гражданина – фамилия, имя, отчество (при наличии) и место жительства, а также дата и место рождения, место работы (если они известны) и один из идентификаторов (страховой номер индивидуального лицевого счета, идентификационный номер налогоплательщика, серия и номер документа, удостоверяющего личность, основной государственный регистрационный номер индивидуального предпринимателя, серия и номер водительского удостоверения, серия и номер свидетельства о регистрации транспортного средства), для организации – наименование и адрес, а также, если они известны, идентификационный номер налогоплательщика и основной государственный регистрационный номер.

Законодатель, вводя указанное требование к содержанию искового заявления, бесспорно, преследовал исключительно благие цели. Проблема с идентификацией ответчика, а в последующем должника на стадии исполнения судебного акта нередко приводила к ошибкам исполнения. Например, когда денежные средства взыскивались с другого, не обязанного лица (однофамильца) или же к невозможности исполнения, т.к. у «псевдодолжника» отсутствовали необходимые денежные средства для удовлетворения требований взыскателя и судебный пристав-исполнитель, считая, что установил надлежащего должника, прекращал исполнительное производство в связи с невозможностью взыскания. В целях исключения подобных ситуаций и были введены указанные требования по идентификации ответчика. Безусловно, установление личности как истца, так и ответчика, их причастность к спорному правоотношению является первоочередным для суда в целях осуществления законного правосудия.

Однако возникает вопрос: как быть, если ни один из идентификаторов ответчика, не известен истцу? ИНН, паспортные данные, место и дата рождения ответчика – все это относится к персональным данным и не находится в открытом доступе. В п. 3 ст. 131 ГПК РФ дается ответ на указанный вопрос. В исковом заявлении гражданина один из идентификаторов гражданина-ответчика указывает-

ся, если он известен истцу. Тем не менее, несмотря на достаточную ясность изложения указанного пункта, однозначность его содержания, суды стали по-своему трактовать смысл данной процессуальной нормы.

Гражданин Б. обратился в суд с исковым заявлением, об определении порядка общения с ребенком к бывшей супруге. В исковом заявлении были указаны ФИО ответчика, дата рождения, адрес и телефон. Определением районного суда г. Саратова исковое заявление истца было оставлено без движения с указанием на то, что истец подал исковое заявление, не отвечающее требованиям ст. 131 и 132 ГПК РФ. Суд указал, что в исковом заявлении не указаны сведения об ответчике: место рождения, место работы, один из идентификаторов (страховой номер индивидуального лицевого счета, идентификационный номер налогоплательщика, серия и номер документа, удостоверяющего личность, основной государственный регистрационный номер индивидуального предпринимателя, серия и номер водительского удостоверения, серия и номер свидетельства о регистрации транспортного средства) либо сведения об отсутствии у истца таких данных.

По логике суда, если истец не указывает сведения, указанные в п. 3 ст. 131 ГПК РФ, то он обязан указать в исковом заявлении, что данные идентифицирующие ответчика у него отсутствуют. Но, законодатель не обязывает истца прописывать в исковом заявлении невозможность получения какого-либо идентификатора ответчика, а также указывать на их отсутствие. Идентификатор ответчика указывается в исковом заявлении, если он известен истцу, а если не известен, то он и не указывается. В рассматриваемом примере из судебной практики прослеживается неверное толкование судом процессуальных норм, применение их по своему усмотрению, что в свою очередь является недопустимым, ущемляющим право на судебную защиту.

Необходимо отметить, что действие п. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ было приостановлено ФЗ от 01.04.2020 № 98-ФЗ до 01.01.2021 года в части предоставления истцом одного из идентификаторов гражданина-должника в исковых заявлениях, подаваемых юридическими лицами и ИП, осуществляющими деятельность в сфере ЖКХ. Отметим, что указанный закон распространяется не на всех истцов, а только истцов – юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, чей род деятельности должен быть связан со сферой ЖКХ. Указанная отсрочка применения п. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ в отношении ука-

занных субъектов обусловлена угрозой распространения заболевания новой коронавирусной инфекцией (COVID-19) и проблемами получения необходимой информации об идентификаторе ответчика для обращения в суд.

К гражданам, обращающимся в суд за защитой нарушенного права, требования остались прежними, т.е. если идентификатор ответчика известен, истец обязан его указать, если нет, то не указывает. Отсутствие идентификатора ответчика в исковом заявлении не является основанием для оставления искового заявления без движения. Тем не менее, учитывая отрицательную судебную практику применения п. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ, хотелось бы обратить внимание законодателя на необходимость более детальной проработки указанной нормы, которая не позволит судам препятствовать реализации конституционного права на судебную защиту. Представляется необходимым дополнить п. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ предложением в следующей редакции: «В случае, если один из идентификаторов гражданина – ответчика неизвестен истцу, об этом необходимо указать в исковом заявлении».

Список источников:

1. *Викут М.А.* Природа права на судебную защиту и гражданское судопроизводство // Теория и практика права на судебную защиту и ее реализация в гражданском процессе. 1991. С. 4–7.

2. *Ярков В.В.* К понятию права на обращение в суд за судебной защитой // Теория и практика права на судебную защиту и ее реализация в гражданском процессе. 1991. С. 31–37.

3. *Исаенкова О.В.* Место искового производства в системе видов гражданского судопроизводства // Юридический аналитический журнал. 2005. № 3–4. С. 59–69.

Трещева Евгения Александровна

*д.ю.н., профессор кафедры гражданского процессуального
и предпринимательского права Самарского
национального исследовательского университета им. С. П. Королева*

ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ – ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: в тезисах освещаются вопросы соотношения прав и обязанностей арбитражного суда и заинтересованных лиц в процессе применения обеспечительных мер. Обращается внимание на пределы усмотрения суда при рассмотрении ходатайств сторон.

Ключевые слова: обеспечительные меры, заявления и ходатайства сторон, основания применения обеспечительных мер, усмотрение арбитражного суда.

Основные правила применения обеспечительных мер в арбитражном процессе содержатся в Главе 8 АПК РФ (в редакции ФЗ от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ и ФЗ от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ). Эти правила можно условно разделить на следующие составляющие: во-первых, они предоставляют право заинтересованным лицам (истцу и иным лицам, участвующим в деле, а также в случаях предусмотренных законом – иным лицам, как это в настоящее время предусмотрено в части 1 ст. 90 АПК РФ) ходатайствовать перед судом о применении ограничительных мер в отношении ответчика (его имущества, его действий); во-вторых, закон устанавливает определенные основания применения таких мер, бремя доказывания которых лежит на заявителе; в-третьих, в нормах указанной главы предусмотрены (косвенно) пределы усмотрения арбитражного суда при решении вопроса об удовлетворении поданных ходатайств.

Остановимся на важном, на наш взгляд, моменте – пределах усмотрения суда.

Важность такой категории как судебское усмотрение подчеркивалось в работах многих процессуалистов. В частности, Е. А. Анаева и П. П. Ланг отмечают, что судебское усмотрение осуществляется, в том числе, и при определении фактов, являющихся основанием совершения отдельных процессуальных действий, например,

по принятию мер обеспечения иска или их отмене. Интересно, что названные авторы разделяют судебское усмотрение на виды в зависимости от того, предусмотрена ли его возможность законодателем или оно является составляющей правовой позиции суда без специального указания в законе. Применительно к применению обеспечительных мер судебское усмотрение установлено законом (с. 90 АПК РФ): применять или отказать в принятии обеспечительных мер [1, с. 119].

С такой позицией можно согласиться. Действительно, в нормах Главы 8 АПК РФ заложено такое судебское усмотрение: арбитражный суд вправе удовлетворить ходатайство заинтересованного лица, и вправе отказать в его удовлетворении.

Прежде чем оценить эти нормативные установления, полезно обратиться к истории регулирования применения обеспечительных мер.

И. Е. Энгельман относил применение обеспечительных мер к мерам по защите гражданских прав – как «средство предупреждения, чтобы защита не сделалась на деле безуспешною вследствие растраты или скрытия имущества должника» [2, с. 156]. Этот автор также специально указывал, что принятие мер обеспечения иска зависит от усмотрения суда, но не во всех случаях: суд не может отказать истцу в обеспечении иска, основанного на долговом обязательстве, нотариальном или засвидетельствованном крепостным или явочным порядком, или на векселе [2, с. 157].

А. Х. Гольмстен определял обеспечительные меры в качестве средства предупреждения нарушения сторонами своих обязанностей. Этот автор также косвенно определял значение судебного усмотрения в принятии обеспечительных мер, отмечая, что установление ограничительных мер в отношении ответчика возможно, если суд признает это необходимым: «иск должен представляться достоверным», то есть, суд, «в виду представленных доказательств, с некоторою вероятностью может заключить, что требование истца основательно» [3, с. 243–244].

Вернемся к действующему законодательству. Представляется, что оно, по сути, предусматривает два варианта решения арбитражным судом вопроса о применении обеспечительных мер: возможный и обязательный. Первый – основан на судебском усмотрении, второй – зависит от действий заинтересованных лиц: от предоставления ими встречного обеспечения (ч. 2 ст. 92 и ч. 4 ст. 93 АПК РФ).

Итак. *Возможность* получить удовлетворение просьбы об обеспечении иска, в соответствии с положениями ст. ст. 90 и 92 АПК РФ, зависит от того, сможет ли истец доказать суду, что непринятие этих мер может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта. Закон определяет это обстоятельство как основание применения обеспечительных мер. В соответствии с этим в ходатайстве (заявлении) об обеспечении иска заявитель должен указать обоснование причины обращения с заявлением об обеспечении иска. Возвратимся к уже сказанному А. Х Гольмстеном в подтверждение того, что для суда «иск должен представляться достоверным», то есть, суд, «в виду представленных доказательств, с некоторою вероятностью может заключить, что требование истца основательно» [3, с. 243–244]. Очевидно, что современный арбитражный суд в момент обращения заинтересованного в обеспечительных мерах лица не может (и, на наш взгляд, не должен) установить, является ли исковое (или иное) требование обоснованным и, возможно, подлежащим удовлетворению. Это не может являться основанием положительного решения вопроса о применении обеспечительных мер. По этой причине возможность их применения будет зависеть лишь от доказанности обстоятельств, свидетельствующих о таких действиях ответчика, которые явно, по мнению заявителя, неправомерны, а непринятие этих мер может затруднить или сделать невозможным будущее исполнение судебного акта. Только в этих пределах, на наш взгляд, и должно реализовываться усмотрение арбитражного суда. Доказательством тому может служить право арбитражного суда потребовать от заявителя встречного обеспечения, удовлетворяя ходатайство (ст. 94 АПК РФ): «Арбитражный суд, допуская обеспечение иска, по ходатайству ответчика может потребовать от обратившегося с заявлением об обеспечении иска лица или предложить ему по собственной инициативе предоставить обеспечение возмещения возможных для ответчика убытков (встречное обеспечение)». То есть, понимаем это положение так: суд усмотрел *возможность* применения обеспечительных мер, но в момент обращения заявителя не может быть уверен в будущем положительном решении. Иными словами, основаниями применения обеспечительных мер по усмотрению суда являются обстоятельства, доказанные заявителем: неправомерное поведение ответчика в отношении предмета спора (уничтожение, порча имущества, например). Предположение суда о правомерности исковых (или иных) требований в данной ситуации не требуется.

Оценивая названный выше *второй вариант* решения вопроса о применении обеспечительных мер, обратимся к закону: статье 93 АПК РФ, где указывается: «В обеспечении иска не может быть отказано, если лицо, ходатайствующее об обеспечении иска, предоставило встречное обеспечение». Такая формулировка должна быть понята однозначно – закон имеет в виду не усмотрение суда при решении указанного вопроса, а *обязанность* суда принять соответствующие меры, не требуя от заявителя каких-либо доказательств неправомерного поведения ответчика. Здесь имеет место «классический» вариант взаимоотношений суда и участника процесса: один субъект правоотношения (участник процесса) имеет право, а второй (суд) – обязан обеспечить реализацию этого права. Заявитель *имеет право* требовать принятия обеспечительных мер, предоставляя встречное обеспечение, а суд *обязан* удовлетворить такую просьбу.

Не обращаясь к подробному анализу применения обеспечительных мер: порядку подачи и рассмотрения заявлений (ходатайств), особенностям исполнения определений суда в отношении конкретных мер и т. п., поскольку это предмет самостоятельных исследований, в настоящей работе автор обратила внимание лишь на те принципиальные положения, которые могут способствовать совершенствованию (на наш взгляд, значительному упрощению) практики реализации закона, регулирующего возможность и необходимость применения обеспечительных мер.

Список источников:

1. *Анаева Е. А., Ланг П. П.* Правовая позиция суда и судебское усмотрение в юридическом процессе. // Судопроизводство в арбитражных судах: антология научной мысли и практика правоприменения: Сб. научных трудов Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда / под ред. Н. Р. Сафаевой. Самара: ИП Зуев Сергей Антольевич. 2020. С. 117–124.

2. *Энгельман И. Е.* Учебник русскага гражданского судопроизводства. Издание второе исправленное и дополненное. Юрьевъ. Въ комиссии у И. Г. Крюгера. 1904.

3. *Гольмстен А. Х.* Учебник русского гражданского судопроизводства / под ред. и с предисл. М. К. Треушникова, Ю. А. Поповой. Краснодар, 2004. 484 с.

Тришина Елена Геннадьевна

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СУДЕБНОЙ ОШИБКИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в тезисах анализируется понятие судебной ошибки в гражданских делах. Делается вывод о широком понимании судебной ошибки независимо от порядка и возможности ее исправления.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, судебная ошибка, решение суда.

Вопрос о понятии и причинах судебных ошибок в гражданском судопроизводстве был предметом изучения в научных трудах профессора И.М. Зайцева. Однако и в настоящее время среди проблем, которые стоят перед правовой системой, актуальность устранения судебных ошибок в механизме эффективности правосудия по гражданским делам не снимается, о чем свидетельствует множество работ современных ученых, посвященных вопросам понятия, причин и способов устранения судебных ошибок.

Задаваясь целью дать определение понятия «судебная ошибка», следует ответить на вопрос – для чего необходима такая дефиниция? Анализируя работы ученых в этой области, можно сделать вывод, что определение понятия судебной ошибки необходимо для повышения эффективности правосудия, для того, чтобы своевременно устранить ее негативные последствия и тем самым осуществить защиту прав и законных интересов граждан и организаций, т.е., иными словами, ошибка напрямую связана с целями гражданского судопроизводства [1, с. 38].

М.Ш. Пацаца в определении судебной ошибки делает акцент на возможность ее выявления в проверочной инстанции и устранение в процессуальном порядке [2, с. 13].

Еще более узкое понимание судебной ошибки высказала Л.А.Терехова, определяя судебную ошибку только через постановления, разрешающие дело по существу [3, с. 25]. При этом, ссылаясь на постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П, автор утверждает, что разрешить дело по существу может не только решение. И с первым, и со вторым суждениями трудно согласить-

ся. В юридической литературе правильно отмечается, что судебной ошибкой признается не только действия, повлекшие за собой отрицательные последствия, но и способные их повлечь [4, с. 3]. Ошибочные действия судьи ведут к судебной ошибке, но не всегда эта ошибка находит отражение в судебном решении. В качестве примера можно привести положение ч. 1 ст. 330 ГПК, где указано, что нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием к отмене решения лишь при условии, если это нарушение привело или могло привести к неправильному разрешению дела.

В соответствии со ст. 194 ГПК постановление суда первой инстанции, которым дело разрешается по существу, принимается именем Российской Федерации в форме решения суда. Таким образом, исключается возможность разрешения дела по существу иным актом, выносимым судом первой инстанции. Действительно, можно согласиться с выводом автора, что судебное решение не является единственным актом итогового характера, но только оно разрешает дело по существу. Ссылка на постановление Конституционного Суда РФ в данном случае некорректна, поскольку при анализе указанного постановления совершенно точно определена правовая позиция судебного органа, согласно которой, *«разрешая дело и принимая решение в соответствии с законом, суд осуществляет правосудие в собственном смысле слова»*.

Способность судебной ошибки повлиять на итоговый акт зависит от вида судебной ошибки и, как следствие, для разных видов таких ошибок предусмотрен самостоятельный порядок их исправления, в том числе и до вынесения судебного акта в порядке самоконтроля. Ошибочные действия судьи ведут к судебной ошибке, но не всегда эта ошибка находит отражение в судебном решении. Более того, заслуживает внимание утверждение о том, что существуют так называемые «неустранимые судебные ошибки» [5, с. 14].

Нередко судебный акт не обжалуется, а судебная ошибка обнаруживается в ходе проверки жалобы на судью в квалификационную коллегию судей. Однако по результатам такой проверки судебная ошибка не устраняется [6, с. 182].

Кроме того, трудно согласиться с утверждением о том, что отказ в принятии искового заявления и другие действия, неправомерно совершенные в процессе, судебной ошибкой не являются, а относятся к иным явлениям [3, с. 21]. Здесь возникает ряд вопросов. Во-первых, что это за иные явления и какова их правовая природа?

Во-вторых, каким термином их следует обозначить, поскольку автор их не определяет и не анализирует, просто исключив из понятия судебной ошибки? В-третьих, если исходить из такого узкого понимания судебных ошибок, то зачем законодатель предусмотрел возможность еще до вынесения решения обжаловать некоторые определения суда? Ответ здесь однозначный. ГПК РФ предусматривает правовой механизм, который позволяет выявлять и устранять судебные ошибки процессуальными средствами, как до вынесения решения, так и после.

В связи с чем можно сделать вывод, что независимо от вида, судебная ошибка – это всегда несоблюдение требований закона. Поэтому любое нарушение процессуального и (или) материального закона судьей в процессе разбирательства дела следует относить к судебным ошибкам, независимо от порядка и возможности их исправления.

Список источников:

1. *Вопленко Н.Н.* Ошибки в правоприменении: понятие и виды // Советское государство и право. 1981. № 4.
2. *Пацаця М.Ш.* Эффективность процессуальной деятельности проверочных инстанций арбитражного суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
3. *Терехова Л.А.* Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М., 2007.
4. *Степанова Е.А.* Апелляция в России: историко-правовой аспект и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999.
5. *Батурина Н.А.* Причины судебных ошибок и процессуальные средства их предупреждения в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.
6. *Клеандров М.И.* Статус судьи: правовой и смежные компоненты. М.: Норма, 2008.

Туманова Лидия Владимировна

*заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»*

АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ДОЛЖНО СПЕШИТЬ ЗА ИЗБИРАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ

Аннотация: обозначена проблема необходимости совершенствования процессуального порядка защиты избирательных прав и включения в качестве предмета судебной защиты голосования, обеспечение которого возлагается на избирательные комиссии. Новеллы, связанные с дистанционным электронным голосованием, увеличением сроков голосования и организацией голосования на придомовой территории, должны быть обеспечены соответствующими процессуальными нормами.

Ключевые слова: судебная защита избирательных прав; избирательный процесс; Общероссийское голосование; электронное голосование; сроки голосования; голосование на придомовой территории; электронные доказательства; информатизация.

Законодательство, регулирующее избирательные права и право на участие в референдуме, последние три десятилетия развивается очень интенсивно. Совершенствуется правовое регулирование как проведения выборов, так и деятельности, и статуса избирательных комиссий.

Принятие поправок в Конституцию Российской Федерации путем Общероссийского голосования показало, что такой порядок может стать эффективным способом принятия важнейших правовых актов. Избирательные комиссии обеспечили процесс голосования в сложных условиях, связанных с пандемией коронавируса. Это позволяет утверждать, что избирательные комиссии теперь обеспечивают реализацию избирательных прав граждан, права на участие в референдуме и голосовании.

Существенное влияние на избирательный процесс оказывает цифровизация всех сфер экономики, политики и общественной жизни. На выборах в Москве и Общероссийском голосовании в Москве и Нижнем Новгороде было опробовано электронное голосование. Кроме того, санитарно-эпидемиологическая об-

становка обусловила внесение изменений в процедуру и сроки голосования.

Все это требует и соответствующих изменений законодательства о защите избирательных прав. Слова М.К. Треушникова о том, что «законодательство Российской Федерации, регулирующее избирательный процесс, является весьма обширным и содержит много прогрессивных норм. Тем не менее для осуществления гарантированной судебной защиты требуется его дальнейшая модернизация» [1, с. 90] приобретают все большую актуальность.

Необходимо законодательно закрепить обязанность избирательных комиссий по организации проведения общероссийских голосований, поскольку эта процедура по своей сути аналогична голосованию на референдуме. Избирательные комиссии способны обеспечивать все условия, гарантирующие права граждан при выражении их волеизъявления. В связи с чем отказ Верховного Суда РФ принять иск о неправомерности возложения обязанностей по организации голосования по поправкам в Конституцию РФ на избирательные комиссии [2] представляется обоснованным по существу, а не только по формальным основаниям.

Для обеспечения судебной защиты прав в ходе такого голосования должны быть внесены и соответствующие дополнения в Кодекс административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ), думается, что рассмотрение споров, связанных с голосованием, должно быть отнесено к гл. 24 КАС РФ, в название которой следует внести соответствующее дополнение: «Производство по административным делам о защите избирательных прав и права на участие в референдуме и *голосовании* граждан Российской Федерации».

Эксклюзивность голосования по поправкам в Конституцию РФ не исключает применения этого порядка в дальнейшем, кроме того, возможность судебной защиты должна быть всегда обращена в будущее.

Поскольку Общероссийское голосование организовывали избирательные комиссии, то, соответственно, могли возникать ситуации, аналогичные тем, которые бывают на выборах, например, совершение действий наблюдателями или членами комиссий, которые свидетельствуют о необходимости их удаления из избирательного участка. При проведении выборов это возможно только по решению суда, значит, такой же порядок должен быть и применительно к голосованию. Вероятно, эти правила должны быть закреплены не только в процессуальном законодательстве, но это тот

случай, когда судебный порядок должен «работать на опережение».

Судебный порядок защиты избирательных прав обеспечивает рассмотрение самых разнообразных спорных ситуаций и при этом еще ограничен сроками избирательного процесса, что приводит к выводу о необходимости совершенствования самого подхода к процессуальному регулированию этих категорий дел. Необходимо выделить особенности рассмотрения отдельных категорий дел, особенно тех, в отношении которых закон устанавливает такие сроки рассмотрения, как «немедленно».

Даже необходимость немедленного рассмотрения дела не должна снижать уровень процессуальных гарантий участников процесса, все должны иметь возможность подготовить свою позицию по делу и при необходимости использовать свое конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи, а прежде всего быть надлежаще извещенным о рассмотрении дела. Все это требует специального правового регулирования и расширения возможности использования информационных технологий.

Современная ситуация и опыт Общероссийского голосования показали эффективность использования как минимум трех новелл: электронное голосование, увеличение сроков голосования и организация голосования на придомовой территории. Эти новеллы будут применяться и в дальнейшем, а следовательно, необходимо не только их законодательное закрепление в соответствующих избирательных законах, но и процессуальное обеспечение.

Электронное голосование уже достаточно давно было предметом обсуждения, впервые оно было опробовано на выборах в Московскую Городскую Думу, а 23 мая 2020 г. был принят Федеральный закон «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве» [3]. В статье 9 названного Закона указано, что нарушение избирательных прав при проведении эксперимента обжалуется в общем порядке, установленном законом о гарантиях избирательных прав и другими федеральными законами. Но очевидно, что это голосование требует особых процессуальных правил, прежде всего в сфере доказательственной деятельности.

Первоначальный вариант ст. 59 КАС РФ называл электронные документы в качестве самостоятельного вида доказательств, но затем это было исключено, и, соответственно, электронные документы стали составной частью письменных доказательств. В настоящее время применение электронных доказательств расширяется,

наряду с собственно электронными документами используется электронная форма доказательств. Это требует не только специального технического оснащения судов, но и особого подхода к исследованию и оценке таких доказательств. Традиционно письменные доказательства относятся к личным, что означает необходимость их оценки с учетом личности автора, но электронные документы формируются с помощью программных и технических средств, следовательно, они должны быть отнесены к смешанным доказательствам, а при их оценке надо учитывать и эти особенности. Технический сбой программы, а тем более незаконное вмешательство в систему способно повлиять на содержание документа, и это должен установить суд.

Комментируя закон об электронном голосовании, Э.А. Памфилова особое внимание уделила необходимости технического оснащения, защите от постороннего вмешательства и соблюдения тайны голосования при одновременной гарантии надежной идентификации избирателей [4].

Применение электронной формы при проведении Общероссийского голосования было урегулировано соответствующим постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [5]. В этом постановлении более подробно регламентирован порядок дистанционного электронного голосования, в том числе расширен перечень основных используемых понятий, например, разъяснены понятия «анонимизация», «аутентификация», «идентификация». Такой порядок будет основой для последующего введения электронной формы голосования повсеместно, а соответственно, изменится и то, как суд должен будет исследовать итоги голосования на отдельных участках и результаты выборов, соблюдение гласности избирательного процесса и многое другое.

Эти вопросы должны уже сегодня быть предметом серьезного изучения в аспекте судебной защиты.

Увеличение сроков Общероссийского голосования до семи дней и голосования на выборах до трех дней, как и любое явление, имеет две стороны. Безусловно, продление сроков голосования делает его более доступным для граждан, но вызывает необходимость дополнительного решения организационных вопросов, как, например, обеспечение работы участковых избирательных комиссий и при этом сохранение деятельности тех организаций, на территории которых они расположены. Кроме того, возникают и вопросы правового характера, например, как исчислять восьмидневный срок,

ограничивающий возможность подачи заявления об отмене регистрации кандидата, от первого дня голосования или завершающего, когда подводятся итоги. Учитывая строгую регламентацию сроков в избирательном процессе и их краткость, сокращение даже на два дня возможности обращения в суд окажет существенное влияние на доступность защиты прав.

Организация Общероссийского голосования на придомовых территориях и возможность использования такой процедуры на выборах также требует дополнительного правового регулирования. Были случаи обращения в избирательные комиссии с жалобами на организацию такого голосования [6], если бы такие жалобы поступали в суд, то рассматривались бы по правилам гл. 22 КАС РФ, как оспаривание решений и действий должностных лиц, а жалоба на организацию голосования на придомовых территориях на выборах уже будет рассматриваться по правилам гл. 24 КАС РФ.

Голосование на придомовых территориях может вызвать ряд спорных ситуаций, связанных с осуществлением наблюдения, присутствием представителей средств массовой информации, обеспечением тайны голосования и свободы волеизъявления. Рассмотрение таких дел в судах вызовет определенные сложности, которые желательно заранее предусмотреть в соответствующих нормах. Возникнут вопросы, что понимать под удалением члена комиссии или наблюдателя с избирательного участка, как бороться, допустим, с размещением агитационных материалов в окнах домов и многое другое. Эти вопросы должны иметь соответствующее нормативно-правовое решение.

Внедрение информационных технологий в избирательный процесс, без сомнения, будет очень быстро развиваться, возможно, уже в 2021 г. единый день голосования в дистанционном режиме будет введен во многих субъектах Российской Федерации. В связи с этим судебная защита избирательных прав должна более быстро и эффективно переходить в цифровой режим. Прежде всего должно стать обязательным указание электронных адресов сторон по всем избирательным спорам, и эти адреса должны использовать как основной способ извещения участников процесса. Все основные доказательства должны иметь электронную форму, а само судебное разбирательство по общему правилу должно проходить в режиме видеоконференцсвязи.

Избирательный процесс будет и дальше развиваться очень интенсивно, необходимо, чтобы административное судопроизводство

предвидело эти изменения и обеспечивало специфику защиты избирательных прав по каждой категории дел.

Список источников:

1. *Треушников М.К.* Творческие поиски в науке гражданского процессуального права. М.: Городец, 2020. 320 с.
2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4276076>
3. URL: <https://rg.ru/2020/05/25/fz-o-golosovanii-v-moskve-dok.html>
4. URL: <https://rg.ru/2020/05/24/ella-pamfilova-o-tom-kak-budet-vnedriatsia-distancionnoe-elektronnoe-golosovanie.html>
5. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/46375/>
6. URL: <http://www.tver.izbirkom.ru/content/21086/>

Ульянова Марина Вячеславовна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»*

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДЕЛАХ О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Аннотация: автором обозначен вопрос о соотношении прав и интересов ребенка в материальных правоотношениях и процессуальных, выявлены сложности определения субъектного состава с учетом прав и интересов ребенка в процессуальных правоотношениях, в делах о воспитании ребенка и установлении его происхождения. Сделан вывод о необходимости развития представлений о субъектах гражданского процессуального права с учетом субъектного состава материального правоотношения.

Ключевые слова: семейные права и интересы ребенка, субъекты семейных правоотношений в материальных и процессуальных правоотношениях, учет мнения ребенка.

Современные представления о правах ребенка сформировались в течение последнего столетия, претерпев значительные изменения в начале XX в., что было обусловлено политико-экономическими событиями в обществе. Изменение мировоззрения позволило прийти к идее о том, что несовершеннолетние являются субъектами отношений, они нуждаются в охране и защите их прав. На основе норм, воспринятых из Декларации прав ребенка и Конвенции ООН о правах ребенка, которая имплементирована в Российскую правовую систему, в ст. 1 Семейного кодекса РФ закреплено, что правам и интересам несовершеннолетнего обеспечивается приоритетная защита. Согласно ст. 2 СК РФ субъектами семейных отношений являются родители и дети (усыновленные и усыновители). В научной литературе, верно, отмечается, что семейно-правовое регулирование «относится к ребенку как к лицу, и потому закрепляет за ним право выражать свое мнение в отношении любого вопроса, затрагивающего его интересы»[1. С. 21], что соответствует ст. 57 СК РФ. В соответствии с нормами материального права ребенок является субъектом правоотношений.

Помимо того, в части осуществления процессуальных прав ранее обращалось внимание на неясность процессуальных сторон в исках

о восстановлении родительских прав, на «ошибочность» в правовых конструкциях [2, с. 22, 3]. Другой автор [3, с. 28] подчеркивает, что ребенок субъект отношений, его мнение подлежит учету при исполнении судебных решений об определении места жительства ребенка. Надлежащее исполнение судебных решений по искам о воспитании детей возможно с учетом воли самого ребенка. Недавняя судебная практика свидетельствует, что иски о порядке общения не только с отдельно проживающим родителем требуют учитывать мнение ребенка, но и иски о порядке общения с иными родственниками (например, порядок общения внука с бабушкой), также требуют учета мнения ребенка, исполнение поставлено в зависимость от желания ребенка.

Согласно Конвенции о правах ребенка и ст. 1 СК РФ дела о воспитании детей рассматриваются не в приоритетных интересах истца или ответчика, а в наилучших интересах ребенка, в соответствии с его законными интересами. Наилучшие, законные интересы ребенка суд определяет по совокупности собранных по делу средств доказывания, в том числе путем проведения психолого-педагогических экспертиз, выявления возможности и способности родителя. В соответствии со ст. 57 СК РФ ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего десяти лет обязателен. Таким образом, на лицо в правоотношении возложена обязанность – заслушать мнение ребенка и учесть его, т.к. предметом рассмотрения являются права и интересы ребенка.

Согласно позиции высшего судебного органа мнение ребенка, как субъекта отношений следует учитывать и в делах об установлении происхождения ребенка, так как возникают, изменяются, прекращаются семейные права ребенка, не только права родителей, в результате иска одного родителя к другому. Подобное обстоятельство имели место в деле, рассмотренном ЕСПЧ по иску Назарова против России.

Так, в п. 9 разъяснений Постановления пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» содержится указание на необходимость учета мнения ребенка и по такой категории дел как установление происхождения ребенка. Более того, в п. 21 постановления указано, что «с учетом того, что по делам об оспаривании отцовства субъек-

том отношений является в том числе и несовершеннолетний ребенок, решение суда об удовлетворении иска не может быть основано исключительно на признании иска матерью или опекуном (попечителем) ребенка, поскольку это может повлечь за собой нарушение прав несовершеннолетнего». В п. 29, закреплено, что удовлетворение иска об оспаривании отцовства, даже если будет установлено, что родитель не является биологическим, это право суда, но не обязанность.

Таким образом, не только в литературе, но и в разъяснениях высших судебных органов, правоприменительной деятельности подчеркивается субъектный состав семейного правоотношения, который, однако, до настоящего времени не нашел отражение в гражданском процессуальном праве. Полагаю, что дальнейшее развития гражданского процессуального права требует учета особенностей субъектного состава семейных правоотношений, интересов и прав ребенка в гражданском процессе.

Список источников:

1. *Душкина Е.А.* Проблемы защиты семейных прав по семейному законодательству РФ: автореф. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 28 с.
2. *Прокошкина Н.И.* Обеспечение защиты семейных прав и законных интересов в гражданском судопроизводстве: автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2010. 28 с.
3. *Гальперин М.Л.* Невозможность исполнения требования исполнительного документа в неизменном виде: проблема процессуального или материального права? // Закон. 2017. № 7. С. 27–40.

Усолицева Зоя Андреевна

преподаватель кафедры

*гражданского и административного судопроизводства
Российского государственного университета правосудия*

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АДМИНИСТРАТИВНОГО ИСКА ОБ ОСПАРИВАНИИ НОРМАТИВНОГО ТАРИФНОГО ПРЕДПИСАНИЯ

Аннотация: в тезисах определяется правовая природа юридического конфликта, возникающего в сфере тарифного регулирования, а также правовая природа административного иска по делам об оспаривании нормативных актов, устанавливающих тарифы (цены или нормативы потребления). Определены предмет и основания административного искового заявления об оспаривании нормативного тарифного предписания. Делается вывод о том, что заявление об оспаривании нормативного акта, устанавливающего тарифы (цены), по своей правовой природе является не исковым.

Ключевые слова: судебный нормоконтроль, нормативные правовые акты, тарифы, тарифное регулирование, административный иск, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации

Проверка судами нормативно-правовых актов является важным инструментом сдержек и противовесов в механизме разделения властей и одним из элементов механизма реализации функций судебной власти в правовом государстве, а также гарантией правопорядка [1, с. 5]. Судебному нормоконтролю, как прямому, так и косвенному, подвергаются нормативные акты различной формы и содержания, регулирующие общественные правоотношения в различных сферах, изданные различными органами государственной власти, органами местного самоуправления и их должностными лицами. Поскольку акты, устанавливающие тарифы (цены), обладают всеми признаками нормативных актов [2, с. 201; 3, с. 290; 4, с. 65; 5, с. 97; 6, с. 29], они выступают в качестве предмета судебного нормоконтроля (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами»).

В основе дел об оспаривании тарифных предписаний лежит юридический конфликт, возникающий из правоотношений по поводу утверждения тарифов. Этот конфликт возникает в плоскости публичных правоотношений в связи с деятельностью госрегулятора, то есть в связи с реализацией публичных полномочий государственным (муниципальным) органом и их должностными лицами, уполномоченными издавать нормативные правовые акты, устанавливающие тарифы (цены, нормативы потребления).

Следовательно, производство по делам об оспаривании нормативных актов, устанавливающих тарифы (цены, нормативы потребления), относится к административному судопроизводству и обладает всеми присущими данной процессуальной форме особенностями. Эти особенности касаются в том числе формы и содержания административного искового заявления.

Основанием для возбуждения производства по оспариванию любого нормативного правового акта в форме прямого нормоконтроля в рамках административного судопроизводства является административный иск (гл. 21, ст. 209 КАС РФ). Нормы КАС РФ определили заявление об оспаривании нормативных правовых актов в качестве административного иска, тем самым указав на его двойственную правовую природу. И, действительно, с одной стороны к административному иску предъявляются такие же требования и по форме, и по содержанию, как к исковому заявлению (ст. 209 КАС РФ), а с другой стороны, административный иск направлен, в первую очередь, на защиту публичных интересов и прав неопределенного круга лиц, что свидетельствует о его публичной правовой природе.

В юридической литературе существуют споры относительно правовой природы заявления (иска) об оспаривании нормативного правового акта [6, с. 6–8]. На наш взгляд, о том, что заявление об оспаривании нормативного акта, устанавливающего тарифы (цены), по правовой природе является не исковым, а административным заявлением свидетельствуют следующие доводы. Во-первых, административный иск об оспаривании нормативного правового акта направлен, прежде всего, на защиту интересов неопределенного круга лиц (производителей, поставщиков и потребителей коммунальных ресурсов) и публичных интересов (состояния законности в сфере тарифного регулирования). Во-вторых, такие институты, как, например, отказ от прекращения производства по делу в случае, если административный истец отказывается от иска, а суд придет к выводу, что нормативный акт или его часть не соответ-

ствуют акту, обладающего большей юридической силой, право суда выйти за пределы требований административного истца и проверить нормативный акт в полном объеме и по основаниям, отличным от указанных в административном исковом заявлении, указывают на существенные принципиальные различия между административным судопроизводством по делам об оспаривании нормативных актов и исковым производством, а также на различную правовую природу иска и административного иска.

Предметом административного иска об оспаривании тарифного предписания является требование о признании нормативного акта, устанавливающего тариф (цену или норматив потребления), не соответствующим актам, обладающим большей юридической силой, недействующим и не подлежащим применению с определенной судом даты.

В современной юридической литературе под предметом административного иска также понимается способ защиты нарушенного или оспоренного права [7, с. 8]. Следовательно, способом защиты по рассматриваемой категории дел будет являться признание тарифного акта недействующим и не подлежащим применению.

Основанием такого административного иска выступает совокупность юридических фактов, которые обосновывают требование административного истца о защите его прав и законных интересов, нарушенных принятым нормативным актом, устанавливающим тариф.

Основаниями для удовлетворения такого административного иска является признание в судебном порядке нормативного тарифного акта незаконным в связи с пороками формы, нарушением порядка принятия или опубликования акта, принятием акта неуполномоченным на то государственным или муниципальным органом либо их должностными лицами, а также в связи с несоответствием акту, обладающему большей юридической силой, либо признания установленного тарифа экономически необоснованным. При этом в соответствии с ч. 7 ст. 213 КАС РФ суд вправе признать нормативный акт недействующим по иным, не указанным в административном иске, основаниям.

Список источников:

1. *Гаджиев Г.А., Гаджиев А.Г.* Общие принципы судебного нормоконтроля: монография. М., 2006.
2. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М., 1982.

3. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М., 2004.

4. *Бек О.А.* Производство по делам об оспаривании нормативных правовых актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2007.

5. *Бошно С.В.* Развитие признаков нормативного правового акта в современной правотворческой практике// Журнал российского права. 2004. № 4. С. 94–99.

6. *Кирсанов В.А.* Теоретические проблемы судопроизводства по оспариванию нормативных правовых актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 213 с.

7. *Тунина Н.А.* Административный иск как средство защиты нарушенного публичного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

Усцов Данил Константинович
юрист ООО «Стратег»

О НАДЛЕЖАЩЕМ СУБЪЕКТНОМ СОСТАВЕ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О НАСЛЕДОВАНИИ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА

Аннотация: одним из неясных вопросов остается вопрос о лицах, уполномоченных от имени Российской Федерации и муниципальных образований, на участие в делах, рассматриваемых судом о наследовании выморочного имущества. Автором предлагается исследовать примерный круг таких лиц, предпринимается попытка выработать единый подход к определению субъектного состава

Ключевые слова: выморочное имущество, государственный орган, наследство, правопреемство

Исследуя судебную практику по спорам, связанную с наследованием выморочного имущества, ключевое значение имеет не столько правильный предмет спора, сколько правильный или «надлежащий» субъектный состав. Именно от того, кто фигурирует в данной категории дел, зависит процессуальный статус, объем процессуальных правомочий. Тем самым в прямую зависимость ставится объем способов защиты гражданских прав.

По мнению Беспалова Ю. Ф., Беспаловой А. Ю. одним из неясных вопросов остается вопрос о лицах, уполномоченных от имени Российской Федерации, на участие в наследственном правоотношении и в делах, рассматриваемых судом [1. с. 51].

Необходимо обратить внимание, что споры по наследованию выморочного имущества обусловлены публичным аспектом. А это значит, что обязательным участником по такому делу должен выступать орган публичной власти в лице федерального органа исполнительной власти или местного самоуправления. В судебной практике накопилось значительное количество примеров, иллюстрирующих наличие в деле различных по компетенции государственных органов. Суды, равно как и стороны по делу, по-разному подходят к вопросу определения надлежащего ответчика. Подобного рода ситуации могут послужить поводом для замены ненадлежащего ответчика, или вовсе для отказа в исковых требованиях.

Нередко возникает вопрос по определению надлежащего ответчика в делах о взыскании задолженности по договору займа с условием об ипотеке. Так, если недвижимое имущество стало выморочным, оно переходит в собственность соответствующего муниципального образования, в пределах которого оно находится в силу ст. 1151 ГК РФ по истечении шести месяцев после принятия наследства. Как указывает п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», споры, связанные с восстановлением срока для принятия наследства и признанием наследника, принявшим наследство, рассматриваются в порядке искового производства с привлечением в качестве ответчиков наследников, приобретших наследство (при наследовании выморочного имущества – Российской Федерации либо муниципального образования, субъекта Российской Федерации), независимо от получения ими свидетельства о праве на наследство [2]. Таким образом, если наследников не имеется, суд приостановит производство по истечению срока для принятия наследства наследниками, а затем, если таковых не имеется – наследуется муниципальным образованием [3]. В случае с обращением взыскания на предмет ипотеки, который стал выморочным имуществом, вполне реально заменить по ходатайству ответчика на надлежащего – муниципальное образование, в пределах которого находится данное имущество [4]. Относительно приведенного примера можно сделать вывод, что обращение с исками к наследственному имуществу умершего нецелесообразно в принципе, поскольку замена ответчиков по истечении срока для принятия наследства есть не что иное, как закономерность. Законодатель и высшие судебные инстанции исключают какую-либо бесхозяйность.

В ситуации, если предметом спора становится движимое выморочное имущество, практика расходится. В некоторых других случаях судебная практика складывается в пользу привлечения, например, Федеральной налоговой службы. Один из московских банков предъявил требование к ФНС об обязанности принять имущество как выморочное и передать на баланс Территориального управления Росимущества [5]. В другом случае, филиал территориального Фонда социального страхования предъявил требования о признании незаконным бездействия по принятию выморочного имущества, состоящего из денежных средств, находящихся на лицевом счете [6]. В приведенных ситуациях истцы исходили из смысла содержания

«Инструкции о порядке учета, оценки и реализации конфискованного, бесхозного имущества, имущества, перешедшего по праву наследования к государству, и кладов» [7], утвержденной Минфином СССР в 1984 году, которая в части учета выморочного имущества действует до принятия соответствующего федерального закона. Однако суды (что, по мнению автора, верно) всё же не признают налоговые органы надлежащей стороной по такой категории дел, исходя из буквального толкования Постановления Правительства РФ № 432 «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом».

Практика привлечения государственных и муниципальных органов с подконтрольными им достаточно обширна. Это обосновывается тем, что в соответствии со ст. 125 ГК РФ от имени Российской Федерации и субъектов Российской Федерации могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов. В случаях и в порядке, предусмотренных федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, нормативными актами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, по их специальному поручению от их имени могут выступать государственные органы, органы местного самоуправления, а также юридические лица и граждане. А потому иногда остается неопределенным процессуальный статус. Характерным примером может являться практика в муниципальных образованиях. Два органа: Администрация муниципального образования «Город Киров» и Департамент муниципальной собственности Администрации муниципального образования «Город Киров». И тот и другой имеют свои идентифицирующие признаки, позволяющие определить их как самостоятельное юридическое лицо (свои расчетные счета, свой аппарат, ОГРН, ИНН и др.). Однако юридически второй входит в структуру первого. Таким образом, двойственное положение может поставить некоторые вопросы относительно надлежащего ответчика по делу о наследовании выморочного наследства в виде объектов недвижимости.

В интересах граждан по делам о наследовании выморочного имущества практика складывается к привлечению органов Прокуратуры [8]. Участие Прокуратуры в конкретном случае зави-

сит от защищаемого права. В приведенном примере из судебной практики речь шла об искомом заявлении о выселении из жилья, которое стало выморочным. Как показывает судебно-арбитражная практика, с заявлениями о признании незаконным бездействия по оформлению наследственных прав на выморочное имущество обращаются также прокуроры [9]. Однако здесь уже отстаиваются интересы государства и собственников имущества. Когда соответствующий орган не оформляет права на наследство в отношении выморочного имущества, создаются препятствия в осуществлении прав гражданина по владению, пользованию и распоряжению его долей в праве собственности на имущество (например, при возникновении в связи с открытием наследства права общей долевой собственности граждан и муниципального образования на квартиру), гражданин вправе обратиться в суд с заявлением об оспаривании бездействия в рамках главы 22 КАС РФ.

Таким образом, нет единой позиции к определению надлежащего субъектного состава по делам, связанным с наследованием выморочного имущества. В связи с этим хотелось обозначить необходимость определения на уровне федерального закона круга органов, осуществляющий контроль и учет выморочного имущества на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации, а также уровне муниципальных образований.

Список источников:

1. *Беспалов Ю. Ф., Беспалова А. Ю.* Дела о наследовании: некоторые спорные вопросы правоприменения. М.: Проспект, 2012. 64 с.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (в ред. от 23.04.2019) // БВС РФ. 2012. № 7.
3. Решение Оричевского районного суда Кировской области от 26.08.2020 года по делу № 2-135/2020 URL: <https://orichevsky-kir.sudrf.ru/modules> (дата обращения: 29.08.2020).
4. Определение Оричевского районного суда Кировской области от 6.04.2020 года по делу № 2-135/2020 URL: <https://orichevsky-kir.sudrf.ru/modules> (дата обращения: 29.08.2020).
5. Постановление ФАС Московского округа от 31.01.2013 по делу № А40-85009/11-58-495// СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Верховного Суда РФ от 06.11.2015 № 305-КГ15-14065 по делу № А40-28208/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Инструкция о порядке учета, оценки и реализации конфискованного, бесхозяйного имущества, имущества, перешедшего по праву наследования к государству, и кладов (утв. Минфином СССР 19.12.1984 № 185) (ред. от 13.08.1991, с изм. от 15.01.2007).

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.06.2019 № 5-КГ19-88 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Кассационное постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24 апреля 2006 г. по делу № А17-4735/5/2005 // СПС «КонсультантПлюс».

Федчун Александр Витальевич

кандидат юридических наук,

адвокат Международной коллегии адвокатов «Санкт-Петербург»

ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЯ СУДА ПО ДЕЛАМ О ВЗЫСКАНИИ ДОЛГОВ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ

Аннотация: автор предлагает ввести механизм учета долгов наследодателя и залога наследственного имущества в целях обеспечения исполнения решения суда со стороны наследников. Предлагаемые по такой категории дел меры позволят исключить окончание исполнительных производств в связи с невозможностью взыскания.

Ключевые слова: обеспечение исполнения решения суда по обязательствам наследодателя, реестр долгов наследодателя, залог наследственного имущества, ответственность наследников по долгам наследодателя

Завершающей стадией правосудия по гражданским делам, которой оканчивается процесс судебного разбирательства, является исполнение решения суда. Она регулируется разделом VII ГПК РФ. Срок принудительного исполнения решения суда, осуществляемой Федеральной службой судебных приставов исполнителей составляет два месяца (ч. 1 ст. 36 ФЗ «Об исполнительном производстве»). Исполнительное производство может быть окончено в связи с исполнением должником требований исполнительного документа (т.е. оплатить долг, вернуть имущество и т.п.). Также исполнительное производство в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 47 ФЗ «Об исполнительном производстве» может быть окончено без исполнения или частичного исполнения в случае возвращения взыскателю исполнительного документа по основаниям, предусмотренным ст. 46 ФЗ «Об исполнительном производстве» (например, в связи с тем, что у должника отсутствует имущество, на которое можно обратить взыскание).

Длительное неисполнение, затягивание реального исполнения решения суда снижает его эффективность, нарушает положения действующего законодательства, кроме того, нарушает баланс интересов должника и взыскателя по делу, что противоречит общим принципам правосудия, а также положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод о разумных сроках исполнения решения суда.

Будет ли решение суда исполнено добровольно или нет, во многом зависит от действий должника. Личность должника имеет для кредитора важное значение. По общему правилу, установленному ГК РФ, перевод долга с должника на другое лицо может быть произведен по соглашению между первоначальным должником и новым должником. Перевод должником своего долга на другое лицо допускается с согласия кредитора и при отсутствии такого согласия является ничтожным.

В случае смерти должника, указанные правила не действуют, т.к. его права и обязанности переходят к наследникам в порядке универсального правопреемства не зависимо от воли кредитора. Содержание универсального принципа правопреемства заключается в том, что права и обязанности переходят в неизменном виде, как единое целое и в один и тот же момент. С.А. Муромцев отмечал: «По общему правилу при наследовании происходит преемство. Но этот случай преемства представляет ту отличительную черту, что оно совершается не моментально, как другие случаи преемства, но растягивается на более или менее продолжительное время. В этот период смерть уже похитила у прав их прежнего обладателя, а иной обладатель еще не принял их». [1, с. 339]. В научной литературе период, установленный для принятия наследства, часто называют «лежачим».

Рассмотрим, в чем заключается особенность данного периода и какие риски кредиторов наследодателя возрастают. Характеризуя указанный период Б.Б. Черепяхин отмечал: «... неопределенность правового положения наследства до его принятия наследниками или поступления как выморочного в собственность государства – явление временное, ограниченное определенным (шестимесячным) сроком. В пределах этого срока имущественные права и обязанности временно не имеют определенных субъектов, но они не являются в точном смысле слова бессубъектными». [2, с. 420].

Если наследодатель являлся должником, то в этот период возможно возникновение трех ситуаций. Первая – имеется вступившее в законную силу решение суда о взыскании долга. Вторая – срок исполнения обязательства наступил, но решение суда отсутствует. Третья – срок исполнения обязательства не наступил. В первой ситуации вполне возможно принудительное исполнение решения суда, т.к. все имущество имеется в наличии. А вот при возникновении второй и третьей ситуации иногда кредиторам наследодателя приходится сталкиваться с тем, что наследники не желают отдавать

долги наследодателя, при этом они могут совершать действия, которые сам наследодатель не позволил бы себе в силу своего воспитания, нравственных устоев, личных доверительных отношений с кредитором и тому подобное.

Интересы наследников защищены ст. 1175 ГК РФ, которая устанавливает предел для ответственности перед кредиторами наследодателя – каждый из наследников отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества. Кредитор при этом оказывается в ситуации, когда он, во-первых, не имеет права предъявить наследникам свое требование, т.к. не истек срок исполнения обязательства, а, во-вторых, на момент предъявления требования «лимит ответственности» наследников уже может быть исчерпан исполнением обязательства перед другими кредиторами. Допустим ситуацию, когда кредитор получает право требовать возврата долга только через два года после смерти наследодателя. За этот период наследники на вполне законном основании производят отчуждение перешедшего к ним имущества. В итоге на момент наступления срока исполнения обязательств у наследника будет отсутствовать имущество за счет которого могли быть удовлетворены требования кредитора. В такой ситуации, даже при наличии судебного решения обязательства не будут исполнены, а принудительное исполнение решения суда не принесет желаемого для кредитора результата.

Позиция Конституционного Суда РФ по вопросу невозможности исполнения судебных актов изложена в Определении от 9 марта 2017 г. № 359-О. В сфере исполнения судебных решений, вынесенных в отношении частных субъектов, ответственность государства ограничивается надлежащей организацией принудительного исполнения судебного решения и не может подразумевать обязательность положительного результата, если таковой обусловлен объективными обстоятельствами, зависящими от должника, а не от самой по себе системы исполнения судебных решений (Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2008 г. № 734-О-П и от 1 ноября 2012 г. N 2008-О). [3]

Какие же меры возможно принять для повышения эффективности исполнения решения судов по взысканию долгов наследодателя?

В качестве определенного «защитного механизма» интересов кредиторов можно рассматривать положения п. 1 ст. 1175 ГК РФ которая устанавливает общее правило о том, что наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно. Со-

лидарная ответственность наследников означает то, что кредитор вправе требовать исполнения как от всех наследников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом, как полностью, так и в части долга (ч. 1 ст. 323 ГК РФ). Однако мы полагаем, что он не является достаточно эффективным.

На исполнимость судебных актов по взысканию долгов наследодателя существенное влияние оказывает своевременность получения информации об общих размерах таких долгов и об общей стоимости наследственного имущества. В настоящее время отсутствует механизм, позволяющий определить общий объем обязательств наследодателя и срок их исполнения. Представляется, что первым шагом к решению обозначенной проблемы может стать ведение реестра долгов наследодателя. В советском законодательстве существовало положение, которое обязывало кредиторов зафиксировать свои требования и устанавливало пресекательные сроки вне зависимости от срока исполнения обязательств. В соответствии со ст. 554 ГК РСФСР 1964 года кредиторы наследодателя были вправе в течение шести месяцев со дня открытия наследства предъявить свои претензии принявшим наследство наследникам или исполнителю завещания, или нотариальной конторе по месту открытия наследства либо предъявить иск в суде к наследственному имуществу. Претензии могли быть предъявлены независимо от наступления срока соответствующих требований. Несоблюдение этих правил влекло за собой утрату кредиторами принадлежащих им прав требования. Возврат к данному положению законодательства имел бы в настоящее время положительный эффект.

Второй шаг может заключаться в том, что все наследственное имущество вне зависимости от его стоимости на период принятия наследства, оформления на него прав и исполнения обязательств, будет находиться в залоге по предъявленным кредиторами обязательствам. Это положение достаточно успешно будет сочетаться с действующим положением ст. 334.1 Гражданского Кодекса РФ о возникновении залога при наступлении указанных в законе обстоятельств (залог на основании закона), а также с положениями ст. 339.1 ГК РФ о государственной регистрации и учете залога нотариусами.

Введение указанных мер позволило бы исключить ситуации, когда кредитор наследодателя при наличии судебного решения о взыскании долга не имел возможности его исполнить в принудительном порядке.

Список источников:

1. *Муромцев С.А.* Избранное. М.: Статут, 2015.
2. *Черепашин Б.Б.* Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 9 марта 2017 г. № 359-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Пономаревой Зои Ивановны на нарушение ее конституционных прав статьей 151 Гражданского кодекса Российской Федерации и частью 1 статьи 1 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision265119.pdf>.
4. *Валеев Д.Х., Нуриев А.Г.* Влияние цифровых технологий на реализацию социальных функций государства в контексте обеспечения права на исполнение судебного решения // Российский судья. 2020. № 3.
5. *Дурново Д.В.* О взыскании денег с ответчика, не исполняющего решение суда // Строительство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2019. № 9.
6. *Тарасенкова А.Н.* Суд вынес решение. Как добиться его исполнения? // Редакция «Российской газеты». 2018. Вып. 9.
7. *Абраменков М.С., Блинков О.Е.* Ответственность наследников по долгам наследодателя в российском и иностранном праве // Наследственное право. 2010. № 3.

Филиппов Сергей Александрович

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».*

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУД ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ. СЕМЕЙНЫЕ СУДЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: цель тезисов – анализ особенностей семейных правоотношениях для субъектов, которых необходима особая защита. Семейные отношения требуют от правоприменителя повышенного внимания, наличия специальных знаний, особых навыков и опыта от судей и сотрудников аппарата при разрешении семейных споров. Автор приходит к выводу о необходимости создания семейных судов в России, как это предусмотрено в ряде иностранных государств (специализированные семейные суды).

Ключевые слова: семейное право; семья; защита семейных прав; семейные суды.

В настоящее время наблюдается существенное оживление отечественной юридической мысли, направленной на исследование проблем российского семейного права, способов его реализации, охраны и защиты. Очевидно, что судебная власть в состоянии выполнять свою общественную миссию только при условии сохранения в обществе очень высокой степени доверия как к суду в целом, так и к судьям в частности [1].

О.Ю. Сальникова абсолютно справедлива в своем мнении, что именно суд в сознании граждан является царством справедливости и законности, выступая благодатной почвой для защиты и укоренения моральных и культурных ценностей, при этом выйдя из зала суда, гражданин должен, по меньшей мере, быть удовлетворенным качеством рассмотрения его дела в суде, а от верности и справедливости вынесенного судом по делу решения зависит развитие конкретного типа взаимоотношений в какой-либо сфере [2, с. 173].

Проблемам, связанным с рассмотрением и разрешением дел, возникающих из семейных отношений, способам реализации, охраны и защиты семейных прав, уделяется большое внимание в работах ведущих ученых-правоведов, данная сфера продолжает интересовать специалистов как в области материального, так и процессуального права, о чем свидетельствует большое количество теоретиче-

ских работ, поскольку ряд аспектов остаются дискуссионными [3].

Дела, возникающие из семейных правоотношений, фактически составляют особый вид гражданских дел, «любое дело, вытекающее из брачно-семейных отношений и разбирающееся в суде, имеет свою специфику, поскольку, как правило, сторонами в нем являются супруги, родители и дети или другие близкие родственники, отношения между которыми носят особый характер» [4, с. 47].

Дела, возникающие из семейных правоотношений, классифицируют по различным основаниям, например, по характеру объекта спора выделяют имущественные споры, споры по поводу детей и другие, также говорят о спорах, относящихся к реализации права (взыскание алиментов); о спорах, в которых присутствует применение мер семейно-правовой ответственности (признание брака недействительным); о спорах, где есть применение мер защиты (ограничение родительских прав) и т.д.

Материя семейных отношений настолько уникальна и специфична, что нуждается в более глубоких познаниях со стороны государственных органов, которые непосредственно с ними соприкасаются, в связи с чем, с высокой периодичностью, встречаются исследования по вопросу необходимости создания специализированных семейных судов, вызванные обоснованными опасениями, как отечественных цивилистов, так и практикующих юристов.

В связи с этим, думается, законодателю следует обратить внимание на иностранный опыт. О.В. Кистринова, изучив опыт зарубежных стран по обозначенной проблеме, пишет, что судебные системы государств в современном мире характеризуются многообразием судебных органов, их образующих. Многие страны создают, помимо единой системы общих судов, специализированные судебные органы с узкой специализацией, различающиеся по своей структуре и компетенции. Цель таких специализированных судов заключается в рассмотрении определенных категорий дел, что предполагает специализацию судей, повышение их квалификации, обещает привести к единообразному применению законодательства, сокращению количества судебных ошибок [5, с. 9–11].

Специализированные суды, функционирующие в мире, условно делятся на две группы. В первую группу включаются распространённые специализированные судебные органы: суды по делам несовершеннолетних, которые рассматривают дела о преступлениях и правонарушениях, совершенных подростками. При этом суды по делам несовершеннолетних могут действовать как независимо,

так и в рамках системы общих судов, как в Германии или Греции. Семейные суды – судебные органы разрешают споры между супругами или бывшими супругами, между родителями и детьми как имущественного, так и неимущественного характера, в отдельных случаях могут рассматривать дела о наследовании и опеке, они действуют в Португалии, Сальвадоре, Австралии, Таиланде, Корее, на Кипре. Вторую группу образуют малораспространенные специализированные судебные органы, например, по жилищным, земельным, налоговым транспортным делам и т.д. В России в качестве примера такого суда можно назвать суд по интеллектуальным правам.

В правовой доктрине Канады используется категория единого семейного суда (*unified family court*), под которым понимается суд, имеющий полномочия по разрешению всех семейных споров, судьи и персонал которого осуществляют правосудие лишь по семейным спорам, обеспечивая спектр методов разрешения спора, которые в наибольшей степени отвечают нуждам семьи и детей являющийся центром, объединяющим правовые и социальные сервисы для семьи и детей. [6, с. 119]. Д.В. Князев абсолютно прав в том, что «современное семейное право требует специальных знаний, навыков его толкования, разрешения таких споров. Работа с семьями и детьми требует особого опыта, отношения и чувства долга от судей и сотрудников аппарата. При этом от судей при разрешении семейных споров требуются хорошее знание материального и процессуального семейного права (для семейных споров зачастую установлены особые процессуальные нормы); желание и способность применить навыки разрешения семейных споров; наличие приобретенных профессиональных навыков, а также чувствительность к психологическим и социальным особенностям семейных дел (в частности, в сфере семейного насилия, влияние развода на детей); хорошая осведомленность о существующих сервисах, доступных сторонам семейных конфликтов» [6, с. 120].

Следует обратить внимание на специфику правосудия по семейным спорам в Канаде, где существуют очень уместные особые правила судопроизводства по семейным делам, на которые, думается, отечественному законодателю необходимо обратить пристальное внимание. Судопроизводство отличается гибкостью, неформальностью процедуры рассмотрения спора, где, что очень важно, возможен уход, отступление от классической состязательности в сторону следственного процесса путем усиления роли судьи (суд определяет вопросы, подлежащие разрешению, доказательства, которые необ-

ходимо исследовать, порядок исследования доказательств, а также каких экспертов необходимо вызвать; предусматривается активное управление процессом).

Действительно, создание суда по интеллектуальным правам является первым шагом на пути формирования системы федеральных специализированных судов в России. [5, с. 11]. 3 июля 2013 года вступило в силу Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 08.10.2012 № 60 «О некоторых вопросах, возникших в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам», что явилось началом деятельности первого специализированного суда в Российской Федерации.

Представляется, что такую тенденцию необходимо продолжить, тем более по такой группе общественных отношений, как семейные.

Список источников:

1. *Зорькин В.Д.* Выступление на VI Всероссийском съезде судей // Российская газета. 2004. 10 дек.
2. *Сальникова О.Ю.* Правовая культура судей и качество арбитражного правосудия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2 (97).
3. *Леженин В.Н.* Правовые вопросы семейного воспитания детей. Воронеж, 1992.
4. *Королев Ю.А.* Семья, государство, общество. М., 1971. С. 47.
5. *Кистринова О.В.* Специализированные суды: опыт России и зарубежных стран // Российский судья. 2015. № 2.
6. *Князев Д.В.* Семейные суды в Канаде // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Том 1. № 2 (2). С. 119.

Фильченко Денис Геннадьевич

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»*

КОНТРОЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ЗА РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СТОРОН КАК ПРЕДМЕТ ПРОВЕРКИ ПРИ ОБЖАЛОВАНИИ СУДЕБНЫХ АКТОВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в тезисах рассматриваются контрольные полномочия арбитражного суда за распорядительными действиями сторон. Выявлены и систематизированы основные нарушения судов при реализации контрольных полномочий.

Ключевые слова: полномочия, права, арбитражный суд, стороны, проверка, обжалование.

Допустимость совершения сторонами по делу некоторых распорядительных действий поставлена в зависимость от контрольных полномочий арбитражного суда первой инстанции. В частности, арбитражный суд не принимает отдельные распорядительные действия и не утверждает мировое соглашение, если указанные действия противоречат закону либо нарушают права других лиц (ч. 5 ст. 49 АПК РФ).

Контрольные полномочия арбитражного суда первой инстанции в случае принятия / непринятия распорядительных действий сторон при обжаловании судебных актов становятся предметом проверки.

В результате проверки правомерности и обоснованности действий суда в пределах контрольных полномочий могут быть выявлены несколько групп нарушений, допускаемых арбитражными судами первой инстанции.

Прежде всего, нарушением является бездействие арбитражного суда, выразившееся в отсутствии реализации контрольных полномочий. В таком случае арбитражный суд при наличии оснований для отказа в принятии распорядительных действий допускает применение последствий совершенных действий стороны (сторон) по делу. Выявление данного факта при рассмотрении дела в суде вышестоящей инстанции означает, что суд первой инстанции не-

правомерно не реализовал контрольные полномочия. Указанное нарушение может стать основанием для отмены судебного акта. Так, по одному из дел арбитражный суд первой инстанции принял отказ от иска. Суд вышестоящей инстанции, признав неправомерность принятия отказа от иска, отметил, что в соответствии с ч. 5 ст. 49 АПК РФ суд ограничивает усмотрение стороны при реализации ее права на отказ от иска в целях осуществления возложенных на суд обязанностей по защите прав, свобод и законных интересов других лиц. Суд первой инстанции не вправе был принимать отказ от иска [2]. По другому делу также было установлено, что арбитражные суды нескольких инстанций неправомерно приняли отказ от иска, что послужило основанием к отмене судебного акта [7, 8]. В другом случае принятый судом отказ от иска был признан неправомерным в связи с отсутствием полномочий лица, заявившего об отказе от иска [3]. В схожей ситуации судом вышестоящей инстанции было признано, что отказ от иска, принятый судом первой инстанции, не соответствовал действительной воле истца [6, 9, 11]. При других обстоятельствах судебные акты двух инстанций об удовлетворении исковых требований были отменены, т.к. суды исходили из признания иска представителем ответчика, сделанного в заседании суда. Вышестоящая инстанция признала, что судами не было проверено, соответствует ли закону признание ответчиком иска [5, 10].

Следующее нарушение, которое может быть выявлено при рассмотрении дел арбитражными судами вышестоящих инстанций, связано с реализацией контрольных полномочий при отсутствии оснований для их реализации. Арбитражный суд первой инстанции, к примеру, не принимает отказ от иска или признание иска, не утверждает мировое соглашение. При этом, отсутствуют основания для соответствующего отказа со стороны суда.

В отношении отдельного случая реализации контрольного полномочия суда законодательно предоставлена возможность обжалования соответствующего судебного акта – определение об отказе в утверждении мирового соглашения (ч. 12 ст. 141 АПК РФ).

В случае отказа в принятии других распорядительных действий обжалование актов суда прямо не предусмотрено. Вместе с тем, в практике встречается немало случаев, когда на подобное нарушение участвующие по делу лица ссылаются при обжаловании итогового акта. Установление факта такого нарушения (неправомерной и / или необоснованной реализации контрольных полномочий) может выступить основанием для отмены судебного акта. Так, к приме-

ру, Пленум Верховного Суда РФ указал следующее: «..если арбитражным судом апелляционной инстанции при рассмотрении апелляционной жалобы ... будет установлено, что при рассмотрении дела в суде первой инстанции лицо заявляло ходатайство ... об изменении предмета или основания иска, увеличении или уменьшении исковых требований и суд неправомерно отказал в удовлетворении такого ходатайства или рассмотрел заявление без учета заявленных изменений ..., то арбитражный суд апелляционной инстанции ... переходит к рассмотрению дела по правилам, установленным для рассмотрения дела в суде первой инстанции, в рамках которого рассматривает требования, не рассмотренные ранее, принимает измененные предмет или основание иска, увеличенные (уменьшенные) требования».

Еще одно нарушение арбитражного суда первой инстанции при реализации контрольных полномочий может выражаться в том, что суд реализовал контрольные полномочия при отсутствии этих полномочий. Иллюстрацией подобного случая является отказ арбитражного суда при обращении истца с ходатайством (заявлением) об изменении основания или предмета иска. Применение последствий этих действий не зависит от усмотрения арбитражного суда и его контрольных полномочий. Арбитражный суд не наделен полномочием по отказу в удовлетворении ходатайства (заявления) об изменении предмета или основания требований. В такой ситуации арбитражный суд вынужден удовлетворять такое ходатайство (заявление) и рассматривать требования с учетом измененных предмета или основания.

Однако, в практике арбитражных судов обнаруживается немалое количество примеров, связанных с реализацией судами контрольных полномочий в части отказа в принятии распорядительного действия в форме изменения основания или предмета требования. В этих примерах судами признается, что ходатайствующее лицо либо одновременно изменяет предмет и основание требований либо заявляет новые требования. Например, по одному из дел суды нескольких инстанций отказали лицу в удовлетворении заявления об уточнении требования, т.к. заявитель не уточнил ранее заявленное им требование, а фактически заявил новые дополнительные требования. Приведенные лицом основания заявленных требований отличались от оснований, приведенных им в первоначальном заявлении [4]. В иных обстоятельствах арбитражный суд отказал в удовлетворении ходатайства об изменении предмета, указав, что

в ходатайстве содержатся уточненные требования, фактически направленные на изменения как предмета, так и оснований требования [12].

Позиция судов в этом случае основывается на том, что одновременное изменение предмета и основания иска АПК не допускает [1].

Список источников:

1. Постановление Пленума ВАС РФ от 31.10.1996 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Вестник ВАС РФ. 1997. № 1.

2. Постановление Президиума ВАС РФ от 14.02.2012 № 13258/11 по делу № А57-17208/2010 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 6.

3. Постановление Президиума ВАС РФ от 04.07.2006 № 1008/06 по делу № А40-38813/03-35-379 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 9.

4. Определение ВАС РФ от 28.02.2011 № ВАС-1002/11 по делу № А32-24433/2006-51/437 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Определение ВАС РФ от 04.03.2010 № ВАС-2642/10 по делу № А56-17330/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Определение ВАС РФ от 13.01.2009 № 16908/08 по делу № А16-1162/2006-3 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.01.2016 по делу № 301-ЭС15-11442, А43-3237/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Определение Верховного Суда РФ от 08.12.2015 N 301-ЭС15-11442 по делу № А43-3237/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 17.11.2008 № Ф03-4986/2008 по делу № А16-1162/2006-3 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 16.11.2009 по делу № А56-17330/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 17.09.2008 № 06АП-1081/2008 по делу № А16-1162/2006-3 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Определение Арбитражного суда города Москвы от 31.07.2020 г. по делу № А40-194531/14-124-232Б // СПС «КонсультантПлюс».

Фильченко Илья Геннадьевич

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»*

ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ

Аннотация: тезисы посвящены особенностям использования в судебном разбирательстве в качестве доказательств сведений, полученных в ходе проведения процедуры медиации. Данные сведения могут быть использованы при соблюдении правила допустимости доказательств.

Ключевые слова: доказательства, допустимость доказательств, медиация, примирительные процедуры.

В ходе проведения процедуры медиации стороны могут обмениваться информацией с целью разрешения спора, включающую в себя как устные объяснения, так и документальные материалы. Впоследствии данные сведения могут быть использованы участниками примирительной процедуры в качестве доказательств в судебном разбирательстве. Вместе с тем, судебные доказательства, полученные в ходе данной примирительной процедуры, могут быть положены в основу судебного решения лишь при соблюдении необходимых условий их собирания. Возможность использования полученных при проведении медиации сведений в судебном процессе напрямую связана с принципом конфиденциальности примирительной процедуры с участием посредника. Данный принцип предполагает, что любая информация, полученная в процессе медиации, не подлежит разглашению, в том числе в судебном процессе. Поскольку возможность использования той или иной информации при рассмотрении гражданских дел напрямую связана с действием правила о допустимости доказательств, то можно говорить о принципе конфиденциальности как об одном из проявлений правила допустимости доказательств.

Оценка доказательств с точки зрения их допустимости связана с сопоставлением той или иной информации о фактах с определенными условиями, при соблюдении которых данная информация может быть допущена в гражданский процесс в качестве судебного доказательства. При этом установленные законом правила до-

пустимости доказательств позволяют говорить об общем правиле (условии) и частном правиле (специальном условии) допустимости. Общее правило (условие) допустимости основано на требовании ч. 2 ст. 50 Конституции РФ и ч. 2 ст. 55 ГПК РФ и заключается в необходимости соблюдения при получении доказательства правил, установленных законом.

Частное (специальное условие) правило допустимости основано на разрешениях и запретах, содержащихся, как правило, в материальном праве, в соответствии с которыми в гражданском процессе допускаются или исключаются из процесса судебного познания определённые средства доказывания [1, с. 140].

Получение доказательственной информации с учетом соблюдения принципа конфиденциальности медиации является необходимым условием соблюдения общего правила (условия) допустимости доказательств, т.е. использование доказательственного материала, содержащего информацию, относящуюся к процедуре медиации, возможно только в рамках действия принципа конфиденциальности.

Для правильной оценки допустимости доказательств, связанных с проведением процедуры медиации, необходимо учитывать временные рамки процедуры медиации, в течение которой эта информация использовалась, субъектный состав, который является источником информации, а также характер и содержание соответствующего доказательства.

В соответствии с ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» требование конфиденциальности, прежде всего, распространяется на информацию, которая стала известна медиатору в течение процедуры урегулирования спора (п. 2 ст. 5). Таким образом, при определении допустимости соответствующего доказательства необходимо учитывать начало и окончание процедуры медиации. Вместе с тем, при рассмотрении дела в суде доказательство должно квалифицироваться как недопустимое, если оно содержит сведения, которые стали известны не только в результате участия в процедуре медиации, но и в связи с обращением к медиатору или организацию, осуществляющую деятельность по обеспечению процедуры медиации.

Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» закрепляет перечень сведений, на которые лица, присутствующие при проведении процедуры медиации, не могут ссылаться в ходе судебного разбирательства. Несмотря на то, что в законе данный пере-

чень сформулирован как исчерпывающий, вряд ли можно ограничивать действие принципа конфиденциальности лишь указанной в данной норме информацией. Любые сведения, ставшие известными в результате обращения к медиатору или организацию, осуществляющую деятельность по обеспечению процедуры медиации, должны использоваться в качестве доказательства при рассмотрении дела в суде с учетом принципа конфиденциальности.

При оценке допустимости доказательства, содержащего сведения, имеющие отношение к процедуре медиации, следует учитывать, что недопустимым является лишь то доказательство, которое стало известно в результате проведения процедуры медиации. Если же обстоятельство, имеющее значение для дела, может быть подтверждено или опровергнуто доказательством, полученным независимо от процедуры медиации, то оно должно признаваться допустимым даже в случае его использования в примирительной процедуре.

Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» закрепляет перечень субъектов, на которых возлагается обязанность не разглашать информацию, относящуюся к процедуре медиации. В частности, к ним относятся: стороны; организации, осуществляющие деятельность по обеспечению процедуры медиации; медиатор; другие лица, присутствовавшие при проведении процедуры медиации. Конкретизация на законодательном уровне лиц, не имеющих право нарушать конфиденциальность процедуры медиации, имеет значение для определения круга субъектов, которые не могут в ходе судебного разбирательства использовать доказательства, содержащие сведения, относящиеся к примирительной процедуре. Данное правило нашло своё отражение в ст. 69 ГПК РФ, устанавливающей запрет на допрос в качестве свидетеля медиатора относительно обстоятельств, которые стали ему известны в связи с исполнением обязанностей медиатора. При этом законодатель не предоставил свидетельского иммунитета иным лицам, на которые в соответствии с законом возлагается обязанность соблюдать конфиденциальность процедуры медиации.

Таким образом, стороны, работники организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению процедуры медиации, и иные лица, присутствовавшие при проведении процедуры медиации, могут быть допрошены в качестве свидетелей об обстоятельствах, относящихся к примирительной процедуре. В таком случае возни-

кает противоречие между нормами Гражданского процессуального кодекса РФ и Федерального закона о процедуре медиации. Лица, указанные в законе, с одной стороны, не имеют права разглашать информацию, относящуюся к процедуре медиации, с другой стороны, в соответствии со ст. 70 ГПК РФ обязаны явиться в суд и дать правдивые показания. Представляется, что в таких случаях суд, руководствуясь принципом конфиденциальности, должен признавать показания свидетелей недопустимыми доказательствами, несмотря на отсутствие у них свидетельского иммунитета. В противном случае действие принципа конфиденциальности процедуры медиации нивелируется правилами, регламентирующими обязанность свидетеля дать показания.

Наличие соглашения сторон процедуры медиации об ограничении действия принципа конфиденциальности имеет значение для использования в ходе судебного разбирательства всех сведений, относящихся к процедуре медиации. Если стороны отказались от действия принципа конфиденциальности, то он не может быть препятствием для использования соответствующих сведений в качестве допустимых доказательств при рассмотрении дела в судебном порядке.

Список источников:

1. *Треушников М.К.* Судебные доказательства. М., 1997.

Фиошин Александр Владимирович

*к.ю.н., доцент, профессор кафедры
гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета Российской Федерации»*

АСТРЕНТ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ: PRO ET CONTRA

Аннотация: тезисы посвящены исследованию вопросов правового регулирования такого способа стимулирования должника к исполнению судебного акта как астрент. Рассмотрены особенности применения астрента при разрешении семейно-правовых споров.

Ключевые слова: астрент, семейно-правовые споры, судебная неустойка, личные неимущественные отношения между членами семьи.

Юристы древнего Рима говорили: *Supervacuum esset leges condere, nisi esset qui leges tueretur* – излишне издавать законы, если эти законы, будучи изданными, не будут проводиться в жизнь. По сути, аналогичный тезис можно применить и по отношению к судебным постановлениям. Какой смысл выносить акт правосудия если он не реализуется? Для чего судье принимать решение, которое никогда не будет исполнено? Риторический характер поставленных вопросов очевиден. Судебные акты должны исполняться. Здесь также уместно провести аналогию с ещё одной максимой римского права *Pacta sunt servanda* – договоры должны соблюдаться. Ровно также следует поступать и в случае с решением суда.

Одним из способов стимулирования должника к исполнению судебного акта является астрент (*astreinte*) – неустойка за неисполнение решения суда. Как отмечал М.М. Агарков: «*Astreinte* представляет собой присуждение ответчика к уплате истцу определенной суммы денег за каждый день (неделю, месяц) неисполнения должником судебного решения, присуждающего его совершить какое-либо действие или воздержаться от определенного действия. Применение *astreinte* представляет собой весьма действительное средство сломить упорство должника, не желающего выполнить обязательство». [1, 241]

В отечественном законодательстве аналог астрента закреплён в п. 1 ст.308.3 ГК РФ. Согласно данной норме в случае неисполнения

должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено ГК РФ, иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства. Суд по требованию кредитора вправе присудить в его пользу денежную сумму на случай неисполнения указанного судебного акта в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения.

По мнению В.Г. Нестолия, «появление астрэнта в российской правовой действительности поспешно, непродуманно и конъюнктурно. Если должник не исполняет решения суда добровольно, кредитор вправе его исполнить своими силами с возложением на должника понесенных расходов (согласно ст. 309.2 ГК в ред. Закона от 8 марта 2015 г. должник несет расходы по исполнению обязательства)» [2, 26]. А.В. Майфат, напротив, полагает, что «далеко не все обязанности третье лицо может исполнить за должника. Кроме того, почему кредитор, если он желает исполнения от конкретного должника, вынужден искать другого исполнителя?» [3,140]. Полагаем, что вторая, по степени изложения, точка зрения является верной. К примеру, обязанность передать находящуюся у должника индивидуально-определённую вещь может исполнить только он сам, особенно когда о её местонахождении никому, кроме должника, неизвестно.

В пункте 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее – Пленум ВС РФ №7, Пленум) сказано, что «поскольку по смыслу пункта 1 статьи 308.3 ГК РФ судебная неустойка может быть присуждена только на случай неисполнения гражданско-правовых обязанностей, она не может быть установлена по спорам административного характера, рассматриваемым в порядке административного судопроизводства и главы 24 АПК РФ, при разрешении трудовых, пенсионных и семейных споров, вытекающих из личных неимущественных отношений между членами семьи, а также споров, связанных с социальной поддержкой».

Буквальное прочтение данного пункта приводит к выводу о том, что судебная неустойка применительно к семейным спорам может иметь место в ситуациях, когда спор не вытекает из личных неимущественных отношений между членами семьи. Иллюстрацией такого может служить спор о разделе общего имущества супру-

гов. Например, суд удовлетворил исковое заявление о разделе совместно нажитого имущества и оставил в собственности супруга А. автомобиль, при это супруг Б., фактически обладающий данным автомобилем не передаёт его супругу А. В рассматриваемом казусе применение астрента видится вполне уместным.

Иная ситуация с семейными спорами, вытекающими из личных неимущественных отношений между членами семьи. Пленум прямо запрещает присуждение судебной неустойки по таким спорам.

Комментируя п. 1 ст. 308.3 ГК РФ и ссылаясь на п. 30 Пленума ВС РФ № 7, Д.Б. Абушенко отмечает: «Сложно объяснить, чем руководствовался законодатель, определяя отраслевую принадлежность данной нормы. Почему вдруг именно присуждение к исполнению обязанности в натуре как специфический гражданско-правовой способ защиты субъективных прав получило особый «исполнительский инструментарий»? Что, к примеру, препятствует использованию судебной неустойки в случаях, когда схожий способ защиты истцом был использован в трудовых правоотношениях? Неужели объекты правовой защиты в трудовом праве менее ценны? Или имеются какие-то фундаментальные препятствия к тому, чтобы стимулировать судебной неустойкой должников в иных (отличных от гражданско-правовых) отношениях?» [3,398]

В целом соглашаясь с вышеизложенной позицией, следует всё же сказать несколько слов о семейных спорах, вытекающих из личных неимущественных отношений между членами семьи. Вероятно, формулируя разъяснения рассматриваемой нормы, Пленум исходил из специфики личных неимущественных отношений между членами семьи и того, что определить адекватный размер астрента в случае возникновения спора по такого рода делам – задача далеко не простая. Во всяком случае внятней механизм определения такого размера для семейных споров в Пленуме ВС РФ №7 отсутствует. В пункте 32 Пленума отмечается, что «размер судебной неустойки определяется судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения должником выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1 ГК РФ). В результате присуждения судебной неустойки исполнение судебного акта должно оказаться для ответчика явно более выгодным, чем его неисполнение». Едва ли данное толкование п. 1 ст. 308.3 ГК РФ можно признать приемлемым для исследуемых семейно-правовых споров. К примеру, какая сумма астрента будет справедлива и соразмерна неисполнению обязанности матери передать ребёнка

отцу при определении его места жительства с последним? Какой размер судебной неустойки будет считаться соразмерным неисполнению обязанности супруга не чинить препятствия в общении с ребёнком отдельно проживающему супругу? На основании каких принципов определять размер астрента по таким спорам? Вопросы можно продолжать.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что имплементацию института астрента в отечественный правовой порядок (включая разрешение семейно-правовых споров, не вытекающих из личных неимущественных отношений между членами семьи) следует признать явлением положительным. Что касается распространения судебной неустойки на семейно-правовые споры вытекающие из личных неимущественных отношений между членами семьи, то, несмотря на прямой запрет п. 30 Пленума ВС РФ №7, в доктрине данный вопрос остаётся дискуссионным и требующим дальнейшего научного осмысления.

Список источников:

1. *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2002. 490 с.
2. *Нестолый В.Г.* Астрэнт и обязательство // Юрист. 2016. № 5. С. 25–29.
3. *Майфат А.В.* Судебная неустойка: некоторые вопросы теории и правоприменения // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 136–144.
4. *Абушенко Д.Б.* Судебная неустойка как мера косвенного принуждения: размышления об отраслевой принадлежности правового института // Порядок исполнения требований неимущественного характера, содержащихся в исполнительных документах: проблемные вопросы и пути их решения: сборник материалов 7-й Международной научно-практической конференции, 9–11 июня 2016 г., г. Уфа, Республика Башкортостан / Д.Б. Абушенко, А.Д. Авдеев, З.М. оглы Ализаде и др.; отв. ред. Д.В. Аристов, В.А. Гуреев. М.: Статут, 2017. 560 с.

Фомина Ольга Юрьевна

*к.ю.н., старший преподаватель кафедры гражданского
и административного судопроизводства
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ В ОНЛАЙН-ЗАСЕДАНИЯХ. ПЕРСПЕКТИВЫ ДИСТАНЦИОННОГО УЧАСТИЯ

Аннотация: появление новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и введение различных ограничений с целью предотвращения ее распространения бросили вызов, в том числе, и судам. Возможность проведения судебных заседаний в онлайн формате стала одной из попыток найти выход в сложившейся ситуации. Отсутствие законодательной регламентации поставило под сомнение возможность полноценной реализации принципов гражданского процессуального права, в частности, принципа гласности.

Ключевые слова: гласность, онлайн-заседания, видео-конференц-связь, веб-конференция, COVID-19.

Одной из важнейших гарантий справедливого судебного разбирательства является принцип гласности. Предусмотренная ч. 1 ст. 123 Конституции РФ, нашедшая прямое закрепление в ст. 10 ГПК, в ст. 11 АПК и КАС гласность условно регулирует три сферы: форму проведения судебного заседания, способы фиксации хода судебного разбирательства, пути получения информации о деятельности судов. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» отмечается роль рассматриваемого принципа в обеспечении общественного контроля за функционированием судебной власти и поддержанием доверия общества к суду. С активным развитием информационных технологий и цифровизацией многих сфер жизни общества принцип гласности неизбежно обогащается новыми формами реализации [1, с. 3].

По общему правилу судебные заседания проводятся в здании суда. Даже в случае использования системы видеоконференц-связи участник, не имеющий возможности явиться в суд, рассматривающий дело, принимает участие в процессе дистанционно из здания

суда по месту жительства, месту пребывания или месту нахождения. В результате введения различного рода ограничений, связанных с принятием мер по недопущению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), проведение судебных заседаний в помещениях зданий суда в обычном режиме оказалось невозможным.

В попытке найти выход из сложившейся ситуации было принято ныне утратившее силу Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08 апреля 2020 г. № 821 «О приостановлении личного приема граждан в судах», которым (с учетом внесенных изменений) была предусмотрена возможность проведения судебных заседаний не только с использованием системы видеоконференц-связи, но и с помощью системы веб-конференции. Таким образом, для участников процесса временно стал возможным дистанционный способ участия в судебных заседаниях, например, из дома, при этом судьи обязательно должны находиться в здании суда.

Немногие суды смогли реализовать такую возможность. Вместе с тем, в Верховном Суде РФ и арбитражных судах подобный опыт существует. Заседания проходили в режиме онлайн с авторизацией участников процесса через сайт «Мой Арбитр». [2] Среди судов общей юрисдикции выделился суд города Невьянска Свердловской области, который рассмотрел дело с помощью видеозвонка в мессенджере WhatsApp и удовлетворил требование о привлечении к административной ответственности за нарушения в области санитарно-эпидемиологического благополучия (Постановление Невьянского городского суда Свердловской области от 30 марта 2020 г. по делу № 5-40/2020).

Определенно, такие экстренные меры имели свои преимущества и недостатки с точки зрения процессуального законодательства, но, несомненно, опыт проведения судебных заседаний в онлайн формате представляет интерес для научного осмысления с точки зрения возможности его использования в дальнейшем, например, в исключительных случаях. [3, с. 36–44]

Если говорить о принципе гласности, то в результате введенных ограничений не пострадало только одно из его проявлений: не возникало никаких препятствий для получения информации о деятельности судов, размещенной в сети «Интернет», и для предоставления информации по запросу (п. 3 и п. 6 ст. 6 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информа-

ции о деятельности судов в Российской Федерации»). Вместе с тем, личный прием граждан в судах был приостановлен. Доступ в суды лиц, не являющихся участниками судебных процессов, был также ограничен. Говорить о возможности присутствия представителей редакций средств массовой информации не приходилось вовсе.

Суд при рассмотрении и разрешении дел должен контролировать соблюдение гражданской процессуальной формы, которая базируется на принципах гражданского процессуального права. Но насколько возможен такой контроль при проведении судебных заседаний в онлайн формате? Не углубляясь в технические аспекты подключения лиц к веб-конференции судебного заседания, остановимся на реализации принципа гласности в рассматриваемых условиях.

С точки зрения возможности «физического» доступа к правосудию участие в судебных заседаниях «из дома» представляется особенно удобным для некоторых категорий лиц с ограниченными возможностями здоровья. В п. 1 упомянутого ранее Постановления Пленума ВС РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 указывалось на необходимость создания судами условий для участия в судебных заседаниях, в том числе, лиц с ограниченными возможностями здоровья: проводить судебные заседания в залах на первом этаже, наличие лифта в здании суда и др. При этом существования таких условий в здании суда недостаточно для лиц с ограниченными возможностями здоровья. К сожалению, далеко не во всех субъектах созданы условия для полноценного передвижения таких лиц по населенному пункту: не все дома оборудованы лифтами или пандусами, не все из имеющихся приспособлений подходят для инвалидных колясок, не весь общественный транспорт оборудован приспособлениями для перевозки лиц с ограниченными возможностями здоровья и т.д.

Возможность участия в онлайн-заседаниях может показаться более удобной и комфортной в части экономии времени и денежных средств на проезд к месту проведения судебного заседания и проживание. При этом суду становится крайне сложно контролировать участие в судебном заседании иных лиц, находящихся, например, в одном помещении с непосредственным участником процесса. В следствие этого обнаруживается непригодность такой формы проведения судебных заседаний по категориям дел, для которых необходимым является закрытое судебное заседание.

В то же время возможность дистанционного участия потенциально может решить проблему «вместимости» в залах судебных за-

седаний, поскольку не во всех судах помещения позволяют удобно разместить всех участников того или иного дела.

Суду при проведении судебных заседаний в веб-конференции крайне сложно контролировать такие способы фиксации хода судебного заседания, как кино- или фотосъемка, видеозапись, трансляция судебного заседания по радио, телевидению или в сети «Интернет», которые согласно ст. 10 ГПК возможны только с разрешения суда.

Публичность объявления решения суда, предусмотренная ч. 8 ст. 10 ГПК, также ставится под сомнение в случае принятия итогового судебного акта в онлайн-судебном заседании. При этом, видится потенциально возможной организация онлайн-трансляции судебных заседаний на платформе суда и под его контролем, которая могла бы решить проблему подлинной открытости судопроизводства. В таких условиях возможным станет наблюдение за ходом судебного разбирательства иных лиц, не создавая проблему вместимости зала судебного заседания. При этом можно ограничить такой доступ путем выдачи разрешения на подключение к просмотру при прохождении авторизации (например, в Единой системе идентификации и аутентификации). Закрытые судебные заседания транслироваться не будут, поскольку не подходят для данного формата. В любом случае такая возможность нуждается в дальнейшем, прежде всего научном, осмыслении с точки зрения соблюдения гражданской процессуальной формы.

Очевидными недостатками судебных заседаний в режиме онлайн являются: невозможность полного осуществления контроля судом за порядком проведения судебного заседания, зависимость от технических средств и стабильности Интернет-соединения, невозможность проведения онлайн закрытых судебных заседаний. Несомненными преимуществами при этом будут экономия расходов лиц на проезд и проживание до места проведения судебного заседания, отсутствие непосредственного контакта лиц друг с другом, что способствует снижению вероятности незаконного воздействия, например, угроз или подкупа, а также профилактике заболеваемости.

В целом возможность и легальность проведения судебных заседаний в режиме онлайн представляется весьма перспективным направлением развития гражданского процессуального права. При этом провести заседание в режиме онлайн видится возможным только при соблюдении достаточно большого количества условий: техническая возможность суда и участников, согласие на такую

форму лиц, участвующих в деле, отсутствие необходимости исследования доказательств в зале судебного заседания и др.

В настоящий момент процедура проведения таких заседаний законом не урегулирована, остается достаточно много организационных вопросов к порядку их проведения, например, по каким основаниям суд может отказать в удовлетворении ходатайства о проведении онлайн-судебного заседания, нужно ли стоять перед веб-камерой при даче объяснений, каким техническим характеристикам должно отвечать оборудование, какой является минимально допустимая скорость интернет-соединения, из какого помещения необходимо осуществлять подключение и др.

В перспективе, онлайн-заседания могут стать актуальными в ряде случаев: если суду заранее известно о необходимости отложения судебного заседания в связи с поступившим и подлежащим удовлетворению ходатайством о вступлении в дело в качестве третьего лица; по ходатайству лиц с ограниченными возможностями здоровья; в целях профилактики заболеваемости в условиях пандемии.

Конечно, нельзя говорить о полном переходе судебного разбирательства в онлайн-формат. Вместе с тем, учитывая имеющиеся преимущества такой формы, представляется целесообразным рассмотреть возможность частичного внедрения веб-конференций для исключительных случаев. При этом нужно установить такие правила, которые позволили бы соблюдать принципы гражданского процессуального права, в том числе принципа гласности.

Список источников:

1. *Вдовина Е. И.* Принцип гласности в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М, 2011. 26 с.
2. Верховный Суд Российской Федерации. Официальный сайт. http://www.supcourt.ru/press_center/mass_media/28923/ (дата обращения: 03.09.2020).
3. *Самсонова М.В., Черных И.И.* Удаленное участие в заседаниях суда по гражданским делам: первые итоги и перспективы // Юридическое образование и наука. 2020. № 8. С. 36–44.

Фомичёва Регина Владимировна

*к.ю.н., доцент кафедры арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

Щербакова Лилия Геннадиевна

*к.ю.н., доцент кафедры арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР АРБИТРАЖНОГО СУДА

Аннотация: авторы раскрывают некоторые особенности принятия обеспечительных мер, а также процедуру отмены обеспечительных мер и обжалования определений об их принятии.

Ключевые слова: обеспечительные меры, арбитражный суд, передача дела, отмена обеспечения, обжалование принятия обеспечения.

Меры обеспечительного характера предусмотрены 8 АПК РФ и направлены на предупреждение возможных затруднений исполнения судебного решения, а также в целях предотвращения причинения значительного ущерба заявителю, в том числе при повороте его исполнения.

Остановимся на отдельных процессуальных аспектах применения обеспечительных мер.

Заявление об обеспечении иска может быть подано в арбитражный суд несколькими способами: по почте, непосредственно в канцелярию арбитражного суда, а также посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Третий способ подачи заявления предполагает, что оно должно быть подписано усиленной квалифицированной электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Рассмотрение заявления об обеспечении иска осуществляется арбитражным судом, в производстве которого находится дело либо жалоба на определение об обеспечении иска или об отказе в обеспечении иска (ст. 93 АПК РФ). Рассмотрение заявления об обеспечении иска арбитражным судом, рассматривающим жалобу на определе-

ние об обеспечении иска или об отказе в обеспечении иска, осуществляется одновременно с рассмотрением такой жалобы по правилам рассмотрения дела в суде соответствующей инстанции, установленным АПК РФ.

Обеспечительные меры могут быть отменены принявшим их арбитражным судом (ст. 97 АПК РФ). Данные положения распространяются на случаи, в которых дело рассматривает один суд.

Вместе с тем в арбитражном процессе существует институт передачи дела из одного суда в другой (ч. 2 ст.30 АПК РФ). Таким образом, вопросами отмены обеспечительных мер будет заниматься арбитражный суд, которому дело будет передано на рассмотрение.

Наряду с этим в настоящее время существует возможность передачи дела не только в рамках одной судебной системы. Согласно ч. 4 ст. 39 АПК РФ если при рассмотрении дела в арбитражном суде выяснилось, что оно подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции, арбитражный суд передает дело в верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области или суд автономного округа того же субъекта Российской Федерации для направления его в суд общей юрисдикции, к подсудности которого оно отнесено законом. При этом определения о передаче дела по подсудности или об отказе в передаче дела по подсудности могут быть обжалованы в срок, не превышающий десяти дней со дня их вынесения, в арбитражный суд апелляционной инстанции [1].

В случае же передачи арбитражным судом дела в суд общей юрисдикции в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 39 АПК РФ, вынесенное арбитражным судом определение об обеспечении иска может быть обжаловано в арбитражный суд апелляционной инстанции в срок, не превышающий месяца со дня его вынесения [2]. Однако если до передачи дела обеспечительные меры не отменены судом, принявшим соответствующее определение, либо судом вышестоящей инстанции, то в случае удовлетворения иска данные меры сохраняют свое действие до фактического исполнения судебного акта, которым закончено рассмотрение дела по существу; в случае отказа в удовлетворении иска, оставления иска без рассмотрения, прекращения производства по делу указанные меры сохраняют свое действие до вступления в законную силу соответствующего судебного акта (ч. 4, 5 ст. 96 АПК РФ).

Таким образом, после передачи дела из арбитражного суда в суд общей юрисдикции определение о применении обеспечительных

мер сохраняет свою силу. При этом судом, в который передано дело, ранее принятые другим судом меры могут быть отменены или одна из таких мер может быть заменена другой в порядке, предусмотренном ГПК РФ.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что участники экономического правосудия могут в полной мере реализовать свое право на судебную защиту и при принятии обеспечительных мер.

Список источников:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2020. № 156.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6; № 7.

Хасаншин Рамиль Илгизович

*к.ю.н., старший преподаватель кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета)*

Билалов Алексей Владимирович

*магистр права, аспирант кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета)*

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВВЕДЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Аннотация: в тезисах рассматриваются проблемы введения цифровых прав в российское законодательство с точки зрения процессуальной науки. Авторами отмечено, что условия, при которых Российская Федерация допускает защиту отношений, связанных с оборотом цифровых финансовых активов, недостаточны при ограничении главных достоинств шифрованных активов: анонимности, скорости оборота, низких издержек на осуществление распорядительных действий в отношении такого рода объектов гражданских прав. Проанализированы материалы значительной части имеющейся судебной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции, связанной с цифровыми финансовыми активами.

Ключевые слова: процессуальное значение, цифровые права, судебная практика.

Крупные технические изменения побуждают государства реагировать на вызовы современности. Цифровизация заставляет законодателя и исследователей обсуждать соответствующие вопросы. [1, с. 72]. Так, возникновение и использование технологии блокчейна породили множество дискуссий в правовой среде многих стран, среди которых не могло не оказаться Российской Федерации.

С 2017 г. проводятся многочисленные совещания, конференции, направляются поручения, нацеленные на изучение цифровой реальности. Результатом активной деятельности стало принятие Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ (далее – 34-ФЗ) [2], вводящего в ГК РФ понятие цифровых прав. Принят и подписан Президентом РФ так называемый Закон о краудфандинге, вступле-

ние которого в силу произошло 1 января 2020 г. Однако ключевым с точки зрения оборота цифровых прав должен стать Федеральный закон «О цифровых финансовых активах», который в данный момент находится на рассмотрении в Государственной Думе ФС РФ [3].

Видится изначально неудачным определение правовой сущности цифровых прав как обязательственных по ряду причин. Во-первых, в такого рода отношениях невозможно доподлинно установить обязанных субъектов, поскольку технология блокчейна не предполагает раскрытия лиц, хранящих эти «блоки», а неопределенность субъектов нехарактерна для обязательственного права [4, с. 461]. Во-вторых, трудно обозначить это «хранение» в качестве обязательства, поскольку прекращение этого действия не влечет никаких юридических последствий. В-третьих, гражданский оборот придает шифрованным цифровым правам своеобразную форму денег, которые традиционно относятся цивилистами к «вещам» [5, с. 34]. Этому мнению противостоит позиция, согласно которой цифровые права – скорее фикция ценной бумаги [6, с. 56]. Действительно, такое мнение также видится логичным, но на данный момент окончательно определить правовую природу таких объектов невозможно, поскольку их оборот не изучен в достаточной мере.

Одним из первых упоминаний цифровых прав стало дело, рассмотренное в 2016 г. по жалобе ИП Абрамова А.С., который указывал в качестве доказательства приобретения и оплаты им наличными денежными средствами по договору купли-продажи имущества ООО «Виктория» договор займа с третьим лицом, который был возвращен Абрамовым в криптовалюте. На основании этого суд сделал вывод о том, что договор займа с третьим лицом мнимый, поскольку доказательств о передаче денежных средств третьим лицом не было представлено, а также о том, что невозможно установить, были ли действительно удовлетворены требования третьего лица по договору займа криптовалютой («доводы Абрамова о возврате по соглашению от 15.03.2016 полученных им от Magna Trading Ltd. по договору займа денежных средств, но не в виде полученных наличными 5 млн долл., а в виде криптовалюты (виртуальных денег), оценивается критически, так как не подтверждает факта оплаты денежных средств ответчику» [7].

Некоторые исследователи отмечают, что вполне вероятно ситуация, при которой технология блокчейна вскоре будет заменена другими [8, с. 330]. Эта же мысль поддерживается и в положениях судебных актов аналогичного периода, например: «Криптовалюта

не обеспечена реальной стоимостью, не содержит информации о ее держателях. При этом выпуск биткойнов может быть осуществлен любым пользователем, установившим на свой компьютер специальную программу... криптовалюты, в том числе Биткойн, являются денежными суррогатами, способствуют росту теневой экономики и не могут быть использованы гражданами и юридическими лицами на территории Российской Федерации» [9]. В Самарской области вынесен целый ряд решений, связанных с криптовалютой и ее оборотоспособностью, повторяющих друг друга слово в слово, за исключением входных данных. Отмечались децентрализация криптовалюты, а как следствие – невозможность контроля, отсутствие сведений о держателях, фактическое нахождение вне правового поля Российской Федерации, отсутствие специальной отчетности по операциям [10]. Таким образом, в течение относительно долгого промежутка времени в российском правоприменении цифровые права характеризовались исключительно в негативном ключе. Необходимо отметить, что выводы, сделанные как высшими лицами государства, государственными органами, так и правоприменителями, обоснованы, соответствующие вопросы, заданные ими по использованию криптовалют в рамках правового поля, закономерны и возникают у практиков в сфере процессуальных правоотношений с момента ознакомления с понятием криптовалютных активов.

Так, судебная система стала нарабатывать возможные способы отыскания криптовалютных активов с приходом 2019 г. (следует отметить, что, вполне вероятно, на такую перемену повлияло в большей степени принятие 34-ФЗ). С этого времени суды стали значительно осторожнее с выводами о том, что есть криптовалюта – суррогат денежных средств или нечто такое, что точно не является объектом гражданских прав. На место таких размышлений приходит достаточно практичный поиск средств доказывания наличия или отсутствия у того или иного субъекта гражданских правоотношений цифровых прав, которые по-прежнему обозначаются «цифровой валютой», «виртуальными деньгами». Произошло именно то, чего, по-видимому, суды, прокуратуры и иные органы опасались: легализация криптовалют в качестве объекта гражданских прав, а механизмов реализации не появилось. Так, добросовестные участники правоотношений все еще не могут в полной мере пользоваться этими цифровыми правами, поскольку из всего цифрового механизма существует исключительно возможность продемонстрировать наличие указанного объекта. Однако возни-

кает вопрос: способствует ли решению проблемы возможность указания на наличие криптовалюты? Едва ли ответ на этот вопрос может оказаться положительным с точки зрения стабильности правовой системы.

Список источников:

1. *Гайдук В.П.* Эволюция права интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 72–85.
2. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224
3. Законопроект № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7>
4. *Суханов Е.А.* Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1. М.: Статут, 2019.
5. *Луц Л.А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 2004.
6. *Ситдикова Р.И., Ситдигов Р.И.* Цифровые права как новый вид имущественных прав // Вопросы имущественной политики. 2018. № 9.
7. Постановление 6 ААС от 28 июня 2016 г. по делу № А73-6112/2015 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/6cftkId4klLj/>.
8. *Конобеевская И.М.* Цифровые права как новый объект гражданского права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. Т. 19. Вып. 3.
9. Решение Мокшанского районного суда (Пензенская область) от 20 ноября 2017 г. № 2-443/2017 2-443/2017~М-451/2017 М 451/2017 по делу № 2-443/2017 // <https://sudact.ru/regular/doc/UA39p2XiOWU4/>.
10. См., напр.: решение Комсомольского районного суда г. Тольятти (Самарская область) от 18 июня 2018 г. № 2-1184/2018 2-1184/2018 ~ М-960/2018 М-960/2018 по делу № 2-1184/2018 // <https://sudact.ru/regular/doc/8gCGGb2bOrUX/>

Цепкова Татьяна Митрофановна

*к.ю.н., профессор кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ВЫЗОВЫ И НОВАЦИИ

Аннотация: в тезисах анализируются изменения, внесенные в законодательство в связи с распространением новой коронавирусной инфекции. Приводится обзор судебной практики и ответы Верховного суда РФ на наиболее часто возникающие вопросы. По итогам анализа сложившейся ситуации в стране были предложены новые способы организации гражданского процесса в условиях развития информационных технологий.

Ключевые слова: гражданский процесс, суд, пандемия, новая коронавирусная инфекция, апелляционная жалоба, электронные документы.

Современная жизнь и ее повседневные факторы бросают все новые и новые вызовы науке, заставляя ее развиваться и находить решения даже для неразрешимых задач. Пандемия, потрясшая весь мир, разделила жизнь общества, на «до» и «после». В жизни, где еще не знали о вирусе, закон регулировал юридическую жизнь граждан, подсказывая, как эффективнее защитить свои права, доступ в суды был свободен и гражданский процесс шел своим чередом в назначенное время и в установленном законом порядке. Однако вирус внес свои изменения, заставив законодателя незамедлительно принимать меры для урегулирования в том числе и процессуальных норм права.

Так, пандемия внесла свои коррективы в порядок обжалования судебных актов. Согласно Постановлению Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18.03.2020 № 808 «О приостановлении личного приема граждан в судах» [1], действие которого было продлено Постановлением Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 29 апреля 2020 года № 822 [2] (оба документа на данный момент утратили силу), на период распространения новой корона вирусной инфекции приостанавливался личный прием граждан в судах, а все документы рекомендовалось подавать в электронной форме. В данном случае у многих

граждан возникала проблема подачи документов в электронной форме, поскольку в силу п. 2.3.5 Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 05.11.2019) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [3], документы, подаваемые в суды, должны быть подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью. У многих граждан такой подписи не имеется, а значит ограничена возможность подачи документов в электронном формате. Та же трудность встречается и при подаче апелляционной жалобы, а также исправлений, в случае если она была оставлена без движения. Проблема состоит в том, что в первую неделю ограничений не работало ряд организаций, в том числе и отделения АО «Почта России». Согласно данным СМИ [4], с 30 марта по 01 апреля 2020 года все почтовые отделения АО «Почта России» не принимали граждан, соответственно, в том числе и судебная корреспонденция не дошла до адресата, а была возвращена суду. Соответственно, была ограничена возможность получения копии решения суда, которая была выслана в соответствии с требованиями ГПК РФ [5].

Другая проблема, связанная с введением ограничительных мер, состоит в ознакомлении с материалами дела, поскольку гражданин не имел возможности явиться в суд. Данные факторы существенно затрудняли подачу апелляционной жалобы на решение суда, в то время как процессуальные сроки на подачу жалоб и их течение было оставлено без изменения. Единственная, по нашему мнению, возможность подачи жалобы состоит в направлении электронного текста документа с заведомыми нарушениями требований закона в части подписания файлов усиленной квалифицированной электронной подписью. В данном случае суд при решении вопроса о принятии жалобы должен будет оставить ее без движения, указав на недостатки, и дав срок, который будет равен сроку окончания ограничительных мер.

Данную коллизию разрешил Верховный суд РФ, опубликовав Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 [6], в котором разъяснил, что при пропуске срока на подачу апелляционной жалобы данный срок подлежит восстановлению в силу уважительности причин его пропуска. Таким образом, граждане могут злоупотреблять правом

на подачу жалобы в суд, ссылаясь на нормы закона. С другой стороны, суды приостановили большую часть дел, поскольку их рассмотрение требует обычного режима работы. Как следствие на момент постепенной отмены ограничительных мер суды перегружены как возобновлением и рассмотрением приостановленных дел, накопившихся за период действия ограничительных мер, так и заявлениями о восстановлении срока на обжалование судебных актов, которые также подлежат рассмотрению и разрешению в установленном законом порядке.

По нашему мнению, в данной ситуации имело место злоупотребление правами, поскольку граждане имели доступ к судебной системе даже в условиях пандемии. При подаче жалобы была бы не соблюдена электронная форма в большинстве случаев, поскольку у большого количества граждан не имеется усиленной квалифицированной электронной подписи, однако ее отсутствие могло являться основанием для оставления жалобы без движения, тем не менее она уже находилась бы в суде, а подобный недочет мог бы быть легко устранен по окончании периода действия ограничительных мер.

Ситуация, созданная в стране распространением вируса, показала перспективы развития электронного документооборота, его плюсы и минусы. Так, для создания электронной подписи требуется затратить минимум ресурсов, но полезность этой подписи заключается, прежде всего, в том, что как исковое заявление, так и дополнение к иску, уже находящемуся в производстве, возможно будет направить по электронной почте. Данный способ удобен и в случаях, когда участники судопроизводства находятся в разных регионах России. Они всегда могут представить какие-либо документы или объяснения в электронной форме, и быть уверенными в том, что они будут рассмотрены судом в силу того, что соблюдены все условия их подачи. Возможно, в будущем в век развития информационных технологий гражданский процесс перейдет на новый уровень развития, будут все чаще организовываться судебные заседания посредством видеоконференцсвязи, а в ряде случаев судебные заседания будут рассматриваться и проводиться без участия сторон, поскольку все необходимые документы будут ими представлены в суд с приложением необходимых материалов.

Список источников:

1. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808 «Об ограничительных

мерах в судах в связи с угрозой распространения на территории РФ коронавирусной инфекции (2019-nCoV)» [Электронный ресурс] // «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347974/ (дата обращения: 04.06.2020)

2. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 29 апреля 2020 года № 822 «О порядке работы судов в период угрозы распространения на территории России коронавирусной инфекции» (с изменениями на 29 апреля 2020 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации URL: <http://docs.cntd.ru/document/564630656> (дата обращения: 04.06.2020)

3. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 05.11.2019) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [Электронный ресурс] // «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209690/ (дата обращения: 04.06.2020)

4. Коронавирус: С 30 марта по 1 апреля все отделения почты в Саратовском регионе будут закрыты [Электронный ресурс] // «Саратов-24» URL: <https://saratov24.tv/news/koronavirus-s-30-marta-po-1-aprelya-vse-otdeleniya-pochty-v-saratovskom-regione-budut-zakryty/> (дата обращения: 05.06.2020)

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ (в ред. 24.04.2020) от 14.11.2002 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 4099.

6. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 [Электронный ресурс] // «КонсультантПлюс» URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/obzor_sudpr_210420.pdf (дата обращения: 05.06.2020)

Чекмарева Анастасия Валериевна
*доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ

Аннотация: рассматриваются отдельные проблемы судебного доказывания добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей в цивилистическом праве и процессе. Автор приходит к выводу, что изменение гражданского законодательства оказало влияние на процессуальное правоприменение, в связи с чем, в процессуальном законодательстве должны найти отражение положения, закрепляющие активную роль суда в установлении недобросовестного поведения стороны.

Ключевые слова: принцип добросовестности, злоупотребление правом, права и обязанности сторон, гражданский процесс, судебная защита гражданских прав.

Добросовестность, как юридическая категория, привлекает особое внимание исследователей в последнее десятилетие. С 2013 года «добросовестность» возведена в основополагающий принцип гражданского права. Тем не менее, обязанность добросовестного поведения предполагается не только в случае осуществления, но и защиты гражданских прав. Именно судебной форме защиты на сегодняшний день отдается предпочтение участниками гражданских правоотношений. В связи с этим следует признать наличие межотраслевого характера реализации принципа добросовестности.

В отличие от ГК РФ, процессуальное законодательство не закрепляет добросовестность в качестве принципа, что нельзя признать правильным. Однако законодательно установлена обязанность лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ, ч. 2 ст. 41 АПК РФ, ч. 6 ст. 45 КАС РФ).

Одна из проблем, исследуемых в рамках обозначенной темы, касается особенностей применения норм гражданского законодательства при рассмотрении и разрешении дела в суде. Пленум Верховного суда РФ в Постановлении от 23 июня 2015 г. №25 от 23.06.2015

№ 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» рекомендует при оценке действий сторон исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей. При этом необходимо обратить внимание на закрепленную в ч. 5 ст. 10 ГК РФ презумпцию добросовестности, в соответствии с которой добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается, пока не доказано обратное. Таким образом, указанная презумпция изменяет общее правило о распределении обязанностей по доказыванию, освобождая одну сторону от доказывания добросовестности своих действий и возлагая бремя доказывания на сторону, которая ссылается на факт недобросовестности противоположной стороны.

Следует также обратить внимание на опровержимый характер презумпции добросовестности, и учитывать это при ее применении. Так, при наличии доказательств, свидетельствующих о недобросовестном поведении стороны по делу, эта сторона несет бремя доказывания добросовестности и разумности своих действий. В этой связи показателен следующий пример из судебной практики.

Истец (Банк) обратился в суд с иском о признании недействительными договоров купли-продажи долей общества, заключенных компанией с фирмой и гражданином, и о применении последствий недействительности данных сделок. В ходе судебного разбирательства истец ссылался на недобросовестное поведение продавца и покупателя, указывая на факт продажи компанией в преддверии ее банкротства единственного актива (долей общества) за символическую цену – десять тысяч рублей, последующую перепродажу долей, и другие обстоятельства. В удовлетворении требований судом первой инстанции было отказано. Апелляционная инстанция оставила в силе решение, указав, что отсутствие добросовестности покупателей при определении ими цены договоров не может являться основанием для признания данных договоров недействительными. Верховный Суд отменил судебные акты, направив дело на новое рассмотрение, поскольку судами не были исследованы обстоятельства, свидетельствующие о недобросовестности сторон, несмотря на то, что они имели существенное значение для дела. Кроме того, суды не учли, что истец представил достаточные доказательства недобросовестности продавца и покупателя, которые при заключении оспариваемой сделки действовали с намере-

нием причинить вред истцу. В связи с этим, именно на ответчиков переходит бремя доказывания того, что сделка совершена в интересах контрагентов, по справедливой цене, а не для причинения вреда кредитору путем воспрепятствования обращению взыскания на имущество и имущественные права должника.

Стоит отметить, что Пленум Верховного суда РФ в указанном Постановлении допускает возможность признания поведения стороны недобросовестным не только по заявлению одной из сторон, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. Однако процессуальное законодательство не содержит подобного положения, расширяющего роль суда и отчасти ограничивающего действие принципа диспозитивности. Не установлены в процессуальном законодательстве и требования к форме и содержанию заявления стороны о недобросовестном поведении, а также действия суда, которые должны последовать в случае подачи такого заявления. Полагаем, что действия стороны могут быть расценены с позиции ч. 1 ст. 35 ГПК РФ, как объяснения, данные в устной или письменной форме. Что касается активной роли суда в этом вопросе, то отчасти это объясняется положением ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, в соответствии с которой суд наделен правом выносить на обсуждение обстоятельства, имеющие значение для дела, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались. Однако нельзя признать тождественными правомочия «выносить на обсуждение обстоятельства» и «признать поведение недобросовестным по инициативе суда». Очевидно, что Верховный Суд РФ в указанном Постановлении вновь вышел за пределы лишь толкования и разъяснения нормы права, в связи с чем, считаем необходимым закрепление в гражданском процессуальном законодательстве права суда признать поведение стороны недобросовестным по своей инициативе.

Итак, последствием установления факта недобросовестного поведения одной из сторон, в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения, будет являться отказ в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применение иных мер, обеспечивающих защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (ст. 10 ГК РФ). А.Н. Кузбагаров полагает, что в случае заявления стороны о недобросовестном поведении в материальных правоотношениях, вопрос об отказе в защите права целесообразно решать уже на стадии подготовки граждан-

ского дела к судебному разбирательству [1, с. 419]. Разделяя в целом мнение автора о необходимости повышения культуры участников гражданского оборота, позволим себе не согласиться с указанным предложением, поскольку факты, которые необходимо установить для правильного разрешения дела, носят материально-правовой характер. Для выяснения наличия или отсутствия их существования требуется тщательное исследование и оценка доказательств, что может быть осуществлено только в ходе судебного разбирательства. В настоящее время вынесение решения об отказе в иске на стадии подготовки дела к судебному разбирательству возможно только в случае заявления ответчиком возражения относительно пропуска истцом без уважительных причин срока исковой давности или срока обращения в суд. Подобное право суда вполне обоснованно, поскольку в данном случае исследуется процессуальный вопрос, который вполне может быть разрешен без исследования фактических обстоятельств дела.

Процедура доказывания факта злоупотребления правом, достаточно сложна в связи с отсутствием четких критериев оценки таких социально-психологических категорий, как вина, умысел. Очевидно, что подобные критерии вряд ли могут быть выработаны и закреплены в процессуальном законодательстве. Процесс оценки доказательств представляет собой особую мыслительную деятельность судьи, сочетающую в себе правовые, психологические и логические аспекты. Судья оценивает доказательства, исходя из своего внутреннего убеждения, на которое могут повлиять различные факторы: характеристика стороны, ее поведение в ходе судебного разбирательства, общественное мнение, чувство ответственности и т.д. [2, с. 107].

Тем не менее, в случае выявления отклонения действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения, судье необходимо определить, какие юридически значимые обстоятельства необходимо включить в предмет доказывания, разъяснить сторонам, какими доказательствами они могут быть подтверждены ли опровергнуты, на ком лежит бремя доказывания. Например, в предмет доказывания могут входить следующие факты: 1) факт наличия права, предусмотренного нормативно-правовым актом или договором; 2) факт реализации права; 3) осуществление конкретного права с целью причинения вреда другому лицу; 4) причинно-следственная связь между реализацией права и причиненным вредом. Представленные доказательства должны проверяться судьей в со-

ответствии с правилами оценки доказательств: относимости, допустимости, достоверности, достаточности.

Итак, рассмотрение отдельных проблем добросовестного поведения сторон в материальных правоотношениях и связанных с этим вопросов судебного доказывания позволяет прийти к выводу о том, что категория «добросовестность» носит межотраслевой характер, являясь значимым началом осуществления прав и исполнения обязанностей, находясь в сфере морально-этических основ правового регулирования. Изменение гражданского законодательства оказало влияние на процессуальное правоприменение, в связи с чем в процессуальном законодательстве должны найти отражение положения, закрепляющие активную роль суда в установлении недобросовестного поведения стороны. Кроме того, введение принципа добросовестности в процессуальное законодательство будет способствовать добросовестному осуществлению процессуальных прав, исполнению обязанностей в целях правильного и своевременного разрешения дела.

Список источников:

1. *Кузбагаров А.Н.* Добросовестность потребителя: материально- и процессуально-правовой аспекты // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. Науки, 2017, Т. 159.
2. *Решетникова И.В.* Доказывание в гражданском процесс: учеб-практ. пособие. М., 2010.

Шкромада Ирина Николаевна

*старший преподаватель кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УПРОЩЕННЫХ ФОРМ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: в статье затрагиваются вопросы, связанные с работой судов в условиях осложненной эпидемиологической ситуации. Упрощенное и приказное производства рассматриваются как оптимальные формы разрешения дел в условиях пандемии. Делаются предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, упрощенное производство, приказное производство, цифровизация гражданского судопроизводства, электронное правосудие.

В 2020 году с целью предупреждения распространения коронавирусной инфекции повсеместно стали вводиться ограничительные меры. Суды общей юрисдикции не стали исключением.

Постановлением Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808 «Об ограничительных мерах в судах в связи с угрозой распространения на территории РФ коронавирусной инфекции (2019-nCoV)» [1] работа судов была ограничена. На основании указанного постановления суд принимал документы только через электронные интернет-приемные или по почте России, а личный прием граждан был сведен к минимуму. Рассмотрению подлежал ряд дел безотлагательного характера, а также в порядке приказного и упрощенного производств. Очевидно, что такой выбор категорий рассматриваемых дел был продиктован необходимостью уменьшения количества контактов граждан, в том числе в помещениях судов. Законодательная конструкция, закрепляющая возможность рассмотрения гражданских дел без проведения судебного заседания лишь на основании представленных документов, а следовательно, без личного контакта граждан и судей оказалась самой выигрышной с точки зрения профилактики распространения коронавирусной инфекции. Несмотря на то, что указанные ограничения продлились недолго и уже в мае 2020 года суды вернулись в обычный режим работы, стало очевидно, что гражданское процессуальное законодательство нуждается в совершенствовании.

Одним из приоритетных направлений развития судебной системы Российской Федерации является информатизация судебной системы и внедрение современных информационных технологий в деятельность судов. Представляется оправданной точка зрения о том, что при отправлении правосудия именно цифровые технологии способствуют оптимизации отдельных этапов процесса, существенно упрощая или ускоряя разрешение дела [2, с. 58–67].

В мероприятиях Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» предусматривалось обеспечение возможности использования гражданами информационных технологий на каждом этапе судебного процесса с момента обращения в суд и до окончания рассмотрения дела. Предполагалось создание условий для электронного судопроизводства, предусматривающего упрощение процедур подачи в суд исковых заявлений, жалоб в электронном виде, получения копий документов и ознакомления с материалами дела [3].

В 2016 году в ГПК РФ были внесены изменения, закрепляющие возможность подачи в суд заявлений, жалоб и представлений в электронном виде, в том числе в форме электронного документа посредством сети «Интернет». Подробный порядок подачи в суды электронных документов был утвержден Приказами Судебного департамента при Верховном Суде РФ [4].

В настоящее время в России наиболее перспективными для перехода на электронное правосудие являются упрощенные формы гражданского судопроизводства – приказное производство и упрощенное производство, поскольку не требуют проведения судебного заседания, а дело разрешается на основании документов, представленных в письменной форме. На наш взгляд, значительному повышению доступности правосудия, а также уменьшению судебных издержек может способствовать упрощение подачи электронных документов в суд в рамках приказного и упрощенного производств.

В настоящее время Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 и Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11 сентября 2017 г. № 168 закрепляют необходимость подписания электронного документа усиленной квалифицированной электронной подписью, в то время как для заверения электронного образа документа может использоваться простая электронная подпись. Получение усиленной квалифицированной электронной подписи – довольно длительный процесс, требующий дополнительных затрат, а создание электронного

образа документа требует наличия дополнительных технических возможностей. Все это усложняет процесс обращения в суд посредством сети «Интернет».

Считаем, что в рамках приказного и упрощенного производств достаточным будет заверение заявления, являющегося электронным документом, созданным без предварительного документирования на бумажном носителе, простой электронной подписью.

Подобный механизм обращения граждан за судебной защитой может эффективно применяться не только в сложной эпидемиологической ситуации, но и способствовать повышению доступности правосудия, уменьшению судебных издержек и развитию институтов приказного и упрощенного производств в повседневной практике.

Список источников:

1. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. N 808 Об ограничительных мерах в судах в связи с угрозой распространения на территории РФ коронавирусной инфекции (2019-nCoV) // Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/73759931/#ixzz6WVDVv3Wz> (дата обращения: 29.08.2020).

2. Кузнецов М.Н. Влияние цифровизации на некоторые руководящие начала гражданского судопроизводства // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 2 (38). С. 58–67.

3. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», утв. постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (в ред. от 21.05.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа», Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11 сентября 2017 г. № 168 «Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // СПС «КонсультантПлюс».

Юдин Андрей Владимирович

*доктор юридических наук, и. о. заведующего кафедрой
гражданского процессуального и предпринимательского права
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королёва*

КОДЕКС АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РФ И ПРОБЛЕМА ПРИМЕНИМОГО МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация: Кодекс административного судопроизводства в качестве применимого материального права имеет нормы административного права, которые в настоящий момент не кодифицированы. В тезисах анализируется влияние данного фактора на административное судопроизводство, при котором процессуальные нормы вынуждены отчасти принимать на себя функции регулятора административных правоотношений, составляющих одновременно предмет защиты.

Ключевые слова: административное судопроизводство, правоприменение, нормы административного права, материальное и процессуальное, применимое право

В части 1 статьи 15 КАС РФ перечислены различные источники административного права (Конституция РФ, федеральные законы и др.), на основании которых суды разрешают административные дела. Это достаточно традиционное установление процессуальных кодексов (аналогичные положения содержатся в статье 11 ГПК РФ, статье 13 АПК РФ) относительно применимого материального права, применительно к административному судопроизводству обнаруживает одну существенную особенность, которая отражается на самой его организации. Если в гражданском и арбитражном процессе нормативной основой правоприменительной деятельности служит Гражданский кодекс РФ, то в административном судопроизводстве такой акт отсутствует. КоАП РФ не может претендовать на роль такого акта, поскольку, как известно, дела о привлечении к административной ответственности и об оспаривании постановлений о привлечении к административной ответственности не рассматриваются по правилам КАС РФ (часть 5 статьи 1).

В доктрине административного судебного права связь процессуального и материального права объясняется традиционно: «суд

разрешает административное дело на основе норм материального административного права в процессуальных рамках и процессуальными средствами, определяемыми судебным административным правом» [1]. Однако в литературе профессором И. В. Решетниковой, при характеристике структуры доказывания по делам административного судопроизводства, было обращено внимание на то, что «к фактам материально-правового характера можно отнести те, которые упоминаются в нормативных актах публично-правового характера. Применительно к делам публично-правового характера, подлежащим рассмотрению на основании КАС, нет единого кодифицированного акта» [2, с. 118–119].

В административном судопроизводстве суд применяет нормы административного права, содержащиеся в отдельных федеральных законах и законах субъектов РФ, посвященных той или иной области государственного управления, урегулированных с той или степенью полноты и определенности. Возникает вопрос: насколько значимым является факт отсутствия кодифицированного акта для административного судопроизводства? Влияет ли данное обстоятельство на процессуальную форму рассмотрения административных дел?

На первый взгляд, автономность материального и процессуального права позволяет констатировать отсутствие подобной зависимости; на процедуру судебного рассмотрения административных дел не влияет качество применяемых административных материальных норм, главное то, что созданный процессуальный регламент предназначен для рассмотрения и разрешения споров о праве, стороны которого связаны властеотношением, то не равны между собой в материально-правовом смысле.

Между тем, такое суждение было бы поспешным. Хотя зависимость обособленного процессуального порядка рассмотрения дел от наличия кодифицированного акта и не стоит абсолютизировать, можно отметить, что КАС РФ был принят не с опорой на кодифицированные нормы материального административного права, а призван был обслуживать целый массив административно-правовых нормы, разрозненных между собой. Это имело ряд последствий, которые можно свести к следующим:

1. КАС РФ фактически обслуживает отдельные группы административных материально-правовых отношений (законодательства о кадастровой оценке, избирательного законодательства, привлечения судей к дисциплинарной ответственности, недобровольной

психиатрической помощи и др.), то есть превращается в свод законодательных установлений по рассмотрению конкретных дел, тогда как общий порядок рассмотрения административных дел, предполагаемый КАС РФ, фактически не соотносен с какими-либо делами, порядок рассмотрения которых не был бы достаточно подробно описан в его «особенной части», на что встречается указание в литературе [3, с. 41]. Не существует административно-правового спора в общем смысле, то есть спора, который бы не был соотносен с какой-либо отдельной категорией административных дел, помещенных в КАС РФ. В отличие от этого, в ГПК РФ и АПК РФ нельзя обнаружить подобного реестра гражданско-правовых споров искового производства.

2. КАС РФ вынужден брать на себя функции материально-правового регулятора отношений, неурегулированных или недостаточно урегулированных в нормах материального административного права. То есть его предметом оказался не только процессуальный порядок рассмотрения дел, но и материально-правовые критерии (условия), служащие для суда основанием к принятию решения того или иного содержания. Это примерно тоже самое, если бы ГПК РФ содержал основания для привлечения к деликтной ответственности или основания для привлечения к ответственности за нарушение обязательств. Подобная логика заставляет властного адресата административно-правовых норм сверять свое поведение в сфере государственного управления не только с требованиями материальных законов, но и с содержанием процессуальных норм КАС РФ с тем, чтобы суд впоследствии не аннулировал принятое решение или совершенное действие по административному иску заинтересованного лица.

Другим следствием отмеченного положения является парадоксальная ситуация, при которой факты, составляющие предмет доказывания по делу, зачастую черпаются не из материального закона, а из закона процессуального. Как верно замечает И.В. Решетникова, «материально-правовые нормы, определяющие обстоятельства предмета доказывания для административных дел, «разбросаны» по огромному количеству отдельных федеральных законов, в том числе кодифицированных правовых актов... довольно часто нормы процессуального права (КАС) содержат указание на обстоятельства, подлежащие доказыванию, т.е. на предмет доказывания» [2, с. 118–119].

3. Отсутствие единой материально-правовой основы КАС РФ ведет к тому, что акцент в регулировании делается на охранительной,

а не на регулятивной составляющей. КАС РФ регламентирует, что составляет нарушение или отклонение от нормы, но не всегда в административном законодательстве можно обнаружить, что составляет «норму». Например, каким должен быть административный акт с точки зрения формы и содержания с тем, чтобы суд не признал его незаконным по правилам КАС РФ.

4. Кодифицированный нормативно-правовой акт, служащий материально-правовой основой административного судопроизводства, важен не сам по себе (не «кодекс ради кодекса»; это вполне может быть один или несколько федеральных законов), а лишь постольку, поскольку он позволил бы институты общей части административного права универсализировать для целей всей правоприменительной административно-судебной деятельности.

5. Сложившееся положение оказывает влияние на отдельные нормы и институты административного судопроизводства. Так, можно предположить, что сложности квалификации юридического дела в качестве гражданского или административного для целей определения компетенции суда по его рассмотрению в том или ином порядке – есть следствие и проблема не процессуального, а материального законодательства, нечетко разграничивающего отдельные области правоотношений.

Все изложенное обуславливает вывод о необходимости развития и совершенствования материально-правовой основы КАС РФ, которое могло бы способствовать усовершенствованию и самого административного судопроизводства. Данный факт констатируется и учеными-административистами [4, с. 40–43]. Как пишет Ю.Н. Стариков, «административное процессуальное законодательство (административное судопроизводство) будет в ближайшей перспективе развиваться под непосредственным влиянием юридических новелл из материального административного права. Ведь когда речь идет о порядке рассмотрения административных дел об оспаривании административных актов, то недостатки материального и процедурно-правового регулирования порядка принятия и действия административных актов (по сути, отсутствие федерального закона «Об административных процедурах») оказывают влияние и на разрешение административных конфликтов, вызванных применением административных актов» [5, с. 123–124]. С.В. Ярковой вынужден констатировать, что «в полной мере не разработана и не нашла практического воплощения теория ничтожности и недействительности административных актов, в едином ключе не

определены и не закреплены в административно-процессуальном законодательстве фактические и правовые основания для признания указанных актов и действий (бездействия) незаконными (недействительными) и их отмены (аннулирования), а также характер и виды юридических последствий подобной оценки данных актов, действий (бездействия)» [6, с. 33-37]. Позитивным примером в этом плане может служить зарубежный опыт правового регулирования. Так, в Германии действует Закон об административном производстве от 25.05.1976, который, понимая под административным производством «деятельность административных органов, которая направлена на проверку наличия условий, подготовку и издание административного акта либо на заключение публичного договора», закрепляет принципы административного производства, сроки, форму и содержание административных актов, его действие, толкование, последствия, исправление ошибок, основания ничтожности и др. [7, с. 16].

Можно видеть, что и отечественный законодатель в последнее время реализует интересные правовые решения в этой сфере. Так, был принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», регламентирующий принципы, предмет, объекты, организацию контроля и надзора, правовой статус субъектов данных отношений, гарантии и защиты прав контролируемых лиц, вопросы профилактики рисков причинения вреда (ущерба), правила исчисления сроков и оформления результатов контрольных мероприятий, правила исполнения принятых решений и другие вопросы. В эту же дату был принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», который «определяет правовые и организационные основы установления и оценки применения содержащихся в нормативных правовых актах требований» (часть 1 статьи 1).

Дальнейшие шаги законодателя в этом направлении позволят повысить эффективность административного судопроизводства, которое в настоящий момент является уязвимым, в том числе по критерию недостаточности своей материально-правовой основы.

Список источников:

1. *Зеленцов А.Б., Ястребов О.А.* Судебное административное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: Статут, 2017.

2. Административное судопроизводство: учебник для студентов высших учебных заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр) / под ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2016.

3. *Воронов А.Ф.* Подведомственность дел, возникающих из публичных правоотношений // Административное судопроизводство: учебник для студентов юридических вузов, факультетов и юристов, повышающих квалификацию. 1-е изд. / под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец, 2017.

4. *Грищенко Л.Л., Хожанова И.А.* К вопросу о кодификации административного права // Административное право и процесс. 2018. № 9.

5. *Стариков Ю.Н.* Административное судопроизводство и КАС РФ: к прекращению дискуссии о его отраслевой процессуальной принадлежности, уникальности, самостоятельности, избыточности или несостоятельности // Судебные и несудебные формы защиты гражданских прав: сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Елены Ивановны Носыревой / отв. ред. Д.Г. Фильченко. М.: Инфотропик Медиа, 2020. С. 123–124.

6. *Ярковой С.В.* Отмена и признание незаконными (недействительными) административных актов как способы обеспечения законности административной правоприменительной деятельности // Административное право и процесс. 2020. № 3.

7. Административное процессуальное право Германии: Закон об административном производстве; Закон об административно-судебном процессе; Законодательство об исполнении административных решений: пер. с нем. / [В. Бергманн, введ., сост.]. М.: Волтерс Клувер, 2007.

Юсупова Асия Наилевна

*к.ю.н., доцент кафедры арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос судебного представительства в гражданском процессе, особенности полномочий адвоката, право на доступ к правосудию.

Ключевые слова: гражданский процесс, правосудие, судебный представитель.

Право на доступ к правосудию является основной гарантией, которая должна в полной мере обеспечиваться в правовом и демократическом государстве, а его нарушение влечет ущемление гарантированного Конституцией Российской Федерации права на защиту гражданами своих прав и законных интересов.

Профессионализм судебных представителей является важным фактом, влияющим на качество отправления правосудия в состязательном процессе, поэтому наличие высшего юридического образования у представителя является первым и необходимым шагом к улучшению качества оказываемых представительских услуг и достижению наибольшей эффективности судебного разбирательства.

Концепция Единого ГПК РФ, принятая в декабре 2014 года, закрепляла необходимость включения отдельной статьи в действующий ГПК, которая будет содержать процессуальный статус представителя как иного участника процесса. Указанное отнесение представителя в состав иных участников процесса оправдано, потому что позволяет указать на его процессуальный статус в разбирательстве дела, поскольку представитель действует в процессе наряду с представляемыми им лицами, участвующими в деле, не входя, тем не менее, в их круг [1]. Назначение и положение представителя также в корне отличается и от лиц, содействующих осуществлению правосудия.

Особенности полномочий адвоката в гражданском процессе состоят в том, что они регламентируются не только гражданским процессуальным законодательством, но и законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре. В связи с этим адвокат-пред-

ставитель имеет организационно-правовой и гражданско-процессуальный статусы, характеризующиеся единством и взаимосвязью. Иными словами, правовому положению адвоката-представителя присуща комплексность, обладающая межотраслевым характером.

Следует отметить, что представительство в судах общей юрисдикции регулируется нормами гл. 5 ГПК РФ, гл. 10 ГК РФ и Закона об адвокатуре. Основываясь на системном толковании приведенных норм, следует сформировать вывод о том, что граждане наделены правом вести дела в судебном процессе не только лично, но и через своих представителей.

К числу судебных представителей относятся физические лица, на основании возложенных полномочий, выступающих в суде от имени представляемого. Основная цель представителей – эффективное оказание представляемому помощи в реализации имеющихся прав, достижения оптимального баланса интересов, предотвращения нарушений материальных и процессуальных правовых норм, содействия суду в процессе осуществления правосудия по гражданским делам [2, с. 41].

В настоящее время, весьма проблематично однозначно оценить место представительства в гражданском процессе, в связи с тем, что в данный институт включены такие правовые явления как оказание квалифицированной юридической помощи и представительство. При том последняя указанная категория в правоприменении вызывает значительное количество вопросов.

Само понятие представительства и его особенности в гражданском процессе активно изучалось в юридической доктрине. Одни ученые судебное представительство выделяли в самостоятельный правовой институт (Е.В. Васьковский, И.Е. Энгельман и др.), другие относили представительство к институту доверенности (Д.И. Мейер и др.).

Существенное отличие института представительства в гражданском процессуальном праве включает в себя баланс материальных и процессуальных правовых норм. По этой причине действия представителя основаны на взаимосвязи норм гражданского права и гражданского процессуального права.

Таким образом, представительство, как институт гражданского процессуального права, характеризуется правом сторон на поручение ведения дел в суде представителю. Представитель может реализовывать права доверителя как полностью, так и в части, и на этой основе выделяются следующие виды представительства: частичное; полное.

М.А. Видукут представительство определяет как процессуальное право лиц, которые участвуют в деле [3, с. 101].

В законе отражена природа представительства – гражданская процессуальная дееспособность, позволяющая осуществлять права в судебном процессе и поручать ведение дела представителю (ст. 37 ГПК РФ).

Соотношение позиций, отраженных в юридической доктрине и нормах законодательства показывает, что существующие в ГПК РФ нормы отождествляют субъективное право граждан с институтом представительства. Фактически указанный подход к трактовке правовой природы представительства не слишком приемлем. Такого мнения придерживается и В.Н. Иванкин, который указывает на то, что субъективное право иметь представителя в гражданском процессе – это лишь одна из составляющих института представительства [4, с. 56].

Подавляющее количество исследований, посвященных аспектам процессуального положения представителя, указывают, что представитель принимает участие в гражданском процессе вместо стороны. В соответствии с поставленной целью и задачами исследования, необходимо более подробно рассмотреть особенности участия в гражданском процессе адвоката-представителя, как субъекта, оказывающего квалифицированную юридическую помощь.

Р.А. Сидоров указывает на то, что представитель – это самостоятельный участник гражданского процесса. По мнению ученого, представитель обладает сложным процессуальным положением, в связи с тем, что им самостоятельно реализуются полномочия, определенные его доверителем и в то же время возлагаются самостоятельные процессуальные права и обязанности. В этой связи делается вывод о том, что представитель не может быть отнесен ни к лицам, участвующим в деле, ни к лицам, содействующим осуществлению судом правосудия [5, с. 8].

В гражданском процессе адвокат осуществляет деятельность строго в пределах предоставленных полномочий, по этой причине следует акцентировать внимание на вопросах, связанных с определением и оформлением полномочий, т.к. они обладают важным практическим значением и нуждаются в детальном изучении. Исходя из ч. 5 ст. 53 ГПК РФ, право адвоката на участие в гражданском процессе в качестве представителя удостоверяет ордер, выданный в установленном порядке. Форму ордера утверждает федеральный орган юстиции (ч. 2 ст. 6 Закона об адвокатуре). На сегодняшний

день действует форма, утвержденная Минюстом РФ [6]. С того момента, как ордер был предъявлен суду (а именно, с момента допуска адвоката к участию в процессе), адвокатом приобретает процессуальный статус представляемого, именно с данного момента появляются полномочия.

Рассматривая понятие полномочия, следует отметить, что это официально закрепленное право на ведение конкретной деятельности. Применительно к гражданскому процессу, полномочия адвоката – представителя являются правовыми возможностями для совершения процессуальных действий от имени другого лица. Данные полномочия фактически являются производными от субъективных прав. Важно отметить и то, что возникновение и последующее существование полномочий адвоката-представителя в гражданском процессе полностью зависят от волеизъявления представляемого лица.

Таким образом, содержание адвокатской деятельности заключается в конкретных процессуальных и непроцессуальных действиях, именно в них заключается смысл профессиональной деятельности адвоката по гражданским делам.

Список источников:

1. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)) // Доступ из СПС «Консультант» (дата обращения: 02.07.2020).
2. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. М.: Статут, 2014.
3. *Викун М.А.* Представительство в гражданском процессе // Гражданский процесс / под ред. К.С. Юдельсона. М.: Юрид. лит., 1972.
4. *Ивакин В.Н.* О совмещении правозащитничества и судебного представительства: уроки истории // Адвокат. 2010. № 6.
5. *Сидоров Р.А.* Представительство в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2003.
6. Приказ Минюста России от 10.04.2013 № 47 «Об утверждении формы ордера» (Зарегистрировано в Минюсте России 11.04.2013 № 28095) // Российская газета. 2013. № 80.

Якубяк Юлия Юрьевна

ассистент кафедры

*гражданского процессуального и предпринимательского права
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва»*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ О СУДЕБНОЙ НЕУСТОЙКЕ

Аннотация: в настоящий момент положения о судебной неустойке включены как в нормы материального права, так и в нормы процессуального права. В связи с этим встает вопрос о возможности применения норм права, закрепляющих положения о судебной неустойке, в отрыве друг от друга. Автор обосновывает позицию, согласно которой положения о судебной неустойке, закрепленные в нормах материального и процессуального права, должны применяться во взаимосвязи с целью недопущения привлечения должника к двойной ответственности.

Ключевые слова: судебная неустойка, должник, судебное решение.

Впервые в Российской Федерации возможность истца требовать по суду присуждения в его пользу денежных средств в случае неисполнения судебного решения предусмотрел Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в своем Постановлении № 22 от 04.04.2014 (далее по тексту – Постановление № 22). В дальнейшем, Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ в ст. 308.3 ГК РФ была включена норма, позволяющая суду по неденежному требованию кредитора присудить в его пользу денежные средства на случай неисполнения судебного акта. 24.03.2016 Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 84 своего Постановления № 7 (далее – Постановление №7) признал не подлежащим применению Постановление № 22 и разъяснил порядок применения судами ст. 308.3 ГК РФ.

03.08.2018 в соответствии со ст. 6 и 7 ФЗ РФ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ» №340-ФЗ от 03.08.2018 ст. 206 ГПК РФ была дополнена частью третьей и ст. 174 АПК РФ была дополнена частью четвертой, которые также закрепляли право истца на предъявление требований о присуждении в его пользу денежной суммы на случай неисполнения судебного акта.

Федеральным законом РФ «О внесении изменений в АПК РФ в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» № 171-ФЗ от 08.06.2020 АПК РФ был дополнен ст. 248.2, в соответствии с частью 10 которой арбитражный суд на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения по требованию заявителя вправе присудить в его пользу денежную сумму, подлежащую взысканию с лица, в отношении которого вынесен запрет инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже, находящихся за пределами территории Российской Федерации, на случай неисполнения им судебного акта. Размер подлежащей взысканию арбитражным судом денежной суммы не должен превышать размера исковых требований, предъявленных в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже, находящихся за пределами территории Российской Федерации, и понесенных стороной спора судебных расходов.

Таким образом, в настоящее время право истца на взыскание с должника денежных средств в случае неисполнения или несвоевременного исполнения судебного акта закреплено, как в нормах материального права (ст. 308.3 ГК РФ), так и в нормах процессуального права (ч. 3 ст. 206 ГПК РФ, ч. 4 ст. 174 АПК РФ, ч. 10 ст. 248.2 АПК РФ). В связи с этим логично возникает вопрос о правильном применении перечисленных норм.

Взыскание денежных средств с должника, который не исполнил или не своевременно исполнил судебный акт, на основании ГК РФ и ГПК РФ или АПК РФ, как самостоятельных мер материальной и процессуальной ответственности, приведет к фактическому взысканию одной и той же денежной суммы (судебной неустойки) дважды. Считаем, что применение каждой из перечисленных норм материального и процессуального права в отдельности друг от друга повлечет за собой возникновение риска привлечения должника к двойной ответственности за неисполнения судебного акта, что является недопустимым.

Положения о судебной неустойке закреплены в нормах материального права (ст. 308.3 ГК РФ). Учитывая, что названные нормы

процессуального права были введены в контексте внесения в законодательство изменений, связанных со спорами о сносе самовольной постройки (то есть дела, связанные с совершением определенных действий; неденежные требования), полагаем, что ч. 3 ст. 206 ГПК РФ, ч. 4 ст. 174 АПК закрепляют процессуальную форму реализации судебной неустойки и расширяют перечень судебных актов, за неисполнение которых с должника может быть взыскана судебная неустойка.

По нашему мнению, ч. 10 ст. 248.2 АПК РФ также закрепляет процессуальную форму реализации гражданско-правовой меры ответственности, предусмотренной ст. 308.3 ГК РФ, и дополняет перечень судебных актов, за неисполнение которых должник может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности за неисполнение судебного акта.

Из анализа перечисленных норм материального и процессуального закона следует, что ст. 308.3 ГК РФ (в сравнении с ч. 3 ст. 206 ГПК РФ, ч. 4 ст. 174 АПК, ч. 10 ст. 248.2 АПК РФ) ограничивает круг дел, по которым возможно присуждение судебной неустойки в пользу взыскателя. Буквальное толкование указанных норм процессуального права, учитывая, что они не содержат в себе положений, отсылающих к ст. 308.3 ГК РФ, позволяет сделать вывод о том, что судебная неустойка может быть применена не только в случаях, указанных в ст. 308.3 ГК РФ. Следовательно, возникает коллизия перечисленных норм материального и процессуального права.

В настоящий момент при удовлетворении требований истца о взыскании судебной неустойки, суды исходят из системного анализа статьи 308.3 ГК РФ и статьи соответствующего процессуального кодекса, и применяют рассматриваемые нормы материального и процессуального права во взаимосвязи, а не в отрыве друг от друга (см., например, апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.03.2020 № 33-4147/2020 по делу № 2-3471/2019; апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 19.03.2020 по делу № 33-10509/2020; определение Верховного суда Республики Татарстан от 17.06.2019 по делу № 33-10228/2019; апелляционное определение Новосибирского областного суда от 23.04.2020 по делу № 33-3699/2020; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.10.2019 по делу № А56-27566/2017; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 04.07.2019 № Ф10-2248/2019 по делу № А14-2338/2017).

Таким образом, складывающаяся в настоящее время судебная практика позволяет сделать вывод о том, что ст. 308.3 ГК РФ и названные выше нормы процессуального права представляют собой не разные самостоятельные меры ответственности должника за неисполнение судебного акта, а единый правовой механизм, целью которого является побуждение должника к своевременному исполнению судебного акта.

По нашему мнению, рассматриваемые в настоящей статье нормы, стоит рассматривать в качестве формы и содержания, где содержанием будет выступать положения о судебной неустойке, закрепленные в ст. 308.3 ГК РФ, а процессуальная форма их реализации закреплена в ч. 3 ст. 206 ГПК РФ, ч. 4 ст. 174 АПК РФ и ч. 10 ст. 248.2 АПК РФ.

Стоит также отметить, что в ст. 308.3 ГК РФ закреплён специальный случай привлечения должника к гражданско-правовой ответственности за неисполнение обязанности, установленной судебным решением. В свою очередь, общее правило об ответственности должника за неисполнение им судебного акта теперь закреплено в указанных нормах процессуального права. В целях приведения в соответствие рассматриваемых норм материального и процессуального права, считаем, что применение судебной неустойки в качестве общего правила допустимо по всем гражданско-правовым спорам, не связанным с взысканием денежных средств, с учетом характера спора.

Таким образом, ст. 308.3 ГК РФ, ч. 3 ст. 206 ГПК РФ, ч. 4 ст. 174 АПК РФ и ч. 10 ст. 248.2 АПК РФ закрепляют положения о судебной неустойке, которая взыскивается с должника за неисполнение им судебного решения о понуждении к исполнению обязательства в натуре, судебного решения, которым удовлетворен негативный иск и судебного акта, который обязывает лицо совершать определенные действия, не связанные с передачей имущества или денежных сумм, а также взыскивается с лица, в отношении которого вынесен запрет инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже, находящихся за пределами территории Российской Федерации, на случай неисполнения им судебного акта.

СОДЕРЖАНИЕ

Абушенко Д. Б. ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СООТВЕТЧИКА ПО ВИНДИКАЦИОННОМУ ИСКУ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ СПОРНОГО ОБЪЕКТА ВО ВРЕМЕННОЕ ВЛАДЕНИЕ	3
Агаларова М. А. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ ПО ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ВВЕДЕНА ОГРАНИЧИТЕЛЬНАЯ МЕРА	7
Айбатулина А. К. К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДА СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ	10
Айрапетян Ю. В. КВАЛИФИЦИРОВАННОЕ МОЛЧАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЯ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПРИЗНАННЫХ СУДОМ ОБЩЕИЗВЕСТНЫМИ	15
Алешукина С. А. ПОЛУЧЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИЙ СОДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ	19
Андрианова М. В. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЛИЦ, НЕ ПРИВЛЕЧЕННЫХ К УЧАСТИЮ В ДЕЛЕ, КАК СУБЪЕКТОВ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ	26
Артебякина Н. А. О НЕКОТОРЫХ СРЕДСТВАХ ОПТИМИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: КОГДА УПРОЩЕНИЕ ПРИВОДИТ К УСЛОЖНЕНИЮ	29
Артизанов А. И. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ	33

Афанасьев С. Ф.	
О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ» И «ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА» ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ	39
Ахмедов А. Я.	
ЗАЧЕТ ПО ТРЕБОВАНИЮ, ПРЕДЪЯВЛЕННОМУ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ	43
Ахмеров Р. А.	
О ПОРЯДКЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДЕЛ МЕЖДУ СУДЬЯМИ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ	48
Балашова И. Н.	
О НЕДОПУСТИМОСТИ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩЕГО АРБИТРАЖНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ	52
Бардин Л. Н.	
К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ ГАРАНТИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 46 И 48 КОНСТИТУЦИИ РОССИИ	57
Барсукова В. Н.	
ЗНАЧЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ КОНВЕНЦИОННЫХ ОРГАНОВ В ВОПРОСАХ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЧЕЛОВЕКА	61
Батурина Н. А.	
ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ ФГБОУ ВО «СГЮА»)	66
Бахарева О. А.	
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОСЛЕДСТВИЙ, ВЫЗВАННЫХ НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ПОДСУДНОСТИ	71
Блажнова Л. А.	
ЭЛЕКТРОННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО КАК ИННОВАЦИЯ И ТРАДИЦИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ЮРИСДИКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	74
Богданова Т. В.	
ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ	78

Борисова В. Ф. СМС-СООБЩЕНИЕ КАК СПОСОБ СУДЕБНОГО ИЗВЕЩЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	82
Боярова Т. В. ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ	87
Брянцева О. В. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА	93
Валеев Д. Х., Федяев Д. А. МАКСИМИЗАЦИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	97
Васильева П. В. ОСНОВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ В ИСКОВОМ И ОСОБОМ ПРОИЗВОДСТВАХ	106
Вершинина Г. И. НУЖНЫ ЛИ ТАЙНА УСЫНОВЛЕНИЯ И ТАЙНА ОТМЕНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ?	111
Волкова С. С., Раранский И. Д. ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ УЧАСТИЯ НЕДОБОРОСОВЕСТНЫХ УЧАСТНИКОВ В ЭЛЕКТРОННЫХ АУКЦИОНАХ, ПРОВОДИМЫХ НА ОСНОВАНИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 05.04.2013 № 44-ФЗ	114
Волкова Т. В. СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ	119
Воронин А. В. ПРИМЕНЕНИЕ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	122
Воронцова И. В. ОБ ОПЫТЕ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ	125

Галас Е. М. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НОРМ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ НАЗНАЧЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	129
Галузина К. А., Шеменова О. Н. К ВОПРОСУ ОБ УНИФИКАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ГПК РФ, АПК РФ И КАС РФ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВО, СВЯЗАННОЕ С ИСПОЛНЕНИЕМ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ И ПОСТАНОВЛЕНИЙ ИНЫХ ОРГАНОВ	133
Гинзбург И. В., Аграшева О. Е. ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	137
Григорьева Т. А. УЧАСТИЕ АДВОКАТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ В АСПЕКТЕ ИСКОВОЙ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ	142
Евтухович Е. А. РЕГЛАМЕНТ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА	147
Ермаков А. Н. МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ: НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ	152
Жуйкова А. А. УСЛОВИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ (НА ПРИМЕРЕ СПОРОВ О ЗАЩИТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ)	157
Жукова О. В. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ ПРИ ПЕРЕСМОТРЕ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	162
Зайчиков Я. В. ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ	166

Зарубина М. Н. ЭЛЕКТРОННАЯ МОДЕЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ	170
Захарьяшева И. Ю. ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ	175
Зинковский М. А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ДОКАЗЫВАНИЯ ЗАЯВЛЕНИЯ О ПОДЛОЖНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	180
Золотухин А. Д., Волчихина Л. А. К ВОПРОСУ О ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	184
Исаенков А. А. К ВОПРОСУ О ВИРТУАЛИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ	189
Исаенкова О. В. ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ АКТОВ: ТЕЗИСНО	193
Казарина Т. Н. СУДЕБНЫЙ ПРИМИРИТЕЛЬ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: К ВОПРОСУ О МЕСТЕ В СОСТАВЕ СУБЪЕКТОВ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	196
Карпова А. А. РЕШЕНИЕ СУДА О ПРИЗНАНИИ НИЧТОЖНОЙ СДЕЛКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПЕРЕСМОТРА ВСТУПИВШЕГО В ЗАКОННУЮ СИЛУ СУДЕБНОГО АКТА ПО НОВЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ	201
Катукова С. Ю. К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ ОСПАРИВАНИЯ АКТОВ О ВЗЫСКАНИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ВЫНЕСЕННЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ГОСУДАРСТВОМ ПУБЛИЧНЫМИ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ	207

Климова С. Н.
ИНСТИТУТ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА СУДОМ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 212

Князькин С. И.
ПРОБЛЕМЫ ТИПОВ ПРАВОПОНИМАНИЯ
В ПРОВЕРОЧНОЙ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ 215

Кобзаренко Е. М.
ОГРАНИЧЕНИЕ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ
КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ 219

Комарова Т. А.
О ЕДИНЕНИИ АРБИТРАЖНОГО И ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
НА ПРИМЕРЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ ПРИНЦИПА НЕПРЕРЫВНОСТИ
СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ИЗ ПОЛОЖЕНИЙ ГПК РФ 224

Кондюрина Ю. А.
ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ
ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 228

Котлярова В. В.
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПО ВНУТРЕННЕМУ УБЕЖДЕНИЮ СУДЬИ В ГРАЖДАНСКОМ
И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВАХ 232

Кощеева Е. С.
ФОРМИРОВАНИЕ СОСТАВА СУДА ПО ГРАЖДАНСКИМ
И АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ: ПРОБЛЕМА СПЕЦИАЛИЗАЦИИ СУДЕЙ 235

Крылова Е. В.
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ 240

Кузбагаров А. Н., Кузбагарова В. А.
К ВОПРОСУ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ИЛИ УСИЛЕНИИ ИНСТИТУТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ 243

Куручкин С. А. КОНЦЕНТРАЦИЯ ПРОЦЕССА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	248
Кухарева О. А. ТРАНСФОРМАЦИЯ СФЕРЫ ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ КАК ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	253
Лазарев С. В. УВЕЛИЧЕНИЕ РАЗМЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ КАК СРЕДСТВО ПО ОГРАНИЧЕНИЮ ПОСТУПАЮЩИХ В АРБИТРАЖНЫЕ СУДЫ ДЕЛ	255
Ласкина Н. В. ПОЛНОМОЧИЯ СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ПО ВОЗВРАЩЕНИЮ ДЕЛА СУДУ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ В АСПЕКТЕ ПЕРЕНОСА СЛОЖИВШЕЙСЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В РАЗРЯД ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ	259
Лебедев М. Ю. СУДЕБНЫЙ ПРИМИРИТЕЛЬ КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	262
Лимарь Т. Г. СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	267
Липатова Т. Б. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА	270
Маколкин Н. Н., Федяев Д. А. ЗНАЧЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ СПОРА	273
Малько Е. А. ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ . . .	278
Мамедов Р. Юсиф оглы, Калашова Х. Хагани кызы УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	280

Мартыненко И. Э. НОВЫЙ КОДЕКС О КУЛЬТУРЕ – НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ	284
Морковская К. С. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СЕРВИСОВ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	289
Мрастьева О. С., Казакова С. П. СУДЕБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ КАК НОВЫЙ ВИД ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	292
Мукарамова М. А. ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ И ФИКЦИЙ	296
Мусалов М. А. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	300
Назаров В. В., Рублев С. Н. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ	303
Нахова Е. А. ЭТАПЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	308
Небесная Е. О. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ (УДОЧЕРЕНИИ), В ТОМ ЧИСЛЕ ДЕЛ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ	312
Ненашев М. М. ЛИЦА, УЧАСТВУЮЩИЕ В ДЕЛЕ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ	316
Нигматдинов Р. М. О ДОСТИЖИМОСТИ ЦЕЛЕЙ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	320

Николайченко О. В.	
ОБЯЗАННОСТИ СУДА ПО ИСПОЛНЕНИЮ ПОРЯДКА УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА	323
Петрунева А. Н.	
ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ О ВЫДАЧЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЛИСТА НА РЕШЕНИЕ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА: ЦЕЛЬ, ПРЕДМЕТ И ОБЪЕКТ ПРОВЕРКИ. . . .	327
Плотников Д. А.	
ВЛИЯНИЕ СУЩНОСТИ ПРАВОСУДИЯ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	332
Попова Ю. А.	
РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ В СУД В ПОРЯДКЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	338
Потапенко Е. Г.	
АДАПТАЦИЯ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ВЗАИМНОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	342
Пугачёва Н. В., Самсонов Н. В.	
К ВОПРОСУ О ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТСМЕНОВ И ТРЕНЕРОВ	345
Рассахатская Н. А.	
ПРАВОВАЯ ПРОЦЕДУРА И ГРАЖДАНСКАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА	350
Савельева Т. А.	
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИНСТИТУТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ	353
Сатгарова З. З.	
ВОПРОСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СВЕТЕ РЕФОРМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	357
Свирин Ю. А.	
КОГЕРЕНТНОСТЬ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	362

Скобелев В. П. О НЕДОСТАТКАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ВОЗРАЖЕНИЙ НА АПЕЛЛЯЦИОННУЮ ЖАЛОБУ (ПРОТЕСТ)	367
Соловьёва Т. В. ПРИНЦИП НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА	373
Сторожкова Е. Ч., Кузнецов А. И. РАСКРЫТИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ	376
Сторожкова Е. Ч., Львова О. А. МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 28 НОЯБРЯ № 451-ФЗ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»	379
Султанов А. Р. ПРОЕКТЫ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ: БЛАГО ИЛИ ИСКУШЕНИЕ	383
Табак И. А. ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ – НЕОБХОДИМЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ В ПЕРЕХОДЕ НА ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ	387
Тенькаев А. Ю. ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ НЕИСКОВОГО ХАРАКТЕРА КАК ОСОБЫЙ ВИД СУДОПРОИЗВОДСТВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	391
Терехова Л. А. ТЕНДЕНЦИЯ УПРОЩЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ К СУДЕБНЫМ РЕШЕНИЯМ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТ	395
Ткачёва Н. Н. ТРЕБОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЯ ОБ УКАЗАНИИ ИДЕНТИФИКАТОРА ОТВЕТЧИКА ПРИ ОБРАЩЕНИИ В СУД КАК ПРЕПЯТСТВИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ	400

Трещева Е. А. ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ – ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	404
Тришина Е. Г. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СУДЕБНОЙ ОШИБКИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	408
Туманова Л. В. АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ДОЛЖНО СПЕШИТЬ ЗА ИЗБИРАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ	411
Ульянова М. В. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДЕЛАХ О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ	417
Усольцева З. А. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АДМИНИСТРАТИВНОГО ИСКА ОБ ОСПАРИВАНИИ НОРМАТИВНОГО ТАРИФНОГО ПРЕДПИСАНИЯ	420
Усцов Д. К. О НАДЛЕЖАЩЕМ СУБЪЕКТНОМ СОСТАВЕ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О НАСЛЕДОВАНИИ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА	424
Федчун А. В. ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЯ СУДА ПО ДЕЛАМ О ВЗЫСКАНИИ ДОЛГОВ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ	429
Филиппов С. А. СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУД ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ. СЕМЕЙНЫЕ СУДЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	434
Фильченко Д. Г. КОНТРОЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ЗА РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СТОРОН КАК ПРЕДМЕТ ПРОВЕРКИ ПРИ ОБЖАЛОВАНИИ СУДЕБНЫХ АКТОВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	438
Фильченко И. Г. ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ	442

Фиошин А. В.	
АСТРЕНТ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ: PRO ET CONTRA	446
Фомина О. Ю.	
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ В ОНЛАЙН-ЗАСЕДАНИЯХ. ПЕРСПЕКТИВЫ ДИСТАНЦИОННОГО УЧАСТИЯ	450
Фомичёва Р. В., Щербакова Л. Г.	
ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР АРБИТРАЖНОГО СУДА	455
Хасаншин Р. И., Билалов А. В.	
ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВВЕДЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО	458
Цепкова Т. М.	
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ВЫЗОВЫ И НОВАЦИИ	462
Чекмарева А. В.	
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ.	466
Шкромада И. Н.	
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УПРОЩЕННЫХ ФОРМ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	471
Юдин А. В.	
КОДЕКС АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РФ И ПРОБЛЕМА ПРИМЕНИМОГО МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВА	474
Юсупова А. Н.	
СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	480
Якубьяк Ю. Ю.	
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ О СУДЕБНОЙ НЕУСТОЙКЕ	484

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

*Сборник материалов
IV Международной научно-практической конференции,
посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА
(г. Саратов, 3 октября 2020 г.)*

В авторской редакции
Компьютерная верстка, дизайн – *М.А. Шульпин*

Подписано в печать 01.10.2020 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура «Cambria». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,37. Уч.-изд. л. 29,1. Тираж 120. Заказ № 200.

Издательство ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия».
410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Отпечатано в типографии издательства ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.